

Юрий Яньшин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Внешняя беговая

Юрий Витальевич Яньшин

Внешняя беговая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70519948

SelfPub; 2024

Аннотация

Волею судьбы, заброшенный на самые вершины власти, генерал Афанасьев отбивает нападения врагов со всех фронтов. Вот нейдет супостатам никак! В своей ненависти к России они готовы зайти слишком далеко. Но генералу помогают простые и непростые люди, а иногда и вовсе не люди. (обложка книги сгенерирована автором при помощи нейросети Kandinsky 2,2)

Юрий Яньшин

Внешняя беговая

Книга пятая (книга 5-я)

*Моему горячо любимому соавтору и критику,
моей маме – Морозовой Тамаре Павловне
посвящается*

*Умирать-то на войне
русские хорошо научились.
Вот только жить хорошо,
никак не научатся.
Пикуль В.С.*

Вступление

В отличие от жителей материковой части России, обитатели Белушьей отнеслись к вакцинации менее настороженно. Объяснялся этот феномен двумя причинами. Во-первых, подавляющее число жителей этого затерянного на краю земли уголка составляли люди военные, а значит дисциплинированные и законопослушные. Вторым фактором, оказавшим

влияние на их самосознание, явилось банальное трезвомыслие. Ибо каждый из них вполне себе осознавал, что в случае эпидемии рассчитывать на моментальное оказание все-сторонней помощи со стороны материка не придется, а объективная скученность на ограниченном пространстве, никак не поспособствует затуханию болезни, да и работа на «удаленке» самой спецификой их службы предусмотрена не была изначально.

Митрич, используя, только ему известные связи в высших эшелонах МО, правдами и неправдами, но добился того, чтобы люди, проживающие на руководимой им территории, получили свою дозу вакцины в приоритетном порядке. История умалчивает о том, какие аргументы в свою пользу он привел в разговорах с начальством, но уже к концу августа на взлетной полосе Белушьей, ревя от натуги всеми четырьмя двигателями, приземлился Ил-76 с восьмиконечной звездой на фоне российского триколора по борту и краткой надписью «МЧС России». А через 15 минут после приземления, по аппарели, сопровождавшие груз сотрудники эмчеэс, стали бережно выкатывать на поддонах, снабженных колесиками коробки с драгоценным содержимым. Гостей торжественно встречало все руководство поселка, включая самого Митрича, надушившегося одеколоном по такому случаю сверх всякой меры. Был он при этом трезв и осанист, а его легендарная бородаща, непредусмотренная никакими уставами торжественно и благообразно, как архиерейское до-

стояние в пасхальное воскресенье, лопатообразно возлежала на отвороте форменки. Старший, из команды сопровождающей груз, опытным взглядом бывалого человека вычленил из толпы встречавших главу местного поселения. Твердым и уверенным шагом он подошел к Митричу, чтобы представиться по форме:

– Товарищ полковник, разрешите обратиться?! – бодрым голосом отчеканил он не приставляя, однако, руку к своему головному убору, так как был одет почему-то в цивильное. Голос его был немного глуховатым из-за маски на лице.

– Обращайтесь! – важным и чуть барственным голосом отвечивал полковник, скрывая улыбку в роскошной бороде. Насквозь проспиртованный, Митрич считал для себя излишним надевать защитную маску, да и на его бороде она выглядела бы достаточно комично.

– Антиковидная вакцина «Спутник-V» в количестве пятнадцати тысяч доз доставлена! Ответственный за доставку – подполковник МЧС Российской Федерации Алтухин Вячеслав Кириллович.

– Ну, здравствуй, Кириллович! – охапил в свои медвежьи объятия Михаил Дмитриевич, слегка опешившего от такой фамильярности подполковника. – Спасибо! От всех нас и от меня лично! Признаюсь, что не ожидали такой оперативности от столичных властей! – растроганно пояснил свою бурную реакцию комендант, выпуская прибывшего эмчезовца, из почти смертельного захвата. А что так много? Или груз

не только для нашего поселка?

– Да, – кивнул Алтухин догадливости коменданта. – Груз предназначено распределить между вами, поселком Рогачево и Малыми Кармакулами с дальнейшим распределением по ненецким стойбищам. Мы привезли сразу оба компонента, чтобы не гонять транспорт два раза.

– Добро. Развезем и в Рогачево, и в Малые Кармакулы, и по стойбищам, пока пролив до Вайгача свободен ото льда и народ не откочевал на материк, – деловито согласился хозяин этих мест.

Тут по лицу прибывшего подполковника пробежала тень озабоченности, и он невольно скривил лицо:

– К сожалению, меня не предупредили, что ваша ВПП не предназначена для приема грузов повышенной хрупкости. Нас изрядно потрясло при посадке. Так что возможен бой стеклотары. Необходимо будет обследовать все контейнеры, и если обнаружатся повреждения, то составить соответствующий акт.

При этом Алтухин развел руками, как бы оправдывая себя за вынужденную бюрократию, не им выдуманную, но которой он обязан подчиняться.

– Да, ладно, Вячеслав Кириллович, я все понимаю, – успокоил Митрич Алтухина. – В нашем деле без бумаг еще никогда не обходилось. Я и сам, признаться, не против тщательной проверки всей партии.

– Чем больше бумаг, тем чище наши зады! – сдохмил

представитель МЧС.

– Во-во, – поддержал его Виттель. – Мы, обвыкши, – подмигнул он москвичу. – Сколько всего контейнеров?

– Пять, – тут же ответил эмчезовец. – Я думаю, что, если начнем обследование сохранности немедленно, то через часок управимся.

– Хорошо, – опять согласился Митрич и, повернув голову окликнул заведующего терапевтическим отделением, тоже находящегося в числе встречавших. – Андрей Григорич, принимай микстуру и составь, как полагается, акт приемки. Если будет бой, то составь отдельную дефектную ведомость. Я подпишу. Ну, да не мне тебя учить, Айболит. А вас, – обратился он опять к Алтухину, – после приемки жду к себе домой – баньку принять, да отдохнуть после дальней дороги. Моя старуха, как чуяла гостей, с утра еще пирогов напекла.

– Да, банька с дороги – это было бы весьма кстати, – улыбнулся Алтухин и махнул своим подчиненным, чтобы они начали вскрывать пломбы с первого контейнера.

Глава 41

I.

1 сентября 2020г., Россия, пос. Ново-Огарево.

Свадьбу дочери позавчера отгуляли хорошо, хоть и скромно. Чтобы не создавать лишнего и ненужного ажиотажа, работников ЗАГСа, курирующих район проживания

жениха, пригласили для совершения церемонии бракосочетания прямо в загородную резиденцию Главы государства. Приглашенных на это торжественное мероприятие было совсем немного. Афанасьев ограничился своими соратниками по Президиуму Высшего Военного Совета, принявшими предложение почтить своим вниманием семейное торжество с необычайным энтузиазмом. Со стороны жениха были только его отец – преподаватель военно-морского училища, приехавший ради такого случая из Севастополя, да три одноклассника самого Петра, с которыми он когда-то учился в Пушкине и до сих пор поддерживал отношения. Со стороны невесты, не считая самого отца, не перестававшего счастливо улыбаться на протяжении всего мероприятия, были несколько учительниц из той же школы, где Настя и сама преподавала в младших классах. Сын Костя не смог присутствовать из-за того, что незадолго до этого отбыл к месту прохождения учебы. Присутствовать не смог, но зато прислал довольно теплое видеопоздравление матери и своему теперь уже, как бы отчиму, снятое им на камеру собственноручно. Бывшая жена Афанасьева – Аглая не сочла для себя возможным присутствие в кругу людей, которых она считала своими обидчиками, поэтому на приглашение дочери устно ответила сухим поздравлением и пожеланием всего наилучшего. Знала бы она, как в этот момент с тайной радостью перекрестился ее бывший супруг, проживший с ней более сорока лет. И дело было даже не в том, что расстались они в результате никак

не красившей обе стороны кляузной тяжбы за несуществующие миллионы, а просто у Афанасьева, как у всех флегматиков сложилось стойкое убеждение в отсутствии каких бы то ни было перспектив по возврату в прошлое. Такие люди, если закрывают за собой двери, то это уже навсегда.

Ко всему прочему, он не утратил надежды попробовать на склоне дней начать новую жизнь. «Нет, ну а что?! Дочку пристроил, вон гляди, как от счастья вся прямо светится. Не смотри, что вот-вот сороковник отпразднует. Внук вот еще, не сегодня, так завтра приведет невестку в дом, опять же» – рассуждал он про себя, глядя на счастливые лица дочери и зятя. Всех вроде пристроил. У старших внучек, что живут в Санкт-Петербурге, тоже все в порядке, как рассказывает тёща, с которой он периодически общается по телефону, несмотря на разрыв с ее дочерью. Самое время подумать и о себе, и о не радужных перспективах маячившей на горизонте одинокой старости. А ведь ему еще далеко до состояния развалины. Былая мужская сила все еще давала о себе иногда знать, и тогда он ворочался до утра в своей постели, будто искал чего-то, но не находил. В эти томительные часы до утра он неложно чувствовал, что еще может удовлетворить незыскательные потребности женщины средних лет. И сам себя ловил на мысли о той мимолетной встрече с буфетчицей из столовой в Ясенево. «Сама ведь намекнула. За язык-то никто ее не тянул. Значит и я, невзирая на свой возраст еще способен привлечь к себе внимание симпатичной жен-

щины» – перебирал свои мысли Афанасьев, как монах четки, перед тем как забыться в коротком предутреннем сне. Уверенности в этом ему добавило знакомство с личным делом этой самой Вероники, что так растревожила его сердце.

После удачно сложившейся поездки в Белоруссию у него наконец-то нашлось время, чтобы внимательней ознакомиться с подноготной общепитовской прелестницы. За пару дней до свадьбы дочери он решил все-таки прочитать заветное содержимое ящика своего письменного стола. Личное дело состояло из двух папок. В первой хранилась информация биографического свойства с глубоким анализом психологического портрета лица, которым так внезапно заинтересовались спецслужбы. А во второй папке находился отчет о повседневной жизни наблюдаемого объекта со всеми контактами, перемещениями и прочими составляющими обыденного существования. Когда несколько дней назад все-таки получилось выкроить время для ознакомления с досье на интересовавшую его особу, на него вдруг накатила необъяснимая робость, и он никак не мог открыть папку от того, что его пальцы подрагивали от некстати проснувшегося страха. Даже находясь наедине с собой ему было жутковато от осознания того, что вот он сейчас откроет это личное дело с лаконичными и бесцветными фразами и вдруг выяснится, что все его мечты и грезы – всего лишь плод больного сознания. А та, о которой он вздыхал по ночам, спокойна и счастлива в браке с каким-нибудь из сотрудников СВР и воспитывает

одного, а может быть и двух детей, и всем она довольна, и ничего-то ей не надо от жизни. Ко всему прочему он не без оснований опасался того, что Вероника могла оказаться, как его предупреждал Костюченков, специально натренированной «медовой ловушкой», возвращенной в недрах СВР. Но все оказалось гораздо прозаичнее. К своему глубочайшему удовлетворению он не нашел в ее деле ничего такого, что бросало бы хоть малейшую тень на ее репутацию. Из сухопарых строк досье Афанасьев узнал, что Вероника Степановна Керженцева, в девичестве – Уварова родилась и выросла в селе Архангельском Каменского района Тульской области. От роду ей было 38 лет, что немало обрадовало Валерия Васильевича. Очень уж он опасался связываться со слишком молодой особой, хотя на вид никто бы ей не дал больше тридцати. Факт того, что она была ровесницей его младшей дочери, не давал ему в некоторой степени окончательно чувствовать себя стариком. «Ну и что из того, что она мне в дочки годится? Ведь не во внучки же, в конце концов! И то, слава Богу!», – рассуждал он про себя, листая машинописные листы ее личного дела. Отца с матерью у нее не было. Вернее они были, но рано ушли из жизни, погибнув в автокатастрофе. Поэтому до своего совершеннолетия она находилась под опекой у своей родной тетки – незамужней и бездетной, которая и заменила собой мать и отца. Окончив в 2001 году Тульский кулинарный техникум, она решила перебраться в столицу, намереваясь устроиться на работу в один из московских ре-

сторанов, остро нуждающихся, по ее мнению, в молодых и талантливых кулинарах. Мечтам, однако, осуществиться не удалось. Поэтому пришлось довольствоваться работой в одном из придорожных кафе, что в обильном количестве расплодилось вдоль Каширского шоссе. Здесь она и встретила своего будущего мужа – Арсения Керженцева – сотрудника специального подразделения военной разведки. После недолгих ухаживаний, молодые сыграли свадьбу и переехали в Москву, где у Керженцева была, хоть и небольшая, но своя квартира. Муж неплохо зарабатывал, поэтому у Вероники не было никакой нужды искать приработок, и она могла всю себя посвятить обустройству семейного гнездышка. Супруги души не чаяли друг в друге и старались все свободное время проводить вместе, несмотря на то, что в силу специфичности своей профессии, ему частенько приходилось отлучаться в командировки, о которых он ничего не рассказывал. Да и вообще, о своей работе он всегда либо ничего не говорил, либо отделялся общими и малозначимыми словами. Военную форму муж никогда при ней не надевал, но в платяном шкафу находилось сразу несколько ее комплектов, причем с петлицами абсолютно разных родов войск на воротниках, что приводило в недоумения даже такую далекую от военной службы женщину, как Вероника. Сослуживцы мужа, иногда заглядывавшие к ним в гости, и всегда одетые в штатское, также не вносили ясности в этом вопросе. Вероника начала было подозревать супруга в работе на ма-

фию или того хуже – знакомствах на стороне, тем более, что с детьми у них, как-то сразу не заладилось. Оба по настоянию Вероники проходили проверку в различных специализированных клиниках столицы, но, как это не покажется странным, ни одна из проверок не выявила хоть сколько-нибудь существенных аномалий препятствующих благополучному зачатию ребенка. Врачи только закатывали к небу глаза и беспомощно разводили руками. Естественно, такое эмоциональное напряжение не могло не подпитывать в ней извечной женской подозрительности, которая, в свою очередь давала повод для многократных семейных разборок и допросов «с пристрастием». Наконец, долготерпению мужа настал предел и в один прекрасный день Веронику Степановну вызвали на профилактическую беседу в один из кабинетов, где портрет президента не был тривиальной фотографией в рамочке, а был написан настоящими красками. Там ей убедительно дали понять, что все ее подозрения насчет отлучек мужа являются беспочвенным вымыслом ее не в меру экзальтированной натуры. Так начались ее взаимоотношения с российскими спецслужбами. С одной стороны, посещение Вероникой «высокого» кабинета несколько успокоило ее в плане опасений за сохранность чести её самой и домашнего очага от посягательств на него со стороны воображаемых соперниц. А с другой стороны еще больше растревожило в том смысле, что она теперь твердо знала, какой тайной и опасной деятельностью занимался супруг. И это ее знание доба-

вило в ее еще совсем молодой голове несколько едва заметных седых волос. И если раньше отсутствие мужа в постели возбуждало в ней обиду, недоумение и внутренний протест, то сейчас она испытывала реальный страх за него и за себя. Самые мучительные моменты возникали по ночам, когда воспаленное воображение и чуткое женское сердце подсказывали, в какой опасности находится где-то сейчас любимый человек. Помаявшись на широкой и одинокой кровати, она вставала среди ночи, накидывала на слегка подрагивавшие плечи, доставшийся от бабушки пуховый платок и садилась на стул возле окна, выходящего на широкий проспект, по которому ни днем, ни ночью не переставая двигался широкий поток авто. Так и сидела до утра, замороженно глядя на проплывавшую мимо реку разноцветных огней. Она, то ли просто спала с открытыми глазами, то ли загипнотизированная движущимися огнями в ночи, находилась на той незримой грани, что пролегла между явью и сном. Разумеется, ничего такого в досье не было, но читая сухие строчки биографии Керженцевой, Валерию Васильевичу, как и всем людям склонным к старческому мелодраматизму, хотелось видеть все именно в таком свете. Вероника, обуянная страхом за жизнь дорогого для нее человека, не раз и не два приступала к уговорам мужа о необходимости сменить род деятельности, закончить эти безумные командировки и начать спокойную и размеренную жизнь московского обывателя. Но каждый раз наталкивалась на непреклонный взгляд серо-сталь-

ных глаз Арсения, не желавшего ни в какую менять однажды выбранную им стезю. Она благоразумно считала, что при его навыках и опыте работы в такой специфической структуре, как армейская разведка, ему ничего не стоит устроиться на хорошую должность начальника службы безопасности в каком-нибудь банке или на худой конец торговой сети. Однако все ее попытки воззвать к чувству самосохранения или жалости к ее постоянному нервному напряжению, не имели никакого успеха. Единственным прогрессом на этом пути явилось только его чуть большая открытость в семейных беседах. И если раньше на вопросы жены он просто тупо отмахивался или снисходительно переводил разговор на иные темы, то теперь, иногда вскользь ронял пору-тройку фраз о прошедших операциях, впрочем, не называя ни место, ни время, ни тем более цели исполненных акций. Все остальное шло уже по накатанной колее. С утра и до вечера муж пропадал на службе, а иногда по телефонному звонку срывался прямо из супружеского ложа – посреди ночи. Или того хуже – просто звонил с «работы» и уведомлял о том, чтобы она его не ждала домой в ближайшие несколько дней, а то и недель. И ведь не написать ему, и не позвонить. Так они и жили, вроде и дружно и в любви, а с другой стороны, словно бы пассажиры на вокзале в ожидании поезда. Прошло еще несколько лет. Проблема с детьми так и не смогла разрешиться, поэтому супруги уже всерьез подумывали об усыновлении или удочерении одного из «подкидышей», которые

в последнее время, благодаря бездумной миграционной политике московского градоначальства, в буквальном смысле заполонили все столичные сиротские учреждения. Для этой цели уже даже начинали собирать все необходимые справки и документы. Жизнь для обоих опять начинала обретать смысл.

И тут, по воле судьбы, случилось непоправимое. В одной из стычек с французским спецназом в далекой африканской Республике Мали получил смертельное ранение и скончался на месте – Арсений. Почти год после этого Вероника не могла прийти в себя. Она почти никуда не выходила, и почти ни с кем не общалась. Целыми днями она проводила на кладбище возле могилы любимого человека, а ночами – в перерывах между короткими и тревожными снами бездумно слонялась по квартире взад и вперед, как добровольный арестант по камере или вернее сказать, заточившая себя в келью монашенка. Денег, что оставил после себя муж, хватало на скромное существование, а вскоре, в связи с Указом Президента о мерах социальной поддержки семей военнослужащих выполняющих специальные миссии за границей, ей начислили довольно приличную пенсию за погибшего мужа. Немного придя в себя, она захотела осуществить их совместную мечту о детях, хотя бы и приемных. Для этого даже подала документы и заявление на усыновление любого ребенка, но законодательство не позволяло усыновлять ребенка в неполных семьях. Советами юриста советовавшего офор-

мить фиктивный брак она не стала пользоваться, так как была не настолько испорченной особой. Неудача с усыновлением вновь ввергла ее в депрессию, что не осталось незамеченным окружающими. Хотела было вернуться в свою деревню, но ее родная тетка, к тому времени уже тоже умерла, поэтому возвращаться было, по сути, и не к кому. С ее смертью, последняя связь со своими корнями была утеряна навсегда. Видя, надломленное душевное состояние Вероники, бывшие сослуживцы мужа, которые не оставляли ее, несмотря ни на что, своим вниманием, выхлопотали ей место буфетчицы в ведомственной столовой, искренне полагая, что на людях ее душа оттает со временем. И вот уже пять лет она работала в Ясенево на раздаче в столовой, нередко подменяя обремененного семейными заботами шеф-повара. В досье было особо отмечено, что гражданка Керженцева не просто хорошо справляется со своими обязанностями, но паче того, с неподдельным энтузиазмом остается на работе сверхурочно, чтобы подменить кого-нибудь из заболевших коллег или тех, у кого возникали сложности с соблюдением трудовой дисциплины в связи с семейными обстоятельствами. Особенно ее «трудоголизм» проявился в период пандемии, когда она сутками пропадала на рабочем месте, подменяя ту или иную захворавшую коллегу. Складывалось нешуточное впечатление того, что она очень неохотно, каждый раз покидает свое рабочее место, как будто у нее нет никаких домашних забот. Несмотря на свою внешнюю привлекательность, неутрачен-

ную с годами и переживаниями, семейного счастья Керженцева так и не обрела, пребывая в гордом одиночестве вдовы, честно несущей свой жизненный крест. Это обстоятельство видимо и объясняло ее отсутствие тяги к домашнему очагу.

Чтение между строк – самое занимательное чтиво на свете. И Афанасьев, как бывший Начальник Генерального Штаба, «съевший собаку» на прочтении сухих реляций с мест учений или боевых действий, как никто другой разбирался в подоплеке казенных фраз, за которыми скрывались судьбы тысяч человеческих персонажей. Поэтому ему не составило большого труда составить для себя довольно ясную и полную картину жизни наблюдаемого объекта. После прочтения содержимого первой папки у него несколько отлегло от сердца. Из завораживающей воображение далеко не молодого мужчины, она постепенно превратилась в глубоко несчастную женщину с надломленной судьбой, которая наверняка нуждается, если и не в горячечных порывах любви, то уж во всяком случае, в спокойных и надежных отношениях. Смущало, правда, то обстоятельство, что за столько лет одиночества она не смогла ни с кем наладить новую жизнь, ведь не может быть такого, чтобы никто к ней не подступал с подобными предложениями, потому, как чисто визуально она не могла не заинтересовать противоположный пол. Ну, да возможно он по своей естественной возрастной циничности просто недооценивает ее верности однажды данному слову любви и преданности, хоть и усопшему, но все же лю-

бимому человеку.

Вторую папку, где находился отчет группы наблюдения, он уже открывал с гораздо меньшим трепетом. Она представляла для него, скорее утилитарный интерес, нежели информационный. Просто ему было интересно знать о ее повседневных привычках и распорядке дня, чтобы на этапе неизбежной встречи, в которой он уже почти не сомневался, скоординировать ее расписание и привычки со своим графиком, в плане чисто бытового недопонимания. Отчет группы наружного наблюдения также не выявил никаких эксцессов в поведении исследуемого объекта. Госпожа Керженцева вела достаточно однообразный и замкнутый образ жизни. Работая в столовой по 12-ти часовому графику (день – ночь, отсыпной – выходной), она, приходя на работу и уходя с нее, пользовалась одним и тем же маршрутом. Несмотря на то, что после покойного мужа у нее оставался автомобиль «Лэнд-Крузер 100» она им ни разу не воспользовалась. Но и продавать не желала, хотя предложения по его покупке и поступали к ней. Она искренне считала про себя это действие почти кощунственным и бросающим тень неуважения к памяти Арсения. Поэтому единственным средством для передвижения у нее был общественный транспорт. Сначала она проходила по тропинке от южной стороны здания до КПП, затем шла от Минской улицы до Новоясеневского проспекта, где в местной «пятерочке» закупала традиционные продукты, и садилась в метро. Ехала на метро до Октябрьской, там

делала пересадку на кольцевую линию и оттуда следовала до Павелецкой станции, а, уже выйдя из метро, и пройдя немного пешком по Кожевнической, оказывалась в доме под №1Б, где согласно прописке и занимала двухкомнатную квартиру на седьмом этаже. Отношения с коллегами по работе поддерживала на уровне приятельских, этим все и ограничивалось, не выходя за рамки служебных отношений, не допуская в них нотки дружеской доверительности. В обсуждении своих коллег по работе, а проще говоря – в сплетнях, никогда не принимала участия, что также говорило в ее пользу. Эта ее черта в особенности понравилась Афанасьеву, который терпеть не мог «перемывание костей» за спиной. Круг друзей и знакомых, с кем Вероника поддерживала отношения, ограничивался немногочисленными семьями бывших сослуживцев ее мужа, которые изредка скрашивали ненадолго ее одиночество своими визитами по праздничным и знаменательным датам. Сама же Вероника из дома практически никуда не выходила, ограничиваясь редкими походами в близко расположенные от ее жилья магазины бытовой химии и промтоваров. Тайный визит сотрудников внутренней безопасности в обиталище Керженцевой не выявил присутствия кого бы то ни было из посторонних. Никакого хобби или просто увлечения за ней не числилось. Почтовые марки и открытки не собирала, вышиванием крестиком не увлекалась, коллекционированием кулинарных рецептов не занималась (видимо на работе этого хватало) и духов из потустороннего мира то-

же не вызвала. Скромное бытовое окружение вместе с чистотой и порядком в квартире не стало незамеченным сотрудниками проводившими проверку. Керженцева регулярно, хоть и не часто, устраивала в квартире генеральные уборки, поддерживая чистоту и порядок на должном уровне. Ненавязчивый опрос соседей, также подтвердил замкнутость ее образа жизни. Вообще, было непонятно, чем она занималась в свободное от работы время до тех пор, пока в квартиру не установили микрокамеры. Результаты наблюдения за «подопечной» с одной стороны успокоили сотрудников внутренней безопасности, потому как ничего предосудительного не выявили в ее поведении, а с другой стороны, весьма и весьма озадачили. Странность поведения объекта никак не вписывалась в рамки разумных объяснений с точки зрения здоровой психики. Придя с работы домой, если смена заканчивалась вечером, и, поужинав на скорую руку, а то и вовсе обойдясь без принятия пищи, Керженцева просто-напросто, укутавшись в шаль, забиралась с ногами в широкое с высокой спинкой кресло и сидела там неподвижно уставившись в одну точку несколько часов подряд, будто силясь разглядеть нечто такое, что неподвластно человеческому разумению. Так она сидела до глубокой ночи. Если смена заканчивалась утром, то она просто ложилась сразу спать. До вечера. А вечером опять повторялось то же действие. У некоторых из наблюдателей, по этому поводу, невольно закрадывались мысли о психическом здравии молодой вдовы, ибо неизвест-

но какие мысли бродили в ее голове в многочасовых вечерних бдениях. Выяснить это можно было только с помощью специальных и не слишком гуманных средств, для чего нужна была специальная санкция свыше. Однако начальство такую санкцию отказывалось давать категорически. Вот, собственно, и все что смогли спецслужбы «накопать» на вышеозначенную гражданку – Веронику Керженцеву. На дне папки лежал конверт в котором имелись фотографии домашней обстановки наблюдаемого объекта. Афанасьев с любопытством начал было рассматривать их, чтобы сложить у себя в голове целостный портрет интересующей его женщины. Предметы быта иногда могут очень много рассказать о своих хозяевах. Но просмотрев фотографии, быстро разочаровался. Они не несли в себе почти никакой полезной информации. Небольшое пространство квартиры отличалось почти, что аскетичной обстановкой. Пытливому взгляду не было за что уцепиться. Минимум мебели, полное отсутствие ковровых изделий, так любимых обывателями, белые стены, на которых ничего не было, кроме электронных часов с цифровым циферблатом. Видимо ее покойный муж не страдал вещизмом, а она после его смерти не захотела ничего менять из окружавшей обстановки. Даже было непонятно, кто живет в этой квартире: монах или бедная студентка. Кухня тоже не изобиловала техническими изысками. Скудость кухонной утвари скрашивала только микроволновка, да мощный вытяжной шкаф, неизвестно для каких целей поставленный

здесь, ведь, как известно, хозяйка не слишком-то заморачивалась у плиты.

В общем и целом, Афанасьев был удовлетворен прочитанным материалом. Все вопросы и сомнения, которые он задавал себе, были, так или иначе, разрешены. Главное для себя он уяснил. Вероника не была тайным агентом ни наших, ни тем более иностранных спецслужб, не являлась корыстолюбивой «охотницей за приданым» и искательницей приключений. С чувством сугубого удовлетворения Валерий Васильевич отметил для себя отсутствие соперников по мужской части. Это давало весомый шанс на то, чтобы стать единственным претендентом на руку и сердце молодой женщины. Что же касалось ее странного поведения в быту, то он склонен был приписать его к потрясению от внезапной потери мужа и длительного одиночества, со временем вошедшего в привычку.

Теперь, сидя за свадебным столом своей дочери, и улыбаясь от неложного счастья за свою любимицу, он одновременно прокручивал варианты более тесного знакомства с такой странной и одновременно такой притягательной женщиной, как Вероника. Так, ничего путного и, не измыслив, он решил сделать все по-простому, не заморачиваясь вычурными прелюдиями, свойственными прыщавым юнцам. А именно: перехватить ее по дороге с работы, пока она шла пешком до станции метрополитена. Осталось только выбрать более-менее свободный от государственных забот день, и осу-

ществовать задуманное. Пора, пора было уже, и позаботиться о себе – любимом. Очень уж хотелось, хотя бы на излете жизни испытать уже порядком подзабытое чувство внутреннего душевного комфорта.

II.

1 сентября 2020г., г. Москва, Министерство Внутренних Дел РФ, ул. Житная, д. 16

Голова после вчерашнего застолья немного побаливала, то ли с непривычки (давно этак не сиживали за столом), то ли от смешения разных горячительных напитков. По большому счету, после подобных возлияний, положено хотя бы день отлеживаться, бурно насыщая свой организм огуречным рассолом или на худой конец – минералкой. Но, увы. Молодоженам не повезло отпраздновать бракосочетание «медовым отпуском» по причине наступления нового учебного года (Настя была учительницей в младших классах). А счастливому тестю тоже нельзя надолго пребывать в неведении того, что творится в державе. Дела государственные все время держат в тонусе, подкидывая, как в топку, все новые и новые проблемы. Нет, все-таки жизнь диктатора – сплошная круговерть и плюньте в глаза тому, кто скажет, что в ней имеется своеобразная прелесть. Казалось бы, что все вызовы молодой власти отчасти решены, а некоторые отодвинуты на неопределенный срок, давая хоть и небольшую, но все же передышку.

В этой связи, даже можно кое-что записать в свой актив без ложной скромности. Но не тут-то было. Сначала пришлось загнать под лавку, пышущих ненавистью нациков из Киева, который теперь уже и не Киев – мать городов русских, а какой-то Кыув. Тыфу ты, прости Господи, за этакую неподобь. Прямой угрозой уничтожения всего юга «незалежной» на время дали, передышку от обстрелов народным республикам. Наследники «Сопливого», конечно, очухаются и вновь полезут, дай только срок. А разведка дает срок, как минимум до ноября. Раньше этого срока они не рыпнутся, а с наступлением первых холодов опять начнутся интенсивные обстрелы и уничтожение гражданской инфраструктуры, дабы усугубить страдания людей на неподконтрольной им территории. Ну, да ладно. К ноябрю и мы что-нибудь измыслим в плане «ответки». Следом пришлось успокаивать ситуацию в Белоруссии, где местный правитель, надоевший, местному населению за двадцать пять лет до чертиков, решил победить на очередных и почти безальтернативных выборах, да не абы как, а с разгромным перевесом в свою пользу, подпитывая свое ущемленное провалами в экономике эго. И ему, Афанасьеву – диктатору и узурпатору, пришлось сломя голову мчаться в соседнюю страну, чтобы в последний момент вытащить из петли голову своего незадачливого коллеги. Сколько нервов и душевных сил потерял при этом Валерий Васильевич никто кроме Андрея – личного водителя, сопровождавшего его в этой поездке, никогда не узна-

ет. А уж Аверьяныч – великий молчальник, точно трепать языком не станет. Только-только разобрались с революционной ситуацией на западных рубежах, как ни с того, ни с сего полыхнуло на Юге. Стараниями доброхотов из Госдепа, уже почти «вечный» конфликт между Арменией и Азербайджаном по теме принадлежности Нагорного Карабаха вдруг обрел «второе дыхание» и внезапно перешел в стадию интенсивных боев по всему периметру непризнанного никем (в том числе и самой Арменией) анклава. Нужно признать честно, что в данной ситуации справедливость целиком и полностью стоит на стороне Баку. И действительно, в ходе предыдущих боестолкновений, армяне помимо пресловутого Лачинского «коридора», соединяющего Карабах с остальной частью Армении уже «отжали» шесть прилегающих к нему районов соседнего государства. Но им показалось этого мало. Возомнивший себя Бонапартом после 18 брюмера, пришедший к власти на волне «цветной революции», Никол Пашиньянц в хмельном угаре от своей неожиданной победы решил расширить зону своего влияния вокруг спорных территорий. Беспреданно подначиваемый своими кураторами из МІ-6 и американцами, желающими всеми способами разжечь пожар большой войны в российском подбрюшье, он ринулся на захват новых территорий. Желая показать России, ее скромное место в делах Закавказья, он, прежде всего, избавился от пророссийски настроенных элит в Ереване. Кого посадил под надуманным предлогом, а кого и за-

ставил бежать, либо просто уйти в подполье. Вот это желание сказать Москве «Фи!», а заодно прирезать себе землицы, пока всюду бушует пандемия, и никому никакого дела нет до какого-то затерянного в горах клочка территории, и сыграло с армянским «Наполеончиком» злую шутку. В отличие от прошлого раза, Азербайджан хорошо подготовился к этой военной кампании. Загодя обзаведясь большим количеством современного оружия, большей частью закупленного в Турции и чего уж там греха таить – в России, которая охотнее продавала свои вооружения платежеспособному Баку, нежели пребывающему в постоянных долгах Еревану. Затеяв никому по большому счету не нужную провокацию, разве, что для удовлетворения собственного ущемленного самолюбия, журналист-оппозиционер, дорвавшийся до власти, никак не ожидал бурной ответной реакции со стороны своего визави – Ильхама Алиева. После первых дней боестолкновений с их бравурными заявлениями о «бесстрашных орлах Арцаха, доблестно продвигающегося вглубь территорий извечного врага», вдруг обнаружилось, что мнимое бегство противника есть не что иное, как элементарная ловушка, в которую и угодили армянские ополченцы, возомнившие себя крутыми вояками. Ударами с флангов по вклинившимся достаточно глубоко на сопредельную территорию отрядам самообороны непризнанной республики, удалившимся от постоянных мест дислокации, армия Азербайджана отрезала пути отступления. Все остальное было делом техники и

слаженности войсковых соединений. Ко всему прочему Балиев достал из рукава неубиваемый «козырь». Этим козырем оказался турецкий разведывательно-ударный беспилотник «Bayraktar-TB2» – вещь не ахти, какая продвинутая, но в условиях гористой местности, когда фактор скрытного появления над позициями имеет существенное значение, при отсутствии эшелонированной войсковой ПВО, но весьма эффективная. Неся на пилонах 4 легких планирующих авиабомбы, они без особых хлопот сначала выбили всю тяжелую технику армян, а затем неторопливо и методично принялись за уничтожение живой силы. «Байрактаров» и боеприпасов к ним, турецкими единоверцами, мечтавшими прибрать к рукам Азербайджан, было завезено изрядное количество. Поэтому на позиции уже перешедших к тому времени в глухую оборону армянских отрядов самообороны день и ночь сыпались нескончаемым потоком бомбы, внося хаос и панику. Поняв, что на этот раз поиграть мускулами и похвастаться полководческими талантами перед западными кураторами не получается, Пашиньянц, превозмог себя и решился, наконец, позвонить своему российскому коллеге. Решился не по своей воле, а под шквалом возвращающихся с мест боестолкновений гробов с телами бойцов добровольческих отрядов. Разговор получился скомканным и невнятным. С самого начала беседы армянский президент продемонстрировал своему визави ничем неспровоцированный и агрессивный тон. В достаточно резких выражениях он обрушился на

Афанасьева с упреками. Россия, по его мнению, взяв на себя еще тридцать лет назад посреднические и миротворческие функции, никак их не выполняет. А именно, не вмешивается в ход конфликта, в котором де погибают граждане Армении – страны участницы ОДКБ. Задетый за живое, столь несправедливыми инсинуациями в адрес России и себя лично, Афанасьев, который в свое время курировал вопросы, связанные с пребыванием российских войск в Закавказье, в назидательных выражениях заметил тому, что Россия, приняв еще в далеком 1828 году решение по защите армянского народа от внешних посягательств не брала на себя обязательств потакать его захватническим потугам. Во-вторых, Россия, не может быть Арменией больше, чем она сама. И уж если территория Нагорного Карабаха не признана неотъемлемой частью Армении самими армянскими властями на официальном уровне, то и с России, в этом вопросе не может быть никакого спроса. Что же касается шести районов Азербайджана, прилегающих к Нагорному Карабаху и ранее захваченных армянскими иррегулярными воинскими формированиями, то тут и вовсе Россия не несет никакой ответственности. И до тех пор, пока, хоть один азербайджанский солдат не пересечет признанную международным сообществом государственную границу Армении, Россия и пальцем не пошевелит, чтобы вмешаться в конфликт на стороне Еревана. К тому же апелляция к ОДКБ со стороны нынешнего руководства Республики Армения и вовсе выглядит, по

меньшей мере, несуразно после того, как Ереван без всяких предварительных согласований со станами-участницами договора – в одностороннем порядке арестовал, по надуманному обвинению в мятеже, Генерального секретаря этой организации – Сержа Хачатурова. В общем, разговора толком не получилось, и стороны, взаимно недовольные друг другом, прекратили ни к чему не ведущие препирательства. А тем временем сокрушительный разгром армянского ополчения, уже никак было не скрыть не только от иностранных наблюдателей, подробно освещавших обстановку на местах сражений, но и от собственного народа. В короткий срок Азербайджан сумел не только выбить со своей территории оккупантов, хозяйничавших в приграничных с Арменией территориях, но и вернуть под свой контроль южную местность самого Нагорного Карабаха, включая райцентр, расположенный в городе Шуша. Волна народного недовольства, спровоцированная неумелыми действиями военного и гражданского руководства страны, буквально затопившая улицы Еревана, готова была вот-вот захлестнуть здания государственной администрации и парламента. Тут уже не на шутку встал вопрос о самом существовании не только прозападно настроенной новой элиты, пришедшей к власти в результате предыдущих массовых протестов, но и самой Армении, как таковой. Хаос и всеобщая паника грозили погрузить государство в пучину гражданской войны, из которой выбраться она уже не сможет без фрагментации на отдельные лоскутки. Мо-

рально и физически надломленный последними событиями в своей стране, премьер-министр Никол Пашинбянц, зажатый в кольцо своими тайными и явными недоброжелателями, потерявший всякую связь с действительностью, но по-прежнему заносчивый и недалекий, а потому и недоговороспособный, казалось, готов уже был сдать не только Архах, но и всю свою государственность на откуп победителю. Государственность Республики Армения замерла в ожидании, повиснув на тонком волоске доброй воли России. Тут надо отдать должное лоббистам армянской диаспоры в России имеющей определенные наработанные годами связи с большими и влиятельными людьми на самом верху власти приютившей их страны. И хоть за спиной Азербайджана явно маячила тень Турции, но стоило Москве грозно нахмурить свои брови, как победное шествие воинских формирований Баку, грозившее не сегодня, так завтра захватить всю территорию Карабаха остановилось в полушаге от окончательной победы. После никем не прогнозируемой выходки российской хунты в отношении Генштаба ВСУ, желания лезть на рожон у Ильхама Алиева – хитрого и прожженного в политических интригах, быстро улетучилось (кто знает, что у этих гяуров на уме?). А прозрачный намек о военном вмешательстве России нынешнего Начальника русского Генштаба – Николая Богданова, озвученный по телефону той и другой стороне не только охладил пыл противников, но и сподвигнул их к безотлагательному формированию делегаций

для проведения переговоров о прекращении горячей фазы конфликта. Естественно, что местом для проведения таких переговоров подразумевалась Москва, несмотря на зубовой скрежет, доносящийся из Анкары и Парижа – основных спонсоров противостояния.

III.

Пока до переговоров при посредничестве Москвы оставалась какая-то пара дней, извечные враги, науськиваемые западными кураторами, недовольными тем, что их отстранили от участия в переговорном процессе, решили устроить провокацию прямо в русской столице, чтобы хоть как-то сорвать процесс урегулирования или, на худой конец, испортить атмосферу вокруг него. Ради этой цели они не придумали ничего лучшего, чем столкнуть лбами обе столичных диаспоры – самые многочисленные из представителей народов бывшего СССР. Азербайджанская диаспора в столице по последним данным из источников в МВД насчитывала около девятистот тысяч человек. Выходцев из Армении, по данным из того же источника, на момент конфликта было почти в два раза меньше, что, однако, тоже составляло немалое количество. Обе диаспоры и до карабахской войны волками смотрели друг на друга, строго оберегая от посягательств противной стороны, традиционные сферы своего влияния, сложившиеся еще с незапамятных времен почив-

шего в Бозе Советского Союза. Однако «красных линий» ни та, ни другая сторона пересекать не решались до сих пор. Наиболее удобным местом для совершения взаимной вендетты был выбран один из городских рынков. Говоря конкретно, местом для конфликта был избран рынок сельскохозяйственной продукции под названием «Фуд-Сити», что расположился на Калужском шоссе. Предыстория массовой бойни, устроенной враждующими сторонами, была до банальности проста. Всем москвичам, от мала до велика, было известно, что «Калужка», так в просторечии звали торговые площадки рынка «Фуд-Сити», принадлежит азербайджанской диаспоре в лице бизнес-партнеров Илиева и Нисанова. Помимо всего прочего, они зорко следили за тем, чтобы на торговых площадках ни в коем случае не появлялся товар, привезенный из Армении, либо выходцами из нее. И вот на фоне армяно-азербайджанской войны в Карабахе, то ли бес, то ли кто похитрее из западноевропейских спецслужб, надоумил группу армянских оптовиков, взять своеобразный реванш за сокрушительное поражение на поле боя, и в качестве мести разместить большую партию фруктов на территории «Калужки». С этой целью на рынок спозаранку прибыло более пятидесяти фур груженных абрикосами и иным скоропортящимся товаром. Разумеется, это была чистой воды провокация, так как у армянской диаспоры под контролем был свой оптовый рынок в столице, который находится в Кунцево. Под предлогом обеспечения безопасности охра-

на рынка, тоже, кстати, набранная из этнических азербайджанцев, сначала попросила водителей выехать за пределы рынка, а после убрать из видимости коробки или рекламу, где есть слова на армянском языке. Как обычно, сначала завязалась перепалка, быстро переросшая в потасовку. Вследствие численного перевеса, поле боя осталось за представителями Баку. В результате драки, некоторые из участников получили ножевые ранения. Одно из таких ранений привело к летальному исходу. Пылая жаждой мести за убитого земляка, армяне уже к вечеру собрали из представителей местного национального криминалитета боевую группировку, которая и прибыла на место недавнего побоища. Новое кровопролитие, со стрельбой и взрывами самодельных устройств не оставило равнодушными московские власти и им пришлось сначала вызывать сотрудников СОБРа, а затем и просить подкреплений со стороны столичного гарнизона КГБ. Прибывшие в разгар бойни «дзержинцы» не стали разбираться кто прав, а кто виноват, поэтому «покрошили» всех у кого было замечено огнестрельное оружие. Злые языки после этого утверждали, что приказ на уничтожение всех участников криминального сражения отдавал лично Николай Павлович. По итогам этой «мясорубки» было на месте уничтожено более четырех десятков активных членов бандформирований, как с той, так и с другой стороны. В условиях напряженной международной обстановки, связанной с пандемией и тотальным санкционным режимом, объявленным

в отношении России западными странами, устраивать межэтнические «разборки», да еще с применением огнестрельного оружия в самом центре столицы, власти не могли себе позволить. Это без преувеличения грозило в любой момент превратиться в гражданскую войну, чего Россия сейчас опасалась больше всего. С учетом многонационального и многоконфессионального населения Москвы, мини-война, развязанная «горячими парнями» с Кавказа, запросто могла захлестнуть не только столицу, но и перекинуться в регионы, в которых, по донесению «комитетчиков» и так было довольно неспокойно. Обозленные «чистками» новой власти, местные элитки активно вербовали в свои ряды все новых и новых сторонников для того, чтобы в удобный для них момент, поднять мятеж на окраинах империи (теперь уже империи без всяких сомнений). И потому подбрасывать дровишки в будущий костер гражданской, а может быть даже и межгосударственной войны на просторах бывшего СССР, никак не входило в планы военной хунты. Нужно было срочно что-то предпринимать для подавления в самом зародыше всяческих поползновений в сторону сепаратизма и международной розни. Ни для кого не было откровением, что подавляющее число преступлений в России связано с этническими преступными группировками, буквально наводнившими страну и опутавшими ее экономику своими щупальцами. Это касалось, прежде всего, сферы розничной торговли и предоставления услуг населению. За редким исключе-

нием все, особенно мелкие торговые точки, «крышевались» теми или иными этническими кланами. Благодаря умелым действиям Правительства, искусно использовавшего пандемию для радикального снижения потока мигрантов на территорию России, социальная и демографическая обстановка в стране пока не вызвала особых тревог. Приток мигрантов снизился до практического нуля, а те, что уже находились здесь на незаконных основаниях, регулярно депортировались на свою историческую родину. Изрядно почистили диаспоры и после неудачного выступления объединенных сил оппозиции в конце июня. Многих видных представителей закавказских республик, опрометчиво примкнувших к той незаконной акции, выдворили из страны без права на возвращение. Не сбавляла свои обороты и борьба с организованной преступностью, благодатной почвой развития которой служило, так называемое «землячество», сформированное по национальному признаку. Военная хунта, придя к власти, с первых дней своего существования вела необъявленную войну против организованной преступности, безжалостно уничтожая главарей криминального мира. Показательные внесудебные расправы над наиболее одиозными представителями оргпреступности, снятые на видео, облетели всю страну. Эти действия новых властей несколько побавили самомнение главарей криминалитета, в последнее время обнаглевших настолько, что не стеснялись проводить свои сходки, открыто и на глазах у общественности. Наи-

более одиозные личности были уничтожены вместе со своим ближайшим окружением, а фигуры помельче притихли, в липком страхе от того, что и с ними может случиться нечто подобное в любой момент. Как всегда, некоторые из «светлоликих» и особо «рукопожатных» представителей интеллигенции, в особенности артистов и адвокатов, обслуживающих те или иные группировки, развопились о нарушении базовых принципов существования института основных прав и свобод граждан. Но после того, как некоторые из них просто исчезли, а против других были возбуждены уголовные дела по факту отмывания денег, незаконного обогащения и неуплаты налогов, вал критики в адрес властей сразу иссяк волшебным образом. Все это было, конечно, хорошо. Количество тяжких преступлений, организованных преступными сообществами резко пошел на спад, а народ вздохнул облегченно, в кое-то веки от чувства своей значимости и защищенности. Все это было так. Но... Вместе с тем, хунта прекрасно отдавала себе отчет в том, что все, сделанное ею с момента прихода к власти, является всего лишь полумерой и ответной реакцией на уже свершившиеся события. Проблема преступности решена не была, так же, как не были решены и первопричины возникновения этнической клановости, продолжающей извергать из своего чрева все новых и новых рейнджеров. Нужно было срочно принимать какие-то эффективные и все же нетривиальные меры для нейтрализации «пятой колонны» накануне последней и решительной

битвы цивилизаций, которая должна была разразиться в ближайшее время.

По еще не остывшим следам разыгравшегося побоища на Калужском рынке министр внутренних дел решил встретиться у себя в кабинете с главами противоборствующих общин, чтобы прояснить до конца сложившуюся обстановку и по результатам встречи сделать соответствующие и далеко идущие выводы. Тем более они сами накануне изъявили подобное желание. Об этом он проинформировал Афанасьева и тот не только поддержал идею саммита, но и намекнул, что был бы не против поприсутствовать на нем негласным образом. Естественно, что в подобной просьбе отказывать нельзя, поэтому Околоков согласился с присутствием Главы Военного Совета, хоть и без энтузиазма, но все же и без видимого сопротивления. Конечно, ему и самому хотелось быть главным модератором встречи на высшем уровне без оглядки на вышестоящее начальство, но коли уж САМ напросился на эту беседу, то не стоило обострять отношения с диктатором на ровном месте. Договорились так: Афанасьев приезжает на встречу чуть загодя до ее проведения, оставив свой кортеж во внутреннем дворе министерства, оттуда через служебный вход поднимается наверх и сидит тихонько в углу обширного кабинета за ширмой, никак себя не афишируя.

Перед тем, как принять какое либо решение по проблеме межэтнических отношений, нужно было как можно ближе ознакомиться с умонастроениями в этих двух самых круп-

ных общинах на территории России и в Москве, в частности. А как это сделать без составления психологического портрета обоих руководителей противоборствующих диаспор? Никак. Вот поэтому, невзирая на неважное послесвадебное самочувствие, Афанасьев принял решение самолично ознакомиться с настроением представителей общин, прекрасно отдавая себе отчет в том, что они, вне всякого сомнения, помимо всего прочего, исполняют роль и криминальных лидеров. Как говорится: одно другому не мешает. Без четверти по полудню Афанасьев в сопровождении Михайлова и Коржика поднялся на третий этаж. Личную охрану диктатора загодя разместили в комнатах, примыкающих к кабинету Министра. Коржик с Михайловым остались в приемной изображать из себя посетителей ждущих своей очереди на аудиенцию. Их лица еще не примелькались на телеэкранах, поэтому можно было не опасаться, что в них распознают приближенных к персоне диктатора.

Глава 42

I.

Там же

Ровно в двенадцать часов, как по мановению волшебной палочки к центральному входу в здание министерства одновременно, но с противоположных направлений подъехали

два роскошных автомобиля. В черном пульмане «Mercedes-Benz s600» прибыл президент Союза Армян Левон Манукян – гражданин пятидесяти с лишком лет с аккуратно подстриженной бородкой в проседи, одетый в строгую «тройку» под цвет автомобиля. Его оппонент подъехал на не менее импозантном «Mercedes-Maybach s560» окрашенном в классическую расцветку Майбаха. Из машины вылез слегка грузноватый, хоть еще и не старый человек, с модной сейчас трехдневной щетиной на лице и одетый, видимо в пик своего противнику, в ослепительно белый костюм. Человек в белом костюме был Председателем азербайджанской общины в Москве, и звали его Шамиль Тагаев. Накануне была договоренность, что оба явятся без сопровождающих лиц и телохранителей. Не поздоровавшись и даже, кажется, не взглянув друг на друга, они одновременно вошли в заблаговременно и гостеприимно распахнутые двери, не толкаясь в проходе. Внутренняя охрана министерства, предупрежденная о визите, во все глаза пялилась на столь неординарное зрелище. Дежурный офицер, встретивший в холле эту «сладкую парочку», как про себя назвал он прибывших, проводив их до лифта, и предусмотрительно рассадив их по разным кабинкам, попутно объяснил, что на третьем этаже их встретят и проводят до места аудиенции. Двустворчатые двери, ведущие в кабинет министра тоже были распахнуты во всю ширь в ожидании гостей.

Хозяин кабинета, украдкой косясь на ширму в углу, хоть

и встретил визитеров стоя, однако из-за стола к ним не вышел и руки для пожатия также не протянул, впрочем, тут же оговорившись, что делает это не из-за неуважения, а по предписанию Минздрава настоятельно не рекомендовавшего контакты ближе, чем в полтора метра. Пришедшие слегка кивнули, соглашаясь с доводами принимающей стороны, и по указующему жесту Владимира Александровича уселись у основания приставного стола, напротив друг друга.

– Господа, – начал Околоков глухим голосом, как только все расселись, – я пригласил вас для очень важной беседы, которая, в конечном итоге, определит наши с вами дальнейшие отношения. И от вас сейчас зависит, будут ли они продуктивными или процесс эскалации приобретет лавинообразный характер. Поэтому прошу вас не забывать, что от переговоров, проведенных здесь, будут зависеть жизни и судьбы многих людей. Согласны ли вы с такой постановкой вопроса?

Оба представителя диаспор слегка насупились, но все-таки кивнули в знак согласия.

– Ну, – хмыкнул министр, – хотя бы в этом пункте повестки имеется обоюдное согласие. И то, хорошо. Теперь давайте приступим к сути вопроса. Начнем, пожалуй, с вас, Левон Альбертович. Что вы можете по существу сообщить об инциденте, произошедшем на прошлой неделе?

– А что тут говорить? – в деланном недоумении вскинул брови Манукян. – Было следствие. И оно установило,

что имелся факт необоснованной дискриминации продукции, произведенной на территории Армении, что, кстати, противоречит Конституции Российской Федерации, гарантирующей всем равные права и возможности для реализации таковых.

– Что он говорит?! Какой такой дискриминации-сублимации, э-э-э?! – немедленно вскинулся пылкий азербайджанец, отчаянно при этом жестикулируя.

– Помолчите, пожалуйста, Шамиль Алескеревич, – нахмурил брови Околоков, – когда очередь дойдет до вас, я обязательно предоставлю вам слово. А сейчас позвольте мне задать вопросы вашему оппоненту, так сказать. Левон Альбертович, – обратился он к армянину, – я бы хотел услышать из ваших уст объяснения поведения руководителя колонны фур, направившего груз на торговые площадки именно «Фуд-Сити» а не другой оптовой точки.

– А разве в протоколе допроса экспедитора нет объяснений этому? – состорожничал хитрый Манукян.

– Объяснения старшего экспедитора, указавшего, что причиной заезда фур явилось наличие скоропортящегося товара, который необходимо было реализовать на территории ближайшего оптового рынка, ничего не проясняют, – туманно ответил Околоков.

– По-моему, тут и объяснять нечего. И так все понятно. Разгар сезона сбора урожая. Путь от Армении до Москвы – неблизкий. Все торопятся сбыть продукцию, как можно

быстрее, чтобы успеть сделать несколько ходок. Это простые рыночные понятия. И старший экспедитор является не местным жителем, а потому и не виноват, в том, что не учел сложившихся особенностей по негласному дележу рынков, – пожал плечами в искреннем недоумении армянин.

– Э-э-э! Как так негласному дележу?! – опять встрепенулся на стуле тучноватый Тагаев, изображая попытку вскочить с места в праведном негодовании. – Все законно! Все бумаги в порядке! Владельцем оптовой торговой сети являются, между прочим, граждане Российской Федерации – Илиев и Нисанов.

– Гражданин Тагаев, – перешел на официоз министр, начинавший уже злиться не на шутку, – я еще раз призываю соблюдать порядок. Вот когда до вас дойдет черед, тогда вы мне и ответите и про законность и про гражданство упомянутых вами лиц. А сейчас наберитесь терпения и не вмешивайтесь в проводимый мною опрос. И учтите, мое терпенье имеет свои границы. Вам все ясно?!

– Ладно-ладно, зачем сразу угрожать?! – поднял руки вверх, как бы сдаваясь, Шамиль Алескерович.

– Тогда давайте разбираться по порядку, – вновь повернул голову в сторону Манукяна Владимир Александрович.

– Кто, против? Давайте, по порядку, – не стал возражать тот.

– Вот вы Левон Альбертович утверждаете, что дальнобойщики торопились сбуть скоропортящийся товар на ближай-

шей торговой площадке. Так?

– Так.

– Но согласитесь, что не надо быть знатоком географии, для того, чтобы увидеть на карте места, где можно сбыть свой товар не заезжая в Москву. Большие оптовые рынки по дороге из Армении находятся и в Туле, и в Липецке, и в Воронеже. Не проще было бы продать все там и по короткому «плечу» вновь вернуться за следующей партией товара? Россия – большая страна и Москвой отнюдь не заканчивается.

– Законы рынка, понимаете ли, – развел руками Левон Альбертович, снисходительно улыбаясь не разбирающемуся в торговле министру. – В столице, с ее многомиллионным населением, реализовать продукцию гораздо выгоднее, чем в провинции.

– А здесь я с вами не могу согласиться. Вот у меня тут имеется справка от Федеральной Антимонопольной Службы. Даже не одна, а целых три – из Тулы, Воронежа и Липецка. В рамках расследования мы специально делали запрос о состоянии оптового рынка по фруктам в данных регионах. И вот какие интересные результаты мы получили. Вот, пожалуйста, полюбуйтесь, пожалуйста, на цифири, – протянул он бумаги, слегка растерявшемуся Манукяну. – Особенно впечатляет разница в ценах между Москвой и Воронежем. В Москве средняя оптовая цена составляет 40-45 рублей за килограмм, а в Воронеже – меньше 50 рублей и не найдете. К тому же расстояние между этими городами по шоссе, примерно 516 ки-

лометров, а это лишний бензин и лишнее время, которым должны так дорожить доставщики. Ну и где тут законы рыночной экономики, я вас спрашиваю?

На лбу Манукяна выступила легкая испарина. Сидеть в жару, да еще в черном костюме, было явной ошибкой лидера армянской общины. Тагаев, уязвленный ранее недоброжелательным тоном министра, на этот раз чувствовал себя в выигрышной ситуации, а потому злорадно ухмылялся, видя в какой неудобной ситуации, оказался его сосед.

– Но и это еще не все, – продолжал наседать министр. – Мы запросили сведения из Федеральной Таможенной Службы о пересечении российско-грузинской границы фурами, с государственными номерами, указанными в списке. И знаете, какой получили ответ на запрос?

– Не имею представления, – замотал головой гражданин в черной «тройке».

– Ну, так я с удовольствием просвещу вас в вашем неведении. За последний месяц ни один из указанных в списке автомобиль не был замечен при пересечении пропускных пунктов на границе с Грузией. Других сухопутных путей из Армении в Россию нет. Вариант с российско-азербайджанской границей нами даже не рассматривался, как абсолютно утопический. В связи с тем, что водители фур воспользовались своим правом от дачи каких либо показаний, мы не поленились и обратились к специалистам из Всероссийского Института Растениеводства имени Н.И. Вавилова, чтобы они

нам дали официальное заключение о происхождении зло-
счастных абрикосов. Исследования показали, что представ-
ленные образцы абрикосов относятся к сорту «Полесский
крупноплодный», специально выведенный и выращиваемый
исключительно в Краснодарском крае. Нужно ли мне рас-
сказывать о том, когда и по каким накладным был отпущен
товар краснодарскими садоводческими хозяйствами экспе-
дитору Гукасяну? Ага, я вижу, что не нужно. В таком случае,
как вы прокомментируете все эти новости?

– Право же, я затрудняюсь ответить на данный вопрос, –
неуверенно начал армянин, – но думаю, что, во-первых,
это связано с трудностями пересечения армяно-грузинской
и грузино-российской границами, отнимающими слишком
много времени. А во-вторых, со сложившимися и укоренив-
шимися в головах оптовых торговцев стереотипами о том,
что, как говорится, «все дороги ведут в Рим». Ведь Москва,
как вы сами понимаете, и есть не что иное, как Третий Рим,
хе-хе, – попробовал он подольститься к высокому началь-
ству. – А старший экспедитор, скорее всего, плохо сведущий
в конъюнктурах рынка человек. Иного разумного объясне-
ния его телодвижениям у меня не имеется, – туманно резю-
мировал Манукян.

– Хорошо. Оставим деловые качества руководителя авто-
колонны в стороне, – притворно-примирительно продолжил
гнуть свою линию Околоков, – но ведь вы не будете отри-
цать того факта, что руководитель колонны является отнюдь

не самостоятельной фигурой, а значит действует всегда и исключительно в рамках указаний, данных ему свыше. Не так ли?

– Вполне возможно, но я не понимаю, господин министр, что вы под этим подразумеваете в данном случае? – вновь начал нервничать и покрываться испариной Левон Альбертович.

– Мы тут провели маленькое расследование и выяснили, кому принадлежит автоколонна и ее содержимое, – хитренько, как сытый котяра прищурился Околоков.

– Кому?! – дружно и почти в один голос переспросили оба представителя национальных меньшинств.

– Хм, – усмехнулся министр, растягивая удовольствие от предстоящей сенсации. – Автоколонна, вместе с продукцией, принадлежит довольно известной в столичных кругах торгово-финансовой компании «Ташир», возглавляемой неким Самвелом Айрапетяном. Разумеется, не напрямую, а через фирмы-прокладки, которые также принадлежат этой компании, являющейся их учредителем. А уж его-то, как делового человека и жителя Москвы, никак нельзя заподозрить в незнании всех местных раскладов. Скажу даже больше, и это никакой не секрет, загляните, хотя бы в московский бизнес-справочник за прошлый год, группе «Ташир» принадлежат в одной только столице 17 торговых центров и 3 рынка, специализирующихся на сельскохозяйственной продукции. Вам не кажется странным и необъясни-

мым ни с какой точки зрения, что имея собственные торговые площадки, эта фирма решила воспользоваться, себе в ущерб, не своим оптовым рынком? – Согласен, – буркнул Манукян, решивший, наконец, воспользоваться платком и утереть обильно выступивший на лице пот. – Однако это не говорит о том, что Самвел Саркисович отдавал, на сей счет, какие-либо специальные распоряжения. У него слишком большое хозяйство, чтобы принимать участие в судьбе всего лишь полусотни фур.

– И опять вынужден вас опровергнуть, милейший Левон Альбертович, – проворковал Владимир Александрович. – При изъятии с места кровавой драмы, сотового телефона старшего экспедитора, нами было установлено четыре звонка, два из которых были произведены экспедитором и два звонка – самому экспедитору. Во всех четырех случаях экспедитор беседовал с одним и тем же абонентом. В соответствии с базой данных сотового оператора номер телефона собеседника экспедитора принадлежит самому Самвелу Айрапетяну. Следовательно, как минимум он был в курсе предстоящего маршрута и конечной его цели.

Тагаев, до этого смирно сидевший, как замороженный сфинкс не выдержал и хрюкнул от удовольствия, связанного с созерцанием разворачивающегося на его глазах театрального действия.

– Самвел Саркисович всеми уважаемый и очень крупный бизнесмен, в подчинении у которого находится много ответ-

ственных работников, постоянно находящихся на связи друг с другом. А так как корпоративная сотовая связь всегда обходится дешевле, то для удобства коммуникации большое количество номеров оформляются на главу фирмы. Такая практика принята повсеместно. Поэтому вполне возможно, что на имя Самвела Саркисовича оформлена не одна сотня телефонных номеров. И не факт, что разговор состоялся именно между ним и экспедитором. Экспедитор ведь не признал, что связывался с самим Айрапетяном? – широко улыбнулся на этот раз Манукян, чувствуя за собой маленькую словесную победу.

– К сожалению, гражданин Гукасян, являвшийся старшим экспедитором автоколонны, уже ничего не может признать, так как скончался от ранений в карете скорой помощи, не приходя в сознание. И вам, господин Манукян это известно не хуже, чем мне, – хмуро произнес Околоков. – Однако мы взяли на заметку телефон абонента разговаривавшего накануне с Гукасяном и сделали запись его голоса, чтобы идентифицировать его с владельцем номера телефона. Результатом данного анализа стала полная идентификация голоса, принадлежащего гражданину Айрапетяну. Вот, если желаете, то можете ознакомиться с техническими выкладками, – чуть привстав с места, передал Околоков очередную порцию бумаг.

– То есть вы хотите сказать, что подслушали его разговоры?! – сделал попытку привстать Манукян, грозно при этом

сверкая глазами.

– Да, – не стал с ним спорить главный полицейский страны. – И что в этом такого необычного, заставившего вас вскакивать с места?

– Как, что?! – искренне удивился Манукян. – Вы разве не понимаете, что прослушивание без решения суда или санкции прокурора запрещено, а сведения, полученные в результате несанкционированного прослушивания, не имеют юридической силы и не принимаются в качестве доказательств?! Мне удивительно объяснять это вам, как лицу, стоящему на страже законности и правопорядка истину этого постулата! – с не меньшим пафосом резюмировал свое гневное высказывание Левон Альбертович.

Тагаев весь и без остатка превратился в одно большое ухо, тщательно улавливающее малейшие перипетии словесной дуэли и скрупулёзно мотая на ус всю полученную информацию. Околоков с интересом оглядел апологета защиты основных прав и свобод всего человечества. И интерес в его глазах не был связан с каким-то праздным любопытством. Это был скорее интерес энтомолога, рассматривающего в лупу интересное насекомое, сохранившееся в кусочке янтаря с незапамятных времен.

– Вы все сказали? – наконец, после минутной паузы спросил он, тщательно скрывая веселые огоньки в глазах.

– А вы разве ждете от меня еще каких-то заявлений по данному поводу? – опять удивился Левон Альбертович.

– Да, в общем-то, нет, не жду. Просто я слегка разочарован вами...

– Что значит, разочарованы? – все еще не понимал Манукян, в какие юридические дебри завел его хитрый полицейский.

– А вот, так! Вы, милейший, во-первых, невнимательно слушали все, что я говорил сейчас. А я ничего не говорил о прослушивании интересующего нас абонента. Я, если вы помните, сказал всего лишь о том, что номер его телефона мы взяли на заметку, чтобы выяснить каналы передачи информации и взяли образец голоса, для последующей идентификации с лицом на кого этот номер телефона и был зарегистрирован. Из этого следует, что ни о какой «прослушке» здесь речь не идет. А во-вторых, вы не учитываете тот факт, что мы с вами живем в условиях объявленного чрезвычайного положения. И если вы такой уж законник, то вам следовало бы знать, что на время чрезвычайной ситуации, власти вправе ограничивать те или иные нормы действующего права в интересах безопасности государства.

II.

Все это время, пока длился не то допрос, не то просто измывательство над Манукяном, с лица Тагаева не сходила ехидная улыбка, которую он даже не пытался скрывать. Это, разумеется, не укрылось от бдительного взора полицейско-

го. Кинув мимолетный взгляд на торжествующего азербайджанца, он мстительно поджал губы и нехорошо сощурился:

– Вы, Шамиль Алескеревич, напрасно торопитесь с празднованием своей победы. Сейчас мы обо всем случившемся поговорим и с вами. И я не уверен, что ваше лучезарное настроение сохранится.

При последних словах, Тагаев нервно дернул головой, будто собирался кого-то боднуть, но передумал в последнюю секунду:

– Зачем пугаете, господин министр? Аллах с небес видит, на чьей стороне правда.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, Шамиль Алескеревич. А посему, позвольте уже в ваш огород накидать камешков.

– Не возражаю, – барственным тоном ответил азербайджанец. – Кидайте! Будет из чего построить минарет, во славу Аллаха! Иншалла! – сделал он жест руками, словно умывается, как правоверный мусульманин по окончании намаза.

– Хорошо. Пожалуй, начнем. Скажите-ка, любезный, а откуда, по-вашему, привозят на рынок «Фуд-Сити» фрукты? Я имею в виду, хотя бы те же самые абрикосы.

По сравнению с Манукяном, пылко бросавшимся на амбразуры, задаваемых в лоб вопросов, Тагаев оказался более хитрым и продуманным субъектом, поэтому ответил крайне осторожно?

– Я не директор рынка, поэтому не могу точно сказать, из каких мест происходят фрукты, которые там продаются. Ду-

маю, что из многих. Но лучше спросите у владельцев рынка. Я, всего лишь, общественный деятель, координирующий работу низовых структур нашего землячества, – снисходительно развел руками Тагаев.

– Спросили уже, – буркнул министр, сумрачно сверкнув глазами. – Их ответ не слишком сильно отличается от вашего. Однако, по поводу абрикосов, хозяева рынка в один голос утверждают об их азербайджанском происхождении. В доказательство своих слов нам были предъявлены соответствующие накладные и сертификаты качества. Причем, должен заметить – подлинные документы.

– Иначе и быть не могло, господин министр! Мы, законопослушные граждане России, – довольно осклабился Шамиль Алескеревич.

– К вопросу о законопослушности и гражданстве, мы с вами еще вернемся, а сейчас давайте, продолжим начатую тему происхождения продукции.

Тень тревоги промелькнула на лице «координатора низовых структур», но быстро улетучилась. Все-таки, несмотря ни на что, Тагаев умел прятать свои эмоции, когда это было жизненно необходимо.

– В накладных указано, что абрикосы аборигенного сорта «Заря Востока» поступили в оптовую продажу в середине августа текущего года, следуя маршрутом из Азербайджана. Мы, естественно, навели необходимые справки и получили соответствующее подтверждение от Таможенной Службы, о

том, что восемь фур, груженных абрикосами сорта «Заря Востока», проследовали из Азербайджана в адрес оптово-розничного продовольственного центра «Фуд-Сити».

– Ну, вот! А я что говорил?! У нас все честно и без обмана! – опять обрадованно воскликнул Шамиль Алескерович.

– Подождите, уважаемый, я еще не закончил, – вновь строго поджал и без того тонкие губы Околоков. – Мы провели тщательную ревизию торговых площадок, и результатом этого стало поразительное открытие. Несмотря на наличие отпускных накладных по сорту «Заря Востока», коих, судя по документам, прибыло восемь фур, а значит, приблизительно сто шестьдесят тонн, ни одного абрикоса данного сорта ни на складах длительного хранения, ни на прилавках не зафиксировано. Из примерно десяти тысяч тонн абрикосов, присутствующих на площадке «Фуд-Сити», подавляющее количество составляли абрикосы сорта «Краснощекий». Этот сорт внешне очень похож на «Зарю Востока», но отличается своими вкусовыми качествами. Но самое примечательное состоит в том, что это очень редкий сорт и массово культивируется только в одном из районов Кубани. Пользуясь тем, что Роспотребнадзор вкупе с ФАС с некоторых пор тщательно следят за наценками при оптовой продаже продуктов питания отечественного производства, делая исключение лишь для импортной продукции, дабы стимулировать иностранных поставщиков, руководство «Фуд-Сити» намеренно осуществляло пересортицу с целью извлечения неза-

конного дохода. А это уже, извините меня, попахивает мошенничеством в особо крупных размерах. Но на фоне всего остального, даже это правонарушение выглядит сущим пустяком. Нам кое-как удалось разговорить двух руководителей кубанских агрохозяйств, специализирующихся на выращивании именно этого сорта абрикосов, и они нам нехотя поведали вот какую занимательную историю. Несколько лет назад они пытались проникнуть со своей продукцией на столичные рынки, но после нескольких инцидентов, закончившихся довольно печально для собственных перевозчиков агрофирм, оставили эти попытки. Говоря простым языком дальнбойщиков, в лучшем случае, на подъездах к столице, просто избивали до полусмерти, а весь товар отнимали представители этнических преступных группировок. Угрожая убить в следующий раз, если те не примут неких условий, о которых будет объявлено позже. В конце концов, не выдержав физического прессинга, водители стали попросту увольняться. После таких красноречивых мер воздействия на ослушников, к руководству агрофирм прибыли эмиссары с предложением о выделении сопровождения фур до тех торговых точек столицы, что будут им указаны. В обмен на услуги так называемой «охраны и сопровождения» они обязались обеспечить бесперебойный прием товара по ценам почти в два с лишним раза меньше оптовых рыночных. Находящимся на грани разорения фирмам не оставалось ничего иного, как согласиться на грабительские условия «добро-

детелей». Вот так кубанские абрикосы под видом азербайджанских и попадали на «калужку». Всю дорогу, по сопроводительным документам, они ехали в качестве отечественных, а потом вдруг меняли свое «гражданство». А это уже не мошенничество, а куда более серьезная статья. Вы согласны с этой точкой зрения?

– Я не вникал, как следует в детали предшествующие данному конфликту, – осторожненько начал Тагаев, чувствуя нутром, что его заманивают в какую-то ловушку.

Меж тем, еще буквально несколько минут назад, чувствовавший себя абсолютно раздавленным, министерской аргументацией, Манукян, начал понемногу оттаивать прямо на глазах.

– Ну, хорошо. Не вникали, так не вникали. Но я вот только одного не пойму. Так вы уж меня просветите, пожалуйста. Неужели только из-за пещерной ненависти к гражданам иной национальности, администрация рынка запретила у себя размещать привезенную продукцию? – поинтересовался Околоков.

– Мотивы могут быть самыми разными, – пожал плечами Тагаев. – Впрочем, мне они неизвестны, ведь я не смог поговорить с владельцами рынка, так как они находились под стражей.

– Да, что вы за люди такие?! – начал уже откровенно злиться министр. – Что ни спросишь, все у вас у обоих нет четкого ответа. Зачем тогда пришли? Это не я, а вы господа,

были инициаторами нашей встречи.

– У меня нет однозначного ответа, поэтому я могу только предполагать...

– Ну, предполагайте, – угрюмо подстегнул ход мыслей Тагаева министр.

– Видимо причиной было ограниченность мест длительного хранения и опасение затоваривания именно абрикосами, так как уже немалое их количество уже там присутствовало, – начал осторожно высказывать свои предположения гражданин в белом костюме.

– Э-э-э, бросьте, господин Тагаев! – тут же оборвал его Владимир Александрович. – Никакого дефицита мест хранения на рынке не было обнаружено. Многие складские помещения были незаполненными.

– Я не понимаю, – в свою очередь взбеленился пылкий азербайджанец, – к чему и зачем вы задаете мне вопросы вне сферы моей компетенции?! В конце концов, кто тут пострадавшая сторона?! К кому приехали на автомобилях устраивать вооруженные разборки?! Вы не мне, вы вон ему, – мотнул он головой в сторону оппонента, – задавайте вопросы о том, зачем они нарочно направили фуры именно на наш рынок, когда у них свой есть! Не могут в бою одержать честную победу, так вместо этого, они в бессильной злобе, устраивают здесь провокации против наших торговых точек!

– Да как вы смеете?! – начал приподниматься со стула армянин, грозно сверкая очами, но его телодвижение прервал

окрик министра.

– А ну, всем молчать! Вы мне тут еще потасовку устройте! Я, господин Тагаев, и без ваших мудрых советов знаю, что зачинателем провокации была противная сторона, но ваша, виновна в случившемся, никак не менее. Вы так и не дали мне вразумительного ответа на вопрос о том, почему не были пропущены фуры на территорию оптового рынка.

– Мы к ним не лезем! Почему они к нам лезут?! – запальчиво выкрикнул Тагаев.

– К вам? – вскинул брови Околоков.

– Ну да! Рынок принадлежит членам нашей диаспоры! Разве это не так?! – продолжал неистовствовать уроженец солнечного Баку.

– Все, что может относиться к «вашему», как вы изволили выразиться, осталось на исторической родине! А здесь – территория Российской Федерации. Ко всему прочему этот рынок является открытой торговой площадкой, что свидетельствует из текста лицензии на право ведения подобного бизнеса, выданной господам Илиеву и Нисанову. А из этого следует, что всякий, заплативший за место, имеет право размещать свой товар на его площадках. И я не позволю никому нарушать правила российской торговли из расовых, религиозных или еще каких предубеждений!

– Я имел в виду... чтобы не создавать лишней напряженности... – начал мямлить, оправдываясь, Тагаев за неосторожно вылетевшие слова.

– А теперь поговорим о гражданстве и законопослушании, – не стал слушать неуклюжие попытки Тагаева исправить неловкую ситуацию, Околоков. – В вооруженном столкновении, повлекшим за собой массовую гибель людей, принимали участие граждане Азербайджана, не прошедшие через пункты пограничного перехода, а, следовательно, не имевшие регистрации на территории РФ. Оружие, примененное ими в ходе боестолкновения, также не проходило соответствующую регистрацию. А вы, Левон Альбертович, – кивнул он в сторону армянина, – напрасно делаете индифферентное личико, потому что, то же самое, относится и к вашим боевикам. Иными словами это были нелегалы с обеих сторон, тайно пробравшиеся к нам и тайно снабженные не гражданским, а боевым оружием. А это уже «иностранное незаконное вооруженное формирование террористической направленности, действующее на территории сопредельного государства». Вы теперь-то, хоть в малейшей степени понимаете, чем это пахнет для ваших диаспор? Устраивая эту встречу, я полагал, что в ее ходе будут найдены некие компромиссы, позволяющие воспрепятствовать противостоянию и эскалации конфликта между вашими этническими диаспорами. Но вижу, что моя наивность в этом вопросе потерпела фиаско. Не желаете решать вопросы на основе консенсуса? Ладно. Принято. Тогда будем разрешать накопившиеся противоречия силовыми методами.

При этих словах, оба делегата национальных меньшинств

разом напряглись и выжидательно уставились на представителя закона и правопорядка. Тот, для усиления эффекта от предстоящего оглашения вердикта, выждал еще пару мгновений и сказал, как припечатал:

– Особыми полномочиями, выданными мне верховной властью на время действия чрезвычайного положения, объявляю вам свое волевое решение. Хотя и не участвовавшие напрямую в кровавой драме, но косвенно в ней замешанные и спровоцировавшие возникновение данной ситуации, господа Айрапетян, Илиев, Нисанов, а также ближайшие члены их семей подлежат немедленной высылке из страны сроком на пятьдесят лет. На выполнение решения дается 72 часа, начиная с 13.00 по местному времени, то есть с этой минуты, – отчеканил Околоков, мельком глянув на циферблат настенных часов.

– Как так?! Это произвол! Вы не имеете права! – разом загалдели, как два гусака, пылкие кавказские мачо. – Это незаконно, они граждане России! Граждан России нельзя депортировать!

– Они не только граждане России, но еще и граждане своих государств, – отмахнулся от них Околоков.

– Законом не запрещено иметь двойное гражданство! – опять чуть ли не хором возразили лидеры диаспор.

– А мы их высылаем не как российских, а как иностранных граждан, – не без ехидства заметил Владимир Александрович. – Все-все, господа! Решение уже принято и обжало-

ванию не подлежит. Вас я более не задерживаю, но на прощание сделаю все-таки предостережение от необдуманных поступков. Если я, получу еще хоть одну жалобу от кого-либо на притеснения со стороны членов ваших диаспор, выразившееся в применении силы или просто в угрозах ее применения, то следующие репрессии коснутся уже непосредственно ваших персон. До свидания, господа.

Он нажал на кнопку с внутренней крышки стола и в дверях тут же материализовался секретарь – строгий и атлетически сложенный человек, явно владеющий приемами рукопашного боя.

– Ростислав Евгеньевич, – обратился он к нему, – проводите господ представителей к выходу. Да проследите там, чтобы они не устроили по дороге поножовщину.

Вставать, чтобы оказать уважение провожаемым визитерам, Околоков посчитал делом абсолютно ненужным, поэтому остался сидеть каменным монументом самому себе.

III.

Когда пребывающих в состоянии ступора «гостей» выпроводили из кабинета, из-за ширмы, кряхтя и отдуваясь, вылез Диктатор Всея Руси. Молча оседлав стул, который до него занимал Манукян, он приглашающим жестом указал министру на место против себя. Владимир Александрович также молча занял указанное ему место, приготовившись к обстоятель-

ной беседе. Сложив руки на стол, Афанасьев пронаблюдал за тем, как осторожно, будто чего-то, опасаясь, хозяин кабинета примащивает свое седалище. Тяжко и протяжно вздохнув еще раз, Валерий Васильевич задал вопрос, не столько из желания получить информацию, сколько из области риторической философии:

– Ну, что Владимир Александрович, не удалось тебе примирить двух альфа-самцов?

– Не удалось, – коротко ответил полицейский. – Да я, собственно говоря, и не рассчитывал на какой-либо результат. Такие вопросы за столом околоточного надзирателя не решаются. Ко всему прочему, крови уже пролито меж ними немало, а через такую реку мост быстро не перекинешь.

– Строить мосты между этими, например, типчиками из дурной комедии «дель-Арте», не наша с вами забота. Пусть об этом болят головы в Баку и Ереване. А то опять влезем, разнимем, успокоим, удоволим на свой же счет, а потом они нас за нашу же доброту и предадут анафеме. Плавали-с – знаем.

– Что же тогда делать?! Криминогенная ситуация и так оставляет желать лучшего, а тут еще межэтнических конфликтов нам не хватало до кучи, – пожаловался Околоков.

– Вот я сюда за этим и приехал, чтобы узнать ваше мнение на данный счет и предложения по выходу из создавшейся нетерпимой обстановки. Я же по вашим глазам вижу, что этой темой вы озабочены уже продолжительное время. Сле-

довательно, и наработки, хотя бы черновые, у вас уже имеются. Так поделитесь мыслями. Может в процессе беседы мы, и сможем нащупать правильный путь ее решения, – выразил осторожный оптимизм диктатор.

– Верно, товарищ Глава Высшего Военного Совета...

– Не на собрании, – поморщился Афанасьев, – поэтому давайте-ка без чинов и лести. Просто обменяемся мнениями.

– Хорошо, Валерий Васильевич. Да, так вот. Верно, говорите о том, что думал я обо всем этом. Даже перелопатил кучу специализированной литературы. И вот к какому выводу пришел, в конце концов. Только прошу меня выслушать внимательно и без особой нужды не перебивать. Мне, извините, и так трудно собраться с мыслями после разговора с этими, прости их Господи, субчиками.

– Все-все! Извините! Я постараюсь не сбивать с мысли, – заерзал на стуле Верховный.

– Все новое, как правило – давно и хорошо подзабытое старое. Еще Соломон высказывался в том духе, что ничего нет на свете, что было бы внове по-настоящему. Все уже, когда-то, так или иначе, но происходило. Ибо все движется по кругу и по восходящей спирали, как учит нас диалектический материализм.

– Не можете без цветастых предисловий? – вяло усмехнулся Афанасьев.

– Без них не обойтись, если хотите понять ход моих умо-

заклучений, – мягко возразил министр.

– Ладно. Чего уж там. Раз не обойтись, то и не будем. Продолжайте, пожалуйста, Владимир Александрович. Я, помолчу.

– Так вот, возвращаюсь к сказанному, замечу, что ситуация в сфере национального умиротворения отнюдь не нова. Было это уже лет этак сто шестьдесят назад, еще в бытность императора Александра II. Тогда тоже в связи с реформами встал вопрос о внутринациональной политике. В сложившейся в те времена жесткой структуризации коренного населения России: «монарх – дворянство – духовенство – воинство – ремесленники – крестьянство», не оставалось места для частной инициативы предпринимательства, как наиболее мобильного, а значит, прогрессивного класса. Здесь присутствовали, в основном, религиозные причины (неспроста в России крупнейшие купцы представляли старообрядческие семьи – у православных нового обряда «накопление капитала» не приветствовалось). Также было множество предпринимателей-немцев из Прибалтийских губерний – ведь там не было крепостного права, а местные торговые круги, таким образом, изначально оказывались в условия более выгодные, чем большинство населения России.

– Э-э-э, что-то я не улавливаю связи с текущими событиями, – почесал лоб Афанасьев.

– Все очень просто. Я хотел этим сказать, что засилье иностранцев и иноверцев в наиболее динамически развива-

ющихся отраслях было делом исторически predeterminedным. А там, где начинают оборачиваться крупные капиталы, там, естественно и появляется удобная атмосфера для преступности, в том числе и преступности этнически ориентированной.

– Ага! Теперь понял, – закивал Афанасьев.

– Я продолжу с вашего позволения. Однако такая ситуация не могла продолжаться вечно. Обретение гражданских и политических свобод коренным населением, отмена крепостного права, крах дворянских привилегий открыли путь в предпринимательство вчерашним «рабам». И очевидно, что если бы не революционные события 1917 года, то призывы Михаила Осиповича Меншикова к русскому народу «вспомнить, что вы – господа» реализовались бы без «погромов» и прочих либеральных пугалок. Русское население росло гораздо быстрее инородцев. Русские люди постепенно богатели. Русские становились всё более и более образованными. Развивалась русская наука – фундамент для предпринимательской деятельности. У русских был серьёзный духовный и идеологический стержень, объединявший нацию – «Православие, Самодержавие, Народность». И в дальнейшем, русские бы полностью заняли лидирующее положение в бизнесе не потому, что они «проклятые фашисты», а в силу естественных причин. Однако, были у русских и слабости. Много слабостей. Эти недостатки обернулись крахом Российского государства.

– Видимо я совсем стал старым и поэтому перестал улавливать суть ваших предложений, – опять начал потирать лоб Афанасьев.

– Я хотел этим сказать, что проблема этнических противоречий, как удобная почва для произрастания этнопреступности не просто не нова, но и методы борьбы с ней носят отрывочно-дискретный характер. А проблему надо решать комплексно.

– То есть, если я вас правильно понял, то меры пресечения преступности, продемонстрированные вами на примере двух враждующих группировок недостаточны?

– Абсолютно верно вы изволили выразиться, – подтвердил министр. Высылка некоторых руководителей преступных, а у меня теперь уже нет в этом никаких сомнений, кланов, дело не решает. Это все полумеры. Я уже представляю себе, как свора адвокатов, высланных сегодня мною лиц, набросится на меня с требованиями отменить это решение, как только будет отменено чрезвычайное положение.

– Значит, говорите, что эти меры проблему не решат?

– Разумеется. Даже если мы применим все репрессалии к главам этих противоборствующих кланов, ничего не изменится, в принципе. Вы же прекрасно понимаете, что свято место пусто не бывает. Место армянской и азербайджанской мафий освободившуюся нишу тут же займут грузинская, курдская, дагестанская, чеченская и прочие. Да они и так имеются в изобилии. Просто эти две – более многочис-

ленные по сравнению с другими. Но это уже из области демографии.

– Что-то я окончательно перестал понимать извилистый ход ваших мыслей и поступков. Вы сначала высылаете глав враждующих группировок, а уже через пять минут признаетесь мне в бесполезности этих мер, – начал раздражаться Валерий Васильевич.

– Я ничего не говорил о бесполезности высылки. Вы, Валерий Васильевич, невнимательно меня слушали. Я сказал, что это всего лишь полумера, а проблему надо решать в корне, – проявил настойчивость в свою очередь Околоков.

– Ну, хорошо. Видимо я действительно что-то недопонял или не расслышал, – примирительно загудел Афанасьев, чувствуя, что негоже проявлять суетливость и нетерпение, в подобного рода делах. – Давайте тогда так. Для таких долбоудятлов как я, вы на уровне тезисов набросайте первоочередные меры, которые, по вашему мнению, помогут справиться с ситуацией.

– Ладно. Как скажете. Но сначала позвольте подсластить вам пилюлю.

– Подслащивайте, – милостиво согласился Афанасьев, усмехаясь.

– Я целиком и полностью одобряю ваше решение о закрытии всех границ в связи с пандемией ковида. Было бы неплохо, продолжить эту практику и после отмены антиковидных ограничительных мер на как можно больший срок, а лучше

всего навсегда.

– Предлагаете «закуклиться», как Северная Корея?

– Отчего же закукливаться? – пожал плечами полицейский. – Я никогда не был против туризма. Пусть приезжают, смотрят, отдыхают, покупают сувениры и убираются восwoяси подобру-поздорову. Пускай приезжают в командировки, по торговым и прочим коммерческим делам. Я не против этого. Но ни в коем случае не надо предоставлять им возможность обосноваться у нас капитально, и не следует им отдавать рынок рабочих вакансий.

– То есть, я так понимаю, что вы против не только ведения бизнеса иностранцами внутри государства, но и против трудовой миграции? – спросил несколько озадаченный Глава государства. – А кто тогда будет выполнять неквалифицированные работы, на которые наших граждан никакими посулами не заманишь? Асфальт класть и мусор убирать, кто будет?

– Все это глупости и предрассудки, распространяемые до-сужими сплетниками и журналюгами из «желтой» прессы, о якобы существующих перекосах в сфере занятости. Все упирается в деньги. Платить надо достойную зарплату за непрестижный труд, вот и все. Вы русскому дворнику платите не двадцать тысяч, как сейчас платят гастарбайтерам из Средней Азии, а скажем, пятьдесят, и тогда он вам асфальт отдраит зубной щеткой. К тому же у нас почти два с половиной миллиона беженцев с Украины, готовых на любые работы, а

уж за такие деньги, тем более.

– Увеличение оплаты труда неквалифицированных работников может спровоцировать рост инфляции и повышение цен в социальной сфере, и при этом не решит всех проблем, – скучным и тусклым голосом отметил Афанасьев.

– А ничего, что иностранные рабочие, тем самым стали держать под контролем целые отрасли, вывозят заработанные деньги, предварительно обменанные на валюту, а недостающие средства для своего жизнеобеспечения (так как действительно получают небольшие зарплаты) добывают наиболее банальным способом? А, именно – тривиальным гопстопом. Да. Это не решит основных проблем с этнической преступностью, но хотя бы покончит с уличной, где по сводкам МВД преобладают представители все той же Средней Азии.

– М-да, тут я, пожалуй, с вами соглашусь. Но мы слегка отклонились от темы борьбы с организованной этнической преступностью.

– Отнюдь нет. Здесь все взаимосвязано, – возразил Владимир Александрович. – Что является основной подпиткой этнической организованной преступности? Отвечаю: приток все новых и новых людских ресурсов. Нужно срочным образом и под любыми предлогами перекрывать этот канал. Нужно прекратить порочную практику выдачи «вида на жительство». Никакой пользы от этого нет, а только одни проблемы. И уж тем более прекратить выдачу «гражданства» выходцам

с территории бывшего СССР. Мы в последнее время очень сильно увлеклись этим занятием и тем самым весьма девальвировали ценность российского паспорта, раздавая его направо и налево в безумном желании потрафить статистикам в их отчетах о «неуклонном росте количества граждан России» и желании утереть нос алармистам-демографам, вопящим о «вымирающей России». И те и другие – сволочи и брехуны. Быть гражданином России – великая привилегия, а не пустая формальность. Это звание надо заслужить либо кропотливым трудом на Россию за ее пределами, либо выдающимися поступками ради нее. Меня трудно заподозрить в пещерном национализме, потому как сам я из полукровок – отец из чувашей будет, а мать чистокровная татарка. Поэтому у меня нет расовых и уж тем более религиозных предубеждений против той или иной нации. Однако факты говорят сами за себя. Еще в начале прошлого года я дал приказ провести непубличное исследование качественного состава самых крупных московских диаспор. Результат исследований был, ожидаем. Наибольший процент лиц с высшим образованием, включая научные степени, показала украинская диаспора. Ну да это и не удивляет. Качеством образования, что Украина, что Белоруссия, всегда славились. Следом идет Армения, которая дала нам большое количество видных ученых, деятелей искусств и квалифицированных рабочих. Правда, справедливости ради, надо отметить, что выходцы из солнечного Еревана занимают, к сожалению, еще

и пальму первенства по количеству преступников-интеллектуалов.

– Как это?

– К интеллектуалам принято относить лиц, замешанных, как правило, в мошеннических преступлениях. Это не банальные грабежи, разбои и кражи. Это более тонкая, так сказать, ювелирная работа.

– Ага. Суть я уловил, – кивнул Афанасьев, – продолжайте.

– Эту тройку замыкают выходцы из Грузии. Представители всех остальных бывших республик Советского Союза отстают от них на порядки. И действительно, я с огромным трудом могу отыскать в закоулках своей памяти какого-нибудь ученого из Средней Азии и хотя бы того же самого Азербайджана. В лучшем случае, одни торговцы или коммерсанты мелкого пошиба. Ни тебе ученых, ни тебе высококвалифицированных рабочих. А что мы видим на практике? Это, что касается качества диаспор. Вы меня, конечно, извините, но я ни за что не поверю, что эти бывшие республики сами не обладают научным и образовательным потенциалом, чтобы растить полезных обществу граждан. Кое-что у них, безусловно, осталось. И они в отличие от нас, это всячески стараются сберечь, создавая для своей научной и производственной элиты благоприятные материальные условия. Нам же, прости Господи, сбывают всякое отребье. Мы же, вместо того, чтобы привлекать к себе научные и производственные кадры, делаем вообще малопонятные телодвижения. К

нам слетаются всяческие маргиналы, которые не нужны там и мягко говоря, не представляющие ценности тут. Авантюристы и нахлебники приезжают к нам, а наши тому и рады. Раздают тут, понимаешь, гражданство и виды на жительство, кому попало, начиная с прощелыг, типа Жерара Депардье и кончая порно-актрисами вроде Натальи Орейро.

– А она разве порно-актриса? – удивился Афанасьев.

– Была в молодости. А ей вот дал гражданство покойный президент незадолго до кончины. Но я, хоть убейте, никак не возьму в толк, какие такие заслуги у них перед Российской Федерацией! И таких, мягко скажем, авантюристов очень много. Ну ладно, эти то еще нафталиновые орэйры, мути, депардье из когорты безобидных тунеядцев. Прокормим, как-нибудь. Но зачем же сбегивать заведомых преступников? Ведь, даже получив гражданство на халяву, они им ни капли не дорожат. В то время, как настоящие русские или их потомки, волей обстоятельств никак не зависящих от них, заброшенные на чужбину, вынуждены мытарствовать в трудах по его получению. Причем, заметьте, все эти русские – потенциальные граждане России, действительно ответственные и законопослушные граждане. Поэтому я еще раз (в прошлом уже подавал записку в Кабмин) настоятельно рекомендую прекратить выдавать российское гражданство лицам нерусской национальности, и напротив, всячески облегчить процедуру его получения тем русским, которые хотят вернуться к родным очагам. Но и это еще не все.

Пора, наконец, воспользоваться бесценным опытом Объединенных Арабских Эмиратов. Там на одного коренного жителя приходится чуть ли не по десять иностранных рабочих. И ничего страшного. Никто из них не получает местного гражданства (подданства, ибо в ОАЭ монархическое правление). Но и возмущений с их стороны нет, потому как там внедрили систему длительных рабочих командировок. Гастарбайтеры приезжают, скажем, на полгода, работают и живут в общежитиях, а затем уезжают домой, в то время как им на смену приезжает другая партия.

– Любопытненько, – подергал носом диктатор. – Возьмем и это на заметку. Дальше.

– Надо также решительно перекрывать им источники их доходов. А для этого надо просто прекратить выдавать разрешения на открытие бизнеса, не связанного с производством. Тем самым мы увеличим производственную составляющую в экономике за счет сокращения сферы посреднических услуг, а проще говоря, спекулятивной деятельности. Вы вон, давеча, сами стали свидетелем того, что они просто задарма скупают не ими произведенную продукцию, а потом втридорога сбывают нам же. Уже имеющиеся выданные разрешения и лицензии, под любыми предлогами – изымать. Владельцев коммерческой недвижимости на уровне законодательства обязать использовать не менее двух ее третей под производство продукции повседневного бытового пользования. Этим самым мы обеспечим дополнительные рабочие

места и одновременно разгрузим производственные мощности промышленных предприятий, занятых изготовлением товаров с низкой добавленной стоимостью. Присутствие на рынке иностранного криминального бизнеса надо искоренять любыми, я подчеркиваю, любыми, методами и средствами. Наряду с этим, я предлагаю отменить конституционную норму, запрещающую лишать российского гражданства, кого бы то ни было. Не понимаю этого замшелого пацифизма, от которого даже в европах отказались и теперь пачками лишают гражданства тех, кого заподозрили в малейшей нелояльности к властям. Так и нам надо. Лишать гражданства при каждом удобном случае. И опять же, в целях сокращения поголовья этнических преступных группировок, считаю, крайне важным радикально ужесточить практику высылки из страны даже за административные правонарушения. Нужно срочно и решительно перерезать эту пуповину, питающую этнические диаспоры. Эта мера сразу «обескровит» этнические банды, которые никогда не отличались, хотя бы малым подобием законопослушания, вольготно чувствуя за собой силу диаспор, встающих стеной на их защиту каждый раз, когда они преступают закон. По нашим подсчетам внедрение этой меры воздействия на этнические сообщества, уже в кратчайшие сроки, как минимум, уполовинит их количественный состав. В противовес этому нужно всячески развивать и поощрять национальный бизнес, особенно тот, что занят в реальном секторе экономики. При объ-

явлении тендеров надо отдавать приоритет именно нашим предприятиям и бизнес-структурам, даже в ущерб качеству, на первых порах. Мы потом заставим их «подтянуть» культуру производства, качество и скорректируем цены. А пока им надо дать первый глоток воздуха, используя всю механику государственного протекционизма. Естественно, что финансовые структуры тоже должны к этому подключиться. Их надо на государственном уровне простимулировать оказывать действенную помощь национальным производителям. У нас до сих пор основным инвестором в новое производство и развитие технологий является государство. Но быть практически единственной опорой для внедрения всего нового, это слишком обременительное занятие. Развивая национальное производство и сферу услуг, нужно одновременно с этим, как я уже говорил, выдавливать иностранных посредников из этой цепочки. И это касается не только представителей наших «небратьев» из сопредельных республик, а вообще, всех иностранцев. Выдавливать постепенно и методично, все более и более осложняя им коммерческую деятельность.

– Это все конечно хорошо вы мне описали, и я с вашими предложениями склонен согласиться, но вот не вызовут ли наши действия ответных мер со стороны сопредельных стран?

– Каких именно ответных мер вы опасаетесь?

– Хотя бы, к примеру, зеркальных.

– Зеркальных мер не получится, – решительно возразил министр, который, судя по всему, уже думал над этим вопросом. – Ни в странах Закавказья, ни в странах Средней Азии российский бизнес не присутствует, в той степени, в какой принято считать. Наше деловое присутствие ограничивается либо обладанием акций местных предприятий, занятых в энергетической, либо сырьевой сферах. А так как нет физического присутствия россиян в местных бизнес-сообществах, то, стало быть, и навязшей у всех на зубах, так называемой «русской мафии» тоже нет. Попробуют конфисковать наши акции – самим окажется дороже. Мы просто разорвем все логистические цепочки. Азербайджан, который на всех углах бравировает своей независимостью и своими трубопроводами, по иронии судьбы, почти наполовину зависит от наших поставок нефти и газа, чтобы обеспечить выполнение своих экспортных обязательств. А Армения, зажата в кольцо недоброжелателями, имеет всего лишь один небольшой выход в сторону Ирана. Но развивать с ним полноценное сотрудничество, ориентированное на Запад руководство этой республики не станет из-за опасений вызвать гнев своих кураторов из Америки и Европы. Почти то же самое можно сказать и про республики Средней Азии. Правда, туда стоит еще добавить их животный страх перед талибами, взявшими власть в соседнем Афганистане, откуда амеры сейчас драпают во все лопатки. В этой ситуации ссориться ещё и с нами, для них подобно самоубийству.

– А как быть с простыми русскоговорящими людьми, оставшимися там со времен распада великого и могучего? – поинтересовался Афанасьев.

– Процент оставшихся русских, в этих республиках крайне не велик – на уровне статистической погрешности. Все те, кто хотели оттуда выехать, уже давно выехали. Там остались лишь те, кто находится в браке с представителями коренной нации, да еще одинокие пенсионеры, как долгое эхо экономических мегапроектов бывшего Союза.

– Боюсь, как бы обозленные нашей национальной политикой тамошние власти не отыгрались, на обездоленных судьбой людях, – горько вздохнул Валерий Васильевич.

– Данный вопрос уже не в моей компетенции, – жестко ответил министр. – У нас имеется целый департамент по реинтеграции при министерстве социального развития. Имея громадный бюджет государственного финансирования, куда они столько лет смотрели?! На те деньги, что им были выделены для помощи желающим вернуться домой соотечественникам, давно уже можно было выстроить несколько городов. Вот пусть и раскошеливается, в кое-то веки, пока к ним не пришли с вопросами любопытные дяденьки из прокуратуры и ведомства нашего любимого Николая Палыча. Надо еще раз во всеуслышание и на высшем уровне объявить программу по переселению соотечественников в родные пенаты под лозунгом «Поможем друг другу!». А для реализации этой цели обязать Департамент выкупать через свои региональные

структуры определеннй процент строящегося, либо высвобождающегося жилого фонда для раздачи в дальнейшем сертификатов переселенцам. И обязательно привлечь к этой акции Федеральную Службу по Трудy и Занятости. А то жильем обеспечим, а работы не будет. Нехорошо получится. Да поставить все это под неусыпный контроль все того же КГБ, а то знаю я этих воришек. Это не потребует каких-то невероятных вложений. По нашим данным число вернувшихся из того же Закавказья не превысит, в лучшем случае, 30-40 тысяч человек. Капля в море, по сравнению с приехавшими к нам беженцами из Украины. В России в этом году ожидается к сдаче более 80 миллионов квадратных метров жилья. Калькулятор дать или так посчитаете?

– Так посчитаю, – свел глаза в кучу от умственного напряжения Афанасьев, и уже через пару секунд выдал ответ. – Шестьсот тысяч квадратных метров из расчета по 15 квадратов на человека и при условии, что все сорок тысяч изъявят желание вернуться.

– А сколько это будет в процентах? – жадно спросил Околоков.

– Ноль целых и семьдесят пять сотых процента, – не замедлил с ответом диктатор к вящей зависти полицейского, не умевшего так ловко обращаться цифирью.

– Ну вот! – с энтузиазмом Владимир Александрович. – И это без учета того, что программа растянется не на один год. Со своей стороны, как министра, могу предложить для рас-

селения ту жилплощадь, которая останется вымороченной в результате депортаций правонарушителей.

– Ладно. Вы меня почти заразили своей убежденностью. Однако же, позвольте в вашу бочку меда плеснуть изрядную ложку дегтя.

– Плещите, товарищ Верховный, – улыбнулся, казалось готовый к любым вопросам, Околоков.

– Предположим, что репрессивными методами нам удастся существенно понизить градус активности этнических мафиозных сообществ – выходцев из, так называемого, «ближнего зарубежья». Но ведь не секрет, что тогда начнут еще больше поднимать головы доморощенные этнические группировки. Я имею в виду уже наших с вами граждан с все того же беспокойного Северного Кавказа. Вы понимаете, о ком я веду речь?

– Безусловно, – кивнул министр. – Решения данной проблемы я тоже вижу в целом комплексе предупредительных мер различного характера. Прежде всего, это набор тривиальных методов сдерживания отечественной этнической преступности, включающий в себя: учет количества этнических преступных групп, их состава, предупреждение совершения ими новых преступлений; взаимодействие правоохранительных органов с иными государственными органами; привлечение переводчиков, специализирующихся на знании языков народов, проживающих на территории РФ; работа с населением и т.д. Особую важность имеет для на-

циональной безопасности контроль за деятельностью существующих в среде этнических групп религиозных и общественных организаций. В последнее время именно религиозные организации экстремистского толка, типа ваххабитов, являются основными прародителями настоящих террористов, куда как более опасных, чем обычные преступные группировки. Ибо они замешаны не на наживе, а на фанатизме, толкающем к совершению наиболее кровавых акций, нежели разборки между кланами профессиональных правонарушителей, старающихся не выходить слишком далеко за рамки в противостоянии с властями.

– Но ведь, наверняка, у вас в заглавнике имеется что-то и еще? – подмигнул Афанасьев.

– Да, имеется, – не стал кочевряжиться Околоков. – Так как карательные методы здесь неприемлемы, то нужно применять социальные, экономические и прочие стимулирующие, призванные сократить внутреннюю миграцию. Любая миграция не существует ради самой себя. У нее для этого всегда имеются веские причины. Этими причинами в нашем случае является депрессивность наших кавказских регионов, сложившаяся из-за демографического перекоса, когда семьи, обладающие большим количеством детей, не имеют возможности прокормить их вследствие недостатка рабочих мест на местных предприятиях. Первое, что приходит на ум, это развитие инфраструктуры на местах. Нужно создавать условия для получения образования с гарантией после-

дующего трудоустройства. Надо создавать, как можно больше предприятий промышленного производства, а также организаций, завязанных на сферу услуг населению. Пора вернуть нашему Кавказу титул «всероссийской здравницы». Закрытие внешних границ, в связи с пандемией, сможет оказать хорошую услугу в деле развития санаторно-курортной инфраструктуры. Это будет самой действенной мерой в деле сокращения потока внутренней миграции. В качестве дополнения к этому можно ввести ценз оседлости, применяя двухполосную шкалу налогообложения – положительную и отрицательную.

– Как это?

– Если человек остается проживать по месту рождения, то начиная с определенного периода оседлого проживания, постепенно снижать планку налогообложения во всех сферах. Сюда можно включить подоходный налог, налог на прибыль, имущественный и транспортный налоги и прочие, и прочие, а также оплаты в фонды, как то, соцстраха, пенсионный и дорожный. Понемногу, чуть-чуть с каждого вида уплат. В совокупности это составит неплохую цифру для гражданина. Это отрицательная шкала. А положительная, будет выглядеть диаметрально противоположной. И тоже будет составлять немалую сумму в итоге. Разумеется, все это не должно коснуться тех, кто покинул отчие места не по своей воле, а по государственной необходимости. Для тех же, у кого кипит и бурлит от избытка адреналина кровь, можно с успе-

хом применить рецепт руководителя Чечни – Ахмада Рамазанова, формирующего подразделения для ЧВК. На просторах Ближнего Востока и Африки, где у нас имеются явные и тайные интересы, у них будет возможность на практике проявить свое мужество, а заодно и повысить существенно свое благосостояние, причем, совершенно легальным способом. В общем и целом, такая вот сложилась у меня концепция.

– Хорошо, Владимир Александрович. Я услышал ваше мнение. И некоторые из ваших предложений можно будет взять за основу будущих решений, – начал приподниматься со стула, хрустя суставами затекших в неудобной позе ног, Афанасьев.

– Рад, что плоды изысканий наших аналитиков вас заинтересовали, – скромно признался Владимир Александрович.

– Вы, товарищ Околоков, по итогам нашей с вами сегодняшней беседы, подготовьте развернутый план конкретных мероприятий по решению данной проблемы. Привлекайте специалистов из смежных структур, профильных министерств и ведомств. Вам хватит для этого двух недель?

– Думаю, что хватит. Тем более основные вопросы мы уже и так с ними потихоньку прорабатывали все эти два месяца.

– Вот и ладненько. Через две недели прошу вас с докладом на Высшем Военном Совете. Искренне полагаю, что вопросов, с утверждением вашего будущего плана мероприятий, не возникнет.

Крепко пожав на прощание руку министру, Афанасьев в

состоянии полного удовлетворения покинул здание министерства.

Глава 43

I.

62°59'43"N 5°55'00"W, 29.08.2020г., 2ч.30мин. по Гринвичу, авианосец CVN 71 «Theodore Roosevelt»

Экстренное секретное совещание Командования 2-го Оперативного Флота США и Командования Глобальных Ударов ВВС США было решено провести именно на борту флагмана. Это объяснялось маниакальной подозрительностью Эндрю Льюиса – Командующего этим флотом, видящим в каждом портовом грузчике Кеблавика агента русской разведки. Секретность была настолько велика, что Тимоти Рэя – руководителя Командования Глобальных Ударов доставили на борт ночью вертолетом, чтобы к утру, когда ночные сумерки еще не успеют рассеяться, вернуть его обратно в Рейкъявик. Совещание проходило в узком кругу. Кроме вышеперечисленных лиц в нем участвовали – командир АПЛ «Jimmy Carter» кэптен Нэд Ставински, командир опытового десантного корабля «Sea Horse» командер Джозеф Хилл и командир отряда «морских котиков» Пол Роумэн. Пятеро крепких мужчин расселись вокруг небольшого круглого стола в каюте Командующего Флотом. Голова к голо-

ве они склонились, будто заговорщики, мечтающие о свержении одного царственного тирана, чтобы заменить его другим.

– Господа, – начал адмирал Льюис, как хозяин сборища, – я полагаю, что мне нет особой нужды знакомить вас. Наши с вами дороги не единожды пересекались при выполнении тех или иных заданий руководства страны.

Четверо мужчин в военной форме, но без знаков различия, споротых ради конспирации, молча и сосредоточенно кивнули, в знак согласия.

– До утренних склянок осталось не так уж и много времени, поэтому давайте начнем без раскочки. Мистер Рэй и мистер Роумэн были в курсе предстоящей операции еще два месяца назад. И я надеюсь, что они с пользой для себя и своих подчиненных провели это время, – не то спросил, не то утвердил адмирал.

Роумэн, как человек, твердо знающий свою цену, степенно наклонил голову, а Рэй, имеющий воинский чин никак не ниже чем у хозяина каюты, скептически поджал тонкие губы, но перечить замечанию моряка не стал, чтобы не накалять и без того тревожную атмосферу неуместным местничеством. Тем более, что назначение куратором операции морское ведомство, было более чем оправдано в силу того, что именно ему предстояло вынести на себе основную часть запланированной работы. А упоминание своей персоны в числе тех, кто уже посвящен в детали предстоящего дела и так подни-

мало его статус в глазах окружающих. С другой стороны, если акция по каким-то причинам пойдет не по плану, то нет ничего лучше, чем отсидеться за спиной у того, кто за нее ответственен. Все это явно читалось на лице генерала, и было воспринято, как должное всеми участниками этого ночного бдения.

– Для тех, кто пока не в курсе сути планируемой операции, могу сообщить общий ее план. По задумке тех от кого зависит жизнь и благополучие Соединенных Штатов и всего окружающего, без ложного пафоса, мира, нам с вами, господа, предстоит провести крайне опасную, но, безусловно, необходимую, в создавшихся условиях, силовую акцию. И вы наверняка уже догадываетесь по тому, где мы с вами сейчас находимся, что акция должна быть проведена в Северной Атлантике. И не просто в Северной Атлантике, а в Арктике.

– Ага, значит, что-то затевается против русских? – выразил догадку Ставински.

– Я отдаю должное вашей проницательности кэп, – усмехнулся уголками губ Льюис. – Может, тогда скажете еще, почему именно ваша субмарина была выбрана в качестве одного из основных действующих лиц?

– Скажу, – без ложной скромности ответил подводник. – Все дело в том, что именно моя субмарина – третья и крайняя в серии «сивулфов» по доработанному проекту была удлинена почти на сто футов, для размещения шлюзовой камеры и дополнительного отсека под размещение в нем четы-

рех дюжин подводных диверсантов. Я прав в своем предположении?

– Абсолютно, кэп, – хлопнул по столу ладонями адмирал. – Еще раз выражаю вам свое искреннее восхищение.

– Следовательно, и моего старичка выдернули из отстоя с той же самой целью? – подал голос Хилл.

– И вы правы, командер, – повернул к нему лицо Льюис.

– Не зря, значит, старался, старина Китти перед своим уходом, выдрал «Sea Horse» из лап «голубей», помешанных на разрядке, и переподчинив его напрямую АНБ, чтобы с ним не приключилась та же история, что и с «Sea Shadow». Видимо, акция предстоит весьма нетривиальная, если для её выполнения недостаточно «котиков», базирующихся на АПЛ. Пятьдесят пловцов с «Джимми Картера», да еще около сотни с моего «Морского Конька» это уже полторы сотни крутых профи. Что-то я не припомню, когда еще возникала необходимость в привлечении такого количества парней, – разговорился не в меру словоохотливый командер.

– Увы, мой друг, – слегка поморщил нос адмирал, – но мир не стоит на месте, и ради его сохранения приходится привлекать к делу все большее и большее количество наших спецов.

– Стоит ли дергать смерть за усы, именно сейчас, когда русские и без того обозлены от потери своего руководства? – выразил осторожное опасение командир АПЛ.

– Поверь мне, Нэд, оно того стоит, и даже очень, – отве-

тил несколько фамильярно Льюис своему временно подчиненному. – Вот полюбуйтесь на это и вам сразу станет ясно, что никакие риски не перевесят результаты возможной победы.

С этими словами он расшнуровал папку, лежащую перед ним, и, достав из нее, целую пачку фотографий не слишком хорошего качества, небрежным жестом шмякнул на середину стола. И хоть качество снимков действительно оставляло желать лучшего, эта нечетко запечатленная действительность, лишь добавила зловещую нотку в происходящее. Ставински и Хилл, сидящие напротив друг друга, так рьяно набросились на фотографии, что едва не столкнулись лбами. Остальные участники встречи были более сдержанны и практически не принимали участия в изучении сенсационных фотографий, так как имели возможность ознакомиться с ними ранее.

– Ого! Что это?! Вот это, дура! – то и дело раздавались изумленные возгласы моряков, склонившихся над разбросанными снимками протонного ускорителя.

Не совсем четкое изображение похожей на перекормленную гусеницу аппарата, сверкающего на солнце никелированными сочленениями и торчащими в разные стороны шипами вселяло отвращение своей неестественностью и одновременно завораживало. Даже на беглый взгляд обывателя чувствовалось, что за металлической таинственной оболочкой скрывается древняя, как сама Вселенная, мощь.

– Что это, вообще, за монстр? – еще раз спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, Хилл.

– Это плавает или летает? – поддержал своего коллегу в естественном любопытстве, Ставински.

– Впечатляет? – в свою очередь поинтересовался адмирал у немного начавших приходить в себя от первого потрясения, моряков.

– Еще бы?! – поддержал его подводник. – Русские, насколько я успел их узнать, всегда тяготели к сооружениям изделий монструозного вида. Взять хотя бы, к примеру, их «Турхооп». Тяга к гигантомании у русских в крови со сталинских времен, – решил он блеснуть познаниями России и менталитета ее жителей.

– Но выглядит совершенно кошмарным образом! – подхватил коллегу Хилл. – Так что же это такое, господин Люис?

– Это так называемый, – тут адмирал слегка запнулся и заглянул в какие-то бумаги, которые он еще не успел выложить на стол, – «протонный ускоритель на обратной волне». Только господа, умоляю вас, не требуйте от меня подробных пояснений по названию этого чудовища. Я и сам практически ничего не понял из объяснений наших высоколобых аналитиков из DARPA. Они так заковыристо толкуют принцип работы этой штуковины, что с ума можно сойти. Я просто поясню принцип действия своими словами. Это «гусеница» нечто вроде лазерной установки. Только она гораздо мощ-

нее всего того, что способен вообразить человек. У нее пять главных отличий от лазера. Первое состоит в том, что для пучка протонов, а она испускает именно их, не существует никаких естественных преград. Ни туман, ни дождь и не снег ему не помеха. Они не смогут его рассеять. Он всесуточный и всепогодный. Второе его отличие в том, что от него нет защиты. Никакая броня, никакие укрепления, а также сооружения с отражающей поверхностью, от него не спасают. Он способен с одинаковой легкостью проникать через скальные массивы любой толщины, а также через водную толщу любой глубины. Вам мистер Ставински, как подводнику, думаю особенно неприятно это слышать, – не без доли ехидства заметил Льюис.

В ответ на это замечание, кэптен только нервно дернул щекой, не смея возражать своему начальству. А адмирал, тем временем продолжал пугать окружающих:

– Третье его неприятное для нас отличие заключается в отсутствии рассеяния луча с увеличением расстояния. Расстояние действия этого луча, теоретически безгранично, хотя на практике он имел показатели, примерно в 350 морских миль. Если лазерный луч в атмосфере расширяется из-за рефракции: на расстоянии 100 км в результате рассеивания в воздухе радиус пятна уже достигает 20 м. Энергия лазерного луча, размазанная на такой площади, не опасна ни для ракеты, ни для еще какого бы то ни было летательного аппарата. Четвертым неприятным моментом является то,

что в режиме частичного расфокусирования он может оказывать локальное воздействие на встретившийся предмет, путем уничтожения его электронной компоненты, не оказывая при этом существенного влияния на человеческий организм, попавший в поле его прямого воздействия. Во всяком случае, так доносят нам источники, непосредственно связанные с его деятельностью на месте испытаний. То есть, если он будет работать по самолету в далеко неполную силу, то летчик может и не пострадать напрямую, хотя я не представляю себе, как он будет катапультироваться из неуправляемой и обесточенной машины. Но и это еще не все его сюрпризы. В режиме полного расфокусирования он способен работать, как радар, засекающий любые предметы на любом расстоянии с углом обзора, что-то около 60° . Хотя мне и самому не до конца понятен принцип его работы, ведь посылаемый им луч не возвращается на приемное устройство, как в обычной РЛС.

Все присутствующие слушали витийствующего адмирала с затаенным дыханием. Даже те, кто уже был посвящен в тайну «русского чудовища» и то, слушали со всем тщанием, боясь упустить для себя что-то новенькое. Характеристики были настолько фантастическими, что им – людям, привыкшим больше полагаться на свои практические опыт и знания в области окружающего мира, нежели на слова, даже подкрепленные некоторыми фактами, верилось в происходящее с большим трудом.

– Ну и вишенкой на торте будет пятое отличие, – решил подытожить ознакомительную информацию адмирал. – Как я уже говорил выше мощность установки такова, что на пике, своим импульсом она способна не только продырявить всю Землю насквозь, но и без труда погасить наше светило – Солнце.

– Черт побери! – невольно вырвалось у импульсивного командера Хилла.

– Это то же, выходит этим русским «иванам» удалось создать Абсолютное Оружие!?! – поддержал невольные эмоции командира «Морского Конька» более флегматичный Ставински, хоть и имел в роду немало бешеных поляков. – Нечто подобное мне довелось прочесть в молодости, кажется, у Роберта Шекли.

– Кто этот Шекли? Соратник Эйнштейна? – в свою очередь полюбопытствовал Льюис.

– Это такой писатель-фантаст, – поморщился подводник от лицемерия дремучей невежественности своего начальника, не знавшего ни одного ученого мужа, кроме одного беглого из Германии еврея.

– А-а-а, – отмахнулся адмирал, – развелось этих бумаго-марателей, как блох на собаке. Одни сумасшедшие сначала придумывают, черт знает что, а затем другие сумасшедшие, под впечатлением от прочитанной беллетристики, воплощают это в действительности. А нам потом отдуваться за них. Однако господа, мы несколько отвлеклись от основной темы.

– Да-да, – согласился с ним Хилл, все еще с жадностью рассматривающий фотографии. – И все же, господин адмирал, вы так нам и не сказали: плавает эта штуковина или летает?

– Конкретно эта штуковина, которую вы так уже всю измылили глазами, – несколько обозлился адмирал не любивший, когда его поправляют и обвиняют в забывчивости, – не плавает и не летает. Это опытный стационарный объект, поднимаемый из глубины шахты на поверхность при помощи лифтовой платформы.

– Слава Всевышнему! – не удержался от облегченного возгласа Хилл, кажется даже не обративший внимание на неудовольствие шефа. – Еще не хватало, чтобы она плавала. Наши парни и так замаялись гоняться за этим... как его... «Severodvinsk», – еле выговорил он труднопроизносимое название русской атомарины, – а если бы еще в море вышло и это чудище...

– Вот для того, чтобы этого не случилось, нам и поручено провести операцию по ее ликвидации, – закончил мысль за командера адмирал. – Впрочем, ликвидацией этой установки, наша операция отнюдь не ограничится. У нее будет еще одна немаловажная задача, о которой я сообщу чуть позднее. Да, и, кстати, чтобы вам еще хуже спалось, замечу, что русские там же заканчивают монтировать воздушный вариант базирования этой установки. Так что, если не поспешим, то головная боль возникнет не только у наших моряков, но и

у доблестных представителей ВВС, – с некоей долей сочувствия взглянул он на генерала Рэя.

Тот, всхрипнув, как старый и застоявшийся мерин, придвинул к себе пачку фотографий и после беглого осмотра выдал свое суждение:

– Мне трудно по фотографии судить о размерах установки, но на глаз ее размер может составлять, что-то около тридцати футов, а в поперечнике никак не меньше, чем футов пять.

– Вы правы генерал, отдаю должное вашему глазомеру. Источник информации, внедренный в персонал охраны объекта, указывает, что длина установки составляет порядка десяти метров, а его высота – не менее двух метров, – и уже обращаясь ко всем сидящим вокруг стола добавил. – Теперь-то вы понимаете, почему мы так спешим с проведением этой операции? Мало того, что это чудовище может играючи, по щелчку пальцев, погасить наше светило, так еще его собрат готов вот-вот взлететь, чтобы с высоты потопить за пару минут весь наш флот, включая, притаившихся в глубинах океана субмарины.

– Судя по размерам, вес установки в ее воздушном варианте, тоже довольно велик, а значит, единственным носителем для нее может служить только самолет транспортной авиации, – опять пустился в глубокомысленные рассуждения генерал. – А раз так, то, я полагаю, что он станет весьма легкой мишенью для наших «невидимок» F-35, вооруженных

дальнобойной ракетой AIM-120D, бьющей на 110 миль, подобравшихся к нему незаметно на дистанцию пуска.

– Вы, сначала, подберитесь к нему, на эти чертовы 110 миль! – начал злиться Льюис на летчика, пытающегося принизить авторитет руководителя операции своими дилетантскими рассуждениями. – Я ведь уже, кажется, имел честь сообщить для тех, кто не глухой, что в режиме радара установка засекает объекты на расстоянии, как минимум в 350 миль. И ей все равно видим или невидим ваш «летающий пингвин» на обычных радарах.

Лицо бравого летуна вспыхнуло нездоровым румянцем негодования, и он уже хотел броситься в контратаку со своими аргументами, но в последний момент все-таки передумал затевать свару на глазах младших по званию. Однако нанесенную обиду затаил, в надежде расквитаться, при удобном случае. Адмирал, в свою очередь, тоже понял, что был излишне резок в общении представителем ВВС накануне мероприятия, способного в корне изменить, как судьбу тех, кто сейчас находился здесь, так и может быть, всего человечества. Осознав, что ссора ни к чему хорошему не приведет, адмирал тут же сбавил обороты и перешел на более миролюбивый тон, попытавшись даже извиниться:

– Я, видимо, несколько погорячился в своих суждениях, но господа, вы тоже должны меня понять. Еще ни разу мне не доводилось проводить боевые операции непосредственно против русских, да еще и на их собственной территории. Це-

на вопроса слишком высока. И компромиссов здесь быть не может. Либо мы ликвидируем научный и военный прорыв русских и тогда остаемся гегемоном на ближайшую и среднесрочную перспективу, либо побеждают русские. И тогда, в лучшем случае, нам уготована роль статистов в спектакле, а режиссером и главными исполнителями будут другие. Поэтому для всех нас будет наилучшим вариантом, если мы немедленно приступим к реализации наших планов.

Все согласно закивали, соглашаясь с руководителем. И даже разобиженный Рэй, изобразил на своем лице некое подобие улыбки.

– Отлично, господа! – приободрился увиденным консенсусом адмирал. – Тогда приступим к выработке деталей предстоящей операции.

Все опять закивали, выражая полную лояльность.

– Начнем, господа. Место действия – архипелаг Новая Земля, а точнее сказать, военное поселение под названием, – адмирал опять порылся в бумагах, отыскивая наименование поселка, – ага, вот, нашел. Поселение под названием «Belushya». Там, в недрах бывшего полигона для испытаний ядерного оружия расположено сборочное производство и сам объект, предназначенный для уничтожения. По планам, разработанным аналитиками из «мозгового центра» Командования специальных операций Министерства обороны (USSOCOM), нашей АУГ к 6-му сентября необходимо сосредоточиться, примерно в 120 милях к северу от нор-

вежской военно-морской базы в Тромсе, недалеко от острова Медвежий, для якобы проведения совместных учений с ВМС этой страны.

– Так близко к паковым льдам мой «конек» еще ни разу не бегал, – почесал в затылке Хилл, – и еще неизвестно, как себя поведет его корпус в ледовой обстановке. Это здесь нам хорошо в водах Гольфстрима, а как оно будет возле Шпица еще неизвестно.

– Вот и проверите. Опыт приходит с практикой, – сухо прервал ныть командера адмирал.

– Да и наша АУГ в такие высокие широты забиралась лишь единожды в позапрошлом году, – продолжал тянуть свою волюнку Хилл, – и ничем хорошим это не кончилось.

– Когда вас командер Хилл назначат на мое место, я с удовольствием приму к сведению ваши опасения, – опять начал заводиться Льюис, но быстро взял себя в руки. – А пока будем выполнять указания спущенные к нам сверху. И еще раз попрошу присутствующих без особой нужды меня не прерывать, – обратился он уже ко всем.

Собеседники яростно затрясли головами в знак согласия и безусловного подчинения.

– Я продолжаю, господа. Официально, ваша подлодка, мистер Ставински, не входит в состав нашей АУГ, а значит, и принимать участия в совместных маневрах не будет. С ее действий и начнется вся операция. Я зачитаю вам алгоритм действий, а вы попробуйте принять ее на слух, ничего при

этом не записывая. Итак, зачитываю по пунктам:

Первый пункт. Седьмого сентября, около 1 часа 30 минут часов по местному времени, из Туле взлетит AWACS. Его задачей станет нарушение коротковолновой связи русской базы с материком. Примерно через час, он достигнет точки наибольшей эффективности своих бортовых систем глушения. Проводную связь с материком должны вывести из строя те, кто находится внутри самой базы. Это даст нам первоначальное преимущество при проведении дальнейшей операции. Русские, конечно же, постараются в максимально короткий срок ее восстановить, но на это потребуется определенное время. Ближайшая военная база, откуда может быть оказана и помощь, находится не ближе полутора тысяч километров. Пока русские пошлют запрос на оказание помощи, пока доложат верховному командованию, пока оно примет решение и сформирует десантную группу поддержки, пройдет часа три, если не больше. Русские очень неповоротливы в принятии решений. Но все равно, нам нужно будет максимально быстро уложиться в час-полтора, чтобы успеть беспрепятственно покинуть место операции. Около 5.00 по местному времени, ваша субмарина, мистер Ставински, в подводном положении, подходит вплотную к территориальным водам русских в районе пролива Costin Shar и ждет сигнала на вашей рабочей частоте о готовности к высадке десантируемой группы, которую возглавит сам мистер Роумэн. Кстати, Пол, вам хватило времени, чтобы разобраться

со схемой расположения следящей аппаратуры и замаскированных постов охраны, расположенных вокруг базы?

– Вполне, – кивнул Роумэн. – Расположение сигнальной аппаратуры и караулов налажено весьма дельно, надо отдать должное местным специалистам. Но мы знаем, как нейтрализовать данные препятствия.

– Я не сомневался в высоких профессиональных качествах ваших подчиненных, мистер Роумэн, – сухо констатировал адмирал. – Сигналом к выброске десанта будет позывной «Эол». После чего она стремительно входит в залив на берегу, которого расположена эта база под названием «Belushya» и выбрасывает десант. Второй пункт. Одновременно с получением этого сигнала, ваш корабль, мистер Хилл, до этого находящийся в 80 милях от пролива, в полупогруженном состоянии, пользуясь своей «невидимостью» на полных парах мчится к побережью, но только чуть севернее базы русских – примерно в миле от нее, где находится станция ПРН модульного типа и командный узел. По пути туда он высаживает половину личного состава десанта в помощь командеру Роумэну, так как «Джимми Картер» не имеет физической возможности вместить более полусотни «котиков». Оставшихся «котиков» на борту вашего «Морского Коня» будет вполне достаточно для уничтожения станции. После того, как со станцией будет покончено, вы мистер Хилл, присоединяетесь к «Джимми Картеру» и ожидаете вместе с ним возвращения наших парней с победой. Тут я

еще добавлю для вашего успокоения. Орбитальная группировка спутников, пролетающих в это время над территорией русской базы и AWACS, совместными усилиями постараются заглушить своими специальными средствами все каналы передачи информации в радиодиапазоне. То есть они попытаются вырубить на некоторое время телефонную и радиосвязь базы с материком. Не думаю, что мы сможем надолго вывести коммуникации русских из строя, но попробовать все же надо. Чем черт не шутит. Что же касается оптоволоконной и телефонной связи СПРН с базой, то вашим парням, мистер Хилл, не составит труда перерубить кабель, тем более, что он идет по поверхности и будет подсвечен нашим агентом специальным радио-маяком. Теперь, дальше. Учитывая паспортную скорость вашего корабля, вы должны успеть к месту событий через 50-55 минут после получения сигнала и соответственно через 10 минут после выброски первой партии десанта. Третий пункт. В задачу первой партии десанта входит уничтожение самолета IL-76, на борту которого находится, уже готовый к летным испытаниям образец установки воздушного базирования. Самолет стоит на стоянке, возле взлетной полосы и хорошо виден из космоса нашими средствами визуального наблюдения. Поэтому его уничтожение, полагаю, не вызовет больших затруднений. А вот вторая задача выглядит гораздо трудней.

Адмирал опять покопался в недрах своей папки и достал оттуда на свет еще несколько цветных фотографий достаточ-

но хорошего качества. На всех фото был отображен один и тот же человек – мужчина возрастом около 50-ти лет, приятной и чуть восточной наружности в старомодных роговых очках с толстой оправой.

– Вот, – выложив на стол фото, произнес он, – этот человек и есть вторая причина для проведения операции. Его зовут Alex Vo-go-lyu-boff, – едва по складам прочел он. – До чего же порой бывают странными русские фамилии. Мистер Роумэн, вы, кажется, изучали русский язык, не подскажете, что она означает?

Роумэн никак не ожидал подобного вопроса, но почесав в затылке, рискнул все же перетолмачить на удобоваримый английский языколомную фамилию русского гения:

– Скорее всего, фамилия состоит из двух слов – Бог и Любовь, что в целом может означать «любимый Богом»

– Ну, что ж, проверим, – хмыкнул командующий флотом. – Так вот, этот русский, как раз, и является создателем ужасного монстра, так вас озадачившего. По нашим сведениям он находился и находится до сих пор там, являясь руководителем работ по адаптации установки воздушного базирования к техническим возможностям будущего носителя. А заодно он занимается продолжением усовершенствования стационарного ее варианта. Соединенные Штаты, не посчитаются ни с какими финансовыми и людскими потерями, лишь бы заполучить этого человека. Все научные, производственные и испытательные компоненты завязаны на нем од-

ном. Эта маниакальная страсть русских к соблюдению секретности и предотвращению утечек, может сыграть нам на руку. Изъяв его из этой цепочки, мы обрушим целое направление в области создания Абсолютного Оружия на долгие десятилетия, если не навсегда. Поэтому любой ценой, командер Роумэн, вы обязаны доставить его на борт нашей подлодки. Если же по каким-то причинам это не удастся сделать, то вы должны будете на месте ликвидировать его, но так, чтобы у нас на руках были реальные доказательства его уничтожения. Вы хорошо меня поняли, командер?

– Я понял вас сэр, – утвердительно кивнул головой Роумэн, – но у меня имеется вопрос.

– Не трудитесь, – махнул ладонью Льюис, – я и так знаю, о чем вы хотите спросить. Вас интересует, где отыскать его в поселке среди строений и жителей?

– Да.

– Не знаю, – прямо ответил адмирал на свой же вопрос. – С уверенностью могу сказать лишь то, что дом, в котором он проживает и рабочее место, где он проводит больше всего времени, будут обозначены специальными радиомаяками, сигналы, которых сопряжены с вашим индивидуальным приемным устройством. Гарантировать же, что он будет в нужный момент находиться именно там, куда они укажут, я, естественно, не могу. Его фотографии можете забрать с собой сейчас. У вас имеются еще вопросы?

– Пока нет, – пожал плечами кавторанг, деловито засовы-

вая в карман кителя фото потенциальной жертвы, ну разве что...

– Говорите, не мнитесь, дружище Пол, – подбодрил его Льюис, решивший своей непринужденностью сгладить давешнюю сухость своего тона.

– Будет ли мне разрешено при захвате мистера Bogolyuboff, – почти без запинки произнес он непривычную русскую фамилию, – применить к нему все имеющиеся в нашем распоряжении средства для склонения его к сотрудничеству?

– Ни в коем случае! Без лишних разговоров пакуйте его и доставьте, как можно бережнее, на борт лодки. А уж задушевными разговорами займутся с ним истинные специалисты по слову психики. И учтите, Роумэн, – подбавил строгости в голос адмирал, – с момента его попадания в ваши руки, именно вы, а никто другой, будете нести ответственность за его телесную целостность и умственную адекватность. Вам все понятно?

– Более чем, сэр, – перекатил желваки на скулах командер.

Желая несколько смягчить ситуацию, адмирал в качестве поощрения добавил:

– Если операция по захвату пройдет успешно, то я буду ходатайствовать перед Конгрессом о присвоении вам внеочередного звания контр-адмирала.

– Благодарю за оказанную честь и доверие, – немного от-

таял честолюбивый командир «морских котиков».

– Отлично! Тогда перейдем к следующему пункту нашей диспозиции. Четвертый пункт. Пока первая часть десанта уничтожает самолет и разыскивает этого русского, вторая, незаметно высадившись на побережье в полутора милях севернее базы, выводит из строя загоризонтную РЛС, путем подрыва решетчатой модульной конструкции передающей станции. Вы, господа, наверняка захотите спросить, для чего это нужно? Не утруждайтесь. Я сам отвечу на не заданный вопрос. Уничтожение РЛС необходимо для вступления в силу пятого пункта плана. И вот здесь, я уже предоставляю слово нашему Богу Войны – генералу Рэю с его несокрушимыми по мощи ядерными кулаками, – подсластил адмирал пилюлю недавней размолвки.

После такой грубой лести, простоватый разумом, но страдающий непомерным тщеславием генерал засветился всеми яркими красками от ощущения своей значимости. Однако воинская выучка, приучившая к безусловному соблюдению субординации, дала о себе вовремя знать, и он сумел быстро потушить на своем лице оттенки невольного торжества. Слегка откашлявшись, для придания голосу уверенности он, слегка сдвинув брови, произнес:

– Я буду краток, господа. За два часа до получения предполагаемого сигнала к началу высадки десанта, а именно в 5.00 по местному времени, я поднимаю «Stratofortress» с нашей базы в Тромсе и направляю его к архипелагу Новая Зем-

ля. Путь не дальний. К месту событий прибудем быстро. По прямой расстояние составит примерно 700 миль. У нас будет достаточно времени, чтобы еще покружиться там, если возникнет необходимость. К тому же все расстояние ему и не надо преодолевать. Достаточно выйти на дистанцию пуска специального боеприпаса, то есть за 600-700 миль до объекта. Ракете понадобится еще около часа, чтобы донести к цели свой боеприпас. А этим боеприпасом, как раз и будет наш Джокер из рукава – секретная модификация «томагавка» BGM-109H, с проникающей ядерной боеголовкой мощностью 300 килотонн, для уничтожения бункерных сооружений. Сами вы не сможете уничтожить стационарную установку, потому, что у вас элементарно не хватит сил и средств, для штурма объектов подобного рода. Вот для того, чтобы наш В-52 благополучно вышел на дистанцию пуска ракеты и его не смогли перехватить «фоксхаунды», базирующиеся, как на Земле Александры, так и невдалеке от самой базы в Rogachevo, нам и необходимо вывести из строя РЛС. Это я говорю к тому, что у вас, господа, будет всего от силы полтора часа, чтобы завершить операцию и убраться оттуда на полных оборотах. Ядерный взрыв такой мощности похоронит не только всех русских, занятых на сборке и испытаниях этой перекормленной гусеницы, но заодно и уничтожит все следы нашего там пребывания.

– Сэр, – обратился к генералу живчик Хилл, – а не краплеными ли картами мы играем? Одно дело похулиганить на

базе русских под чужим флагом – это еще, куда ни шло, но совсем другое – спровоцировать между нами открытый конфликт на грани обмена ядерными ударами. Всем ведь сразу будет понятно, что никто кроме нас ядерную атаку совершить не мог.

– Джозеф, не беритесь за несвойственное для вашего ума дело, – грубо одернул его адмирал. – Я же, кажется, ясно дал понять еще в начале нашего совещания, что для достижения поставленной цели мы должны будем использовать любые средства и методы. Любые! – с нажимом повторил он еще раз для вящей убедительности. – На карту поставлено слишком многое, чтобы в последний момент отступить с поджатым от страха хвостом. Повторяю еще раз! Если мы не остановим программу русских сейчас, то не пройдет и полгода, как русские, почувствовав свою полную безнаказанность, воспользуются моментом и нанесут убийственный удар по нам с вами. И будет для Штатов большой удачей, если после этого уцелеют хотя бы ящерицы в невадской пустыне. К тому же, смею вам заметить, там, – картинно поднял Льюис глаза кверху, – сидят неглупые люди и уж они-то знают, что и почем.

– Я не стал бы разделять ваш оптимизм, сэр, – заупрямился Хилл. – Если бы, как вы говорите, они знают, что и почем, то мы бы не сидели сейчас в дерьме по самые уши в местах, куда рискнули сунуться, а теперь не знаем, как оттуда выбираться.

– Вы желаете положить мне рапорт на стол о своем увольнении и остаться в преддверии старости без пенсии?! – вскинулся на него адмирал, сверкая глазами.

– Нет, сэр! – быстро спохватился командер, чувствуя, что перешел рамки дозволенного. – Просто я высказал некоторые опасения по поводу деталей операции.

– В вашу компетенцию входит безусловное выполнение приказов вышестоящего начальства! А свое особое мнение по поводу деталей можете засунуть в задницу! Весь план операции разработан и рассчитан при помощи мощнейших компьютеров Пентагона, с учетом всех мелочей и шероховатостей, которые могут встретиться вам на пути ее свершения.

– Хмм, – некстати встрял Роумэн, которому, еще с прошлого заседания, тоже не очень-то и хотелось участвовать в ядерной авантюре с непредсказуемым исходом для обеих сторон, – а может все-таки можно как-то обойтись без этой ракеты с начинкой в 300 килотонн?

– Увы, мой друг, – неожиданно мягко вступил в перепалку генерал Рэй, – это первое, что мы рассматривали при планировании акции, но пришли к однозначному выводу о вынужденной необходимости применения спецбоеприпаса. Как только поднимется тревога, а она обязательно поднимется, как бы вы не старались, потому что звук от взрыва, уничтожаемого ИЛ-76, не может быть не услышан во всех уголках базы, сработает система защиты и установка будет со всех сторон прикрыта мощными броневыми плитами. Ни-

какие гранатометы, имеющиеся у вас на вооружении, и никакие противобункерные бомбы в обычном снаряжении не смогут пробить многослойную защиту. Но даже если и произошло бы чудо, и нам удалось бы проковырять дырку в шахте, где находится установка, то ее подрыв, все равно не решил бы всех поставленных целей. Персонал квалифицированных инженеров и рабочих, трудящихся над созданием этого мирового пугала уцелел бы в многочисленных и изви-вистых катакомбах объекта. И спустя некоторое время возобновил бы свою ужасную деятельность. Русские в этих делах – чертовски упрямы, и они никогда не отступятся от задуманного, пока у них имеется хотя бы малейший шанс к его воплощению. Поэтому, гарантированно уничтожив весь квалифицированный персонал базы, мы должны лишить их этого малейшего шанса.

– Однако скандал с применением ядерного оружия..., – начал было Пол, но его опять перебил, все тем же нежданно задушевным голосом, генерал ВВС.

– А вот это, уже действительно не наша с вами забота, старина Пол, – проворковал он. – Пусть об этом голова болит у Госдепа и Президента. Должны же они хоть как-то оправдывать потраченные на их содержание деньги. Вот пусть и оправдываются. Мы-то свое дело сделаем, как надо. По крайней мере, я и мои подчиненные, – покосился он на адмирала, кривившегося в гримасе недовольства от перехваченной инициативы. – В любом случае, вам придется уложиться в

эти отведенные полтора часа, если не хотите превратиться в кучку ядерного пепла.

– Следует ли из ваших слов, сэр, что Президент лично санкционировал предстоящую акцию? – осторожно поинтересовался «котик». – На прошлом совещании в Лэнгли было сказано, что Президент будет проинформирован о планах операции.

– Я и без ваших подсказок помню, что было на прошлой встрече, огрызнулся адмирал. – Могу вас твердо уверить, что к началу операции Президент будет в курсе ее проведения во всем необходимом для него объеме. Я удовлетворил ваше любопытство, мистер Роумэн?

– Да, сэр, – сухо поблагодарил его командер.

– У вас имеются какие-нибудь вопросы более существенного характера, мистер Роумэн? – дернул недовольно щекой Льюис.

– У меня имеются, – опередил «морского котика» капитан «Морского Конька», подняв руку.

– Слушаю, вас, – недовольным тоном бросил комфлота.

– Вы сказали сэр, что началом операции послужит сигнал с берега о готовности принять десантные группы, означает ли это, что к моменту нашего входа в терводы противника, их «подсолнух» не будет функционировать? – со знанием дела спросил Хилл.

– Да, – на этот раз удовлетворенно кивнул Льюис, – ее функционал к нужному моменту будет либо существенно

ограничен, либо полностью нейтрализован. Люди, внедренные нами в персонал базы, обещают взять решение этой проблемы на себя.

– Как нам отличить их от остальных русских, чтобы не подвергнуть опасности случайного уничтожения в горячке боя? – задал резонный вопрос Роумэн.

– У одного из них будет радиомаяк, настроенный на вашу частоту приема. Впрочем, не забивайте свою голову такими мелочами, Пол, – отмахнулся адмирал. – Эти люди были завербованы нами из числа русских, по случаю, так что никакой ценности они для нас не представляют. Шлак, одним словом.

– Я понял вас, сэр, – четко кивнул, как прищелкнул каблуками «морской котик».

– Если больше ни у кого никаких вопросов нет, то давайте начнем расходиться, а то скоро уже начнет светать и мне крайне не хотелось бы констатировать, что наша с вами встреча стала достоянием нижних чинов команды корабля.

II.

28.08.2020г., США, округ Колумбия, г. Вашингтон, дом Гарри Трумэна (штаб-квартира Госдепартамента)

78-й по счету Государственный Секретарь Соединенных Штатов Америки Майк Помпео терпеть не мог никакой бумажной работы, считая ее простой отрыжкой всякой бюро-

кратии. Кропотливой работе он предпочитал праздное безделье, маскируя его под посещение торжественных мероприятий, приемов и светских раутов. Обжора, толстяк, весельчак и профессиональный тунеядец – он не любил долго и нудно подниматься в старомодном лифте, помнящим еще своего первого хозяина, на седьмой этаж, где, собственно и находился его рабочий кабинет. Не любил узкого и тесного на его взгляд коридора Госдепа, с его мертвенно-тусклыми лампами, искажающими до неузнаваемости цвета лиц идущих навстречу. Порой складывалось впечатление, что он присутствует на параде, устроенном зомби, настолько неестественно они выглядели. Не любил приемной, стены которой украшали портреты индейских вождей, неизвестно, как и по чьей прихоти попавшие когда-то сюда. И, конечно же, он всеми фибрами души ненавидел свой собственный кабинет, отделанный панелями красного дерева, придававшими ему оттенок мрачной безысходности. Портреты своих предшественников на этом посту, он, естественно, тоже не любил, все время, ежась от их суровых и в чем-то осуждающих взглядов. Он бы с удовольствием выбросил весь этот замшелый антураж, заменив его чем-нибудь более веселым и даже фривольным, но не решался нарушить традиции не им заведенные. Поэтому, чтобы не чувствовать себя под прицелом глаз великих предков, он как мог, манкировал своими прямыми обязанностями, свалив почти всю кропотливую работу на штат помощников, советников и секретарей.

При этом, своему личному секретарю он наказал отвечать всем, кто добивался с ним встречи, заранее выученной фразой: «Господин Государственный Секретарь проводит важную встречу на выезде. Когда будет на месте – неизвестно. Свое сообщение можете изложить мне, и я непременно донесу его до ушей господина Госсекретаря». Конечно, это во все не значит, что он вообще ничего не делал. Должность Госсекретаря обязывала его принимать деятельное участие в мировой политике: встречаться с послами, ездить в заграничные командировки, участвовать в заседаниях и совещаниях, где его присутствие было крайне необходимо. Все это он стоически переносил, если это не требовало от него перенапряжения – умственного и физического. Но и тут он умудрялся иногда увиливать, перепоручая свою работу, какой либо ветви из структуры Госдепа. И, несмотря на все это, карьерный рост господина Помпео за тридцать с лишним лет его активной политической и государственной деятельности, еще ни разу не давал сбоев, уверенно продвигая его к вершинам власти. Объяснялось все это очень просто. За всю свою сознательную жизнь он сумел обзавестись обширнейшими связями в промышленных, финансовых, военных, да и самих властных кругах, завязывать, которые он был непревзойденный мастер. Эти-то связи и помогали ему карабкаться вверх по служебной лестнице. Однако, ради соблюдения элементарных приличий, ему все же изредка приходилось посещать это мрачное обиталище. И даже эти редкие момен-

ты вынужденного присутствия на работе, он считал зря потраченным временем, вычеркнутым из жизни.

Зная эту его патологическую ненависть, к какой бы то ни было работе, и заранее просчитав график посещения им своего рабочего места, директор ЦРУ – Джина Хассел сумела-таки подловить своего бывшего шефа в здании Госдепа, когда тот, скрипя сердцем, только-только уместил свой жирный зад в кресло кабинета. Отказать столь влиятельной персоне политического истеблишмента он никак не мог, дабы не плодить слухи о расколе в свите баллотирующегося на второй срок президента. А с другой стороны он прекрасно понимал, чем вызван этот ее визит, и это обстоятельство никак не добавляло ему настроения.

Джина вошла в его кабинет, как к себе домой. Эта бодрая старушка, замешанная не в одном кровавом злодеянии, буквально с порога защебетала, льстивую чушь, которая ничего кроме гримасы неудовольствия не вызывала:

– Ах, господин Госсекретарь, как я несказанно рада тому, что могла застать вас на месте! – рассыпалась она в неуместных улыбках, тем не менее, без спросу усаживаясь в кресло возле стола, за которым восседала туша Помпео.

– Да, миссис Хассел, – напустил он на себя сухой и деловой тон, дабы поставить на место, зарвавшуюся нахалку, – специфика моей работы такова, что мне некогда протирать штаны, сидя в уютном кабинете и ведя праздные разговоры.

– Боже мой! – притворно заохала старая проныра. – Как

же я хорошо вас понимаю, господин Помпео! Ваша должность, как представителя Соединенных Штатов на межправительственном уровне, из тех, которая не дает ни минуты спокойной работы в кабинетной тиши, под звуки трещающих поленьев в камине и размеренное покачивание маятника в старинных напольных часах. Однако я все же рискну себе позволить нарушить и без того редкие минуты вашего покоя, ибо дела государственные требуют от нас с вами постоянного напряжения. Без вашего деятельного участия, государственный механизм может потерять свой ритм и вообще пойти вразнос, – грубовато подольстилась она, играя на его гипертрофированном чувстве тщеславия.

– Ну, что ж, – вздохнул он, принимая правила ее игры, – раз так, то, видимо, придется мне выкроить для вас толику своего времени во избежание краха всей системы государственного управления. Я внимательно слушаю вас дорогая Джина, – перешел на менее официальный тон, давая понять, что готов к доверительной беседе.

Она была редким гостем в этом кабинете, поэтому не без любопытства обвела, наконец, глазами помещение, будто сканируя:

– Я надеюсь, наша беседа будет иметь возможность носить конфиденциальный характер? – намекнула она прозрачно на присутствие записывающей аппаратуры.

Он понял, о чем она говорит, поэтому поджав обиженно губы (уморительное зрелище – наблюдать обиженного тол-

стяка) пробурчал:

– Законом запрещено устанавливать аппаратуру подобного рода в кабинеты Президента и его Госсекретаря. Впрочем, для страховки от такого казуса, мои парни на регулярной основе проверяют все предметы в помещении, а также стены и окна. Вас удовлетворил мой ответ, миссис Хассел? – вновь перешел он канцелярский тон.

– Вполне, – усмехнулась она, – если только вы сами не грешите подобными фокусами, намекнула она на дела давно минувших дней, когда хозяин этого кабинета, сделал тайную запись совещания у прежнего директора ЦРУ, где он не совсем лестно высказывался о президенте, что ему и позволило занять его пост впоследствии.

– Я, кажется, не давал повода... – начал было он, закипая, но вспомнив тот грязный случай, тут же примолк, а затем прошелестел немного виноватым голосом. – Нет, Джина, все уже в прошлом.

– Хотелось бы верить, – кротко кивнула она ему в ответ.

– Ты пришла ко мне по тому делу, о котором я думаю? – осторожно спросил он, не раскрывая сути.

– Да, Майки. Адмирал доложил, что у него все готово, и он выдвинется на исходные позиции к вечеру 5 сентября, – так же осторожно ответила она ему.

Даже находясь в, казалось бы, защищенном со всех сторон кабинете Госсекретаря, они не могли говорить открыто о том, что занимало их умы все последнее время. Долгие годы

занятий грязными политическими играми, в которых нельзя было доверять даже собственным друзьям, приучили их обоих к строжайшей конспирации. Именно поэтому, попадись запись их разговора в руки посторонних, те не смогли бы ничего понять толкового из их диалога.

– Джина, объясни мне еще раз, почему именно я должен идти к нему с этим делом? Ты же прекрасно знаешь, как он меня подвергает обструкции при каждом удобном случае из-за того, что моя фигура в этом кресле была компромиссом между враждующими кланами, – начал он, добавив в голос плаксивых ноток.

– Прикажешь мне идти к нему?! – вспыхнула Хассел. – Да его начинает корезить только при одном моем появлении! Я для него являюсь еще более худшим вариантом, чем ты.

– В конце концов, Джина, не я был инициатором проведения данной акции. Она была разработана и просчитана именно в вашем ведомстве...

– В нашем, Майк, в нашем, – улыбнулась она ему, напоминая, что еще некоторое время назад он был ее непосредственным начальником.

– В нашем, в вашем – это сути не меняет. Я все равно не знаю всех деталей операции. А если он начнет глубже интересоваться, что я ему буду говорить? Ты, как я вижу, хочешь, чтобы он выставил меня за дверь, как напрудившего в постель хозяина щенка!

– Майки! Мы уже с тобой говорили на эту тему, – мяг-

ким, но все же убежденным голосом взывала она к нему. – Такой шанс выпадает в жизни всего лишь единожды. Если мы его упустим, то все равно головы полетят с плеч. И это будут наши с тобой головы. В лучшем случае нас вышибут под зад коленом без пенсии, за то, что мы прозевали удобный момент обуздания русских. И будет для нас большой удачей, если после всего этого меня возьмут работать воспитательницей в детский сад, где-нибудь в Гарлеме, а тебя разносчиком утренних газет. В худшем же случае то же самое с нами проделают русские, если, – тут она сделала многозначительную паузу.

– Если, что?!

– Если, конечно, захотят оставить нас в живых, – жестко закончила она свою мысль.

– Джина, не пугай меня, – поежился в своем кресле Помпео.

– Нисколько не собиралась. Просто прикинь в уме. Сейчас у русских имеется рабочая стационарная установка, держащая под прицелом всю Северную Атлантику, Ледовитый океан и северную часть Тихого, включая Аляску, потому что она, наверняка может работать в диапазоне 360° . А еще имеется, готовый к первым воздушным полетам ее аэромобильный вариант. Если у русских пройдет все нормально с аэромобильной версией, а у меня нет веских оснований в этом сомневаться, то уже через пару-тройку месяцев у них будет уже не один, а как минимум, два самолета-носителя протонного

ускорителя. Барражируя в Тихом и Атлантическом океане, они за 5-6 часов перетопят все наши «Огайо» с баллистическими ракетами на борту, а потом ничуть не спеша примутся за остальной надводный флот, начиная с авиаматок. Но и это еще не все. Через полгода, максимум через год, такую же установку они выведут и на орбиту. Есть ли смысл говорить тебе, что за этим последует?

Госсекретарь вымученно помотал головой в знак отрицания.

– Правильно! – подхватила цэрэушница. – Как в злых русских анекдотах – пролив имени товарища Stalina между Мексикой и Канадой.

– Нам в любом случае не светит ничего хорошего, – опять запричитал он по-бабьи, тряся своими пухлыми щеками.

– Это почему же вдруг такой пессимизм? – выгнула она вопросительно бровь.

– Да, все потому! Ты живописала только один вариант исхода, это в том случае, если мы провороним программу русского перевооружения. Но ты умолчала о других, не менее скорбных для нас вариантах развития событий.

– Это, каких же? – опять удивилась старая женщина.

– Представь себе, что операция пошла не по плану. Допустим, на базе русских произошла бойня, но результатов, желаемых нами, мы не смогли добиться. Наше изделие не смогло поразить бункер, а значит, не удалось замести следы. Как ты думаешь, Дон кого назначит крайним за провал?! –

позабыв о конспирации, почти в открытую жаловался Госсекретарь.

– Ну, уж не нас! Это точно! – парировала она его предположение, закидывая ногу на ногу. – Официально план разрабатывался в Арлингтонском Центре Пентагона. Исполнителями его были представители ВМС. Финальную точку в операции должны будут ставить Силы Стратегического Командования. Где ты видишь мое, а тем более свое присутствие?! Мы, всего лишь подали общую идею. А если у кого-то мозги набекрень или руки кривые от рождения, то это, извини, не наша печаль и забота.

– Ладно. Убедила. Но даже если все и пройдет гладко, то нам-то, что с того? Всем уже ясно, что второго срока у Дона не будет. Ему объявили открытую войну, начиная от всех финансовых структур до социальных сетей. У Сонного Джо есть и свой госсекретарь и свой директор ЦРУ. Так что, в любом случае, нам с тобой сидеть на этих постах – до января.

– Не хитри со мной, Майк! – игриво прищурилась бойкая старушка. – Я ведь знаю тебе много лет. Ты уже наверняка присмотрел себе теплое местечко коммерческого советника в какой-нибудь корпорации типа «Боинга» или «Нортроп Грумман». Не просто же так, ты последние полгода, так обхаживаешь их директорат?

– А ты? – в свою очередь недобро прищурился Помпео, глядя на свою гостью.

– И меня вполне устроит должность старшего аналитика

в «Stratfor», – не стала скрывать она своих устремлений. – А теперь подумай, каким авторитетом будет пользоваться наше с тобой мнение в этих структурах, если мы завершим свою карьеру госслужащих на высокой ноте удачно проведенной операции. И как это скажется на наших окладах?

– Твой ум изворотлив, как тело змеи, Джина! – не то упрекнул, не то восхитился Госсекретарь. – А раз так, то ты просто обязана мне помочь представить все это нашему Дону в удобоваримой форме. Только на таких условиях я соглашусь идти к нему с нашими предложениями.

– Ладно, – махнула она своей сухонькой ручкой, – мне не в первый раз выручать тебя, дорогой мой Майк. – В чем тебя видятся главные затруднения?

– Во-первых, как мне преподать ему все это, чтобы он сразу же не вышвырнул меня из Овального Кабинета? И во-вторых, что мне надо ему сказать, чтобы он не обиделся из-за того, что мы так долго скрывали от него свои планы?

– Нет ничего проще, Майк! – проворковала «кровавая Джина». – Как ты думаешь, какое обстоятельство может способствовать тому, чтобы Дон не просто не вышвырнул тебя из кабинета, но напротив, внимательно выслушал и принял к сведению твой рассказ?

– Что? – с живым интересом подался вперед Госсекретарь.

– Страх, Майк. Элементарный страх, – безмятежно констатировала директриса от разведки. – Нужно с первых же слов так напугать нашего патрона, чтобы это чувство на-

прочь затмило собой ту неприязнь, которую он испытывает лично к тебе. Я знаю – ты хороший актер, Майк, поэтому сможешь сыграть эту партию, как следует. Тебе всего лишь надо помочь немного в этом. Поэтому я принесла с собой фото и видеоматериалы, которые уже ранее показывала тебе, – она порылась в своей дамской сумочке и извлекла на свет флэшку, которую положила на стол перед собой.

– Достаточно ли этого будет? – слегка усомнился сообщник по заговору.

– Вполне. Скажешь ему, что счет идет на часы, и что у русских все уже готово к нанесению превентивного удара. Добавишь еще, что по сведениям из того же источника, русские планируют акцию устрашения уже на 7 сентября. Ужас и панику ты разыграешь, как по нотам, а для большей убедительности прихвати с собой на встречу еще одного известного, и тем не менее достаточно авторитетного в военных кругах паникера..., – не договорила она, надеясь на сообразительность своего бывшего шефа.

– Милли?! Ты имеешь в виду Марка Милли?! – с энтузиазмом подхватил он. При всех своих недостатках Майк Помпео обладал изрядной долей сообразительности и находчивости в критических ситуациях, требующих полной интеллектуальной отдачи.

– Верно, – промурлыкала она сытой кошкой, согласно наклонив голову. – Четырехзвездный генерал, грубый и неотесанный, как и сам Дон, пользуется доверием нашего Пре-

зидента. Тут видимо сказывается некоторое родство душ, – предположила Хаспел. – Его комментарии станут для тебя хорошим подспорьем при вербовке Президента в наши ряды.

– Может для веса добавить еще и Джона Хайтена? – начал вслух рассуждать Госсекретарь.

– Это уже твое дело, Майк, кого посвящать в наши планы. Лишь бы это не повредило ходу событий, – довольно сухо заметила разведчица, но уловив неприятную гримасу на лице собеседника, тут же поправилась. – Впрочем, я полагаю, что обилие генералов в твоей свите может сыграть нам только на руку.

– Ну, хорошо, Джина, ты меня почти убедила в том, что мне удастся, как следует припугнуть Президента, – задумчиво проговорил Помпео. – Но как мне его убедить не держать обиды за то, что мы почти два месяца таили от него информацию?

– А кто сказал, что два месяца?! – широко улыбнулась старая карга. – Ничего подобного! Информацию мы получили, всего каких-то пару дней назад. Один день заняла проверка достоверности источника информации. Еще один день ушел на изучение и анализ возможности в принципе создания подобной установки. Ведь не можешь же ты идти к главе государства с непроверенной информацией? Тем более на тех фото и видео, которые я тебе передала, отсутствуют данные о времени съемок.

– А как мне объяснить ему, что план операции уже готов? Он ни за что не поверит, что за несколько часов мы сумели разработать все детали предстоящей акции, – проговорил он, глядя ей прямо в переносицу.

– Я искренне ценю твое желание обезопасить себя со всех сторон, – ответила Джина, не отводя взора от испытующего взгляда Госсекретаря. – Однако тебе все же стоит включить хотя бы толику самостоятельного воображения.

– Не зарывайся слишком далеко, Джина, – предостерег он ее, обиженно поджав и без того тонкие свои губы.

– Ладно, не обижайся, – сдала она чуть назад, чувствуя, что немного переборщила и задела большое самолюбие хозяйина этого кабинета. – Я бы на твоём месте постаралась бы вообще ничего не предлагать.

– Как это так?! – не въехал он в дебри изворотливого мышления коварной женщины.

– А вот так! Всем ведь давно известно, что наш горячо любимый Президент считает себя специалистом во всех сферах жизни – начиная от способов грудного кормления младенцев и до теоретических выкладок в области гиперзвукового движения тел, которым его еще недавно припугнул покойный русский правитель. А уж, что касается проведения военных операций, – тут она опять позволила себе широко улыбнуться, вспоминая недавние события, – будь то устранение Сулеймани или принуждение Ына к повиновению, путем демонстрации военной силы, то уж и вовсе он себя мыс-

лит непревзойденным полководцем. Вот этим его качеством и надо воспользоваться в полной мере. Зная его характер, я почти со стопроцентной уверенностью могу сказать, что он сам предложит силовое решение данной проблемы. Нужно просто умело подтолкнуть его к мысли о совершении данной акции, как единственно возможной, в сложившейся ситуации, а когда он заглочет твою наживку, возомнив себя военным гением и спасителем всего Человечества, тут ты его и вытаскивай на берег. А потом неожиданно вспомни, как будучи еще членом специального комитета по разведке при Конгрессе в бытность предыдущего президента, принимал участие в разработке аналогичных планов по уничтожению якобы все еще функционирующего секретного ядерного полигона русских, нагло нарушавших Конвенцию по запрещению ядерных испытаний. Заранее договорись с Милли, чтобы он подтвердил твои слова. Вот и получится, что плана вроде бы и нет еще, а с другой стороны, как бы уже есть и давно лежит в секретных архивах Пентагона. Так как всем известна его нелюбовь, вдаваться в подробности чего бы то ни было, то я опять же могу тебя уверить, что работу по «доработке» старого плана действий он поручит вам. И уже к вечеру ты представишь ему срочно доработанный план. Тут ведь главное – скорость. Утром доложил о проблеме – вечером принес план действий. Я полагаю, что он по достоинству оценит вашу расторопность.

– Я тоже немного знаю его импульсивный характер. А

вдруг он схватит телефонную трубку и в запале неконтролируемой ярости просто предъявит ультиматум главарю русской хунты? Что тогда делать? – вновь подбавил сомнений Помпео.

– А вот этого никак допускать нельзя, – подпустила металл в голос бабушка-одуванчик. – Сыграй на опережение и сразу предупреди его, что если он попытается связаться со своим коллегой из Кремля, то это только еще сильнее подстегнет русских в их желании ускорить сроки запуска своего чудовища. Ну что, у тебя еще остались какие-нибудь сомнения или вопросы? – нетерпеливо поинтересовалась она у собеседника.

– В общем-то, нет, – пробормотал Помпео, забирая со стола флэшку. – Разве что психологический дискомфорт от осознания того какие громы и молнии начнут отовсюду греметь в наш и мой в частности адрес после применения спецбоеприпаса. Не горькая ли ирония Всевышнего обрекающего нас на применение этого оружия уже в третий раз за семьдесят пять лет? Нам полвека пришлось отмываться от клейма человеконенавистничества. И сколько времени потребуется на этот раз? – проговорил он тихо, как бы споря и убеждая самого себя в мнимой правоте намечаемого поступка.

– Участь всех великих империй испытывать на себе критику и враждебность еще непокоренных соседей, – загадочно ответила Хассел, вставая с мягкого стула, чтобы попрощаться.

III.

31.08.2020г., США, округ Колумбия, г. Вашингтон, Пенсильвания авеню, 1600, Белый Дом

45-й по счету Президент Соединенных Штатов Дональд Джон Трамп, так же как и его подчиненный – Госсекретарь Майк Помпео, не любил находиться в стенах главной резиденции правителей государства. Его холерическому психотипу претило сидеть в Овальном кабинете с серьезным и многозначительным видом под камеры журналистов изображать из себя Вершителя Судеб. Вернее так, Вершителя судеб ему изображать нравилось, но только из какого-нибудь другого места, желательней всего со своего родового ранчо Мар-а-Лаго, что расположено во Флориде. Ему казалось, на полном серьезе, что на поле для гольфа с клюшкой в руке и любимой бейсболкой на голове, он выглядит куда привлекательнее в свои семьдесят четыре рядом с красавицей Меланьей, нежели в строгом костюме за большим дубовым столом, помнившим локти, как минимум пятнадцати его предшественников. Однако в отличие от своего министра более чем странных дел, он не потакал своим желаниям любыми способами отлынивать от дел. А потому каждый Божий день одевал костюм, делал сосредоточенное лицо, и тихонько поминая всех ирландских святых, подначивших его, пять лет назад принять участие в выборной гонке, плелся на свое ра-

бочее место. Благо, что идти было недалеко – всего лишь переместиться в другое крыло здания. Там он садился в глубокое кресло и терпеливо выслушивал последние мировые новости из уст личного секретаря, пересматривал свежие номера газет, отдавая предпочтение сплетням шоу-бизнеса и спортивным хроникам. Покончив с этим приятным для себя делом, он, тяжело вздыхая, цеплял на нос очки (на публике он избегал в них показываться) и принимался за изучение поданных на подпись бумаг. Над этим делом он добросовестно корпел до обеда, то и дело вызывая к себе того или иного чиновника для дачи пояснений, если бумаги этого требовали. Имея большой опыт крупного воротилы от бизнеса, он всячески избегал ставить свою подпись под тем или иным документом, предварительно десять раз, не проконсультировавшись со специалистами и адвокатами. Тем более издерганный постоянными нападками демократов, обвинявших его в антиамериканской деятельности и всевозможными расследованиями в отношении себя самого и своих соратников, некоторыми из которых все же пришлось пожертвовать, он прекрасно осознавал истинность своего положения. А она заключалась в том, что сегодня он – руководитель самого могущественного в мире государства, а завтра – положила руку на Библию, жалкий старик, отвечающий на каверзные вопросы Сенатской комиссии.

Вот и сегодня он, разбирая нужные и не совсем нужные, по его мнению, бумаги, нет-нет да поглядывал на часы, что

стояли на каминной полке. Время близилось к обеду, а он, как истинный гурман, привыкший, в силу своего финансового достатка, к кулинарным изыскам, никогда не отказывал себе в желании побаловать вкусовые рецепторы полости рта. Рабочий день обещал выдаться неплохим. Мировые новости не несли в себе никакой угрозы, за исключением воплей о распространении пандемии, а бумаги требующие рассмотрения представляли собой обычную рутину, не требующую от него интеллектуального перенапряжения. После обеда должна была состояться встреча с конгрессменами-однопартийцами, вдруг изъявившими желание публично поддержать его кандидатуру на предстоящих выборах. Под конец рабочего дня члены его предвыборного штаба, под предводительством неутомимой и знойной красотки Хоуп Хикс, обещали какую-то интересную схему по дискредитации соперника, что тоже внушало определенный оптимизм. Ожидание обеденного перерыва прервал осторожный стук в дверь личного секретаря.

– Войдите, – гаркнул Трамп недовольно, зная, кто сейчас появится на пороге. Пожилой и длинноносый, как тукан личный секретарь Фрэнк Палмер не замедлил появиться на пороге кабинета и уже одним этим изрядно подпортил настроение шефа. Обычно старина Фрэнки старался лишний раз не показываться на глаза Президенту, памятуя, что его фигура на этом посту – плод стараний Меланьи, отчаянно не желавшей видеть в окружении мужа того, кто бы мог соперни-

чать с ней в плане женской привлекательности. Селекторная связь для этого подходила как никогда. Однако, если Палмер все же рискнул лично появиться перед светлые очи господинна Президента, то это, как правило, означало некую непредвиденную ситуацию, требующую не доверять разговор бездушному селектору. Секретарь с озабоченным видом остался стоять у плотно прикрытой двери, вытянув руки по швам, как заправский военный, коим он и был в прошлом.

– Что там у тебя? – насупился Трамп, предчувствуя, что предстоящий обед может быть перенесен на более поздний срок из-за какого-то срочного дела.

– Сэр, к вам с крайне важным и неотложным вопросом Госсекретарь и Начальник Комитета Штабов, – выпалил он, сделав при этом страшные глаза, как будто уже догадываясь о грядущих неприятностях от этого нежданного визита.

– Оба по одному и тому же вопросу? – не стал скрывать удивления Президент.

– Да, сэр, – подобострастно проговорил секретарь, подпуская в голос таинственности.

– Хмм, – озадаченно хмыкнул Трамп, почесав в задумчивости свой нос. Тут, действительно, было от чего задуматься. Никогда ранее эти два совершенно разных и, кажется, даже не совсем ладивших друг с другом человека не проявляли такой настоящей солидарности. Кожей своего тела Трамп почувствовал, что их визит не принесет ему ничего хорошего. Однако и не пускать их тоже было никак нельзя,

поэтому, вздохнув поглубже, как перед прыжком в воду, он произнес почти обреченно. – Хорошо, пусть войдут.

– Мне остаться, чтобы вести стенограмму беседы? – робко поинтересовался Палмер.

– Оставайтесь, – милостиво согласился Президент, здраво рассудив, что лишний свидетель явно не помешает.

Менее чем через минуту Помпео и Милли стояли перед Президентом, ожидая приглашения присесть на стоящие возле стола мягкие кресла. У обоих был вид крайне озабоченный, а на пухлом лице Госсекретаря еще и явно просвечивался непонятный, но бросающийся в глаза страх. Немного потомив обоих визитеров в состоянии неопределенной напряженности, Президент, сжалившись, махнул рукой, разрешая присаживаться.

– Судя по вашим озабоченным физиономиям, случилось нечто экстраординарное? – хмуро предположил Трамп и тут же продолжил, не дожидаясь ответа. – Может «толстый Ын» перешел 38-ю параллель? Или того хуже – Израиль, без нашего ведома, напал на аятоллу?

– Никак нет, господин Президент, – опроверг его предположение Помпео мертвенно бледными губами, явно не желая подыгрывать.

– Тогда что же, черт побери?! Что вы замерли как истуканы острова Пасхи?! Ну, говорите же?! – уже всерьез начиная волноваться прикрикнул на гостей хозяин Овального кабинета.

– Господин президент, – умело подхватил эстафетную палочку у Госсекретаря Милли, – все гораздо хуже, чем вы могли бы предположить. Русские собираются начать Третью Мировую войну.

– Вы с ума сошли Марк?! – не поверил Трамп услышанным словам. – Русские, конечно, узурпаторы и авантюристы, но ведь не сумасшедшие же?!

– Да, это с какой стороны посмотреть... – туманно высказался Начальник Объединенного Комитета Штабов.

– Не говорите загадками, Марк! Это вам не идет. Вы военный, а не политический интриган, как ваш спутник, – кивнул в сторону Помпео Президент. – Говорите четко и прямо.

– Так точно, господин Президент! – подтянулся в кресле Милли. – Говорю четко и прямо. По сведениям из источника, пользующегося абсолютным нашим доверием, русские собираются на нас неожиданно напасть 7-го сентября в 3 часа ночи по вашингтонскому времени.

– Вы в своем уме?! Или шутить изволите?! – невольно вырвалось у Президента, но сразу же осекся, потому что знал – Милли был начисто лишен чувства юмора.

– Никак нет, сэр, я не шучу. Удар буде нанесен внезапно, посреди ночи и без предварительного объявления войны, – четко, как по написанному, отрапортовал генерал.

– Подождите-подождите, – ухватился Президент за свой нос, как за спасительную соломинку, – но насколько я сведущ в делах войны, то русским перед этим нужно хотя бы

как-то обезопасить свое посольство. Начать эвакуацию семей и обслуживающего персонала, или на худой конец приготовиться к осаде комплекса посольских зданий, начать уничтожать документы и прочие материалы. Разве не так поступили дипломаты любой из стран готовящейся к боевым действиям? Но насколько я знаю, ничего подобного не наблюдается, иначе бы меня уже уведомили спецслужбы, день и ночь, наблюдающие за русскими.

– В этом-то и заключается все коварство восточных варваров, – сделал попытку иронично усмехнуться бывший директор ЦРУ. – Русские усыпляют нашу бдительность столь незамысловатым маневром. Что им до незавидной судьбы нескольких сот своих людей, если на кону стоит победа в многолетней борьбе с несокрушимой доселе цитаделью свободы?! – не без пафоса воскликнул толстяк с тонкими и злыми губами избалованного ребенка. – И вообще, господин Президент, я не уверен в том, что их посол Антонов в курсе замыслов своего руководства. По всей видимости, им просто решили пожертвовать в решающий момент битвы.

– Ну ладно, Майк, вы меня почти убедили в подлости и коварстве русских даже по отношению к своим гражданам, но тогда объясните мне, почему нет никаких признаков к подготовке превентивного удара? Ведь даже неспециалисту должно быть ясно, что перед тем как нанести упреждающий удар надо провести кропотливую подготовку, а именно, вывести системы на исходные огневые позиции, провести подготови-

тельные регламентные работы, в конце концов, просто отменить отпуска и выходные офицерскому составу стратегических ядерных сил. Да и какими бы варварами они не были, все равно они должны были бы хоть как-то позаботиться о номенклатурных кадрах, загодя вывезя их в относительно безопасные места и убежища, – выложил Президент свой последний козырь сомнений.

– Разрешите мне ответить на ваш вопрос? – опять взял инициативу генерал.

– Валяйте.

– Если бы к превентивным действиям готовилась наша сторона, то мы, без сомнения, поступили бы так, как вы и сказали. Мы бы загодя перебазировали наши стратегические ракетоносцы поближе к предполагаемому театру боевых действий, развернули ударные подводные лодки и корабли с «томагавками» на борту по периметру России, а корабли, снабженные системой «Иджис» на предполагаемых трассах русских ракет для отражения ответного удара. Но если «Огайо» можно хоть как-то скрыть от подслеповатого ока спутниковой группировки русских, то спрятать развернутые в боевые порядки надводные корабли не удастся ни при каких обстоятельствах, – сожалеюще развел в сторону руки Милли. – Но структура ядерной «триады» русских несколько иная, позвольте еще раз напомнить вам, господин Президент. Около 70% носителей ядерного оружия у них сосредоточено на ракетах шахтного и мобильного базирования, при-

мерно 25% – на подводных носителях и лишь 5% – на авиационных. И если из космоса мы можем легко проследить за устаревшими в своем большинстве русскими субмаринами и немногочисленными авиационными силами стратегического назначения, то вот достоверно убедиться в предстартовой готовности из шахтных комплексов мы не можем абсолютно. Они и так находятся в постоянной пятиминутной готовности к нанесению ответно-встречного удара, исходя из их последней военной доктрины, а приготовления к превентивному массовому пуску ракет мы удостовериться не сможем до тех пор, пока ракеты не покинут свои шахты.

– И что в этом нового?! – пожал плечами рамп, у которого уже отлегло от сердца. – Мы и так знали, что русские более уповают на свои тяжелые МБР, чем на все время взрывающиеся и тонущие подводные лодки. Их не в меру разрекламированные покойным президентом пресловутые «Сарматы» еще только проходят первые испытания, и Бог знает, когда еще будут приняты на вооружение. А трассы движения ракет, доставшихся им от Союза, мы знаем, и наши противоракеты, расположенные на Аляске, если верить вам и мистеру Хайтену, готовы к отражению большинства из них.

– А кто вам сказал, господин Президент, что русские развяжут Третью Мировую войну с применением именно ядерного оружия? – огорошил Трампа генерал.

– Э-э-э, – проблеял Трамп, не найдясь с ответом, округлив при этом от изумления глаза.

– Русские при всей их лапотности, все-таки не наивные дурачки, чтобы нарываться на ядерный ответ в свой адрес, – продолжал, как ни в чем не бывало Начальник Объединенного Комитета Штабов, вызывая своим каменным беспристрастием внутреннее душевное ликование у Госсекретаря, свалившего на него основную работу по запугиванию Президента. – Они реально рассчитывают, что никакого ответного удара не будет.

– Почему не будет? – не преминул задать глупый вопрос Президент, нисколько не опасаясь получить столь же глупый ответ.

– Потому что некому будет отвечать, – зловеще прошептал Помпео, ловко вступая в игру. – Операция будет произведена в течение каких-нибудь пять-шесть минут. И она будет замаскирована под экстремальное природное явление. А с природой много не повоюешь.

– Я вам не верю, – просипел Трамп, в мгновение ока, побелев лицом, словно кусок отстиранного от грязи полотна.

– Ваше право, мистер Президент, не верить мне – верно-му вашему соратнику, несмотря на постоянные третирования! – вдруг взвился Помпео, трясая щеками и брызгая слюной от наигранной ярости и душевной боли. – Ваше право, мистер Президент, не верить генералу, положившему на алтарь Отечества всю свою сознательную жизнь! – ткнул он в запале бешенства пальцем в Милли, тоже слегка прибалдевшего от незапланированной пантомимы своего случайного

соратника.

Это произвело должное впечатление и на самого Трампа, никогда не видевшего еще своего Госсекретаря в таком нервическом состоянии.

– Однако даже вам, – продолжил он брызгать слюнями во все стороны, – с вашим извечным скепсисом придется согласиться с неопровержимыми фактами! Вот!

Госсекретарь полез толстыми пальцами в свой нагрудный карман и извлек из него миниатюрную флэш-карту, наглядно демонстрируя ее Президенту.

– Что это? – спросил Президент, сверкнув глазами.

– Это доказательство правдивости наших слов, – с обидой в голосе за неверие ответил Помпео. – Я могу вставить ее в ваш компьютер?

– Можете, буркнул Трамп, соглашаясь.

Госсекретарь, привстав с кресла, одним движением руки вставил флэшку в свободный USB-порт с обратной стороны моноблока, что стоял на столе перед лицом Трампа. Закончив с этой короткой манипуляцией, он опять плюхнулся в кресло, якобы намеренно отстраняясь от происходящего. Дальше Трампу предстояло действовать самому. Нацепив очки на нос (в приватной беседе можно и не стесняться старческой подслеповатости) он нашел новую иконку, появившуюся на экране, и нажал на enter. Оба гостя сидели, как вкопанные на своих местах, не делая попыток встать и из-за спины хозяина Белого дома комментировать заснятое видео.

Видео, которое они с Милли уже не единожды просматривали, длилось не более десяти минут, поэтому им не составило большого труда сидеть тихонько на своих местах, наблюдая за реакцией Большого Босса. Реакция, надо сказать, была весьма впечатляюща. Всю жизнь занимавшийся шоу-бизнесом, Трамп всегда придавал большое значение внешним эффектам на сознание большого скопления людей. Умение преподать толпе заурядные факты, как нечто уж совсем невообразимое было его отличительной особенностью, что и помогло однажды занять самое высокое положение в иерархии публичной власти. Именно поэтому на него произвело магическое впечатление то, как из подземных глубин, словно посланник из Ада медленно выплывал почти внеземной в своей реальности аппарат, смахивающий одновременно на перекормленную гусеницу и инопланетный корабль. Зрелище было настолько завораживающим, что Трамп невольно раскрыл рот от изумления, да так и остался сидеть с застывшим выражением лица до конца короткого видео.

– Что это? – шепотом произнес он, будто бы боясь, что его услышат те, кто сидит на том конце Земли в чреве неведомого чудища.

– Это наша смерть, господин Президент, – ответил Милли, не меняя каменного выражения лица.

– Что вы такое говорите, Марк? – попробовал возразить Трамп, все еще не сводя глаз с экрана на котором застыло изображение дьявольского изобретения русских.

– Да, господин Президент, это именно то, что я и сказал и готов повторить: это наша с вами смерть.

– Вы что тут, сговорились оба говорить со мной загадками?! – не выдержал и заорал Дональд на своих визитеров. – Выкладывайте все как есть! Ничего не утаивая и сглаживая углы!

– Это с вашего позволения, господин президент новое направление в сфере военной физики, начал генерал медленно и тщательно подбирая слова, так, чтобы их общий смысл был понятен человеку весьма далекому от военно-промышленного комплекса. – Если говорить кратко, то это установка надгоризонтного, а возможно и загоризонтного действия по генерации и распространению гравитационных волн, – вдохновенно врал Милли, сам не ожидая от себя такого. – В фантастической литературе, давно предсказывающей нечто схожее с этим феноменом, уже подобрано соответствующее название. «Гразер». Да, точно – гразер, что-то среднее между лазером и гравитацией. Принцип действия такой: установка генерирует, а затем фокусирует в любой избранной для его воздействия географической точке гравитационный удар. Этот удар может быть нанесен по любым объектам, находящимся в воздухе, на земле, под землей, под водой и даже в космическом пространстве, вследствие того, что преград для гравитационных волн не существует в принципе. Эта установка создана и собрана руками русских спецов на северном архипелаге под названием Новая Земля. Это тер-

ритория бывшего ядерного полигона – место уединенное и скрытое от любопытных глаз. Но не от наших спутниковых группировок. Русские наивно надеялись, что раз ядерные испытания в этом месте прекратились тридцать с лишним лет назад, то мы не станем проявлять интерес к их кипучей деятельности на месте заброшенного полигона. Установка собрана, испытана и уже готова к эксплуатации. Примерная рабочая дальность воздействия, увиденного вами аппарата составляет по нашим сведениям около пяти тысяч километров.

– Гравитационные волны... – задумчиво произнес Трамп, потирая в растерянности лоб, – не могли бы вы мне кратко пояснить принцип их действия?

– Могу, – охотно согласился вояка, приободренный от растерянности Президента и собственной неуемной фантазии, в коей он доселе никак себя еще не проявлял. – Если выразаться общеупотребительными понятиями, то гравитация есть не что иное, как сила взаимного тяготения между предметами разной массы. Именно сила тяготения не дает упасть и скатиться с Земли жителям Австралии, которые ходят вниз головой по отношению к нам, и при этом великолепно себя чувствуют, – позволил себе слегка улыбнуться генерал. – Но это обычная и привычная для нас сила тяготения, которую мы не ощущаем. Но что будет, если ее вдруг, хотя бы на долю секунды увеличить, скажем, в миллион раз? Не то, что от человека, даже от любой конструкции останутся только молекулы. Земля в месте нанесения удара, просто провалится на

километр, корабли и подводные лодки расплющит до состояния атомов, самолеты, ракеты и спутники даже не долетят до земли, превратившись в пыль. Это оружие чистого, а что самое главное, безнаказанного нападения, потому что, как вы сами можете себе представить, ответа никакого не будет по причине того, что уже некому будет отвечать.

– Вы можете предоставить какие либо доказательства разрушительной мощи этого, – Президент кивнул на экран с застывшей на нем картинкой, – ужасного чудовища?

– Могу, господин Президент.

Милли полез рукой в карман кителя и вынул оттуда несколько фотоснимков, сделанных явно со спутника. На первом из них было изображено скопление неких зданий капитальной постройки различной архитектуры и на сравнительно небольшом участке. На втором снимке был изображен тот же самый участок поверхности, но вместо поселка, в самом его центре зиял пугающей чернотой бездонный провал. Пока Трамп внимательно разглядывал фотографии, Милли давал пояснения:

– Два дня назад русские провели заключительные испытания своего оружия на так называемых «новых физических принципах». С этой целью они построили на Камчатском полуострове натуральный макет некоего усредненного поселка, по которому точно и ударили. Результаты удара вы только что видели. Время точечного импульса, как докладывает наш источник, составило около трех наносекунд. И про-

шу вас заметить, господин Президент, именно точечного, а ведь установка может работать в постоянном режиме.

– Вы упомянули, что дальнодействие ее ограничивается пятью тысячами километров, – начал было искать зацепку для оптимизма Трамп, но генерал быстро осадил Президента.

– Да, господин Президент. Но это мое утверждение касалось только той самой статической установки, которую вы так напряженно разглядываете. А я не упомянул, что у русских уже имеется вариант ее воздушного базирования. И воздушный вариант ее тоже готов к эксплуатации. Самолет-носитель находится там же – на стоянке, возле взлетной полосы.

Трамп нервно пробарабанил пальцами по столу, пребывая в явной растерянности. С одной стороны он прекрасно понимал, что его Госсекретарь – продувная бестия и авантюрист высочайших градусов, который способен на любую махинацию ради продвижения интересов лиц, стоящих у него за спиной. Генерал Милли тоже никак на ангела с крыльями бескорыстия за спиной не тянет. И у него давно уже сложились прекрасные отношения с руководством корпорации «Raytheon», где его в случае победы Байдена на выборах ждет теплое место советника. А с другой стороны перед его носом зависло на стоп-кадре вполне себе убедительное доказательство подлой природы этих русских, готовых на все ради того, чтобы остаться в Высшей Лиге стран, от которых

зависит жизнь на всей Земле. К тому же толстяк Помпео все же не такой талантливый артист, чтобы так ювелирно разыграть перед Президентом истерический припадок. Он, Дональд Трамп, собственными глазами видел, как трясся жирный подбородок Госсекретаря в неподдельном ужасе. Такое не смог бы сыграть даже Лоуренс Оливье. Неотесанный чурбан Милли тоже доселе не был замечен в роли тонкого мистификатора. Каких шагов они ждут от него?

У всех, кто сейчас окружает 45-го Президента, уже готовы «запасные аэродромы», а что ждет его самого? Тихая старость и увядание в полном забвении, под присмотром бдительной охраны? Или может лавровый венец Спасителя Нации, принявшего единственно правильное решение во имя ее спасения?

– Почему вы решили, что русские нападут именно 7-го сентября? – спросил он после долгого раздумья.

– Во-первых, это не мы решили, а они, – опять вступил в разговор Помпео. – Источник, доложивший об этом, является нашим агентом, многократно проверенным вот уже многие годы. Он занимает довольно высокое положение в русском Генштабе, и он не станет бить тревогу, не имея на то веских оснований. К тому же это его сообщение пришло по экстренному каналу связи, к которому он никогда прежде не прибегал, а это говорит само за себя. Во-вторых, время перед самыми выборами президента – самое удачное для того, чтобы как минимум сорвать их и посеять хаос и недоу-

рие к власти, а как максимум, то полностью убрать с шахматной доски извечного своего противника. В-третьих, – продолжал долбить клювом в макушку Госсекретарь, уже полностью оправившийся от припадка истерии, – положение в экономике России настолько плачевно, после введения убойных санкций со стороны мирового цивилизованного сообщества, что у них нет иного выхода, как сделать так, чтобы дела у передовых стран стали хуже, чем у них самих. А с нашим уничтожением или в лучшем случае – поражением, западная цивилизация просто рухнет. В-четвертых, русским надо спешить с применением этого супероружия, так как работы по данной тематике идут не только у них, но и у нас, хоть пока и не так успешно. Но теоретические выкладки по созданию такого монстра у нас уже имеются, а значит, благодаря нашей высокоразвитой и технологически передовой промышленности не составит большого труда претворить в жизнь нечто подобное в кратчайшие сроки. Ну и в-пятых, вы не забыли, что обещал русский диктатор в своей речи в тот день, когда у них произошло то событие? Если вы, господин Президент, запомнили об этом, то я вам напомню, что он обещал не более и не менее, как убить всех, кто, по его мнению, причастен к событиям двухмесячной давности.

– Так все-таки это ваших поганых рук дело?! – рыкнул на него Трамп.

– Да какая теперь-то разница? – отмахнулся Помпео. – Признайтесь, господин Президент, что вы и сами хотели раз-

вязаться с этим Бутиным, чтобы раз и навсегда закрыть тему о ваших якобы симпатиях к нему. А мы, ваши скромные помощники, всего лишь угадали ваши тайные желания, при этом, не замарав своих собственных рук.

– Если русские готовят превентивный удар, то почему с докладом об этом пришли ко мне только вы вдвоем, а не весь заполошенный курятник спецслужб и пентагоновских чинов? – сделал еще одну попытку разобраться в ситуации Президент. – Они все, вообще-то, в курсе того, что нам грозит?

– Все кому надо – все в курсе, – сухо вставил свое слово генерал.

– А зачем противнику знать о том, что его замыслы раскрыты? – подхватил Помпео, пожимая плечами. – Или вы, господин Президент, полагаете, что русские не отслеживают перемещение всех высших должностных лиц нашей разведки и Пентагона. Поверьте мне, – старому разведчику, – подбоченился он в кресле, – они следят даже за тем, сколько окон светится по ночам в Белом доме и Пентагоне.

– А если я сейчас сниму трубку телефона и предъявлю этому главарю хунты, ультиматум о том, что если они немедленно не уничтожат свою установку своими руками, то это придется сделать нам самим, в качестве карательной меры за нарушение моратория об испытаниях на ядерном полигоне?

– Упаси вас Господь от этого самоубийственного шага! – подскочил Госсекретарь, как надувной шарик, в своем кресле. – Вы не только раскроете противнику наши знания о нем,

но, что еще хуже, подтолкнете его к форсированию своей операции. И если сейчас мы точно знаем дату и время его удара, то после вашего опрометчивого звонка, его можно ждать в любой момент. Мы даже запустить свои ракеты в ответ не успеем, как превратимся в молекулы.

– Ладно. Я, пожалуй, соглашусь с вами, что несколько поспешил с реакцией. Но тогда, что вы сами можете мне предложить, господа? – уставился он на гостей испытующим взглядом.

– Вы только что высказали идею о превентивном ударе по базе русских, если они не свернут свою программу, – начал осторожно Госсекретарь.

– Значит, вы предлагаете осуществить это на практике? – удивился Трамп, который не предполагал от «рыцаря плаща и кинжала» столь открытых силовых демонстраций.

– Да. Причем в срочном порядке – пока воздушный вариант установки не взлетел и не похоронил наши планы.

– Кто из нас сошел с ума?! Вы хотите развязать ядерную войну с русскими?! – спросил Президент, в упор, разглядывая колышущееся чрево своего Госсекретаря.

– Мы оба в своем уме. Просто смотрим на эту проблему с разных сторон. Я – со стороны практики, а вы – со стороны макрополитики.

– Тогда, как вы на практике это себе представляете?

– По сведениям нашего источника, о котором я упомянул ранее, там, на базе сосредоточены, как передовые про-

изводственные, так и интеллектуальные ресурсы. Я считаю, что нужно провести операцию по тайному захвату некоторых представителей научных кругов, связанных с созданием этой установки. Нам, как раз не помешало бы выведать кое-какие секреты русских, и тем самым несколько подстегнуть наших умников в деле создания аналогичной системы. А по завершении захвата раскатать всю базу русских массированной бомбардировкой объекта. В итоге мы убьем сразу трех зайцев.

– Каких?

– Получим в свои руки ценные научные кадры, уничтожим угрозу, нависшую над нами и надолго, если не навсегда отбросим исследования русских в этой области, так как восполнить потерю научных и производственных кадров они уже будут не в силах. Ну, по крайней мере, в ближайшие 15-20 лет. А за это время мы сумеем создать аналог этой установки и уже не они, а мы будем диктовать миру свои условия.

– А вы не боитесь получить ответ русских за нападение на их территорию? – насупился Трамп.

– Какого ответа русских вы опасаетесь, господин Президент? – недоуменно вскинул брови Помпео.

– Ядерного! Какого, же еще?! – не стал сдерживать негативных эмоций Президент.

– Не смешите меня, господин Президент, – ответил Госсекретарь, даже не улыбнувшись. – Русские не сумасшед-

шие, чтобы из-за какого-то инцидента на краю земли начинать Армагеддон. К тому же они сейчас не в таком положении, чтобы играть бицепсами.

– И каков же, по-вашему, будет их ответ на ничем не спровоцированное нападение? – удивился спокойствию Помпео хозяин кабинета.

– Ну, уж точно не ядерным! – парировал его вопрос бывший разведчик. – Любой ответ русских по сравнению с тем, что нам удастся нейтрализовать, можно считать терпимым. Даже если они в отместку разбомбят все наши базы в Сирии, в чем я сомневаюсь. И потом, почему вы решили, что наше нападение будет неспровоцированным? Как раз таки оно будет спровоцированным. Мы поднимем вселенский шум, обвиняя их в проведении тайных подземных испытаний ядерного оружия сверхмалой мощности. И будьте уверены, нам поверит весь мир. А мы после этого посмотрим, сколько у них останется единомышленников после того, как они узнают, что русские за их спиной проводят модернизацию своего ядерного арсенала.

– Вы считаете, что шумного скандала хватит для того, чтобы нейтрализовать возможную реакцию русских? – начал Президент потихоньку сдаваться.

– Для подстраховки можно будет отвлечь их внимание, скажем, на ту же самую Украину, – хитренько осклабился Помпео.

– Каким образом?

– Надо убедить наших украинских друзей провести утром 7-го числа массированную ракетную атаку на какой-нибудь из русских приграничных городов. Это станет их мезтью за нападение на Киев. И уж тогда русским будет точно не до нас. Им придется ввязываться в долгую и кровопролитную войну с Украиной, победа в которой для них станет Пирровой.

– А вы сможете убедить украинцев совершить суицид? – засомневался Трамп.

– Их и убеждать не надо. Они сами с удовольствием развяжут бойню. Они просят нас только поддержать их в священной войне за освобождение от русского рабства. И мы непременно окажем всемерную помощь нашим друзьям, пожелавшим вступить на путь демократии и прогресса, – слащаво улыбаясь, промурлыкал Помпео.

– Я смотрю, Майк, у вас уже на все имеется заготовленный ответ. Может у вас уже есть план операции? – нехорошо прищурился Трамп, что-то подозревая.

Чуя, некий подвох со стороны Президента, Помпео успел выкрутиться в последний момент из щекотливой ситуации:

– План нанесения удара по бывшему полигону русских был разработан еще при прошлом хозяине Белого дома. Его нужно всего лишь слегка скорректировать и дополнить, разумеется, в авральном порядке, учитывая то, в каком цейтноте мы находимся.

– Планы мы подкорректируем незамедлительно, – пришел ему на выручку генерал. Уже к завтрашнему утру они будут

готовы. А воплотить их в реальность не составит большого труда. Сейчас, как раз в тех местах, проходят наши учения 2-го Оперативного Флота. Ему и можно будет поручить выполнить задуманное.

– Прочитать русских, конечно, следовало бы, а то они уж слишком вольготно стали себя чувствовать после успехов в Крыму и в Сирии, – рассуждая вслух, произнес Трамп. – Но во всем этом деле меня смущает одно немаловажное обстоятельство...

– Я готов развеять все ваши сомнения, господин Президент, – подался вперед всем корпусом Госсекретарь, выражая готовность прямо тут, не сходя с места, умереть за интересы своего патрона.

– Нам предстоит впервые так открыто применить военную силу против второй по величине ядерной державы. Я уж молчу о том, какой вой поднимется на всех международных площадках. Но не посеют ли наши действия сомнения и страх в рядах наших союзников? Не обвинят ли нас наши же сателлиты в авантюризме и излишней агрессии?

– Позволено ли мне будет одновременно согласиться и не согласиться с вашими сомнениями, господин Президент? – засиял, как начищенный самовар Помпео. По его лицу было видно, что он уже заранее продумал свою аргументацию на предполагаемые вопросы со стороны начальства.

– Излагайте, Майк. Я внимательно выслушаю ваши сентенции, – величественно склонил голову Повелитель Циви-

лизованного Мира.

– Итак, давайте по пунктам. Вы говорите, что поднимется мировой вой. И это замечательно! Только вой должны поднять мы сами, причем во всю мощь наших СМИ. И он должен быть настолько сильным и безапелляционным, чтобы у русских не было даже призрачной возможности возразить нам. Никакого плюрализма мнений! Никакой возможности для них донести свою точку зрения до общественности. Мы должны раз и навсегда пригвоздить их к позорному столбу «нарушителей моратория ядерных испытаний». Объявить всему свету о том, что их государство является гангстерской шайкой, желающей во имя своих амбиций поставить мир на грань своего существования. А в развитие этой ситуации пригрозить санкциями всем тем, кто хоть в малейшей степени будет сотрудничать с ними. Пусть весь мир хорошенько подумает и взвесит, что для него предпочтительней: иметь спорную выгоду от деловых контактов с изгоями человечества или и дальше, пользуясь нашим покровительством и нашими капиталами идти навстречу прогрессу.

– Хмм, общий ход ваших мыслей мне пока нравится. Продолжайте в том же духе, – приободрил Трамп и без того вошедшего в раж своего Госсекретаря.

– Теперь, что касается страха и сомнений в рядах наших робких союзников. Наши предстоящие действия, как раз и призваны, чтобы купировать червоточину сомнений в их головах, уже вовсю начинающую расползаться и отравляющую

наши с ними отношения. И действительно, как не появиться сомнениям, если они воочию убедились в нашей нерешительности? Мы так и не смогли уничтожить ядерную программу Ирана и обеспечить безопасность, тем самым, нашего маленького, но большого друга. Нам не удалось свергнуть диктаторский режим этого сумасшедшего Мадуро, который уже в открытую насмехается над нашей криворукостью. Нам даже с позором пришлось отступить и от северокорейского сатрапа, как только он проявил решимость атаковать наши АУГ, собравшиеся в Японском море, дабы обуздать его непомерные амбиции.

При этих словах Помпео явственно заметил, как заходили желваки на скулах Трампа. Отступление перед БИном было его личным провалом военных и дипломатических усилий. Помпео с запоздалым сожалением отметил, что злопамятному по натуре Трампу не следовало напоминать об его ошибках и недочетах во внешней политике. Однако изворотливый ум Помпео нашел, чем можно подсластить свою горькую пилюлю:

– Вот как раз этим ударом по России мы одним разом реабилитируемся в глазах своих сателлитов и вдохнем новую порцию уверенности в нашей нерушимости и могуществе. На этом фоне даже наш предстоящий вывод войск из Афганистана уже не будет выглядеть, как поражение, а предстанет просто как перегруппировка сил перед очередным наступлением, но уже на более важном для нас участке. И по-

том, господин Президент, не забывайте, что предстоящая акция против русских выбьет основной козырь из рук ваших противников в Демократической партии, без конца обвиняющих вас в симпатиях к России. А это уже серьезная заявка на победу в предстоящих выборах. Америка уже давно соскучилась по сильной и властной руке.

– Что ж, Майк, вы не так глупы, как может показаться с первого взгляда, – попробовал отвесить неуклюжий комплимент, граничащий с хамством, нынешний Президент, мечтающий стать следующим Президентом одной из сверхдержав.

Сомнительная похвала Трампа задела чувствительную натуру Госсекретаря, но он не подал вида, что обиделся.

– И, наконец, выскажусь по последнему вашему пункту сомнений, – как ни в чем не бывало, продолжил он. – Я говорю о страхе. Да. Страх у наших союзников будет. Это не вызывает сомнений. Наши европейские партнеры, с одной стороны, слишком уж избалованы нашей бескорыстной защитой их интересов. В то время, как мы не жалея сил и средств, пытаемся сохранить военный паритет с нашими эвентуальными противниками, тратя огромные средства из бюджета на все новые и новые виды вооружений, они не утруждая себя лишними тратами, набирают экономическую силу, подчас становясь нашими прямыми конкурентами. Нам эти перекосы во взаимоотношениях совершенно ни к чему. А с другой стороны, видя наши некоторые неудачи, они уже позволяют себе не только иметь собственное мнение по тем или

иным событиям, но еще и набираются наглости покрикивать на нас. Вспомните, господин Президент, последний саммит Большой Семерки, и то, как позволила себе вести себя на нем эта старая ведьма – Меркель.

– Да уж, – согласился с ним Трамп, – вела она себя там просто таки безобразно. Я с трудом сдерживал себя, чтобы не наговорить ей лишнего.

– Но конфетку, все-таки ей бросили! – радостно подхватил льстивый Помпео.

– Ну, да! – заулыбался и приосанился в кресле Трамп, вспоминая тот нашумевший эпизод, когда канцлер Германии окончательно вывела его из себя.

– Вот поэтому нашим изнеженным союзникам стоит иногда напоминать, кто оплачивает их банкет и кто является хозяином всего этого заведения. Пусть знают, что мы можем без труда и лишних угрызений совести расправиться с каждым из них, если почувствуем предательство с их стороны. В конце концов, страх – не самый худший инструмент в деле поддержания вассалитета.

– Опять не могу не согласиться с вами, Майк, – уже более дружелюбно буркнул Президент, услышав последний аргумент пройдошистого соратника.

– Благодарю за искреннее понимание! – приложил пухлую ручку Помпео к тому месту, где у людей обычно находится орган, перекачивающий кровь.

– Не стоит благодарности, – милостиво отмахнулся Трамп

от верноподданнического жеста хитрого чиновника. – Так, что же вы все-таки хотите от меня? – окинул он орлиным оком парочку своих визитеров.

– Санкции на проведение операции, естественно, – брякнул и тут же потупил свой блудливый взор Госсекретарь.

– Санкцию на проведение операции даю, но без письменного подтверждения.

– Но... – попробовали хором возразить Милли и Помпео.

– Никаких «но», господа. Я уже седой воробей, – указал он на свою шевелюру, – и меня не проведешь. Мне прекрасно известно, что вы задумали авантюру мирового масштаба, конечный исход которой неизвестен никому. Поэтому я не собираюсь опрометчиво класть свою голову на эшафот истории. Если это дело у вас получится, то я задним числом одобрю ваши действия, ну а если нет, то уж не взыщите. У меня не останется другого выхода, как все свалить на вашу инициативность. И я с чистым сердцем и незамаванными руками с удовольствием отдам вас под суд. А теперь, получив мое святое благословение – ступайте, – не стал слушать их возражения Президент.

И уже вдогонку, когда оба содокладчика стояли у порога, бросил им в спину:

– Подробный план акции завтра к утру должен лежать у меня на столе, в обход Канцелярии.

IV.

Оба заговорщика, находясь в состоянии полнейшей про-
страции, молча выкатились из Овального кабинета. Не про-
ронив ни слова, спустились по мраморным ступенькам вниз
до самого крыльца. И только уже находясь на лужайке перед
Белым домом, дали волю своим эмоциям:

– Нет, ну какой хитрец! – наконец выпустил, долго сдер-
живаемый пар, Госсекретарь – Битый час выслушивал и ки-
вал, а когда дело дошло до ответственности, то тут же улиз-
нул, будто бы он и вовсе не причём!

– И что самое удивительное, – подхватил его мысль Мил-
ли, – его даже не пришлось сильно уламывать. У меня сло-
жилось стойкое впечатление, что он и сам был бы не против
подобного развития событий.

– Просто держит марку миротворца и святоши, – помор-
щился Помпео.

– Его понять, в принципе, можно, – здраво рассудил ге-
нерал. – Он и так сейчас многим рискует, уже находясь под
сенатским расследованием. Лишний камень на его шее спо-
собен утопить не только его будущее, как политика, но и в
прямом смысле отправить его на электрический стул. Впро-
чем, как и всех нас, – тихонько под нос добавил Милли.

– Вы сомневаетесь в успехе операции?! – опешил Пом-
пео, внимательно посмотрев в затравленные глаза соучаст-
ника спектакля. – Тогда почему же, черт возьми, вы не толь-
ко подыграли мне, но и пошли еще дальше, начав фантази-

ровать о каком-то там «гразере»?!. Начитались бульварных статей их «Popular Mechanics»?

– А о чем я, по-вашему, должен был ему рассказывать?! – взорвался Милли. – Наглядного подтверждения работы протонного ускорителя у нас нет на руках. Только словесное описание нашего информатора о разрушении макета крылатой ракеты. Ни документов, ни фотографий. Все на словах. А тут завалились отличные фотоснимки с русского полигона на Камчатке, где после очередного испытания их гиперзвукового блока образовалась красивая воронка. Все убедительно, а главное – наглядно. И не надо ломать голову, как объяснить потоки протонов не оставляющих после себя вообще ничего.

– Ладно-ладно, успокойтесь, мой друг, – примирительно произнес Помпео, легонько касаясь ладонью плеча строптивого генерала.

– А вы, между прочим, тоже хороши, – немного начал остывать Милли. – Почему вы умолчали о том, что планируется не просто бомбовый удар по объекту, а ядерный?

– Ну, что вы претворяетесь наивным парнем, Марк? – снисходительно, как нашалившему ребенку улыбнулся Госсекретарь. – Вы же прекрасно понимаете, что в таком случае, мы бы никогда не добились от него разрешения на акцию.

– Но ведь это же все равно вскроется, – продолжал недоумевать Милли.

– Это будет уже потом. А победителей не принято су-

дить, – многозначительно ответил прожженный интриган.

– Зато принято судить неудачников, – поежился генштабист.

– А вот этот пункт уже полностью зависит от вас – людей в мундирах.

Глава 44

I.

02.09.2020г., г. Москва, Национальный Центр обороны

Сегодня Афанасьеву предстояло принять у себя особенного гостя. Еще накануне в бывшее Управление Делами Президента, а ныне Управление Делами Главы Высшего Военного Совета позвонили из Канцелярии Синода Русской Православной Церкви и попросили назначить аудиенцию для своего представителя. Валерию Васильевичу немедленно передали просьбу церковников и тот, почесав маковку, ибо абсолютно не знал о чем можно говорить с «долгогривыми» и «рясоносными», после недолгих раздумий, дал свое согласие, выкроив время из своего плотного графика. Ему в своем настоящем положении еще не приходилось давать аудиенцию лицу духовного звания столь высокого ранга, и как это правильно должно быть обставлено он тоже себе представлял довольно смутно, а позвонить и проконсультировать-

ся на сей счет у Начальника Протокольной Службы, как-то постеснялся. В конце концов, махнув на все рукой, приказал Михайлову сервировать, на всякий случай, столик в маленькой комнате, что находилась позади кабинета и служила комнатой отдыха и площадкой для частных бесед. Борис Борисович, как всегда был на высоте и даже расстарался раздобыть из неведомых запасников бутылочку церковного кагора марки «Партенит». Ровно в восемь часов утра, дверь его кабинета открылась и появившийся на пороге старший (теперь уже старший) адъютант Михайлов, вытягиваясь, как на параде торжественно произнес, подражая императорским мажордомам:

– Товарищ Глава Высшего Военного Совета Российской Федерации, к вам с объявленным визитом прибыл временно исполняющий обязанности Предстоятеля Русской Православной Церкви – экзарх Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата Митрополит Минский и Слуцкий Евфимий.

– Проси, – коротко бросил Афанасьев, вставая из-за стола и направляясь к дверям, чтобы оказать положенные почести гостю, встретив его у порога.

Михайлов отступил на два шага в сторону и в проеме открытой двери появился благообразный старец, убеленный сединами и одетый в черную рясу киевского покроя. На голове у митрополита красовалась камиллавка фиолетового цвета с алмазным распятием. Антураж гостя дополняли две

панагии, усыпанные дорогими камнями, массивное золотое Распятие и кипарисовый посох с навершием из моржового клыка. Сам старец выглядел не менее величественно. Высокий рост, могучие плечи и отсутствие нездорового жира в теле, столь характерного для большинства представителей церковного культа, делали его образ довольно привлекательным. Правильные черты лица без малейших признаков одутловатости, пронзительный и в то же время ласковый взор умных и слегка запавших глаз способны были, наверное, тронуть сердце не одной прихожанке. «Экий, право, Илья Муромец. С такими-то физическими данными ему не в церковники, а в гвардию – правофланговым» – подумал про себя Афанасьев, невольно любуясь статью митрополита. Неторопливой, но в то же время и не заносчивой от осознания своей значимости, походкой церковник переступил порог нового правителя России. Видимо, зная, что Афанасьев, воспитанный в идеалах далеко отстоящих от церковной набожности, он не стал принуждать его к обязательному целованию своих рук, попросту осенив хозяина кабинета крестом и протянув свою руку для крепкого мужского пожатия. Валерий Васильевич и сам никогда не жаловался на крепость своих рук, но рукопожатие временно исполняющего обязанности Главы Церкви, его порядком удивило. За свою бытность, ему приходилось, время от времени, общаться с носителями церковного сана и он знал, как пухлы и духмяны ладони служителей Христа, будто не руку пожимаешь, а плюшевую игруш-

ку, набитую ватой. Эта же рука, протянутая ему, была крепка и мозолиста, будто ее хозяин не столько молится, сколько машет топором на заготовке дров для монастырской братии. Удовлетворение Афанасьева рукопожатием не укрылось от пронзительных, чуть насмешливых глаз митрополита, и он добродушно пророкотал, оглаживая свою пышную бороду:

– Что, сыне мой, не ожидал от священнослужителя этакого?

В противовес своей могучей внешности голос у старца был мягок и ласков, как неторопливое журчанье речки по прибрежным камням.

– Признаться, нет, ваше..., – тут диктатор слегка запнулся, не зная, как правильно величать гостя.

Но тот поспешил на выручку Валерию Васильевичу:

– По церковному этикету, чадо (чадушке на днях должно было стукнуть 65 лет), к духовным лицам в сане епископа и митрополита положено обращаться «Ваше высокопреосвященство», но в приватной обстановке, зови меня просто «отче» или «отец Евфимий» – как удобней.

– Спасибо, – улыбнулся в ответ Афанасьев, – а то меня, как и Винни-Пуха длинные слова только расстраивают. – Ну, тогда уж и вы зовите меня без всяких словесных нагромождений.

Митрополита тоже развеселили эти слова, и его улыбка растеклась по усам и бороде, делая его немного похожим на Деда Мороза. Адьютант еще немного постоял, в ожидании

какого либо приказа, но, не дождавшись никаких распоряжений, развернулся и вышел из кабинета, тихонько притворив за собой дверь.

– Ой, да что же мы стоим-то на пороге?! Прошу вас, отче, пройти, – засуетился Валерий Васильевич, делая рукой приглашающий жест.

Евфимий не стал чиниться, а потому запросто сел в указанное кресло возле стола. Валерий Васильевич, сел в кресло напротив, дабы подчеркнуть равноправие светской и духовной власти.

– А по поводу моих мозолистых дланей, что так смутили тебя, сыне мой, я скажу, от чего сии мозоли образовались. Еще, будучи послушником в Свято-Вознесенском монастыре, что находится в Барколабово, назначено мне было тамошним настоятелем – отцом Даниилом, прими к себе и упокой Господи его душу, быть хлебопеком. Вот и месил я тесто для всей братии, коей было без малого две сотни душ. Так вот и нашел я свое второе призвание. И по сию пору занимаюсь этим богоугодным делом, правда, уже не так часто, – в голосе митрополита явно проскользнули сожалеющие нотки, будто бы он тяготился своим нынешним положением.

– Из Управления мне передали, что у вас ко мне очень важное дело, но сути его раскрыть не смогли, поэтому я прошу простить меня, если я проявлю некоторую неподготовленность и некомпетентность в некоторых вопросах, – осто-

рожно подбирая слова, начал допытываться диктатор о целях нынешнего визита.

– Не сомневайся, сыне, – проигнорировал гость просьбу хозяина звать его по имени и отчеству, – для пристойной беседы с духовным лицом твоей компетенции хватит без привлечения дополнительной информации.

Голос митрополита вновь зажурчал тихо и ласково, а в глазах засветилась смешинка, собирая морщинки возле них в лучики и тут же добавил:

– Проблемы мирские и насущные привели меня в обители сие, и я, раб недостойный Господа нашего, льщу себя надеждой разрешить их с Его помощью в нашей беседе.

– Ну, раз дела мирские и насущные, значит, разговор предстоит обстоятельный и откровенный, – предположил Афанасьев, – а разговоры подобного содержания лучше всего вести в менее официальной обстановке. Как вы, отче, находите мое предложение? – подпустил он интриги в слова.

Евфимий слегка удивился подобному предложению, но возражать, благоразумно, не стал, и опять кротко улыбнувшись в бороду, произнес едва ли не нараспев:

– Воля хозяина принимать гостей так, как ему подсказывает долг гостеприимства и не мне, скромному служителю церкви ставить условия.

– Тогда, прошу вас, отец Евфимий, – поднялся с кресла Валерий Васильевич, – пройти со мной недалече – в комнату, так сказать, для бесед обстоятельных и неспешных.

Митрополит поднялся и, повинувшись приглашающему жесту хозяина, прошествовал с ним в соседнее помещение. Пропустив гостя впереди себя, Афанасьев, выказывая искреннее радушие (чем-то сразу понравился ему этот священнослужитель) произнес, улыбаясь:

– Прошу вас, отче не побрезговать моим скромным угощением и отведать, что Бог послал в лице снабженцев из Минобороны.

Священник благословил крестным знаменьем стол, уставленный яствами и, приметив орлиным оком среди фруктового разнообразия бутылку со спиртосодержащей жидкостью прищурившись насмешливо произнес:

– Я вижу, что Господь благоволит интендантам от Минобороны. Ин, ладно, – отозвался он, довольно поведя носом и поудобней располагаясь в мягком кресле с высокой спинкой.

В соседнем кресле расположился Валерий Васильевич. Столик оказался между ними, а не сбоку, поэтому им не пришлось выворачивать головы для того чтобы взглянуть на собеседника. Афанасьев внимательно поглядел на бутылку кагора, а затем перевел взор на митрополита, как бы молча спрашивая согласия на дальнейшие действия. Евфимий правильно расшифровал это немое послание, ответив на него витиевато, но ободряюще:

– Грех гордыни – отказываться от угощения, предложенного от чистого сердца.

– Понял, – еще пуще приободрился Афанасьев, протяги-

вая руку к бутылке. – Вам, батюшка, – сбился он с этикета, – до краев или как?

– Как совесть велит, – подмигнул тот в ответ.

– Ага, заметано, – обрадованно согласился диктатор, разливая по полной.

– Также, – поддержал его Евфимий, беря не дрожащей рукой, заполненную до краев стопку.

– За знакомство и плодотворное сотрудничество! – произнес Афанасьев незамысловатый тост, чокаясь с собеседником.

– Благослови, Господь! Первая пошла! – эхом отозвался Евфимий, опрокидывая рюмку куда-то между усами и бородой. – Хорош кагорчик!

Афанасьев взял со стола ломтик лимона, чтобы заесть, а его собеседник и этого делать не стал, занюхав рукавом рясы.

Залюбовавшись тем, как служитель культа ловко управляется с крепленным вином, некая тень догадки шевельнулась в голове у Афанасьева. С личным делом митрополита он не удосужился ознакомиться, хоть и была такая возможность, захоти он это сделать. Жгучее любопытство требовало своего удовлетворения, и он не утерпел:

– А позвольте вас спросить, отче?

– Вопрошай, – степенно кивнул головой экзарх Белоруссии и врию Предстоятеля РПЦ.

– Какие тропы привели вас к этой стезе, ибо подозреваю я, простите мою нескромность, что до принятия сана вы были

весьма далеки от церковного подвижничества?

– Истинно глаголешь, сыне мой, – не стал отпираться Евфимий. – В миру был я старшим лейтенантом десантно-штурмовой роты 70-й отдельной мотострелковой бригады, и звали меня тогда Артемом Палием. У нас в селе, откуда я родом, половина жителей носила фамилию Палий, – начал митрополит краткую биографию и взор его слегка затуманился от нахлынувших воспоминаний. – Наша часть располагалась в Кандагаре, неподалеку от селения Кишкинахуд. Рота моя обеспечивала в этом селе охрану «отстойника» наших колонн, следовавших по главной автотрассе. Заодно мы осуществляли рейды по перехвату бандформирований, пытавшихся много раз уничтожить перевалочный пункт грузовиков. В одном из рейдов мы сильно углубились на территорию никем, по сути, не контролируемую, преследуя, как нам казалось небольшую группу душманов. Но нам это только так казалось. На самом деле нас просто искусно заманили в ловушку в одном из ущелий. Обычно мы избегали перемещений по дну ущелий, стараясь всегда идти поверху, но в этот раз так не получилось, потому как, если бы двигались поверху, то не смогли бы догнать уходивших от преследования душманов. До меня слишком поздно, к сожалению, дошла эта догадка, когда уже ничего нельзя было поделаться. Нас плотно зажали в клещи со всех сторон. А мы не могли даже вызвать «вертушки» на подмогу, потому что осенью в горах, в том месте, всегда стоит плотный туман, да и рельеф мест-

ности, испещренный узкими ущельями, не дал бы им развернуться. Большинство моей роты осталось охранять подступы к Кишканахуду. У меня же под рукой был всего взвод ребят, многие из которых были первогодками. Вместе со мной их насчитывалось двадцать девять душ.

Старец и сам не заметил, как в процессе повествования перешел с церковно-славянской речи на светскую. Афанасьев, увлеченный рассказом не перебивал его, качая в такт головой и разливая кагор по новой – до краев. А митрополит, тем временем, продолжал:

– Трудно сказать, сколько их было. Может сотня, а может и больше. Да и позиция у них была более выгодная, чем наша. Они сверху, а мы снизу. Но тут, хочешь, не хочешь, а бой принимать надо. Бой без перерыва длился четыре часа. Мы отбивали одну волну атак за другой. И с каждой новой атакой я слышал, как постепенно замолкают автоматы моих бойцов. Вот тогда я и дал обет Богу, что, если уцелею в этом кровавом аду, то всю оставшуюся жизнь посвящу служению Ему. Воистину, сыне мой, – опять перешел на церковный язык митрополит, – говорят, что на войне не бывает атеистов. Когда помощь все же подошла, вертолетчики-ювелиры все же умудрились каким-то образом выбросить десант на подкрепление, в живых, включая меня, осталось всего шесть человек. Двадцать три душеньки отправились дожидаться последнего Суда Божия. Они навеки остались там, а я вот до сих пор ступаю по земле. И я наполовину здесь, а

на половину там – среди скал. В том бою я получил два ранения и контузию. Почти год, пока валялся по госпиталям, общался с людьми, как глухонемой. Меня, после всего этого, конечно, комиссовали. Однако же о своем обете я не забыл и как только чуть оклемался, то попросился послушником в Свято-Вознесенский монастырь. И в каждый восьмой день октября я зажигаю двадцать три свечи в память об ушедших и не вернувшихся.

Было видно, как нелегко даются старому (старому ли?) митрополиту его последние слова. Чтобы покончить с этой темой, Афанасьев, воспользовавшийся паузой, предложил:

– Давайте, святой отец, за всех наших павших в войнах прошлых и войнах настоящих, не чокаясь.

Они молча опрокинули в себя еще по стопке. Афанасьев по примеру Евфимия, не стал на этот раз закусывать, а митрополит, напротив, бережно, двумя перстами взял с тарелочки ломтик лимона и отправил его в рот, не став выплевывать кожуру.

– Вот так, сыне мой, я нашел свою заветную тропинку к Богу. У каждого свои дорожки к нему. Но не каждый находит в себе силы не свернуть с нее и не остановиться на полпути. Вот и тебя я желаю найти свою дорожку и пройти ее до конца.

– Призываете меня, по своему примеру, пойти в монаси? – как-то кривовато улыбнулся Валерий Васильевич.

– Отчего же сразу в монаси? – пожал плечами бывший

Артем, а ныне Евфимий. – Монашеский подвиг – это всего лишь одна из дорог к Нему. А дорожек-то знаешь сколько? У-у-у! – протянул он, сложив губы трубочкой. – И не след тебе, сыне, принимать мои слова напрямик, а след – постигнуть их иносказание, – поднял он кверху свой указующий перст. – Каждый, да несет крест по силам своим. Ты, сыне, взвалил на рамена крест своих и чужих прегрешений, а донесешь ли или снимешь с себя по дороге, то уж не мне грешному ведать. Сие есть замысел и промысел Господень!

– Осуждаешь меня, отче? – вскинул брови, посмурневший диктатор.

– Паки реку тебе: не мне, грешному, судити таких же грешных. Но мне дано матерью нашей – Церковью, страшать и отвращать от дел неправедных и аще того – побуждать аки аз есмь пастырь Господень к делам трудным, но праведным.

– Ну, что ж, отче, страшай, раз уж ты у нас пастырем поставлен, – с показным смирением вздохнул Афанасьев. – А я пока разолью по остатней.

– Буде, – произнес митрополит тихим, но властным голосом и прикрыл свою стопку ладонью. – Я свою меру знаю. Первая – для приободрения телес, вторая – для ума увеселения, а третья – беса тешить. Так что я пить не буду, да и тебе это без надобности. Для разговора голова у тебя должна быть светлой.

– Ладно, – хмуро согласился Валерий Васильевич, не любивший недопитых бутылок, – излагай свои укоризны, ваше

преосвященство.

– Высокопреосвященство, – чуть улыбаясь, поправил его Евфимий.

– Да, после трех рюмок крепленого у меня вряд ли бы получилось это выговорить с первого раза, – невесело пошутил Афанасьев.

– Вот видишь, от греха пьянства, я тебя, почитай, что и отвратил, хоть и на малый срок, – опять по-доброму улыбнулся старец. Ну, ин ладно. Давай теперь поведем разговор об иных делах.

– Давайте, – не стал спорить Валерий Васильевич.

– Попервости, – слегка прищурился Евфимий, однако продолжая улыбаться, – хочу попенять тебе немного.

– За что? – вяло поинтересовался диктатор, за всю жизнь накопивший немало грехов.

– Уж боле двух месяцев правишь государством, а так и не сподобился получить благословение церковное делам своим. Нехорошо небрегать общением с отцами церкви. Народ в недоумении. Также и духовенство пребывает в затруднении, ибо не может толком объяснить пастве, куда и в какую сторону правишь ты стопы свои и ведешь за собой, – прозрачно намекнул митрополит на поднятие Красного Флага, неоднозначно воспринятого церковнослужителями, хоть они и трезвонили в колокола в честь этого события.

– Да, вы и сами знаете, как сложились у меня отношения с этим самым духовенством, – попробовал объяснить свою

позицию Афанасьев.

– Один представитель церкви, даже если он и самый достойный, все равно не есть сама Церковь, – наставительно произнес Евфимий. – Это там – у них на Западе принято считать, что Папа является единственным непогрешимым, а значит и слово, сказанное им – суть слово Божие. У нас же, в православии, на первом месте стоят совокупность и соборность. Поэтому у нас даже патриарха именуют не Владыкой церкви, а всего лишь ее Предстоятелем. Чуешь разницу, сыне?

Валерий Васильевич не стал утверждать или отрицать этот постулат, а просто коротко кивнул, не тратя лишних слов.

– Человек слаб телесно и тем более духовно. Не каждый может с кротостью и достоинством пронести свой Крест. Поэтому наша церковь испокон не отрицает того, что даже ее Предстоятель не является непогрешимым, – продолжал журчать словами митрополит. – Церковь православная не одна и в ней издревле существовали различные течения. Вначале ее сотрясали стригольники, затем споры подхватили иосифляне и нестяжатели. Слыхивал о таких?

– Краем уха, – пожал плечами Валерий Васильевич. – Якобы одни ратовали за богатство и пышность церкви, а другие проповедовали воздержание и скудость.

– Отраднo мне слышать, что ты в курсе извечного спора, – похвалил его митрополит. – О том и реку тебе. Нель-

зя отождествлять одного, хоть и высшего иерарха со всей церковью. Как говорил преподобный Сергей Карпу и Никите, когда они приступили к оному: «Ежели неправеден пастырь твоего прихода, то отринь приход сей и взыскуй другого иерея».

– Что-то не пойму я тебя, отче, – почесал за ухом главарь хунты. – Излиха прехитры твои словеса. Ты мне прямо скажи: прав я или нет, когда затеял прю с Нафанаилом?

Евфимий степенно огладил бороду и произнес раздумчиво:

– И прав и не прав – одновременно. Прав в том, что обличил одного из отцов церкви в неправедности и сговоре с врагами ее. И не прав в том, что совершил сие деяние при стечении множества людского. А это может посеять сомнения в неокрепшие души православных и умалить авторитет церкви в их глазах.

– Как по твоему я должен был поступить? – насупился Афанасьев, которому претили все эти выкрутасы с «выметанием сора из избы». Ибо что это за изба такая, из которой испокон сор не выметали? Хлев, да и только.

– Изобличение во грехах, низложение Патриарха и избрание нового Предстоятеля подвластно только Поместному Собору, как высшему органу власти в Русской Православной Церкви. В соответствии с ее Уставом от 2000 года, правом на его созыв обладает Патриарх или его местоблюститель, Архиерейский Собор и Священный Синод. И ты, как глава го-

сударства мог обратиться в любой из этих органов, с просьбой организовать созыв Поместного Собора.

– И меня бы послушали? – криво усмехнулся Афанасьев.

– Поверь мне, сыне, что никто бы не отказал тебе в этом, – убежденно ответил митрополит.

И по этой его убежденности, Афанасьев понял, что оппозиция существующему Патриарху уже давно вызревала в недрах церкви, а один из ее представителей (возможно, что даже и лидеров) сейчас сидит напротив него и пьет крепленое вино.

– Не мытьем, так катаньем, но насколько я знаю, Собор так и так состоится?

– Да. Состоится в конце сентября, – подтвердил истину митрополит.

– И какая участь ожидает нынешнего Патриарха по итогам его заседания? – нехорошо прищурился Глава Военного Совета.

– Разбором его персонального дела сейчас занимается специальная Синодальная Комиссия, а пока решением Священного Синода Патриарх временно отстранен от выполнения пастырских обязанностей, – уклончиво ответил Евфимий.

– И если решение комиссии..., – начал мысль Афанасьев.

– Если Комиссия подтвердит обвинения, выдвинутые против Патриарха, то Собор вынужден будет поставить вопрос о низложении недостойного сына своего, – закончил за

Афанасьева мысль митрополит.

– И? – выгнул бровь Валерий Васильевич.

– Комиссия уже подвела итоги своего расследования, – опустил очи долу митрополит, совсем уже понизив голос чуть не до шепота.

– И? – опять настойчиво стал понукать его Афанасьев. – Вы, отче, словно партизан на допросе у гестаповцев. Слова из вас надобно вытягивать клещами, – нервно посетовал он митрополиту.

– Комиссия пришла к выводу о справедливости выдвинутых против него обвинений, – ответил Евфимий, стараясь не поднимать глаз на собеседника.

– Отче, – обратился Афанасьев к митрополиту, обнаружив в своем голосе несвойственные ему лязгающие металлические нотки, – дозволено ли мне будет задать вам прямой вопрос.

– Аз – недостойный, – тихо проговорил служитель культа.

– Что-что? – не совсем понял его Афанасьев. – Я еще не задал вопрос.

– А я уже ответил на него, – все таким же шелестящим голосом произнес старец. – Председателем сей комиссии являюсь я – недостойный раб Божий.

– Как вы угадали мой вопрос? – удивился Валерий Васильевич.

– Гнев и подозрительность были написаны на твоём челе.

– Ага, – невольно вырвалось у Афанасьева. – Стало быть,

если я не ошибаюсь, одной из целей вашего прихода было намерение... – опять сделал он многозначительную паузу, давая возможность договорить мысль за него самого.

– ... было намерение позвать тебя на Собор, – опять закончил митрополит.

– В качестве кого? – начал окончательно понимать происходящее Валерий Васильевич.

– В качестве того, кто сможет поддержать кандидатуру нового Патриарха, – наконец прямо взглянул в глаза Афанасьева митрополит.

– Имею ли я право присутствовать на подобном собрании? – усомнился диктатор.

– Поместный Собор состоит не только из служителей церкви всех чинов, но и выборных от мирян. А ты у нас, как раз и есть – выборный от мирян, – снова вернул свою улыбку старец.

– Меня на этот пост никто не выбирал, – слегка смутился Валерий Васильевич.

– Я знаю, кто и когда тебя НАЗНАЧИЛ на это служение, – намекнул на свою сугубую осведомленность Евфимий, сделав ударение на слове «назначил».

– Почему вы хотите, чтобы именно я присутствовал на Соборе, ведь и без меня есть, кому представлять интересы прихожан? К тому же, как вы знаете, я не отличаюсь особой религиозностью, – сделал Афанасьев неумелую попытку увильнуть от неприятного бремени.

– Потому, как с некоторых пор, твое слово стало очень весомым в глазах мирян, – без обиняков ответил гость. – Людям пришлось по душе первые шаги новой власти и церковь должна учитывать эти умонастроения.

– Какого из кандидатов на вакантное место вы мне посоветуете поддержать своим авторитетом? – спросил он, втайне наслаждаясь догадкой услышать в числе прочих и имя сидящего перед ним митрополита.

– Моей кандидатуры среди претендентов нет, – жестко ответил Евфимий опять предвосхитив мысли хозяина кабинета. – А в остальном, пусть Господь поможет сделать тебе достойный выбор. Список кандидатов будет оглашен на Соборе.

– Признаться, святой отец, вы меня порядком удивили! – не смог скрыть эмоций Афанасьев, до этого считавший себя неплохим знатоком человеческих душ. – Ну, хорошо, я посету ваше мероприятие.

– Любо, – склонил голову врио Предстоятеля.

– У вас, отче, видимо, немало накопилось вопросов? Говорите, не стесняйтесь, – сказал диктатор, видя, что еще далеко не все проблемы разрешены между ними.

– Месяц назад, в России – пожалуй, последнем оплоте истинного православия, да и всего христианства, в целом, были приняты новые атрибуты государственной власти, – начал осторожно митрополит, тщательно подбирая слова, чтобы не задеть чувства Главы Совета.

– Вы о поднятии Красного Флага? – уточнил он.

– Да.

– И что же вас, святой отец так насторожило в этом? Вы ведь и сами в молодости приносили присягу, стоя под Красным Знаменем. Да, и начинание это, как мы все помним, поддержали все московские храмы, устроив Благовест по данному поводу. Не так ли?

– Все так, сыне мой, все так, – закивал головой седобородый старинушка. – Народ с воодушевлением воспринял этот акт государственной власти, видя в нем некое подобие возврата к идеалам, похеренным прежними властителями. И, да, церковь не осталась в стороне от этих событий, восприняв их, как должное. Ибо, хоть церковь и отделена от государства, но не отделена от народа. Церковь наша – плоть от плоти народной, потому и чаяния народные она воспринимает, как свои собственные.

– Тогда в чем вопрос? – выразил искреннее недоумения Афанасьев.

– Однако же, – пропустил митрополит мимо ушей реплику диктатора, – часть духовного клира пребывает в некоторой растерянности. Ты, надеюсь, понимаешь, сыне мой, о чем я реку?

– Догадываюсь, – кивнул тот. – Вы опасаетесь, что вслед за возвратом атрибутов прежней, большевистской власти, последуют и иные шаги, направленные против церкви, как в той жизни.

– Истину глаголешь. – Медленно склонил митрополит голову и алмазы на его скуфейке брызнули яркими огоньками. – Имеется такое опасение, и оно отнюдь небеспочвенно, исходя из того, как происходила ваша прях с Патриархом на ступенях Колонного зала.

– Если церковь, как сто лет тому назад не станет в оппозицию и будет деструктивным элементом, направленным на подрыв государственных устоев, то и опасаться репрессалий в отношении себя ей не стоит.

– Призвание церкви – наставлять свою паству на путь истинный и изобличать пороки, царящие в обществе, – осторожно попробовал выторговать митрополит для церкви свободу маневра.

– Вот именно! – поймал Афанасьев митрополита на слове, подняв указательный палец вверх для вящей убедительности. – Наставлять и изобличать, взаимодействуя в этом деле с властями, а, не призывая к неповиновению им. И уж тем более – не вести агитацию по строительству баррикад, – сделал он прозрачный намек на недавние события возле Геленджика, когда внутренняя охрана Патриаршей резиденции не пропустила на территорию сотрудников Госкадастра.

– Я мню, что этот прискорбный случай не войдет в практику наших дальнейших взаимоотношений, – признавая косвенно вину за недавнее происшествие, развел руками Евфимий.

– Надеюсь.

– И все же, касательно твоих угроз, произнесенных в пылу... – опять завел свою волынку настырный митрополит.

– Ошибаетесь, ваше святейшество! – в свою очередь закусил удила Афанасьев. – Это были не угрозы, а план дальнейших мероприятий, призванный исправить дисбаланс в наших отношениях.

– То есть, дисбаланс?! – опешил служитель культа.

– А то и есть, налоги надо платить в казну! – решил не уступать сладким речам церковника генерал.

– Но церковь по закону освобождена от налогов! – попробовал было возмутиться бывший старший лейтенант речам генерала армии.

– Да. И я подтверждаю, в целом этот постулат, – ехидно ощерился диктатор.

– В целом! А в частности?! – капельки пота на висках митрополита, выступившие из-под камилавки свидетельствовали о его крайнем возбуждении.

– Я по-прежнему подтверждаю освобождение от налогов церковного имущества. Но подчеркиваю – сугубо церковного имущества, то есть, связанного, непосредственно с культовыми обрядами и никак иначе. Церкви, монастыри, часовни, внутримонастырские монашьи кельи, естественно, входят в этот список. А всякие там подворья, за монастырскими пределами, резиденции и дома отдыха – увы, нет. При этом заметь, святой отец, речь не идет об экспроприации, как было сто лет назад. Речь идет, всего-навсего, о налогообложе-

нии. И я не исключаю, что тут возможны вариации по смягчению налогового бремени, но об этом толкуйте с Юрьевым. Не царское это дело – копаться в процентных ставках.

– Но, как же... – попробовал уже для проформы поерепениться старец, несколько приободренный последними словами Афанасьева.

– И не вздумайте со мной хитрить, святые отцы, – слегка погрозил он пальцем Евфимию, – выстраивая себе хоромы внутри монастырских подворий. Каждое новое строение будете прежде согласовывать с Минстром и при его одобрении. А то, знаю я вас: обзовете дворцы монашескими общежитиями! С вас станется. При этом, разумеется, мы продолжим прежнюю практику передачи церкви имущества и строений, отнятые когда-то у нее советской властью.

Последнюю фразу он произнес, чтобы немного подсластить горькую пилюлю ожидающейся действительности.

– Однако же, суровенько, – опять попробовал причитать митрополит.

– И еще вопрос насущный о земле, как говаривал когда-то товарищ Ленин, – продолжал гнуть свою линию, разошедшийся Афанасьев. – Земельные наделы, переданные церкви в бессрочное и безвозмездное владение должны быть использованы исключительно для нужд церковных и не могут быть переданы в аренду кому бы то ни было. А то взяли, понимаешь, моду, организовывать платные автостоянки да магазины с ларьками. До 1 января – все убрать. В противном

случае земельные участки будут отняты.

– Свят, свят, свят! Сущий грабеж! – мелко-мелко закрестился и закудаhtал детским дискантом митрополит, несмотря на всю свою внушительную внешность.

– Нет, – возразил ему Афанасьев. – Именно с грабежом я и призываю покончить. Теперь, что касается вашей коммерческой деятельности.

– Что?! – наострил уши продавец опиума для народа и нарочито приложил ладонь к уху, как бы опасаясь пропустить что-то важное из произнесенного.

– Во-первых, прекращайте-ка вашу алкогольно-табачную деятельность. А то, право же, совсем уж срамно получается: в проповедях вещаете о вреде пьянства и табакокурении, а на деле – являетесь их злостными распространителями.

– Да прекратили уже, – вяло махнул рукой Евфимий. – Грех наш. Признаю. Почитай уж месяц как прекратили.

– Добро, – кивнул Валерий Васильевич. – Но это еще далеко не все. Теперь моя очередь пенять. Нехорошо поступаете, служители Христовы! В законодательстве, что сказано?!

– Что?! – опять напрягся старик, уже, наверное, трижды пожалевший о своем визите.

– В законодательстве сказано, что налогом не облагаются товары религиозного назначения и служащие для совершения церковных обрядов. К таким товарам относятся: иконы, образа, распятия, нательные кресты, книги религиозного содержания, свечи, лампадное масло. Все, кажется? А на

практике, что видим? А на практике торгуете всем, чем ни попадя: от кошельков с сувенирами и кончая футболками и ювелирными украшениями. Это я уж молчу о том, что вы являетесь крупными отельерами и владельцами карьеров по добыче мрамора и гранита, а также ритуальными фирмами. По имеющимся у меня сведениям, доходы от продаж подакцизного товара только в прошлом году принесла вам более 6 миллиардов рублей. И не надо мне рассказывать байки о том, что все это не плата за товар, а церковное пожертвование. Я не мальчик. Если бы не брился ежедневно, то и у меня бы была седая борода до пупа. Государство дало вам невиданные льготы не для того, чтобы сфера духовного воспитания людей, которую вы взялись окормлять, превратилась в торгово-финансовую мега-корпорацию, сущность которой является максимальное извлечение прибыли. Я не запрещаю вашим структурам заниматься бизнесом. Пожалуйста, занимайтесь всем, что напрямую не противоречит устоям церкви и не служит пагубой для государства и граждан. Напротив. Я всячески буду приветствовать ваши шаги, направленные на инвестиции в нашу экономику. Для этого есть много перспективных направлений. Вкладывайте деньги в перспективные отрасли промышленности и получайте с этого законный и никем не порицаемый доход. От этого будет польза и вам и государству. Государство получит надежного инвестора, а вы лишитесь головной боли, связанной с «серыми» схемами получения дополнительных доходов. О льготах для вас, то-

же можно будет поговорить в отдельном порядке и учитывая некоторые особенности. Живите и богатейте не только за счет народа, но и вместе с ним. Однако при всем при этом, все, что выходит за рамки разрешительного закона, должно быть оплачено по утвержденной ставке. И никак иначе. Я вас отучу торговать анти-ковидными масками по 30 рублей за штуку, да еще в стенах обители Господнего. Как Христос изгонял из храмов торгующих и фарисействующих, так и я изгоню, грешный, поступая по заветам Его, – произнес Афанасьев на одном дыхании и, окончив тираду, вопросительно взглянул на священника, пригорюнившегося напротив него.

Слова с предложением о более тесном сотрудничестве с государством на уровне общих коммерческих интересов чувствительно задела душевные струны старого митрополита. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что хитрый узурпатор просто-напросто вербует в его лице весь церковный клир – оптом и беззастенчиво. Но, к чести своей, ради сохранения лица, все же сделал слабую попытку немного попротивиться оному. Мятежная натура экзарха Белоруссии, поднаторевшая в жарких дебатах с атеистами и государственниками, требовала не сдавать позиции без боя.

– Горько мне – недостойному служителю церкви выслушивать словеса обидные и не во всем справедливые. Я принимаю твой упрек, в чем-то даже и заслуженный несправедливыми поступками совершенными нашими иерархами, и мо-

ими тоже, хоть я и являюсь противником новых иосифлян, за пышностью внешнего убранства не разглядевших насущных потребностей церкви и паствы своей, как ее неотъемлемой части. Однако же ты, как нынешний правитель Руси обязан выслушать и противоположную сторону, ради вящей справедливости.

– Должен. Не спору.

– Так вот. Ты вот упрекнул церковь в том, что она всеми силами старается заработать там, где только может, даже и в обход законов. Сие справедливо. Отчасти. Но ведь ты не подумал о том, зачем это все самой церкви? Храмы передает нам государство. Это так. А то, что многие из них порушены и разорены, кого беспокоит? Государство? Нет. Оно сдало со своего баланса ненужный с его точки зрения хлам, прости меня, Господи за такие слова, – перекрестился митрополит и продолжил. – Восстанавливать надо. Государство, разрушившее все это, не хочет нести ответственности за этукую неподобь, а значит, восстанавливать придется нам самим. А где деньги взять, не подскажешь ли? За материалы – заплати, за работу – заплати. Вот и выходит, что хоть деньги, на первый взгляд и большие, а на поверку, если их размазать, то получается пшик один. А ведь еще не забывай, что нам приходится содержать и приюты для бездомных, и больницы, и церковно-приходские школы, и учреждения специального высшего духовного образования. Собранные и заработанные деньги, Церковь тратит, прежде всего, на свое

украшательство и благолепие чина. Красота убранства церковного и красота церковного богослужения прежде и доныне служит вящему восхищению всякого обывателя, будь он православный или представитель иной веры. Неспроста же равноапостольный князь Владимир Красное Солнышко именно за это выбрал веру православную среди иных верований. Нагими приходим мы на этот свет и нагими предстанет пред очи Его на Страшном Суде. Ничего с собой туда не заберем. Все что сохранено и преумножено, все это останется тут, во имя прославления Господа нашего и Церкви Его. Ты вот упрекнул служителей Божьих в стяжательстве. Может оно, где-то так и есть, а токмо много ли таких стяжателей насчитаешь? Разве что в столичных храмах, да в больших городах. В основном же батюшки кормятся от своих приходов, что отнюдь не многочисленны и не богаты. Много ли поимеешь корысти с двух десятков прихожан в глухом селении? К тому же не забудь, сыне мой, что все, начиная от рядового батюшки и кончая высшими иерархами, уйдя на покой, пенсии от государства не имеют. Пенсию, достаточно скудную по нынешним временам, им платит, опять же, не кто иной, как Церковь.

– Ты мне, святой отец, елей на чело не капай! – усмехнулся Афанасьев. – И выдавить из меня слезу тебе не удастся. То, что пенсию маленькую получают ваши служители, так это не вина государства. Платили бы они, как и положено всем гражданам, в свое время, налоги да отчисления в пен-

сионный фонд, так и не было бы этой проблемы. Паче того, сейчас много появилось негосударственных пенсионных фондов. Что мешает им отчислять часть средств, за совершаемые ими требы, в один из таких фондов? Так что, сами виноваты. И то, что у вас образовался перекося в содержании приходов, где одни еле-еле сводят концы, а другие утопают в сверхдоходах, тоже вы сами виновны. Вам бы порушить вековую традицию, в соответствии с которой, каждый иерей кормится от своего прихода, да перейти на современную централизованную систему распределения доходов. Поставьте в каждый приход кассовый аппарат, и пускай все денежные поступления централизуются, а затем распределяются в виде зарплаты на основании принятой вами же ЕКТС¹. Это, конечно, не избавит вас от того, что батюшки будут все складывать в свой карман, но хоть как-то немного подровняет доходы простых и столичных священнослужителей. К тому же перевод священнослужителей на оклад позволит сохраниться малым приходам, а значит, контакт на низовом уровне не будет потерян, что еще больше укрепит влияние церкви в глубинке, и покончит с порочной практикой ее разовых посещений батюшками на Рождество и Пасху. А батюшкам с малочисленных приходов объяснить, что все деньги, отправляемые им наверх, вернутся к ним же не только в качестве зарплаты, но и индексации к будущей пенсии. К тому же не худо было бы продумать систему доплаты им за совмещение должностей. Наверняка ведь им при-

ходится выполнять обязанности и дьякона, и звонаря и еще кого-нибудь.

– Мы уже поднимали этот вопрос при прошлом Патриархе, – озадаченно потер лоб митрополит, – но большинство клириков нас не поддержали.

– Ну, еще бы им вас поддерживать?! – дернул щекой Афанасьев. – Клирики-то, небось, все сплошь из Епархиального Управления?

Евфимий ничего не ответил на это замечание, но его потупленный взор красноречиво говорил о его согласии с данным суждением. А диктатор, тем временем, развивал свое успешное наступление.

– Ты вот, отче сказал, что богатства Церкви служат не отдельным ее представителям, а ее величию и прославлению. Даже вот про нагих упомянул, дескать, ни с чем пришли, ни с чем и уйдем на тот Свет. Это, все так. И тут я с тобой совершенно согласен. А вот как прожить период между нагим рождением и нагим уходом за грань бытия ты ни единым словом не обмолвился. Ведь все мы знаем, что очень многие священнослужители достаточно комфортно проходят этот этап своей жизни, ни в чем себе не отказывая в плане получения земных благ. Напомни-ка мне, кто сказал: «Не собирайте себе сокровищ на земле, но собирайте себе сокровища на небе»?

– Это сказал сам Сын Божий в своей Нагорной проповеди, – нахохлился митрополит, чувствуя, куда клонит Афана-

сьев.

– Ну и как сие соотносится с фактическим состоянием дел и как это служит прославлению и возвеличиванию Церкви? Насколько я помню, церковники всю жизнь проповедуют воздержание телесное и материальное. А что выходит на проверку? Ты вот, отче, ко мне на каком автомобильчике подъехал?

– На «Ауди», – опять слегка потупился вновь Евфимий.

– Чаю, что не из дешевых? – фривольно подмигнул он старцу.

– Истинно. Токмо это не мой автомобиль, а казенный, служащий для представительских целей, – выкрутился он и тут же перешел в контратаку. – У тебя самого тоже ведь не «Запорожец».

– Да, – не стал спорить Валерий Васильевич, – мне как главе государства положено кататься на такой машинке для государственного престижа. Заметь, машинке отечественного производства. А личного автомобиля у меня и не было никогда. А у тебя, отче, имеется ли личный автомобиль?

– Имеется, – почти с вызовом ответил ему митрополит. – «УАЗ-Патриот» и тоже отечественного производства.

– Сколько лошадок?

– 140 вроде бы, – неопределенно пожал плечами местоблюститель.

– В-о-о-т, – протянул диктатор, ехидно улыбаясь своим мыслям, – а многие наши батюшки раскатывают на «круза-

ках» у которых под капотом этих лошадок с полтысячи. И при этом налогов на роскошь не платят, хоть и обязаны, как граждане России. И недвижимость у них такая же роскошная, как и их авто. И опять же – не платят ни копейки государству за апартаменты.

– В подавляющем большинстве все это является подношением от состоятельных прихожан, – возразил на упрек митрополит.

– Не лукавь со мной отче, – слегка погрозил пальцем Афанасьев. – У нас и подарки свыше 4000 рублей облагаются налогом. Так что, платить вашим клирикам, все равно придется. Платить будете за сверх положенный минимум жилой площади, а также за автотранспорт, мощность двигателя которых превышает, ну, скажем, 150 лошадиных сил, как твой «патриот». Надо поддерживать отечественного производителя в условиях санкционного режима. Я, вон, пересаживаю всех чиновников на «волги» и «лады», и вы, как законопослушные граждане не отставайте. И не благодари, я сегодня добрый. Лучше вспомни, как поступал с денежными подарками преподобный Сергей Радонежский. Что про это сказано у его ученика и биографа Епифания в книге «Житие и чудеса преподобного Сергия игумена Радонежского». Вспомнил?

– Раздавал нищим и обездоленным прихожанам, – пожегил под насмешливым взглядом генерала митрополит, удивляясь про себя такой осведомленности Афанасьева в ис-

тории церкви.

– То-то же. Церковь, призывающая народ к смирению и воздержанию, сама должна показать пример этого. Только так она сможет очиститься от нечестивых сребролюбцев и указать светлый путь всем тем, кто верит в Христа и православную церковь Его. Будьте не только пастырями народа своего, но и частью его, разделяющей с ним все его горести и лишения, – наставительно закончил Афанасьев.

– Обидны, но в чем-то справедливы твои укоризны, сыне мой, – начал уже сдавать позиции священник. – И с ними можно согласиться и принять, как побуждение к нравственному очищению Церкви, при обещанной тобой поддержке. Истинно, что суетное надобно отделять от духовного и вариант доверительного вложения некоторых финансов, имеющих в нашем распоряжении, в государственные инвестиционные проекты избавят Церковь от некоторой части мирских забот. И я грешный, если позволишь, донесу эту благую весть до церковного синклита, вкуче с твоими требованиями.

– Это не мои требования, а требования времени, дабы вы окончательно не растеряли свой авторитет в глазах общества, – жестко парировал его слова Валерий Васильевич.

– Возможно, ты и прав. Церкви надо подать пример смирения и покаяния, – задумчиво произнес Евфимий.

– Есть ли у тебя, отче, еще какие либо насущные проблемы, требующие моего непосредственного вмешательства? –

спросил Афанасьев, озабоченно глядя на напольные часы, стоящие в углу. Время поджимало, и ему надо было уже собираться на совещание руководителей оборонных предприятий.

– Засилье чуждых православию сект вызывает наши глубокие опасения за привнесение смятений в неокрепшие души наших граждан, – завел извечную шарманку старец.

– Что, боитесь конкуренции?! – весело оскалился бравый генерал, из которого уже выветрились все алкогольные пары.

– Это недобросовестная конкуренция на «чужом» поле, – слегка насупился митрополит и легонько пристукнул посохом об пол.

– Ладно-ладно. Тут я с тобой полностью солидарен. Если уж выметать заразу, то не стоит отделяться только изгнанием секты иеговистов. Всю эту «пятую» колонну, занесенную к нам из-за рубежа доброхотами из ЦРУ и Ми-6, надо вычищать под корень, оставив только те религии, которые испокон свойственны данной местности. Ты, вот что, святой отец, подготовь-ка со своими учеными-богословами и нашим Комитетом по делам религий проект закона, запрещающего распространение на территории России не свойственных ее географии религиозных учений. Я полагаю, что принятие этого закона не вызовет каких либо затруднений со стороны Высшего Военного Совета. Что же касается воя в международных кругах, так и плевать на него с нашей-то колокольни. Мы и сами с усами.

– Не сомневайся, сыне мой, – просветлел ликом священник от такого царского подарка, – уж с этим не умедлим.

Афанасьев встал, намереваясь закончить аудиенцию. Встал вслед за ним и понятливый митрополит. Уже стоя в дверях и осеняя крестом Хозяина Земли Русской, неожиданно произнес:

– Есть ли у тебя, сыне мой, отец духовный, наставляющий и оберегающий от поступков опрометчивых?

Афанасьев даже растерялся от такого беззастенчивого навязывания соглядатая. Он- то по своей наивности полагал, что завербовал долгогривого, а теперь выяснялось, что ту же самую работы прodelывала и противоположная сторона. «Ну, батюшка! Ну, хват!» – мельком пронеслось у него в голове.

– Я, как вы знаете, не слишком-то религиозен, воспитанный в манерах пионерии и комсомола, – попробовал он выкрутиться из бархатных объятий местоблюстителя.

– Все мы родом из одного детства, – улыbnулся подкупающе священник. Но ведь когда-то же надо и взрослеть. А это никогда не поздно сделать.

– Право же, я и не знаю, – засмушался, припертый к стенке диктатор.

– Хочешь, я подберу тебе достойного иерея, коему ты сможешь доверить тайны своей души без опаски?

– Может быть, вы как-то сами? – быстро нашелся он с ответом. – Все-таки вы, в прошлом тоже были военным, а по-

этому нам станет проще понять друг друга.

– В гордыне ложной отказываться от сего предложения не стану, – степенно произнес митрополит, вдругорядь осеняя крестом своего будущего подопечного, однако руку для поцелуя не подал, щадя чувства Валерия Васильевича.

– Наши встречи можно будет тогда проводить на регулярной основе, – задобрил Афанасьев своего будущего духовного наставника.

– Отрадно слышать такое, – кивнул тот в ответ. – Ты только пропуск постоянный не забудь мне выписать.

Расстались они, если и не друзьями, то, по крайней мере, в чем-то единомышленниками. На сегодня предстояла еще встреча с «промышленниками», занятыми в сфере ВПК. На его участия в этом мероприятии особенно настаивал Юрьев. Поэтому отказаться никак было нельзя. И хоть после встречи с митрополитом он чувствовал себя выжатым, как лимон, идти все же пришлось, чтобы не обижать премьера.

II.

Совещание с «флагманами» военно-промышленного комплекса было скучным и затянулось до обеда. Всё было, как и в прошлый раз. Они хором жаловались на сложности периода перехода к импортозамещению, кляузничали друг на друга из-за недопоставок комплектующих, неподъемных цен на сырье и энергоносители, а также нереальные, на их взгляд,

сроки по приемке заказанной и уже оплаченной Минобороны номенклатуры вооружений. Откровенно говоря, Афанасьев не до конца понимал, какое он имеет отношение ко всей этой кутерьме, если Юрьев взялся за разгребание производственных «авгиевых конюшен», совмещая в себе, как заказчика, так и исполнителя гособоронзаказа. Его, Главу Высшего Военного Совета, отвечающего за существование России, в конечном счете, должно волновать только количество и качество принимаемой на вооружение техники. А уж, каким способом и по какой цене должно происходить таковое – не его епархия. Поэтому на заслушивание нудных жалоб производителей, его заставила только личная просьба премьер-министра, неизвестно с какой целью, упросившего его присутствовать на совещании. Хотя, если вдуматься, то мотив Бориса Ивановича, можно было легко просчитать. После перспектив, продемонстрированных ему по результатам испытаний протонного ускорителя, а также после встречи с Николаевой, ему, как стороннику только инновационных методов ведения современной войны, ужасно хотелось секвестрировать бюджет оборонного комплекса в пользу гражданского производства. Он и раньше, помнится, высказывал «крамольные» мысли о том, что все эти пушки, танки – детища вчерашнего дня, не имеющие дальнейших перспектив. Панацею от нынешних военных угроз он видел только в абсолютно новых и доселе невиданных видах вооружений. Поэтому предлагая переходить на эконо-

номику «военного времени» с учреждением ГКО он одновременно желал, как сосредоточить усилия на производстве оружия на «новых физических принципах», так и конвертировать производственные мощности, занятые изготовлением традиционных видов оружия. При ограниченности бюджета, это его идея представлялась почти несбыточной мечтой. Правда, если научные изыскания Николаевой, взявшей за работу с необычайным рвением, получают свое подтверждение, то экономические перспективы сулят умопомрачительные выгоды. Многие экономические проблемы можно будет решить за пару щелчков. По крайней мере, сырьевые проблемы, связанные с себестоимостью добычи некоторых полезных ископаемых, точно бы разрешились одномоментно. А это потянуло бы за собой и решение иных экономических проблем. А значит, в таком случае, переориентировать передовые предприятия ВПК на выпуск высокотехнологичной гражданской продукции стало бы значительно безболезненнее, нежели при «Мишке Меченом» или «Борьке Пьянице». Но пока эти мечты не приобрели реальную основу, продемонстрировать Главе государства мелкую грызню директоров предприятий, с целью их дискредитации, дело было малоперспективным. Афанасьев даже слегка обиделся на Юрьева за это, но вида подавать не стал на людях. Лишь только по окончании заседания бросил тому упрек, однако в довольно мягкой форме:

– Ну и зачем Борис Иванович ты устроил для меня весь этот

балаган? Сам разве не мог разрулить ситуацию? Я ведь прекрасно знаю, что твои диктаторские методы управления, гораздо круче моих увещаний, хотя, при этом, диктатором считают именно меня. А потому и без моей помощи знаешь, как поступить с этой камарильей.

– Как?!

– Очень просто. Взять парочку из них – наугад, да и расстрелять к чертовой матери.

В общем, вернулся в свой кабинет Афанасьев не в самом лучшем расположении духа. Только-только бухнул свой зад в крутящееся кресло с высокой спинкой, как зазвонил один из многочисленных телефонных аппаратов, стоявших сбоку от стола. По характерному звуку звонка, Валерий Васильевич понял, что звонит Тучков. Неприязненно покосился на телефон, потому что от Николая Павловича никогда никаких хороших вестей еще не поступало. Тяжко вздохнув, все же снял трубку, бросив коротко:

– Слушаю.

– Валерий Васильевич, включите телевизор, вторую программу, – не поздоровавшись, зачастил тот в трубку, лязгая зубами, что говорило о его крайнем и негативном возбуждении.

– А что там? – спросил Афанасьев, свободной рукой шаря по столу в поисках пульта от телевизора.

– Сами увидите, – не стал вдаваться в подробности кэзбэшник и тут же отключился не попрощавшись.

Валерию Васильевичу оставалось только хмыкнуть на такое нарушение правил светского этикета. Впрочем, от всегда хамоватого Тучкова ничего иного можно было и не ждать. Найдя, наконец, пульт, сразу нажал на цифру «2». Экран вспыхнул и отобразил начало трансляции новостного канала «Вести». Мужской голос за кадром анонсировал новости на канале. Первой в этом списке была новость, буквально ошарашившая видавшего виды Валерия Васильевича. Бойкая и острая на язык корреспондентка «Вестей» выдала неприглядную сенсацию, изобличавшую мерзкие нравы своих коллег с Первого канала. Ее репортаж поведал о том, как руководство Первого канала вкупе с известным продюсером и телеведущим программы «Модный приговор» Александром Васильевым решили провести благотворительную акцию для сирот, больных лейкемией и находящихся в одном из московских хосписов. Широко распиаренная до этого момента акция подразумевала собой раздачу подарков всем, практически безнадежно больным, детям, находящимся в стенах больничного учреждения. В означенное время, все дети хосписа, которые еще могли ходить, прилипли к окнам, наблюдая, как во двор больницы заезжают две громадные фуры с подарками и сладостями для детей, в сопровождении многочисленной съемочной группы, руководством телеканала и сотрудниками передачи «Модный приговор». Бодренькие речи с банальными словами приехавших спонсоров, и съемки на камеру того, как большие дяди с телевидения об-

нимают худеньких ребятешек с обритыми налысо головенками, сопровождались выгрузкой шикарно упакованных подарков с игрушками и конфетами от лучших производителей. После съемок и сделанных на память фотографий представителей массмедия на фоне и среди коробок, перевязанных пышными бантами, дарители с помпой и под благодарственные возгласы малышни быстренько удалились восвояси преисполненные чувством выполненного долга. Когда же страсти от приезда «высоких» гостей понемногу начали стихать и одаренные сверх всяких ожиданий дети принялись распаковывать коробки, то выяснилась одна малоприятная деталь. Все до единой коробки с подарками и сладостями были ПУСТЫМИ. Вернее, даже не так. Они не были пустыми в прямом смысле этого слова. Коробки были набиты какими-то старыми тряпками, обрывками газет и опилками, так, чтобы со стороны и по весу они казались полными. Одним словом – бутафория. Девушка еще щебетала о том, что руководство телеканала, узнав о таком «досадном недоразумении», искренне сожалеет о произошедшем, приносит извинения и еще нечто в этом роде. Но все это уже были просто слова, не имеющие никакого принципиального значения.

В отличие от своего друга и соратника Рудова, обладавшего взрывным и подчас плохо контролируемым им самим характером, Афанасьев мог поставить себе в заслугу свою извечную флегматичность и даже, на взгляд посторонних, некую расчетливую холодность, которую можно было легко

принять за нерешительность. С одной стороны такая черта характера всегда помогала ему принять в ритме неторопливого средневекового гавота единственно возможное, а потому и правильное решение. Но с другой стороны, в Вооруженных Силах о нем сложилось мнение, как о тугодумном и нерешительном человеке, что порой мешало его карьерному продвижению. Но если кто-то вдруг ненароком поглядел на Валерия Васильевича в те минуты, когда он без отрыва следил за кадрами на экране телевизора, то его первоначальное мнение о спокойном и уравновешенном характере Главы Высшего Военного Совета было бы не просто поколеблено, а попросту опрокинулось всеми четырьмя колесами кверху. За те недолгие минуты просмотра репортажа о кощунственном поступке телевизионщиков его лицо несколько раз меняло свою окраску: от мертвенной бледности до яркой пунцовости. Глаза его налились кровью так, что сосуды готовы были лопнуть в любую секунду. В порыве дикого бешенства, которого он доселе за собой не замечал, он сорвал галстук, резинка которого от рывка лопнула со звоном, будто спущенная тетива лука. Губы, сначала шлепающие в непонятном режиме, наконец, со свистом и шипеньем выдавили антиатеистическое:

– Господи! Позор! Господи, прости!

Ничего не видя вокруг себя, слепо и нервно нащупал кнопку один из многочисленных телефонов. Зло сорвал трубку. Телефон был прямой, поэтому ни набирать номер, ни связы-

ваться с коммутатором не было нужды. На том конце провода, видимо, ждали этого вызова, без проволочек сняв трубку.

– Палыч! – заорал благим матом Афанасьев. – Ты меня слышишь?!

– Да, слышу-слышу, – начал было, подражая Зайцу из «Ну, погоди!», как всегда, ерничать Тучков, но быстро осекся, ибо до сих пор никогда не слышал трубного слоновьего ора попеременно с матом.

– Е...ть всех в ...! Расстрелять, к е...й матери всех! Немедленно! Слышишь, б...я?! Всех арестовать и расстрелять, х...й им до печенок! На площади, б...я! Позор, б...я, на весь белый свет! Совсем уже о...ели, мрази! Палыч, ты б...ть, меня слышишь?! Всех расстрелять – их самих, их родителей, их детей, их внуков, их прислугу, их собак и кошек! Доложить, немедленно об исполнении! Если ты их не расстреляешь, я сам приду и задушу всю эту шушеру! – надсадно орал он в трубку так, что на его крик примчался не только Михайлов, но и сидящий с ним в приемной Завьялов.

– Уже, – убийственно спокойным голосом ответил Малюта-Тучков.

– Что, уже, черт возьми?! – не понял Афанасьев.

– Уже арестовали, прямо на рабочем месте. Околоков подсуетился, – все тем же тусклым голосом, но с ревнивыми нотками повторил жандарм.

– Всех?!

– Основных фигурантов: гендиректора, продюсера, глав-

ного редактора, коммерческого директора, главного бухгалтера. Ну и это чмо пидорское из «Модного приговора», как там бишь, его? Васильева, кажется, с его чмошниками.

– Расстреляли?! – рявкнул в трубку диктатор, уже срываясь с кресла.

– Нет. Они сейчас в отделе полиции, на Усачева. Их пока только задержали для дачи показаний в качестве подозреваемых в...

Прибежавшие на крик Афанасьева Завьялов с Михайловым, восковыми фигурами застыли в недоумении на пороге кабинета. Но босс, в яростном ослеплении, кажется, не считал нужным хоть как-то объяснить свое возбуждение. Скорее всего, он даже не заметил их немого присутствия.

– Я приказываю вам, Николай Павлович, – лающим голосом перебил его Афанасьев, – арестовать всех членов их семей!

– Даже несовершеннолетних? – с ноткой сомнений спросил Тучков.

– Да! Я, кажется, ясно выразился.

– Но дети за отцов..., – как-то неуверенно промямлил, всегда жесткий до этого случая Николай Павлович. – Да и что мы им инкриминируем?

– Я сказал – арестовать и точка! – не стал слушать объяснений Афанасьев и уже собирался положить трубку, но Тучков не был бы Тучковым, если бы не подсыпал перца на свежую рану.

– Кстати, Валерий Васильевич, по последним данным их этого хосписа...

– Что там? – боясь услышать что-то страшное, едва прошептал Валерий Васильевич.

– В общем, тут такое дело..., – замялся в несвойственной ему манере Николай Павлович.

– Ну же?!

– От полученного стресса, в результате этой подлой выходки, сегодня ночью там скончались трое ребятишек. Не справился детский организм с потрясением и обидой. Вот такое, понимаешь, дело завернулось, – сумрачным голосом поведал жандарм о дальнейшем развитии событий.

– О, Господи! – вырвалось у Афанасьева восклицание и его губы мелко-мелко затряслись в немом плаче. Последний раз он плакал более пяти десятков лет назад, когда сломал руку и ключицу, разбившись на велосипеде. И плакал даже не от боли, а от досады, что разбил велосипед, еще не успев, как следует накататься. И вот теперь он плакал не от боли телесной, а от душевной раны.

Молчание в трубке встревожило Тучкова:

– Валерий Владимирович, алло! Вы слышите меня?! Что с вами?!

– Да падут грехи отцов на главу детей их, – прошептал еле слышно Афанасьев и невидяще положил трубку на аппарат.

– Господи! Господи, прости меня! Господи, да за что же такое наказание?! – помертвевшими губами шептал он, вы-

ходя из-за стола и хватаясь за виски. Он слепо вышагивал по мягкому ковру, не отнимая рук от висков, и все время, приговаривая одни и те же слова. – Господи, за что?! Господи, прости! Да как же так?!

Наконец, в своем нервическом хождении, он наткнулся на своего верного адъютанта. Первые несколько секунд он не узнавал его, морща лоб и силясь вспомнить, где уже видел того однажды. И только после обращения к нему: «Товарищ Верховный! Что с вами?! Вам плохо?!» в глазах Афанасьева проснулась память.

– Борисыч! Машину! Срочно! – с трудом подбирая слова, отдал он приказ. Его пунцовое лицо готово было в этот момент лопнуть от прихлынувшей крови.

– Куда поедем? – спросил тот не из праздного любопытства, а для согласования маршрута кортежа.

– Домой! – отрывисто бросил Афанасьев, и слегка покачиваясь на негнущихся ногах, побрел к выходу из кабинета, едва не держась за стены, чтобы не упасть.

– Ему никуда нельзя ехать в таком виде, товарищ полковник! – решительно выступил Завьялов. – Надо срочно вызывать «скорую»! Его же сейчас удар хватит.

– Сам знаю, – огрызнулся Михайлов, на ходу связываясь с гаражом и начальником личной охраны.

– Господи, дети! Их то, за что наказуешь?! – невнятно бормотал Афанасьев, бредя по коридору к шахте лифта. Михайлов с Завьяловым ринулись рысцой следом за медленно идущим

щим Верховным.

Из лифта они его буквально выволакивали на себе. Он почти не мог стоять и, кажется, уже плохо соображал, где находится.

– Куда мы идем?! – недоумевающе бормотал каптри. – У него же предынсультное состояние.

Видя, как Верховный, провисает на руках, сопровождающих, к ним кинулись со всех сторон дежурные офицеры охраны, среди которых был и медик с чемоданчиком и характерным значком «красного креста» на нем. Завьялов и не заметил, когда адъютант успел вызвать врача. Их обступили и диктатора бережно – в шесть пар рук перенесли на лавочку, что стояла возле стены. Врач, оказавшись расторопным малым, тут же принялся проводить экспресс-обследование. Распялив пациенту веки, заглянул тому в глаза, ища подтверждение первоначальному диагнозу. Затем приказал окружающим помочь расстегнуть пуговицы на рубашке, а сам, пока те хаотично принялись за работу, ухватил Афанасьева за запястье, пытаясь нащупать пульс. В поднявшейся суматохе нащупать пульс было почти нереальным делом, поэтому оставив тщетные попытки, врач, дождавшись, когда пуговицы рубашки будут расстегнуты, вставил себе в уши оливки, а акустическую головку прижал к груди Валерия Васильевича. После чего, сделав всем знак, воспрещающий, какое бы то ни было нарушение тишины, принялся за обследование. Доктор еще около минуты водил головкой стетоско-

па по груди Верховного, складывая губы трубочкой от усердия, хмыкал себе под нос, и делал многозначительные глаза. Сам же Верховный, подобно тряпичной кукле, являл собой обреченную покорность, вяло реагируя на внешние раздражители. Глаза его, при этом, были закрыты, хоть губы и шевелились в неразборчивом и несвязном шепоте. Казалось, что ему все равно, где он находится и что с ним делают. Он абсолютно ушел в себя. Наконец, доктор прекратил свои манипуляции и вынул из ушей оливы.

– Доктор, ну, что там?! – не выдержал нетерпеливый Михайлов. – Есть надежда, хоть какая-нибудь?!

– Надежда? – непонимающе наморщил лоб служитель храма Асклепия. – Не знаю, не знаю. Может быть, у него и есть какая-нибудь Надежда, но я в семейные дела предпочитаю не вмешиваться.

– Доктор, нам сейчас не до шуток, – нахмурил брови Завьялов, понявший игру его слов и считающий себя почему-то знатоком в области медицины. – Каково состояние пациента?

– Да-да, доктор, – опять влез адъютант, – как его самочувствие? Нужна ли срочная госпитализация?

– Ну, что я могу сказать? – глубокомысленно спросил сам у себя врач. – Признаков инфаркта или инсульта осмотр не выявил.

Услышав эти слова, окружавшие скамейку охранники дружно и облегченно выдохнули. А врач, тем временем про-

должал неспешно журчать:

– Гипертония, конечно, имеет место быть, ну да это и неудивительно в его-то возрасте. Я, полагаю, что срочной госпитализации пока не требуется. Но покой ему явно необходим.

– Позвольте, – опять встрял каптри недовольный поставленным диагнозом, – а как вы тогда объясните его заторможенность, покраснение лица и слабое реагирование на внешние раздражители?

– Простите, а вы кто будете? Врач? Терапевт? – вскинул глаза доктор на Павла Геннадиевича.

– Нет, но папа у меня был патологоанатомом, – гордо вскинул он голову, проигнорировав у себя за спиной чей-то приглушенный смех за спиной.

– А-а-а, – протянул эскулап, закатив глаза к потолку, – тогда мне ничего не остается, как снять шляпу перед вашими познаниями в медицине.

Затем немного посерьезнев, добавил:

– Пациент находится в состоянии каталепсии, сопровождаемой хронической гипертонией. Отсюда и заторможенность, и цвет лица. Видимо, он только что пережил некоторое душевное потрясение, которое вошло в конфликт с внутренним душевным состоянием. Ему сейчас нужен покой, обильное питье и уход близких ему людей. В общем, привычная семейная обстановка может помочь ему выбраться из воображаемого им мира. Это как перенапряжение в

трансформаторе. Чтобы он не сгорел, перегорают предохранители. Вот и у него сработала защитная реакция, поэтому он и ушел в себя. Что могло его так расстроить? – с профессиональным любопытством уставился доктор на лица из ближайшего окружения Афанасьева.

Завьялов с Михайловым переглянулись, но внятных объяснений дать не смогли, а невнятных просто не захотели, потому что и сами еще не разобрались в причинах произошедшего эксцесса. Однако, чтобы пауза не слишком долго затягивалась, Павел Геннадиевич опять взял инициативу в свои руки:

– Но прежде чем вести его домой, надо же с ним что-то сделать! – не унимался сын патологоанатома. – Вколите ему хоть что-нибудь!

– От чего же не вколоть? Можно и вколоть, – согласился покладистый доктор, опять раскрывая свой чемоданчик.

С этими словами он достал из недр чемоданчика одноразовый шприц и ампулу для внутримышечной инъекцией со сложночитаемой надписью на этикетке. Набрав необходимое количество лекарства, он попросил кого-нибудь из стоящих тут доброхотов закатать пациенту рукав. Михайлов тут же ринулся исполнять просьбу-приказ. Уязвленный в самое сердце насмешками, Завьялов и тут не преминул вставить свои «пять копеек», требовательно вопросив, как профессор на экзамене:

– Что вы собираетесь ему колоть?

Этот настырный тип, с прикованным к запястью кейсом, уже порядком поднадоел доктору со своими претензиями на знание медицины, но конфликтовать с ним, видимо, все же не стоило, судя по тому, что он состоит в свите Верховного, а значит, имеет некоторый вес в иерархической лестнице. Поэтому сделав укол, он буркнул, хоть и не совсем дружелюбно: – Тройчатку. Не видите, что ли?

Павел Геннадиевич, недовольно поджал губы, но вынужденно согласился с выбором врача, кивнув тому головой в знак милостивого одобрения. Однако по своей природной вредности, требовательно протянул руку за пустой уже ампулой. Хмыкнув и покрутив головой, доктор без комментариев передал ее в цепкие пальцы носителя «ядерного» чемоданчика. От сделанного укола Афанасьев пришел немного в себя и, открыв осмысленные глаза, произнес, хотя и слабым, но уверенным голосом:

– Домой. Везите домой.

– Конечно-конечно, – закудахтал старший адъютант. – Только, вы, товарищ Верховный, полежите еще чуток, пока лекарство не начнет действовать. И не делайте резких движений. А немного погода и поедем.

– Нет. Едем сейчас, – заупрямилась vip-персона. – Пока я капитан этого корабля и я здесь отдаю приказы, – попробовал он приподняться, несмотря на попытки со стороны, помешать ему.

– Хорошо-хорошо, – немедленно сдался Борис Борисо-

вич, уступая начальственному напору. – Давайте тогда осторожноенько, сначала ножки спустим, а вы хватайтесь за мою шею, – захолопотал он над ним, обхватив за туловище. – Паша, доктор, помогите ему встать.

Доктор и Завьялов ринулись на помощь и совместными усилиями придали диктатору вертикальное положение. Михайлов, тем временем, опустив рукав рубашки Афанасьева, пытался застегнуть непослушными пальцами пуговицы на ее манжете. Затем, как заботливая мамаша начал застегивать пуговицы и на рубашке. Валерий Васильевич не стал помогать ему в этом, полностью отстранившись от забот ухода за собой. Сан Саныч – начальник личной охраны, уже извещенный о случившемся происшествии, видя какой заботой окружен охраняемый объект, не стал лезть вперед, а потому скромненько находился сзади, незаметно затерявшись в толпе сердобольно настроенных охранников и дежурных с КПП. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что пока возле охраняемого объекта находятся Михайлов и Завьялов, тому, ничего в принципе, угрожать не может. Не хватало только галстука, но он остался в кабинете. Покончив с приведением в порядок внешнего вида главы государства, они в шесть рук помогли Афанасьеву встать со скамейки. Бережно поддерживая его с обеих сторон, они тихо пошли к выходу, за стеклянными дверями которого уже стоял «аурус». Остальная охрана, частично уже заняла свои места в кортеже, а частично на некотором отдалении следовала за ними, как бы

прикрывая тылы.

Глава 45

I.

– Доктор, – неожиданно оглянулся на ходу Завьялов, найдя глазами в толпе провожавших, эскулапа, – надеюсь, вы составите нам компанию?

Его слова прозвучали жестко и даже несколько вызывающе.

– Да я собственно..., – немного растерялся врач под все еще колючим и недоверчивым взглядом Завьялова. – Впрочем, если есть такая необходимость, то, как скажете.

– Как скажу, – проговорил с нажимом каптри, на ходу.

Завидев, как под руки ведут Афанасьева, и какая толпа при этом сопровождает его, Кондратьич мячиком выскочил из машины навстречу, чтобы самолично открыть дверцы, попутно причитая по-бабьи:

– Господи, спаси и сохрани! Да что же это такое деется?! А, батюшки!

– Ничо-ничо, Кондратьич, все нормально, – попробовал успокоить его адъютант. – Переутомились мы, малость. Вот и все. Ничего страшного.

В этот раз Завьялов не сел спереди, как обычно, а первым пролез в салон автомобиля и уже оттуда принял береж-

но в свои объятия диктатора, несмотря на мешавший ему пристегнутый кейс. Вслед за Афанасьевым сел и Михайлов. Таким образом, Валерий Васильевич оказался как бы в коробочке, которая бережно поддерживала его с двух сторон. Видя, как с непривычки замешкался доктор, не зная, куда и как сесть, Павел все тем же, почти приказным тоном велел ему сесть напротив. Кое-как расселись. Тронулись.

Немного погодя, Афанасьев начал приходить в себя. Видимо начало действовать снадобье вколотое доктором. Однако его эффект оказался противоположным от того, что ожидалось. Вместо того, чтобы расслабиться и уснуть, пациент вновь пришел в возбужденное состояние. Он уже вполне осмысленно смотрел на своих спутников, и это не могло не радовать их. Его квадратной фигуре даже в просторном «ау-русе» было тесновато сидеть, зажатой между двумя не менее массивными пассажирами. Валерий Васильевич повел плечами, как бы расширяя свое жизненное пространство.

– Паш, ты бы пересел напротив, – сообразив нужду босса спохватился Михайлов. Павел безропотно пересел, оказавшись плечом к плечу с доктором, который все еще внушал ему подозрения. Афанасьев благодарно окинул взглядом своего адъютанта и Завьялова. Затем припомнив недавние события, опять забормотал уже приевшуюся всем фразу:

– Позор! Какой позор?! Да, как же, так-то?!

Доктор, решив совместить в себе терапевта и психиатра в одном лице, решил вывести пациента из состояния ката-

лепсии, путем вызова того на откровенную беседу о наболевшем, а потому участливо спросил:

– Скажите, пожалуйста, Валерий Васильевич, что так расстроило вас? Может мы, сообща сможем как-то вам помочь?

– Как?! Разве вы не знаете, доктор?! – вскинулся тот.

Все трое дружно замотали головами, признаваясь в своем неведении. Кондратьич тоже наострил уши, благо перегородка, отделяющая салон от шофера, как всегда, не была поднята.

– Вы только представьте себе, – едва не плачущим голосом начал свое отрывочное и сбивчивое повествование Афанасьев, – эти сволочи решили поглумиться над детьми! Да не просто над ребятишками, а над больными сиротами. Чертовы пиарщики! Да как их еще земля-то носит?! Подарки, видишь ли, привезли больным детям. Грех-то ведь, какой! Ну, ладно бы просто решили пропиариться на милосердии! Черт бы с ними! Время такое – ничего святого! Так ведь и тут обманули! Гады! Никогда не прощу! Подыхать буду, а ни за что не прощу!

– А-а-а, – понял Михайлов, о чем идет речь, так как всегда был в курсе всех новостей, – это он говорит о детском хосписе, куда вместо подарков привезли пустые коробки, – прояснив ситуацию для окружающих.

– Нелюди! – коротко констатировал Павел.

– Скверный поступок, – поддакнул ему доктор.

– Я давно говорил, что отстреливать таких говнюков на-

до! – вставил со своего места Кондратыч.

– У некоторых из детишек после этого началось обострение, и они умерли этой ночью! – опять чуть не плача продолжил Афанасьев.

– У нас все еще чрезвычайное положение, – сделал пространный намек Завьялов.

– Верно! – услышал его Афанасьев. – Борисыч! – вскричал он, хватая того за воротник кителя. – Срочно свяжи меня с Генеральным прокурором!

– Красниным? – зачем-то решил уточнить Михайлов.

– Да! Да! Срочно! – закричал он.

Адъютант моментально вытащил из внутреннего кармана коммуникатор, и начал набирать какой-то невообразимо длинный номер, после чего забубнил в него что-то малопонятное для любого постороннего. Через некоторое время протянул трубку спутниковой связи Верховному со словами:

– Игорь Викторович на проводе.

– Краснин?! Это Афанасьев. Вы в курсе того, что у вас под носом в столице творится?! – даже не поздоровавшись, надел он на Генпрокурора.

– Что вы имеете в виду? – растерялся от неожиданности Игорь Викторович.

– Я говорю о том позорище, что произошло в детском хосписе, – прорычал Афанасьев.

– А-а-а! – облегченно вздохнул чиновник, поняв, что не он сам явился причиной гнева главаря хунты, которого

немножко побаивался и откровенно презирал в душе. – Как же, как же, конечно в курсе. Все столичные СМИ только об этом и говорят.

– Вы уже возбудили против них уголовное дело?!

– Еще нет, – чуть помедлив, проговорил Краснин, чувствуя, что этот разговор ему еще откликнется неприятностями. – Скорее всего, это уже сделали органы дознания. Но копию постановления о возбуждении дела они должны прислать нам для определения подследственности.

– Я не разбираюсь в вашей чертовой кухне, – пролаял Афанасьев, орошая трубку вылетающей от бешенства слюной, – но вы должны подобрать им всем такую статью, чтоб они до конца своей поганой жизни с нар не слезали.

– Пожизненное заключение за жестокое обращение с детьми у нас не предусмотрено, – начал лепетать Краснин, уже понимая, что карьера висит на волоске.

– Да?!– зло ощерился Валерий Васильевич. – Ты значит уже и статейку подобрал соответствующую?! А за действия, повлекшие массовую смерть детей, что у вас там полагается?! Так вот, запомни, Краснин, второй раз повторять не буду. Если ты не квалифицируешь это дело, как массовое убийство несовершеннолетних, дискредитацию власти и саботаж во время чрезвычайного положения, то можешь убираться к ё...й матери с должности. Я все сказал. И помни, что за тобой ведь тоже немало грехов найдется.

Последняя фраза, сказанная им в трубку коммуникатора,

прозвучала, как ультиматум перед расправой. В крайней степени раздражения он сунул трубку, едва не в лицо сидящего рядом Михайлова. Валерий Васильевич пребывал в состоянии бешенства, но уже окончательно пришел в себя. Борисыч со значением глянул на врача, как бы вопрошая: «Не надо ли дать чего-нибудь успокаивающего?». Но тот, правильно поняв безмолвную речь адъютанта, только отмахнулся, косвенно подтверждая, что опасность миновала, а настоящее поведение пациента всего лишь здоровая реакция на случившееся. Афанасьев все никак не мог успокоиться. Руки и ноги у него ходили ходуном, а изо рта, то и дело раздавались проклятья в адрес либералов, интеллигенции и всей московской тусовки. Все, кто сидел рядом, хранили стойкое молчание, только изредка кивая и соглашаясь со всеми небесными карами, призываемыми диктатором на головы негодяев с телевидения. И только Кондратьич, не стал молчать, словесно поддержав начальство:

– Утром, в новостях, мы это еще со своей старухой смотрели, пока я на работу собирался. И ведь до чего же мерзкие рожи у них у всех. Вот вы как хотите, а они все – пидоры, и никак иначе. Потому как нормальному человеку не может в голову прийти таковая затея. А раз они пидоры, то и поступать с ними надобно соответственно, – резюмировал он безапелляционно.

– Верно, черт возьми, Кондратьич, верно! – ухватился за эти слова Афанасьев и дернул за рукав полковника. – Бори-

сыч, дай мне Околокова!

Адъютант опять полез в карман, доставать мобильную связь. По памяти набрал нужный номер, даже не залезая в «телефонную книгу».

– Околоков слушает! – раздалось через некоторое непродолжительное время. Министр пребывал на своем посту, как и подобает законопослушному чиновнику.

– Владимир Александрович! Это Афанасьев! Да-да, я тоже рад приветствовать, – перебил он полицейского, начавшего здороваться с перечислением всех титулов и званий. – Это твои парни расстарались сегодня утром с телевизионщиками?!

– Так точно! – бодро ответил министр. – Как только мы получили сигнал о происшествии, я тут же отдал приказ о задержании всех фигурантов. А что, что-нибудь не так сделал? – сразу насторожился Околоков.

Он все еще не мог понять до конца, что прежние аппаратные игрища закончились со сменой власти, и теперь от него требовалось только неукоснительное выполнение своих служебных обязанностей, а не подстраивание под настроение очередного кремлевского правителя.

– Да, ничего, все правильно. Молодцы твои парни. Вовремя среагировали, – сразу успокоил его Афанасьев, перейдя на дружеское «ты». – Где они у тебя содержатся? На Усачева?

– Да. В Хамовническом райотделе, что на улице Усачева

– На какой срок они там, говоришь, задержаны?

– Как и положено – на 72 часа, до предъявления обвинения.

– А что им дознаватели шьют?

– Противоправные действия в отношении несовершеннолетних и использование их в корыстных целях. Пожалуй, все. На большее не тянет, – несколько виноватым голосом пояснил министр.

– А если покопать? – настойчиво спросил Валерий Васильевич.

– Если покопать с привлечением ГУЭБиПК, то наверняка вскрыется кража бюджетных средств, путем списания расходов на фиктивное мероприятие, – уже чуть увереннее произнес Околоков.

– А ты в курсе, что несколько детей умерли этой ночью от пережитого стресса? – вкрадчиво поинтересовался диктатор.

– Признаться, еще не в курсе. Мне не докладывали в утренней сводке. Ну, тогда это несколько меняет дело. Причинение смерти несовершеннолетним по неосторожности, это уже другая статья – более жесткая.

– А если сюда добавить еще дискредитацию власти и саботаж в период чрезвычайного положения? – не переставал наседавать, с упорством танка, Афанасьев на Околокова.

– Это тянет уже на полную катушку – вплоть до расстре-

да на месте, – правильно понял умонастроения Верховного Владимир Александрович.

– Я надеюсь, что мы поняли друг друга, товарищ Околоков? – толсто намекнул Афанасьев на возможное развитие событий.

– Да-да, конечно, – зачастил министр, поняв без лишних слов, куда клонит Валерий Васильевич.

– Кстати, где они у тебя содержатся?

– Как обычно. Пока в изоляторе временного содержания.

– В «обезьяннике», что-ли?

– Ну, да. Именно так в народе называют изолятор.

– Ты, вот что, Владимир Александрович, по предъявлению обвинений переведи-ка их в СИЗО, да устрой им там хорошую-прехорошую «прописку», да так, чтобы им самим возмечталось о расстреле. Ты понимаешь, о чем я толкую?

– Я хорошо вас понял, товарищ Верховный. Все сделаем в лучшем виде. Только вот..., – замялся голос в трубке.

– Что?

– Адвокаты вой поднимут до небес. Люди-то все известные, да значительные.

– Не будет им никаких адвокатов. Сами нагадили, сами, пускай, и расплачиваются за содеянное без привлечения сторонних лиц. Судить их будет специальный военный суд, в закрытом режиме.

– Ну, если только так, то тогда, ладно. Все сделаем в лучшем виде, – согласился полицейский.

– Вот и хорошо. Вот и договорились. До свидания, Владимир Александрович.

Афанасьев нажал кнопку отключения связи и передал трубку Михайлову.

– Жестко вы поступить с ними собрались, – не то, укоряя, не то, одобряя действия Афанасьева, покачал головой Павел.

– Он все правильно сделал! – отозвался Кондратьич, который очень внимательно прислушивался к диалогу. – Так с ними и надо. Не знаю, как там, на небесах с ними поступют, а на всякий пожарный их здесь покарать надобно, а то шибко скользкие мрази, улизнут еще.

На эти одобрительные слова со стороны Кондратьича, Афанасьев лишь дернул щекой.

– Борисыч, – обратился он к Михайлову, – соедини-ка меня теперь с Тучковым.

Тот опять полез во внутренний карман. Николай Павлович долго не подходил к телефону, будучи, по всей видимости, очень занятым неотложными делами, однако настойчивость адъютанта, в конце концов, принесла свои плоды и жандарм все же взял трубку:

– Слушаю, вас, Валерий Васильевич.

– Ты, вот что, Палыч, как я и просил тебя, арестуй всех членов семей фигурантов этого дела, включая родителей и детей.

– Я, конечно, все понимаю, товарищ Верховный, и знаю, что за спиной меня кличут не иначе, как «Малюта», но и

мне не всегда возможно переступать через явное нарушение закона.

– Ты чего боишься? – опять стал наливаясь краской диктатор.

– Суда истории, – кратко и кротко ответил жандарм.

– Ты за историю не волнуйся, она баба, хоть и шальная, но, в целом, неплохая и все рано или поздно, но расставит на свои места. Вон, даже всех твоих предшественников, начиная от Малюты и кончая Лаврентием, реабилитировала.

– Хорошо, – произнес он после недолгого раздумья, – но по какой статье, мне их оформлять? И не проще ли это поручить Околокову, раз уж он взялся за это дело?

– Нет, не проще, – отрезал Афанасьев и тут же пояснил. – Околоков занимается непосредственными преступниками для судебной расправы над ними, а ты у нас – для расправы внесудебной.

– Хорошего же вы обо мне мнения! – хмыкнул Тучков.

– На закон я не слишком-то и надеюсь. Да и Краснин, еще тот скользкий типчик, по самую маковку повязанный со старой номенклатурой. Ну, да ты и сам это не хуже моего знаешь. А насчет ареста домочадцев, я тебе скажу так, чтобы успокоить твою совесть. Ты их пока «упакуй» без всяких там статей. Пусть пока посидят у тебя, где-нибудь в Лефортово. Потом отпустишь. А пока они у тебя будут сидеть и думать, за что с ними так поступили, ты конфискуешь все их имущество, за исключением того, что входит в список не отторгае-

мого. Все конфискованное во внесудебном порядке должно быть реализовано на условиях комиссии. Вырученные деньги, все до копейки, пойдут на возмещение морального ущерба детям-сиротам, на имя которых вы откроете лицевые счета.

– А что с недвижимостью? Мы не можем защищать интересы одних детей за счет других. Как нам оставить без жилья детей, хоть бы и заведомо преступных родителей? Нет ли в этом противоречия? – осторожноенько осведомился Николай Павлович.

– Никакого противоречия в этом не вижу. Детей и их бабушек и дедушек без положенных метров, действительно, оставлять нельзя, ты прав. Но кто сказал, что эти метры должны находиться внутри МКАДа, а не за его пределами. В Норильске, скажем, полно пустующего жилья. Вот и переселите их туда, через месячишко, а пока пусть-ка похлебают тюремной баланды, а то, понимаешь, привыкли вкусно жрать, да мягко спать за государственный счет.

– Хмм, – хмыкнул Тучков, – оригинальное решение. Об этом я и не подумал как-то. Добро. Сделаем все в лучшем виде.

– Хорошо, – уже уставшим голосом проговорил Афанасьев. – Как все сделаете, то немедленно доложите.

Не дожидаясь ответа, он отключил связь и безучастным взором уставился в окно, будто все отданные им сейчас распоряжения исходили не него самого, а от кого-то совершен-

но постороннего.

– Товарищ Верховный, разрешите обратиться? – спросил Михайлов, заглядывая по-собачьи в глаза Афанасьеву, когда тот обернулся.

– Ну? – не очень ласково отреагировал он на просьбу своего адъютанта.

– Я смотрю, товарищ Верховный, – осторожно начал подбирать нужные слова полковник, чтобы лишний раз не спровоцировать приступ очередной ярости, – вы уже вполне себе оправились от своих душевных переживаний, кои мы все тут присутствующие разделяем всем сердцем?

– И что? – опять коротко бросил Валерий Васильевич.

– Может быть, уже и не надо ехать домой, а? Зачем лишний раз тревожить ваших домочадцев? Все необходимые распоряжения вы уже кому надо отдали. Давайте лучше рванем в Завидово. Ей-ей, нет лучше места для снятия стресса. Я позвоню, так к нашему приезду там ушицы сварят. Посидим у костерка, пропустим по рюмашке, вот нервы и успокоятся. Доктор, я верно кумекаю? – обратился он к доктору, незаметно подмигивая.

– После лекарства, вообще-то, не рекомендуется употреблять горячительные напитки, – начал мямлить терапевт, волею судьбы затесавшийся в их старую и уже проверенную команду единомышленников. Но тут же сник под нахмурившим брови Михайловым. – Впрочем, если только в гомеопатических дозах, несколько капель...

– Конечно, только по капельке! – радостно подхватил адъютант. – Мы, что, маленькие дети и не понимаем, что к чему? Ты, как, Паш?

Завьялову, которому к вечеру нужно было сдавать смену, не очень-то хотелось переться за 150 километров от столицы, но чтобы не выглядеть до конца «белой вороной» пожал индифферентно плечом, давая понять, что ему по большому счету все равно.

– Нет, Борисыч. Мне нужно домой. Мой грех – мне и расплачиваться, – твердо ответил Афанасьев на заманчивое предложение, которым он бы в любой другой ситуации, может быть, и не стал пренебрегать.

– Да какой там грех?! Вы-то в чем себя вините?! В том, что руководство телевидения совсем опаскудело? – не унимался адъютант.

– Да, – просто согласился Валерий Васильевич, – и в этом тоже. Недоглядел и не предусмотрел в свое время. Теперь вот придется платить по просроченным счетам.

– Вы и так достаточно наказали их на всю оставшуюся жизнь. Не понимаю только, зачем для этого ехать домой? – сделал скорбное и непонимающее лицо Михайлов.

– Мне надо было еще тогда, в тот самый первый день, придавить этого Арнста где-нибудь в студии, и вся недолга. От него уже тогда, всюю смердело. А я, видишь, поскромничал, думал, ладно, обойдется как-нибудь. А оно вон как обернулось в итоге, – не слушая полковника, сказал Афанасьев.

– И все-таки лучше поздно, чем никогда, – резюмировал Павел глядя прямо в глаза правителю России.

Тот не стал отводить своих глаз и сказал, словно продолжил уже когда-то начатый спор:

– А ты, Павел, тогда был прав на все 100%, когда говорил о когнитивном диссонансе. Помнишь?

– Помню, – кивнул головой каптри.

– А я был неправ. Признаю. Прежде чем браться за переустройство базиса, следует хорошенько покопаться в надстройке, – постучал он пальцем по своему виску. Почистить ее надобно от всякой гнили и вони, иначе она опять загубит все благие начинания. А если терапия не поможет, – кивнул он в сторону Айболита, – то тогда придется вызывать нейрохирургов и делать трепанацию черепа.

– А без этого никак?

– Никак. Омертвевшие части головного мозга надо безжалостно удалять, чтобы они не захватили еще здоровые клетки.

– Но отсекают ткани головного мозга – это не совсем то, что ампутировать конечности. Есть риск превращения в клинического дебила.

– Есть, конечно. Но альтернативой этому может быть только смерть всего организма, – махнул диктатор рукой и опять уставился в окно.

До самого Ново-Огарево ехали молча, как надувшиеся сычи.

II.

Пос. Ново-Огарево, резиденция Главы Высшего Военного Совета России.

Уже на подъезде к резиденции, Афанасьев вновь начал вести себя возбужденно: ворочался на своем сидении, что-то бормотал бессвязное себе под нос. Сопровождавшие его опять начали волноваться за душевное состояние Верховного, многозначительно поглядывая на доктора, но тот не выказывал никаких признаков беспокойства, резонно считая, что все идет в нужном ключе, а потому и не стоит лишний раз применять медикаментозное вмешательство. Так или иначе, но в свою резиденцию он прибыл уже опять в состоянии возбуждения.

Не давая охраннику, дежурившему у крылечка сбежать по ступеням и открыть дверцу автомобиля, Афанасьев сам, едва машина притормозила у парадного входа, открыл ее и выскочил наружу. Вся свита, включая и доктора, спешно последовала за ним. Широкими шагами, ступая через одну ступеньку мраморной лестницы, он бодро взобрался на второй (жилой) этаж дома, словно юнец, а не пожилой человек, готовящийся на днях отпраздновать свой шестидесятипятилетний юбилей. При этом он продолжал бормотать под нос слова:

– Какой позор?! Мой грех! Ладно. Я, вам всем покажу!

Анастасия была уже дома. В связи с пандемией, повлекшей за собой удаленную систему обучения, в группе продленного дня не было необходимости и ее пришлось временно отменить до особого распоряжения Минобразования. Зять тоже был дома. Ему на смену выходить было, как раз после Павла, и свободное время он решил посвятить общению с женой, а заодно и помочь ей поклеить новые обои в их общей спальне. Анастасия, ползая по полу коридора, ведущего в спальню, отмеряла при помощи большой линейки куски очередного рулона, чтобы потом аккуратно их отрезать такими же большими ножницами, а Петр, с голым торсом и заляпанными чем-то трениками, надев на голову пилотку, сделанную из газеты, помешивал кистью в ведерке разведенный клей. Злые языки утверждают, что нет лучшего способа проверить чувства влюбленных, чем совместное оклеивание обоев. Вот, видимо, исходя из этого принципа, молодожены и решили, несколько запоздало, проверить крепость своих отношений. Дела у них шли довольно споро, по крайней мере, криками и взаимными препирательствами они свою деятельность не сопровождали, разговаривая на, совсем уж отвлеченные темы. За этой, почти идиллической картиной их и застал, ворвавшийся, как непрогнозируемый ураган, отец и тесть в одном лице.

– Папа?! – изумленно подняла голову от пола Настя. – Ты чего так рано?! Что-нибудь случилось?!

Удивление дочери можно было понять. Это только Борь-

ка-пьяница неделями не вылезал из своей резиденции в Бочаровом Ручье, наливаясь до бровей крепкими алкогольными напитками, а его администрация, чтобы хоть как-то оправдать его стойкое отвращение к исполнению своих прямых обязанностей, докладывала общественности, что президент работает с документами на дому. Ага! Щазз! Он и подох-то, упав в пьяном и непотребном виде, с унитаза. Предыдущий президент, тоже ныне покойный, был сущим «живчиком», не любившим сидеть на одном месте, будто бы у него в заднем проходе что-то все время свербело и чесалось. Он колесил по стране, как бездомная бродяжка, забираясь, порой в самые труднодоступные места, в которые до него не заглядывал не то, что ни один президент, но даже и местные губернаторы. Не самое, конечно, плохое качество для руководителя такой большой страны, но оно тоже имело свои негативные черты. Во-первых, быстрые наскоки все же не давали полного представления об обстановке на месте, а во-вторых, это серьезно отвлекало от повседневной, где-то нудной, но так необходимой сосредоточенности в управлении. Афанасьев по сути своей был более всего склонен именно к кабинетной работе, связанной с разбором бумаг и постоянными совещаниями, то в расширенных заседаниях Правительства и Высшего Военного Совета, то в узком составе своего Президиума. Как закоренелый до мозга костей чиновник, он просиживал на своем рабочем месте не только положенные Трудовым Кодексом часы, но и зачастую задерживаясь до са-

мых сумерек, что очень не нравилось его ближайшим соратникам, потому, как им волей неволей приходилось подстраиваться под его трудоголический график. Вот поэтому, дочь так сильно и удивилась неожиданному возвращению отца с работы. Она всерьез рассчитывала закончить с обоями еще до его прихода, чтобы сделать небольшой сюрприз и похвастаться уже законченными работами. Отец не стал объяснять причину своего неожиданного возвращения, лишь притормаживая возле нее и бросая почти на ходу:

– Где у нас в доме лежат деньги?!

– Какие именно? – вскинула Настя брови, начиная беспокоиться.

– Все деньги! – рыкнул папаша, раздосадованный дочерней непонятливостью.

– Ну-у-у, – не сразу нашлась, что ответить дочь, но замешательство длилось всего пару мгновений, – твои деньги, наверно в нижнем ящике письменного стола, – со знанием дела проговорила она, – а наши с Петей, что остались от свадьбы, у нас в спальне, в верхнем ящике комода, под стопкой наволочек. А, что случилось-то?!

– А, черт! – бросился Валерий Васильевич к себе в кабинет, так и не удосужившись объяснить, что к чему.

Оттуда сразу донесся звук безжалостно выдвигаемых ящиков. Деньги он нашел сразу – там, где Настя ему и сказала. Он хотел уже выйти из кабинета, когда ему в голову ударила еще одна мысль. Сунув руку поглубже, в один из ящи-

ков стола, он достал на свет невзрачное и простенькое, но довольно массивное золотое обручальное кольцо. После своего достаточно скандального и кляузного развода, Валерий Васильевич счел для себя более неуместным носить этот атрибут супружеской верности, а потому запрятал его подальше от посторонних, а главное, от своих собственных глаз, чтобы он больше никогда не напоминал ему о главной совершенной им в жизни ошибке. Выхваченное из глубин стола кольцо, он не стал даже рассматривать, а просто сунул его себе в карман кителя.

– Борис Борисыч, Паша, что случилось? Хотя вы-то объясните мне, что произошло? – обратилась она к переминавшимся здесь же с ноги на ногу в нерешительности Завьялову и Михайлову.

– Видите ли, Анастасия Валерьевна, – взялся пересказать канву сюжета адъютант, – тут такое дело давеча произошло... Вы, может быть, слышали утром из новостей? – начал он излагать в сжатом виде события, которые привели ее отца в неистовство.

Он почти закончил свое краткое повествование, когда из кабинета донесся крик Афанасьева:

– Здесь только восемь тысяч!

Настя кинулась в кабинет отца, но столкнулась с ним, когда он уже выскакивал оттуда, свирепо вращая глазами в разные стороны (такое иногда случается, но никому не рекомендуется повторять во избежание косоглазия).

– А сколько ты хотел, пап?! Ты же получаешь жалованье на карточку, да еще кредит выплачиваешь за Юлькину квартиру!

– А твои, где, говоришь, деньги?!

– Я еще зарплату не получала, а свадебные... – сразу по-смурнела она, – как и говорила – в комод под наволочками. Только мы хотели их отложить, чтобы потом с доплатой купить хорошую квартиру.

– К черту квартиру! Живите здесь! Сколько там у вас? – не стал он прислушиваться к словам дочери.

– Почти два миллиона, – поджала она в негодовании губы.

Валерий Васильевич опрометью и достаточно бесцеремонно оттеснив плечом здорового зятя, застывшего с кисточкой в руке, ринулся в чужую спальню. Она, кусая губы от досады и обиды на отца, не последовала за ним, решившим принять на себя и своих близких ответственность за чужую подлость. Из спальни, тем временем, послышалось какое-то невнятное бормотанье, после чего Афанасьев вылетел оттуда, держа в одной руке пухлую пачку купюр, перехваченную канцелярской резинкой, и остановился перед дочерью, как вкопанный. Хищный блеск его глаз остановился на уровне ее лица. По выражению его лица она поняла, куда он нацеливает свой алчущий взор. Он смотрел на ее уши, где маленькими искорками сверкали настоящими бриллиантами сережки, подаренные ей Вальрондом перед свадьбой и на которые он потратил свое почти трехмесячное жалованье. Сунув пач-

ку денег, изъятых у дочери из спальни и присовокупив к ним еще свои восемь тысяч, в руки оторопевшей Насти, он протянул к ней свои, явно намереваясь, если и не вырвать сережки с мясом из ушей, то уж во всяком случае, экспроприровать их любым другим насильственным способом.

– Сымай! – прохрипел он, яростно вращая белками глаз и протягивая к ее лицу руки.

Хуже всего для Анастасии было то, что свидетелями этой безобразной сцены были, хоть и не совсем посторонние, но все же не достаточно близкие для нее люди, да еще вдобавок к ним пухлый и очкастый доктор, если судить по его чемоданчику с красным крестом.

– Папа! Но ведь это Петин подарок на свадьбу! Петя, да скажи же ему! – уже чуть не плача обратилась она к мужу. – Они куплены на честно заработанные деньги!

Петя растерянно топтался у нее за спиной, продолжая нелепо держать в руках кисть и банку с клеем. Он абсолютно не знал, что делать и как быть. С одной стороны, судя по краткому рассказу Михайлова, он понимал чувства тестя, несущего персональную ответственность за все, что происходит в стране, и этот его спонтанный поступок полностью вписывался в образ Отца Нации, болеющего душой за каждого притесняемого и обделенного гражданина, а тем более – ребенка. А с другой стороны, в стране тысячи несчастных детишек. Так, что из-за каждого надрывать душу до кровавых спазмов? Ничем хорошим это для тестя не кончится,

кроме серии инфарктов и фатального конца. Проблему решать надо комплексно, тут одними сережками не отделаться. Да и сережек было, откровенно говоря, очень жаль. Они так хорошо смотрелись на Настеньке. Ну не драться же с тестем из-за этого? Видя требовательно протянутые руки и решимость в глазах отца, Настя уже и сама обеспокоенная внутренним состоянием отца начала торопливо и неумело вынимать непослушными пальцами из ушей маленькие сверкающие капельки. Наконец, справившись с этим делом, она безропотно протянула их на своей дрожащей ладони отцу. Но тот, вместо того, чтобы взять их, полез в карман кителя и достал оттуда свое обручальное кольцо и положил на ее ладонь, рядом с подарком зятя.

– Вот, на, возьми еще это. Мне уже, думаю, не пригодится никогда, – пояснил он, отводя глаза в сторону.

И тут только Афанасьев, кажется, обратил внимание на зятя, стоявшего истуканом в пилотке из газеты, кистью и банкой в руках, которую он так и не догадался опустить на пол.

– Что у тебя есть?! – спросил он у Вальронда, хищническим взором буравя его лицо.

Петр степенно и не торопясь, поставил оземь банку, сунув туда кисть, и выпрямившись во весь свой богатырский рост, все так же неторопливо отстегнул с правой руки старинный и массивный золотой браслет с надписью славянской вязью по ободу «погибаю, но не сдаюсь».

– Этот браслет от прадеда моего. Он служил на эсминце, – прокомментировал он заинтересованный взгляд тестя, передавая ему браслет. – А обручальное кольцо не отдам, – твердо и решительно пресек он возможные вопросы со стороны Валерия Васильевича.

Тот вопросов больше задавать не стал, а лишь кивнул в сторону Насти, давая понять Петру, чтобы он передал браслет ей. И уже обращаясь к дочери, сказал в приказном порядке:

– Сейчас пойдешь и сдашь это все в ломбард. Затем пойдешь в банк и все деньги, включая свадебные перечислишь на счет того хосписа. Адрес и реквизиты потом позвонишь и возьмешь, вон, у Бориса Борисыча. Он по своим каналам их найдет.

За спиной у Афанасьева послышалось какое-то шевеление. Он живо обернулся на шорох. Павел и Борис Борисович тоже начали стягивать со своих пальцев обручальные кольца. У доктора тоже было обручальное кольцо, но он сделал вид, что с огромным интересом рассматривает потолочную лепнину в коридоре, а потому все эти земные перипетии, никак не связанные с искусством, его абсолютно не интересуют. Бог ему судья. У каждого свое мерило жизненных ценностей.

– Оставьте, – вяло махнул Афанасьев своим наперсникам по служебным обстоятельствам. – Это наше дело, чисто семейное.

Затем по его лицу пробежала какая-то тень, и он с силой треснул себя по лбу ладонью:

– Ах, я старая развалина! Да как же я забыл-то?!

– Ты о чем, пап?! – испуганно вскинула брови кверху Настя, опять ожидая очередного фокуса от папаши. Она так и стояла с пачкой денег и невеликим набором драгметалла в руках.

– Старый я дурень! Совсем забыл про коллекцию!

С этими словами он сунул руку в карман и достал свой личный коммуникатор. Очки куда-то запропастились в этой кутерьме и он, страдающий старческой дальнозоркостью, держа коммуникатор на приличном расстоянии от лица, принялся лихорадочно листать мобильный телефонный справочник. И действительно, Афанасьев обладал довольно приличной, даже по московским меркам, коллекцией холодного оружия, которую он, как и уникальную библиотеку, чудом умудрился сберечь от дележа при разводе. Бывшая супруга даже приблизительно не догадывалась об истинной стоимости хранящихся там предметов, иначе бы развод приобрел совсем уж скандальный характер. Впрочем, перед самым разводом, Валерий Васильевич оформил дарственную на Настю. Коллекция была весьма обширной. В ней имелись почти все известные образцы холодного оружия, как отечественного, так и иностранного происхождения. Чего там только не было?! Там были старинные, изготовленные в Римской Империи спаты и гладиусы, французские шпаги и ис-

панские рапиры из толедской стали, эспонтоны, кинжалы и мизерикордии, английские рейтарские сабли, турецкие ятаганы и прочие колюще-режущие предметы. Оружие отечественного происхождения тоже было представлено во всей красе. Сабли, шашки казацкие и чеченские, бедуны и горские кинжалы с кубачинской отделкой – все это богатство было размещено на специальных коврах, развешанных в разных комнатах резиденции. Большинство из представленных раритетов ему достались абсолютно бесплатно. Занимая руководящие посты в Министерстве обороны, он часто принимал участие в международных торжественных мероприятиях, где по традиции главам делегаций всегда вручались ценные подарки. Многие из его зарубежных коллег, не понаслышке знали об этом увлечении русского генерала. А Валерий Васильевич, в свою очередь, никогда не отказывался принять в дар тот или иной презент. Стоит ли судить его за это, когда все кругом занимались нечто подобным? Афанасьев просто был плоть от плоти продуктом своей эпохи – жадной, продажной и беспринципной.

После не слишком продолжительных поисков, ему удалось найти искомый номер телефона. Недолго думая, он нажал на кнопку вызова. Старчески дребезжащий, но достаточно бодрый голос быстро ответил с того конца:

– Слушаю, вас. Говорите.

– Здравствуй, Абрам Исаич! – вежливо, но по-дружески поприветствовал диктатор Абрама Исаевича Золотницкого,

слегка отойдя в сторону, – московского наипервейшего коллекционера и знатока холодного оружия, с которым он имел давнее знакомство на почве общей страсти к орудиям убийства. – Это Афанасьев тебя беспокоит, – зарокотал он в трубку.

– О, великий Яхве! – растекся в подобострастии коллекционер. – Верить ли мне своим ушам, слышащим голос одного из величайших правителей Земли?! Уж не сон ли это?!

– Не сон, не сон, – быстренько пресек ненужное славословие пожилого еврея Валерий Васильевич. – Ты, Абрам Исаич, уж не взыщи, что я звоню тебе по шкурному делу, а не поприятельски, как было раньше. Сам понимаешь – государственные заботы не дают расслабиться, чтобы посидеть и поговорить на общие интересные темы с умным человеком, – решил он слегка подольститься к Золотницкому, который, как и все уважающие себя коллекционеры обладал непомерным чувством тщеславия и самомнения.

– Азохан вей! Хватит ли моей компетенции, чтобы быть полезным такой великой исторической персоне, как вы, милейший Валерий Васильевич?! – усомнился н, одновременно прикидывая уме за какой такой нуждой обратился к нему всесильный диктатор.

– Хватит твоей компетенции, можешь даже не сомневаться. Иначе я бы тебе не позвонил, – успокоил его Афанасьев.

– Если так оно и есть, то я – одно большое ухо, готовое внимательно выслушать все, что вы скажете! – опять цвети-

сто выразился старый хитрец.

– Ты ведь, Абрам Исаич, хорошо знаком с экспонатами моей коллекции, – сразу перешел к делу Валерий Васильевич.

– Таки да, – согласился Золотницкий, наострив уши в ожидании интересных новостей. – И должен вам заметить, что коллекция ваша заслуживает наивысших похвал, как по количеству, так и по качеству собранных там предметов военного искусства былых времен.

– Это точно, – согласился с ним Афанасьев. – Почти сорок пять лет собирал ее, – сделал он маленькое отступление от основной темы разговора.

– Отдаю должное солидному сроку вашего увлечения, – продолжал свою линию на безудержную хвалу коллекционер.

– Помнится, вы неоднократно предлагали мне выкупить ее целиком, – прозондировал почву не менее хитрый бывший Начальник Генштаба.

– Да-а, – растерялся от неожиданности и даже испугался Золотницкий.

Он-то по своему разумению полагал, что Афанасьеву просто нужна его консультация по поводу какого-нибудь очередного раритета, которым желал бы пополнить свою коллекцию диктатор, но опасался приобретать без предварительной оценки специалиста. А тут, видишь, какое дело заворачивается. Своей опытной шкурой он ощущал опасность от про-

зрачного намека коллеги. Если предложить ему цену, которую он озвучивал ранее, то Афанасьев, находясь в положении самовластного правителя России, еще чего доброго мог и обидеться на тороватость старого еврея. А если тому предложить реальную стоимость его коллекции, то тоже можно нарваться на неприятности в связи с неизбежными вопросами о происхождении такой суммы денег. Вот возьмет, да и кликнет своего палача – Тучкова, а уж тот в своих застенках сумеет вытрясти последнее с бедного и старого Абраши. Тут стоило сто раз подумать, прежде чем что-то отвечать на эту явную провокацию. Но до чего же хороша, эта чертова коллекция! Афанасьев по достоинству оценил затянувшееся молчание собеседника, прокручивающего всевозможные варианты ответа в голове.

– Так вот, Абрам Исаич, я хотел бы вернуться к вашему предложению о покупке всей коллекции. Оптом, как говорится, и сразу.

– Э-э-э, – опять замаялся Золотницкий, явно не понимая, какой подвох может крыться в сделанном предложении, – а почему вы, уважаемый Валерий Васильевич, решили обратиться с этим именно ко мне?

– Потому, что кроме вас никто мне не предлагал ее купить. К тому же, именно вы, как никто другой, хорошо знакомы с содержимым коллекции. А значит, только вы знаете ее истинную стоимость, – сделал особый акцент на последних словах диктатор.

– Да. Знаю, – нехотя согласился с ним Абрам Исаевич, но тут же спохватился. – Но почему вы не предложите ее какому-нибудь музею? Эрмитажу, Историческому или на худой конец, Русскому? Я уверен, что любой из них с удовольствием выкупил бы ее по весьма достойной цене.

– Если бы я в срочном порядке не нуждался в деньгах, то поверьте, сделал все так, как вы и советуете, – начал пояснять прописные истины Афанасьев, морщась от досады в трубку коммуникатора. – Но вы и без меня прекрасно понимаете специфику сделок с музеями. Назначенная экспертиза займет уйму времени, да и есть небеспочвенные опасения по поводу того, что у этих уважаемых заведений просто не окажется в наличии таких сумм на приобретение. Они начнут просить рассрочки, а мне нужно деньги получить быстро и без ненужных проволочек, а тем более публичной огласки, которой будет не избежать в этом случае.

– Да, но с чего вы вдруг взяли, что у старого, больного и бедного еврея могут быть такие деньжищи?! – принял по национальной привычке канючить Золотницкий.

– Абрам Исаич, – желваки на скулах у Афанасьева начали интенсивно двигаться, – мы с тобой уже далеко не молодые люди, а потому, давай не будем из себя разыгрывать тургеневских барышень, называвших яйца «куриными фруктами». Поверь, что мне сейчас не до того, чтобы выступать перед тобой в роли налогового инспектора, озабоченного происхождением нетрудовых доходов у самозанятого пенсионе-

ра.

– Право же, я не знаю, – опять принялся мямлить старый коллекционер. – Пандемия, мировой экономический кризис, санкции, а я, как назло, именно сейчас очень стеснен в денежных средствах...

– Сколько вы можете мне за нее предложить? – без обиняков спросил Афанасьев, которому уже порядком поднадоели эти выкрутасы.

– Я не держу в доме большое количество наличных, а как законопослушный гражданин, предпочитаю хранить деньги в банке, – не смог отказать себе в привычке поторговаться даже в этой ситуации Золотницкий. – А сколько бы вы хотели за нее получить?

– Помнится, года три назад, вы предлагали мне за нее сто пятьдесят миллионов.

– Правда?! – воскликнула в ответ трубка голосом Абрама Исаевича. – Вполне возможно! Вполне возможно! Однако сейчас совсем другие времена за окном. Денег ни у кого не стало, да и тратить последнее, в наше беспокойное время, вряд ли кто станет, – откровенно решил Золотницкий сбить цену.

И хоть Афанасьев имел в своих предках крепостных крестьян Рязанской губернии, против иудейских пращуров Золотницкого, кои были ростовщиками и менялами, но в умении торговаться мало чем уступал своему коллеге-коллекционеру.

– Но инфляция тоже никуда не делась с тех пор, – моментально парировал он нытье Абрама Исаевича, – а я с вас не «жабы шкурки» прошу. Сейчас рубль, к сожалению, котируется гораздо ниже, чем три года назад. К тому же не забывайте разницу в людском восприятии.

– Как это?! – удивился его коллега по цеху.

– А вот так, – позволил себе ухмыльнуться Валерий Васильевич. – Одно дело иметь у себя раритеты из коллекции какого-то там Начальника Генштаба, и совсем другое дело – владеть предметами искусства из коллекции самого диктатора России. Чуете разницу? Быть наипервейшим коллекционером холодного оружия в Москве – дело, безусловно, хорошее, но оставить далеко позади себя всех коллекционеров России вместе взятых, вообще станет головокружительной перспективой. Ваша коллекция после данного приобретения, в стоимостном выражении, повысится многократно. Встать вровень с Британским Музеем и Оружейной Палатой – это ли не мечта любого собирателя исторических ценностей? – кинул Афанасьев на стол свой последний козырь, в качестве приманки.

– Но у меня, действительно, нет сейчас необходимой суммы! – запричитал Золотницкий, сраженный наповал убийственной аргументацией Афанасьева.

Без всякого сомнения, если бы Афанасьев не избрал своей стезей военное дело, то рано или поздно, из него бы вышел замечательный актер. Отчаянные торги с Абрамом Иса-

евичем, кажется, окончательно привели Валерия Васильевича в нормальное душевное состояние, о чем свидетельствовали многозначительные перемигивания между доктором и адъютантом, являвшимися свидетелями разыгрывающегося на их глазах спектакля. Диктатора будто «живой» водой из сказки сбрызнули.

– Ну, что ж, – деланно вздохнул Афанасьев, – раз вы, Абрам Исаич, такой бедный у нас человек, то у меня нет другого выхода, как позвонить Чарусову и предложить ему купить мою коллекцию. Думаю, что за сто шестьдесят миллионов он с удовольствием пополнит свою кладовую. Мне было чрезвычайно приятно пообщаться с вами, милейший Абрам Исаевич.

Это был удар ниже пояса. Весь московский бомонд коллекционеров знал о непримиримом соперничестве и даже вражде этих двух зубров.

– Пойдите! – взвизгнул Золотниковый, обладавший хорошим воображением, а посему моментально представивший себе наглую улыбку Андрея Андреевича на очередном заседании Клуба Любителей Холодного Оружия. – Вы с ума сошли! – брякнул старый еврей, забыв в одночасье с кем говорит. – Как же так можно?! Мы же с вами только-только начали деловой разговор! Да там одна только шпага Карла XII стоит не меньше двадцати миллионов! Вы не имеете права вот так вот взять и отдать все эти богатства в руки этого пройдохи! Это нечестно!

– От чего же нечестно? – скривил рот в сардонической ухмылке Афанасьев. – У меня – товар, а у него есть деньги, чтобы его приобрести. Почему же мы не можем провести взаимовыгодную сделку, раз уж вы у нас такой бедный и несчастный?

– Я же не сказал, что у меня вообще нет денег на эту покупку?! Просто набрать наличными, а как я полагаю, вам нужны именно наличные, сразу всю означенную сумму будет достаточно проблематично. Проблематично, но отнюдь не невыполнимо, – добавил Золотницкий с нажимом. – И если вы мне дадите малю-ю-сенький дисконт, то я постарался бы, как можно скорее обернуться с обналичиванием необходимой суммы.

– Черт с вами! Давайте сто сорок, но чтобы к вечеру деньги находились у меня на столе. Плюс юридическое сопровождение и оформление сделки – за ваш счет, – тоном, не терпящим никаких возражений, подытожил недолгие торги Валерий Васильевич.

– А как я смогу попасть к вам, что бы передать деньги и забрать экспонаты?

– Записывай номер телефона моей дочери – Анастасии. С ней и будешь заключать сделку. Она даст тебе и тем, кто с тобой прибудет, пропуск. А здесь встретит и поможет все собрать и упаковать. Сам понимаешь, что мне в этом деле светиться никак нельзя, хотя бы первое время.

– А у нее есть доверенность на распоряжение коллекци-

ей? – вдруг испугался, всегда осторожный в таких делах Абрам Исаевич.

– Имеется. Не волнуйся. Коллекция, юридически, принадлежит ей.

– Я все понимаю, – пробормотал коллекционер извиняющимся голосом за свое недоверие. – Говорите ее номер, я запишу.

После того, как Золотницкий записал номер телефона Анастасии, они еще немного поговорили, обсуждая некоторые детали сделки. Затем, когда разговор был закончен, он обернулся на свою свиту, которая до этого затаив дыхание, внимательно прислушивалась к беседе. Настя, кстати, так и стояла, разинув от удивления рот, и прижав к груди деньги с драгоценностями.

– Ты все поняла? Что делать с полученными деньгами, тоже помнишь, надеюсь? – спросил он у нее.

Та медленно, как во сне, кивнула головой.

– Папа, а ты никогда не говорил, что твоя коллекция стоит так дорого, – проговорила она в какой-то детской и непосредственной растерянности.

– А сама догадаться не могла? – не слишком-то ласково буркнул он ей в ответ.

– Каким образом? Я думала, что это просто старый и иногда ржавый хлам. И ты мне никогда ничего не рассказывал про него.

– А когда дарственную оформляли, то в страховку ты за-

глянуть не посчитала для себя важным? – саркастически ухмыляясь, задал он ей вопрос. – Там вполне конкретно указана страховая стоимость коллекции.

Та, в ответ, лишь неопределенно пожала плечами. Она всегда была чрезвычайно далека от всяческих юридических тонкостей, а также житейско-бытовых проблем и нюансов, связанных с ними.

– Вот что, парни, – обернулся он к троице, застывшей неподалеку, – думаю, вам не надо напоминать о том, чтобы не трепаться об увиденном и услышанном здесь? Это, доктор, в полной мере и к вам относится тоже.

Врач быстро-быстро закивал, Михайлов, сделал картинный жест, будто застегивает рот на замок, а Завьялов просто приложил руку к сердцу. Ну, в этих-то двоих у Афанасьева и раньше не было сомнений. Доктор, тоже, наверняка, прошел не одну проверку, прежде чем устроился работать в Национальный Центр обороны. Болтуна и провокатора здесь не стали бы держать.

– Ладно, мужики, не стойте тут столбами. Идите вниз и ждите меня у машины, я сейчас спущусь.

Затем, взглянув на циферблат своих командирских часов, кинул им вдогонку:

– Да кликните там ко мне Сан Саныча.

Дождавшись, когда «цыгане шумною толпою» горохом скатятся вниз по ступенькам, Валерий Васильевич подошел к зятю.

– Прости меня, старика, Петр, за то, что я так по-скотски поступил с тобой, и вообще, вами с Настей, – тяжело произнес он, почему-то опасаясь смотреть тому в глаза, поэтому, разговаривая с ним, глядел чуть в сторону.

– Наверное, вы решили, что у вас просто нет другого выхода, – ответил тот, машинально поправляя на голове съехавшую набекрень пилотку.

– Может так оно и есть, – задумчиво произнес тесть. – Осуждаешь?

– Да, в общем-то, нет, – неопределенно пожал своими широченными плечами Вальронд. – Только, вот...

– Знаю-знаю, что ты хочешь сказать, – перебил его Афанасьев. – В России-матушке всегда не было недостатка в обездоленных детях, и на всех на них не хватит никакой коллекции раритетов, а тем более таких браслетов, как твой.

– Да, такие дела не решаются в частном порядке. К ним нужен комплексный подход – на уровне государства, а не милосердия отдельно взятых сердобольных лиц, вроде вашего.

– Ты не понимаешь, Петя. Именно в этом конкретном деле и есть моя персональная вина. Ведь придуши я этого Арнста, где-нибудь на телевидении еще два месяца назад и не было бы этого непотребства. Я по своей старческой дурости думал, что вот, пострашаю его, так он и осознает, проникнется. А оно, видишь, как получилось? С такими типчиками уже ничего не поделать. Таких надо только выкорчевывать, чтобы они не заразили окружающих. Вот я и собираюсь это

сделать. Но так, как ущерб их действиям все же уже нанесен, в том числе и по моей непосредственной вине, то, стало быть, мне и расплачиваться за нее. Ну, и вам с Настей тоже, как ближайшим моим родственникам.

– Вам, конечно, виднее, со своей государственной колокольни рассуждать о персональной ответственности, – подпустил туманной неопределенности в свои слова Вальронд.

– Значит, ты считаешь, что я неправ? – снизу вверх глянул он на зятя непонимающими глазами.

– Не знаю, – опять пожал тот плечами. – Вот, вы, Валерий Васильевич, продали свою коллекцию...

– А еще отнял ваши деньги, твой браслет и сережки, что ты подарил Насте, – перебил его тесть.

– Да, Бог с ними, с этими деньгами, – махнул рукой Петр. – Наживем еще. И сережки купим. Только я ведь не про это начал.

– А про что?

– Я это к тому, что, вот вы сейчас перечислите деньги на этот хоспис... Уж не знаю, на какие цели будут они израсходованы, но будем надеяться, что толика благ достанется и сиротам. Но я никак не возьму в толк, а чем хуже дети в таких же хосписах, скажем, Воронежа или Сызрани? Или этим детишкам, просто повезло оказаться в столице? Опять, значит, одним – все, а с другими, как быть? Опять позориться на весь белый свет с просьбами по телевидению скинуться гражданам на спасение того или иного ребенка?

– И что ты предлагаешь?

– Кто я такой, чтобы предлагать план действий целым министерствам социального обеспечения и здравоохранения? Это пускай они решают вопросы о приоритетном и центральном финансировании учреждений подобного рода. Пусть у них голова болит о том, чтобы содержание и медицинское обеспечение детей Москвы ничем не отличалось от такого же, но в каком-нибудь Урюпинске. Не знаю. Может быть, в наше непростое время, стоило бы ужаться где-нибудь в ином месте, чтобы обеспечить достойное содержание детей, как нашей надежды на будущее. Не будет детей – не будет и будущего. Я – водолаз, а не государственный деятель, поэтому не мне решать такие вопросы.

– Хорошо, Петр, я подумаю над твоими словами, но сейчас, позволь мне довершить начатое?

– Так, а кто же вам мешает? – в который раз пожал он широкими богатырскими плечами. – Вершите, коли уж вы у нас Верховный.

Анастасия на протяжении всей этой недолгой беседы «по душам» стояла здесь же, в нелепой позе прижимая к груди «несметные сокровища» диктаторского семейства. Она хоть и стояла рядом, но не проронила ни слова, что было довольно редким событием, учитывая ее словоохотливость. До нее только сейчас стал доходить истинный смысл происходящего. Она напрягала весь свой интеллект учителя начальных классов, ставя себя попеременно, то в положение отца, то в

положение мужа. Ставила и никак не могла понять до конца, какое положение ей самой ближе. И тот, и другой, были одновременно в чем-то и правы и неправы. Однако в чем конкретно заключалась правота или неправота обоих любимых ею людей, она так до конца и не могла четко определить и сформулировать. Из этого состояния ее вывел голос отца:

– Настя, проводи меня до крылечка.

– Да-да, конечно, – засуетилась она, не зная куда пристроить деньги и украшения, но не найдя подходящего места для них, побежала, все так же придерживая их на ходу, вслед за удаляющимся отцом,

Когда они уже порядком отделились от Петра, стоящего в коридоре и скрестившего на груди руки, отец тихонько, чтобы никто не услышал, обратился к дочери:

– Ты, Настюха, не держи зла на глупого своего отца. Я, вишь, погорячился малость. Ну, да с кем не бывает, – извиняющимся тоном начал он, не сбавляя при этом шаг.

– Я понимаю, – торопливо ответила та. – Вернее, стараюсь понять, – поправилась она тут же.

– Вот и хорошо. Я это к чему, собственно, говорю?

– К чему?

– Ты, это... В общем, деньги те, что вам наложили на свадьбе прибережи куда-нибудь. Они вам еще с Петей понадобятся.

– Но, как же...? – начал вырываться у нее вопрос.

– Тише-тише. Не кричи, – зашикал он на нее, когда они

спускались по лестнице вниз. – Ничего. Хватит и тех денег, что мы выручим от продажи коллекции, а ваши два миллиона погоды не сделают. Да и вот еще что..., – притормозил он в полуэтаже.

– Что!?! – прошептала она ему одними губами.

– Сережки и браслет тоже в ломбард не таскай. Нехорошо дедовской памятью торговать. Отдай его Петру.

– А сережки?

– Сережки тоже приberi куда-нибудь подальше. Время пройдет немного, потом и наденешь. Пусть пока страсти по-улягутся.

– Но как я это объясню ему?! – нахмурила он строго бровки, силясь представить себе нелегкий предстоящий разговор с мужем.

– Ну, так вот и объясни, мол, погорячился старый папашка. С кем не бывает? Ладно, придумаешь сама, что еще ему сказать. А если у него возникнут вопросы, то я сам с ним потом поговорю, келейно.

– А твое кольцо и восемь тысяч? Что с ними-то делать?

– Кольцо не жалко. Можно и в ломбард, да только за него мало, что дадут. А деньги... Деньги прибавь к тем, что Золотницкий привезет.

– В банке у меня не потребуют декларацию за такую громадную сумму? – спохватилась дочь напоследок.

– Предъяви им договор купли-продажи. Этого вполне хватит. Ладно, дочка – заторопился Валерий Васильевич, – беги

наверх, а то вон, уже Сан Саныч идет.

– Пап, а ты далеко?! Время-то уже к вечеру. Рабочий день заканчивается.

– Не ждите меня. У меня еще куча дел, – не стал вдаваться в подробности отец и вышел на крыльцо.

Там его уже поджидала давешняя троица и присоединившийся к ним начальник личной охраны. Автомобиль стоял рядом, а Кондратьич, пользуясь, подвернувшимся случаем, протирает мягкой фетровой тканью лобовое стекло, видимо, после птичьей «атаки». Только что перенесенный Афанасьевым стресс требовал своего выхода и абсолютной смены окружающей обстановки. Ему сейчас было крайне необходимо переключиться на что-то совсем далекое от сложившегося режима дня. Нужно было привести мысли и чувства в порядок, а то, так и действительно недалеко от инфаркта. Смена обстановки а главное – смена привычного круга лиц, на тех, кто не завязан на деловых и служебных отношениях, вот, в чем виделся ему выход из рутины бытия. Говоря по правде, он и так собирался сегодня сделать давно запланированный шаг к перемене своего маловразумительного состояния, когда он – мужчина, еще не до конца списанный в расход, вынужден вести монашеский образ жизни. И тут, как раз подвернулось весьма подходящее обстоятельство.

Глава 46

I.

– Сан Саныч! – окликнул он начальника своей охраны. – Я знаю, что твоя должность подразумевает собой четкое и неукоснительное исполнение инструкций, касающейся охраны первых лиц государства, – начал издавека Афанасьев.

– Так точно, товарищ Верховный! – бодро откликнулся тот, но в его глазах промелькнула тень тревоги и она не ускользнула от внимательного диктатора.

– Так вот, дорогой мой ангел-охранитель, я хочу тебя, попросить первый раз в жизни, отступить от жесткого регламента.

– Второй, – сглатывая комок, подступивший к горлу, тихо произнес телохранитель.

– Что, второй? – не понял его Валерий Васильевич.

– Второй раз в жизни вы просите меня нарушить регламент, – поправил он своего начальника и, видя недоумение в его глазах, добавил. – Первый раз вы заставили меня сделать это, когда ездили в Белоруссию.

– А-а-а, ну да, ну да, вспомнил. Было такое – не спору. Тогда, значит, я второй раз обращаюсь к тебе с этой просьбой.

– На какую авантюру вы опять толкаете меня?! Я и в прошлый-то раз еле усидел на своем месте, чтобы не отправиться в отставку, будучи разжалованным, – подпустил он в голос плаксивые интонации.

– Так ведь не отпрافили же. Я все тогда Коченеву объяснил. Он мужик толковый и понял все, как надо. И в этот раз не боись, заступлюсь.

– Что вы опять задумали, товарищ Верховный?! – он уже не пытался скрывать откровенную мольбу.

– Понимаешь, Саныч, мне тут позарез надо побывать в одном местечке, – проникновенно обратился он к охраннику.

– Так в чем проблема-то? – искренне удивился Саныч. – Все организуем в лучшем виде. Приходи кума любоваться, – опять сыграл он бодрячка, однако шестым чувством догадываясь о грядущем подвохе. – Вы только сообщите конечный пункт, а уж мы расстараемся на протяжении всего маршрута следования. И на месте прибытия тоже все обеспечим.

– Да в том-то все и дело, дорогой ты мой человек, – перебил его Афанасьев. – Я хочу встретиться с одним человеком, но одновременно с этим, я не хочу, чтобы свидетелями нашей встречи был еще кто-то.

– Все наши ребята – люди проверенные много раз, в том числе и непосредственно мной. За каждого из них я ручаюсь, что он не проболтается, и конфиденциальность встречи не будет нарушена никоим образом, – начал горячо убеждать диктатора его главный охранитель.

– Да ты ровно дите малое и непонятливое, – стал выказывать первые признаки недовольства Валерий Васильевич. – Ты что, не понимаешь, меня?!

– Никак нет, товарищ Верховный, – замотал головой в

сторону Сан Саныч. – Если вы опасаетесь, что лицо, с которым вы будете вести беседу, может как-то заподозрить присутствие посторонних, то не извольте беспокоиться. Мы будем вести скрытое наблюдение. Оно и не почувствует наше негласное присутствие.

– Почувствует, – поморщился скептически Афанасьев. – Этот объект обладает природным даром чутья, к тому же он из той же конторы, что и вы сами. Ну, или почти из той, – добавил он после краткого раздумья.

– Тем более, я не смогу вас оставить наедине! – воскликнул охранник и тут же выдал предположение. – А вдруг у него возникнут какие-нибудь нехорошие мысли на ваш счет? Или не дай Бог, он задумает с вами, что-нибудь сотворить этакое?!

– Насчет последнего твоего предположения я был бы не очень против, – туманно и скабрёзно вставил Афанасьев, ухмыляясь каким-то своим мыслям.

– Неужели же это женщина?! – наконец догадался Сан Саныч, округлив в неподдельном испуге глаза.

– И откуда вас таких догадливых набирают в ФСО?! – позволил себе съехидничать Верховный.

– Да знаете ли вы, что женщины во много раз опаснее любого мужчины, будь он хоть трижды профессионал в своем деле? – не стал реагировать на замечание Афанасьева Сан Саныч. – Вытащит, вот, отравленную заколку из волос и пырнет вас прямо в горло, – решил он напугать объект охраны. –

Лучше иметь дело с пятью вооруженными мужиками, чем с одной безоружной женщиной. Она же, как мина с таймером – неизвестно когда рванет.

– Что ты мне тут рассказываешь? – горько усмехнулся диктатор. – Я сорок лет прожил с такой миной под боком. Мне ли не знать?

– Вот именно, – поддакнул простодушный и непроницаемый телохранитель.

– Поэтому я и не хочу, чтобы при взрыве вас засыпало осколками, – стал окончательно терять терпение Афанасьев, но тут ему на выручку подоспел, стоявший рядом и слышавший все Михайлов.

– Товарищ генерал-майор, – обратился он к Санычу, – товарищ Верховный толсто намекает вам, что у него запланирована встреча интимного характера, не допускающая до спектакля посторонних зрителей, коими вы и являетесь.

– Не делайте из меня идиота, товарищ Михайлов, я и без ваших мудрых разъяснений давно уже понял это, – угрюмо процедил сквозь зубы Саныч, тайно ревновавший за внимание и доверие Афанасьева к его же адъютанту. – Да только и в делах сугубо далеких от служебных отношений следует проявлять крайнюю осторожность, тем более с лицами, работающими в наших структурах. А если, как выразился Верховный, она имеет прямое отношение к специальным службам, то она и сама должна понимать, что почем, – сделал он суровую отповедь и диктатору и его адъютанту.

– Я, разумеется, высоко ценю вашу заботу о моей старой тушке, Сан Саныч, но не слишком ли вы вжились в роль строгой опекуниши из католического пансионата? – вскинул брови Афанасьев, не зная, сердиться ли ему на упрямого охранника или махнуть рукой на его упертость. – Этак, вы и в постель меж нами попробуете залезть ради соблюдения пресловутой безопасности?

– Если потребуется, то и залезу, – сказал, как отрезал охранник. – И прошу вас не забывать, что прошло всего лишь два месяца, как по халатности ФСО уже потеряли одного лидера, а теперь вы хотите, чтобы мы подвергли опасности еще и второго? Только-только все улеглось! Смуты захотели?! – пристыдил он обоих.

– Ладно-ладно, – сдал слегка назад, припертый аргументами к стене, Афанасьев, – так уж и быть, сдаюсь. До Ясенево-2 доедем с помпой, как и положено, а там посмотрим. Если о чем договоримся с ней, то я дам знак, и вы оставляете меня и ее в покое. И не думайте даже возражать, – предупредил он, намеревавшегося опять спорить Саныча. – Или мне опять писать вам расписку, как в прошлый раз? Она проверенный и надежный сотрудник, не профурсетка какая, а честная вдова. И у меня к ней намерения самые, что ни на есть честные и открытые. Ребята, – задушевно обратился он к ним, – ну будьте людьми, в конце концов, дайте и мне напоследок пожить немного частной жизнью. Ей-ей, так ведь и скопытиться можно, если все время заниматься только де-

лами. Мне и так уж немного осталось...

Последние, произнесенные им слова, не могли не затронуть душевных струн у свиты. Они разом почувствовали себя чем-то виноватыми перед этим далеко уже не молодым человеком, взвалившим на себя все тяготы вышней власти, которая на Руси мало кому приносила счастья. Первым из повесивших носы очнулся, как и положено, Сан Саныч.

– Но все равно, хоть какие-то сопровождающие лица, но должны же быть даже в этом случае, – сделал последнюю попытку выправить ситуацию генерал-майор в штатском. – Вон, – кивнул он в сторону каптри, – товарищ Завьялов, и день и ночь должен находиться при вас неотлучно на случай непредвиденных и глобальных обстоятельств. И водитель тоже...

– У товарища Завьялова, – Афанасьев поддернул обшлаг кителя и глянул на часы, – через два с половиной часа будет пересмена, кстати, с Вальрондом, если не ошибаюсь, – он покосился вопрошающе к Павлу и тот молча кивнул, соглашаясь. – Поэтому я ему настоятельно рекомендую не мотаться со мной по городу, а остаться здесь и без хлопот осуществить передачу своей ноши.

– Но... , – разом открыли рты генерал и майор, пытаясь возразить.

– Не забывайте, что кроме моего, имеются еще два таких же «чемоданчика», поэтому ничего страшного не случится, если вместо тройного оповещения какое-то время бу-

дет двойное. На худой конец, у нас еще есть автоматическая система «Периметр», – пресек он на корню любые возражения. – А по поводу личного водителя, то я смею надеяться, что если у нас все сладится, то до завтрашнего утра он мне не понадобится. А утром я непременно оповещу вас о своем местонахождении, хотя, зная вашу натуру, смею предположить о вашей осведомленности к тому времени, о моем месте пребывания. А теперь, дорогой мой Сан Саныч, идите и займите свое место в ордере.

– Чую, что не доживу я с вами до пенсии: либо в отставку отправят, либо вообще расстреляют, – пробубнил обиженным барсуком начальник охраны, удаляясь по направлению к одной из машин сопровождения. А Афанасьев тем временем переключил свое внимание на ближайшее окружение:

– Павел и вы доктор, простите, я так и не спросил, как вас величать...

– Игорь Трофимович, – встрепенулся эскулап.

– Я приношу вам, Игорь Трофимович, свои извинения за причиненные вам неудобства...

– Ой, ну, что вы?! – замахал тот своими пухлыми ручками, явно находясь не в своей тарелке. – Все мы люди. И со всяким из нас такое может приключиться.

– Вот именно, что со всяким, – согласился с ним Афанасьев. – И, тем не менее, я очень вам благодарен за то, что вы приняли участие в нынешних и не совсем приятных для нас событиях. Поэтому я смею и дальше надеяться на вашу

тактичность. Ну, вы понимаете, о чем я?

– О, разумеется! Можете не сомневаться! Буду молчать, как рыба об лед!

– Надеюсь. А со своей стороны обещаю, что не забуду о вас и о том, что вы для меня сделали.

– Да, ну что, вы, право? – пожалуй, впервые за все время, проведенное им в теплой компании, засмутился этот, в общем-то, циничный человек.

– Так вот, Игорь Трофимыч, я, к сожалению, не могу вас взять с собой. Но вы можете обратиться к начальнику охраны этого объекта, он находится в-о-о-н в том флигеле, – указал Афанасьев пальцем в сторону приземистого одноэтажного здания, расположенного невдалеке, – и он из имеющегося в его распоряжении автопарка выделит вам машину с шофером, который доставит вас в любое указанное место. Ну а вас, Павел Геннадич и учить не надо, что и как делать – сами все знаете. Оставайтесь здесь и дожидайтесь пересмены. А ты, Борисыч, – обернулся он к Михайлову, – останешься тут или со мной до Ясенево?

– С вами, конечно, – подскочил адъютант на месте. – Там же метро рядом. Пробегусь по просеке, а там, через дорогу и на метро. Двадцать минут и я уже дома.

– Ну и хорошо, – поддержал его Афанасьев, и они оба полезли в салон автомобиля.

Ехали всю дорогу молча. Даже всегда словоохотливый, в отличие от своего сына, Кондратьич в этот раз хранил гробовое молчание. Михайлов тоже предпочитал помалкивать и не лезть со своими разговорами, чтобы не отвлекать босса, сосредоточившегося на внутренних переживаниях по поводу предстоящей встречи. Ехали быстро и нигде не задерживались, поэтому у шлагбаума КПП, что стоял перед комплексом зданий Центрального Аппарата Службы Внешней Разведки были уже через полчаса. На саму территорию въезжать не стали, остановившись неподалеку. До конца смены в местной столовой, по сведениям, имеющимся у Афанасьева, оставалось пять минут. Сан Саныч сделал последнюю попытку уговорить Афанасьева не отпускать охрану, но столкнувшись с суровым и непреклонным взглядом серых глаз Верховного, решил не усугублять и так натянутые с ним отношения. Чертыхаясь про себя, и уже который раз грозя отставкой, он махнул на все рукой и отдал приказ об отходе прикрытия. Одну машину, правда, он все-таки оставил на всякий случай, вне поля прямой видимости, чтобы потом отследить дальнейший маршрут пустившегося, по его мнению, во все тяжкие, Верховного.

Вылезли из машины все трое. Кондратьич разминал свои затекшие суставы. В его возрасте двенадцатичасовой график рабочего дня, несмотря на многолетнюю привычку, был уже несколько тяжеловат, хоть он и сам себе в этом не желал при-

знаваться. Михайлов, топтавшийся рядом, все никак не решился покинуть своего начальника, соображая, что бы сделать такого, чтобы можно было задержаться еще на несколько минут. В его понимании, оставить сейчас шефа один на один с какой-то неведомой теткой, это все равно, что оставить своего близкого друга безоружным посреди волчьей стаи. Афанасьев ничего не говорил своему адъютанту вслух, но его взгляд был явно выпроваживающим. Пошмыгав носом и почесав за ухом, Борис Борисович, вдруг неожиданно хлопнул себя по лбу:

– Итить-колотить! – громко вырвалось у него не совсем подобающее восклицание, так что его спутники разом просительно уставились на него.

– Ну, что там опять?! – недовольно нахмурил брови Валерий Васильевич.

– Цветы! Мы совсем забыли про цветы!

– Цветы?! – не сразу «въехал» в ситуацию Афанасьев.

– Ну, да! Кто же ходит на свидание без цветов?! – изумился полковник такому непониманию.

– Да я, как-то и не подумал, – засмутился, а потому и замямлил Афанасьев, – про эти цветы. Мы с ней, в общем-то, и не знакомы совсем. Может, она и разговаривать, еще не станет...

– Станет или не станет – это уже второстепенный вопрос, а первое впечатление надо произвести, так или иначе, – со знанием дела возразил адъютант, шаря глазами вокруг, в по-

исках какой-нибудь клумбы или хотя бы подходящего дикороса. – Я щас, подождите минутку.

С этими словами он нырнул куда-то вбок и мгновенно исчез в кустах, что стояли по обочине от асфальтированной дорожки.

– Кондратьич, – тихонько окликнул своего водителя Валерий Васильевич, – ты бы снял государственный флаг с капота, а то, как-то нехорошо получается. Я тут вроде по сугубо личному делу. Негоже в личных делах прикрываться государством.

Аверьян Кондратьевич немного призадумался, посопев о чем-то своем, затем одобрительно кивнул и стал выкручивать ярко-красный символ независимого государства из флагштока на капоте, сопроводив сие действие словами:

– Верно меркуешь, Василич. Не след смешивать в одной кастрюле державное и личное. Я то, старый, и не скумекал об этом, а ты, вишь, сообразил. Башка.

Фамильярность обращения и нарочитая грубоватость из уст этого человека прозвучали для Афанасьева, как высшая степень одобрения. Пока они так философствовали, рабочий день для сотрудников непосредственно не связанных с внешней разведкой окончился. Это было понятно по тому, как их жидкая струйка начала свое движение по дорожке, ведущей на КПП. Валерий Васильевич со страхом и жадностью вглядывался в лица приближающихся людей, но, сколько ни старался, так и не смог разглядеть среди них то ли-

цо, что больше всех не давало ему ночью заснуть в последнее время. Проходившие мимо люди узнавали руководителя страны, улыбались и приветствовали его. Однако воспитание и строгая дисциплина не позволяли им навязывать свое общество диктатору, явно кого-то ожидающего, судя по его озабоченному лицу, и пристально разглядывающего проходивших мимо. Когда ручеек потянувшихся домой служащих СВР иссяк, Афанасьев стал проявлять признаки явного смятения. Искомой Вероники среди тех, у кого сейчас заканчивался рабочий день не оказалось. У него, как у генштабиста, в мозгу сразу нарисовалось несколько вариантов произошедшего казуса: либо Вероника, вообще, не была сегодня на работе по какой-то причине, либо она все еще оставалась там. Вариант о том, что она воспользовалась другим маршрутом, он просто не допускал, ибо это противоречило ее всегдашней привычке. Пока он лихорадочно прикидывал в уме дальнейший алгоритм своего поведения, она, вдруг неожиданно вынырнула откуда-то сбоку из-за кустов, воспользовавшись незаметной постороннему глазу тропинкой. Ее появление, ожидаемое, но такое неожиданное произвело сильное впечатление на Афанасьева. Достаточно высокая, в облегающей легкой блузке и в джинсах, подчеркивающих ее точеную фигуру, с правильными чертами лица североевропейского типа, необремененными излишней косметикой и волнистыми светло-русыми волосами, она, без преувеличения, показалась Афанасьеву супермоделью. И действитель-

но, ее грациозная походка, плавные жесты, когда она снимала с плеча сумочку, чтобы предъявить свой жетон охраннику, сидящему в стеклянной будке, и грация с которой она все это проделывала, выдавали в ней, если и не врожденную, то уж точно приобретенную аристократичность. В тот день, когда он увидел ее в столовой, она показалась ему достаточно привлекательной, но все же не такой роскошной красавицей. Он даже вопреки всем правилам приличия, разинул в удивлении рот, не сумев как следует совладать с мимикой своего лица. Заметив вполне себе естественную реакцию шефа на красотку, стоящую у будки охранника и поняв про себя, что это и есть искомая Вероника, Кондратьич, удовлетворенно крякнул за спиной, как бы солидаризируясь. Покончив с недолгими формальностями, и сунув жетон обратно в сумочку, она все такой же грациозной и мягкой походкой, как у пантеры, прошла под услужливо приподнятым шлагбаумом и очутилась нос к носу с Афанасьевым. Не дойдя до него пары шагов, остановилась, пытливо разглядывая его, будто первый раз увидела. При этом ее взгляд не выражал ни положенного в таких случаях удивления, ни умиления, оказанным вниманием (и так было ясно, что этот пожилой и кряжистый гражданин приехал по ее душу), ни тем более подострастия, при виде властителя не последнего государства в мире. В нем, скорее отражалось любопытство энтомолога, внезапно обнаружившего новый вид какого-нибудь прямокрылого и чешуеобразного. У самого же Афанасьева, при

этом вид был оторопелый и откровенно глуповатый. Ни тот, ни другой, как сошедшиеся в поединке дуэлянты, не произносили ни слова. Первым в себя пришел Кондратьич, не совсем ласково, но зато красноречиво и напутственно пихнувший своего шефа кулаком под ребра. Тот довольно вяло отреагировал на дружеское понуждение к светскому диалогу, однако догадался прихлопнуть рот и даже сделал неуклюжую попытку шагнуть навстречу новому витку судьбы. И все-таки первой прервала молчание именно Вероника:

– А ты, Валерий Василич, оказался более терпеливым, чем я предполагала, – вместо положенного приветствия заявила она. – Мне казалось, что ты придешь раньше, а ты, смотри-ка, целых два месяца держался.

Его появление здесь, казалось, ничуть не удивило ее, словно она ждала его. Или предвидела. Хотя в принципе, это одно и то же, по сути.

– Да, я, собственно... , – через силу выдавил он из себя нечто невразумительное, хотя всю дорогу до Ясенево он представлял, что скажет ей при встрече.

Тут из кустов с шумом вывалился Михайлов, держа в руке пучок каких-то травянистых растений с мелкими и невзрачными на вид желтоватыми цветами.

– В-о-о, достал! – выкрикнул он в порыве азарта, но тут же осекся, увидев, что несколько запоздал с букетом для шефа.

Три пары глаз: кто с укоризной, а кто и с нескрываемым весельем, посмотрели разом на оплошавшего доброхота, аб-

солютно не знавшего теперь, что делать с таким презентом. Перед ним явственно выростала дилемма: то ли сначала передать букет Верховному, то ли сразу вручить его ей от имени диктатора. На несколько мгновений между ними повисла неловкая тишина, прерываемая тяжелым дыханьем запыхавшегося полковника. Вероника и тут оказалась на высоте, по сравнению с горе-ухажером и его нехитрой свитой.

– Этот роскошный букет, видимо, предназначен для меня? – хитренько улыбнулась она.

– Да-да! Именно для вас! – в один голос стали уверять диктатор и его адъютант в измятой от долгого лазанья по парковым лужайкам форме. Адъютант неловко сунул свою добычу в руки Веронике, одновременно кося глазом на стоявшего рядом Афанасьева. Кондратьич, в отличие от своих спутников, хоть и был шофером, но все же немного разобрался в травах, поэтому свой голос не стал присоединять к нестройному хору, а просто кхекнул что-то неопределенное, покачав головой.

– А за что? – продолжила она допрос.

– Просто так! Да-да, просто так! – опять в один голос начали они уверять ее в своих искренних и бескорыстных намерениях.

– Ну, что ж, спасибо! – произнесла молодая женщина, принимая с улыбкой пучок травы и делая книксен.

– Мы старались! Мы очень старались! – в свою очередь попытались натужно растянуть рты в улыбке военные.

– Вы всегда говорите вместе?! Или только на свиданиях с девушками? – уже откровенно позволила она себе засмеяться. Эта история начинала забавлять.

– Да нет, ну, что вы?! – смущенно возразил диктатор. – Это получилось совершенно случайно! Уверяю вас!

– Да-да, совершенно случайно! – поддакнул Михайлов, чуть отступая назад, отдавая тем самым инициативу своему начальнику. – Простите нас! Это все по неопытности!

– Никогда не поверю, что два таких солидных мужчины до сих пор не приобрели должного опыта в общении с девушками! – не переставала излучать она свою чарующую улыбку в окружающее пространство. – И, кстати, вы товарищ Глава Высшего Военного Совета, не представили мне своих спутников, как и полагается по этикету, раз уж вы решили проявить такую галантность с цветами. Прошу вас, будьте последовательны.

– Э-э-э, – замычал Афанасьев, собираясь с мыслями, которые, как тараканы разбежались кто куда, при виде кухарки.

И опять на выручку вдруг впавшему в косноязычие диктатору пришел его адъютант. Шагнув вперед и выпятив грудь, с театральным пафосом возгласил:

– Позвольте представиться?! Полковник Михайлов Борис Борисович – старший адъютант и доверенное лицо Главы Высшего Военного Совета России! Состою при нем для выполнения важных и особо важных поручений!

При этом он попытался изобразить из себя пародию на

легендарного поручика Ржевского, стараясь прищелкнуть несуществующими шпорами и изогнуться всем телом, чтобы поцеловать ручку прекрасной дамы. Она вновь одарила банду немолодых налетчиков своей чарующей улыбкой, но руку для поцелуя не дала, обеими руками прижимая цветы к груди:

– Я думала, что коты только на деревьях орать могут, а вы, оказывается, еще и крестиком вышивать умеете, – не отказала она себе процитировать одну крылатую фразу из известного мультфильма, но быстро спохватилась и просто представилась. – А я просто Вероника. Можно без отчества. Буфетчица в местной столовой.

Валерий Васильевич уже пришел в себя и опять обрел дар вразумительной речи:

– А это Аверьян Кондратьевич, – кивнул он в сторону своего шофера и добавил, – старый друг и соратник.

Тот тоже выступил из-за спины Афанасьева, представляясь:

– Можно просто – Кондратич. Я не обижусь. Все так зовут. Наше дело ямщицкое. Куда скажут – туда и везу.

– Очень приятно. Вероника, – отрекомендовалась она в ответ и сама протянула ладошку для рукопожатия, которую тот осторожно и облапил обеими руками, изображая на своем лице нечто похожее на улыбку.

И тут в дело опять встрял неумемный адъютант, подобно павлину, распутившему свой радужный хвост. Но на этот

раз совсем уже некстати.

– Мы тут прогуливались неподалеку и подумали, а не зайти ли нам в гости?! Валерий Васильевич столько много рассказывал о вас, начал он нести сущую околесицу.

– Обо мне?! – искренне удивилась прекрасная буфетчица.

– А о ком же еще..., – хотел пуститься Михайлов в светскую беседу, но на полуслове примолк, услышав у себя за спиной грозное шипение босса, прошептавшего сквозь стиснутые от злости зубы:

– Ты чего несешь?! Уймись!

Злобный шепот из-за спины заставил Борисыча оглянуться и увидеть перекошенное от бешенства лицо Афанасьева.

Михайлов, хоть и дослужился до звания полковника и чина старшего адъютанта при Верховном, все же не растерял по дороге толику врожденной сообразительности, а потому сразу просек, чем для него может закончиться этот флирт. Быстрая реакция на события была его характерной чертой и мимикой своей, он, в отличие от того же самого Афанасьева, владел виртуозным способом. Моментально сменив пластинку, он соорудил крайне озабоченное лицо:

– Ах, милейшая Вероника! Как мне жаль с вами расставаться, но я только сейчас вспомнил, что меня ждут неотложные дела в Министерстве обороны. Что поделать, если без хозяйского догляда не идут дела даже в таком серьезном ведомстве?! – пустился он в явную хлестаковщину. – А посему, я вынужден откланяться и оставить поле боя более

счастливому сопернику.

Он опять оглянулся и увидел, что опять не попал в кон, так как вместо одобрительного взгляда начальства, на которое он рассчитывал, на него смотрели уже не злые, а очумелые, от всего услышанного, глаза Верховного. Это пантомима экспромтом сыгранная ее участниками, окончательно развеселила работницу ведомственного общепита. Она, уже не скрываясь, откровенно прыскала от смеха, все же прикрывая рот тыльной стороной ладони. Да, такую мизансцену невозможно было отрепетировать даже заслуженным артистам МХАТа. Полковник, еще раз согнувшись для поклона, как-то разом попятился к обочине и, не разгибаясь, задом раздвинув придорожные кусты, скрылся за ними.

– У-ф-ф! – только и смог произнести Афанасьев, утирая облегченно пот со лба и бормоча при этом вопросительно. – Что с ним, Кондратьич? Какая муха его укусила?

– Хе-хе, – усмехнулся на это водитель, плотоядно оглаживая свой подбородок. – Дык, известно какая! Та же, что и тебя цапнула, – многозначительно резюмировал он, тоже, скорее всего, поддавшийся очарованию прелестной молодой вдовушки.

– Я, смотрю, вы веселые люди, – решила напомнить о себе госпожа Керженцева.

– Ага, мы таковские, – согласился с ней Кондратьич и полез на свое водительское место.

На Афанасьева опять накатил приступ беспричинной ро-

бости. Им вновь овладело косноязычие. Все шло совсем не так, как он себе представлял в мечтах. Он предпринимал поистине титанические усилия, чтобы как-то начать более вразумительную беседу, но у него никак это не получалось. Он с ужасом понимал, что не узнает не только своего адъютанта, но и самого себя. Чтобы хоть как-то преодолеть неловкость в общении, Вероника окунула лицо в букет, и шумно вдохнув в себя запах мелких ядовито-желтых цветов, тихо произнесла:

– Ни с чем несравнимый запах. Это запах степи – горький и терпкий. Я никак не думала, что она здесь растет. Вот, понюхайте, – она поднесла охапку цветов к самому лицу Валерия Васильевича.

– Действительно, запах очень горький, – неприятно удивился он, досадуя, на торопыжку-адъютанта, притащившего, черт знает что, в порыве служебного рвения. «Уж лучше бы он ничего не приносил, чем так позориться» – промелькнула у него запоздалая мысль

– Это запах настоящей жизни – вольной и в тоже время горькой. Но вы правы, она так и называется «полынь горькая», – произнесла она и глаза ее зеленые, как-то сразу потемнели, будто припомнили все горькие моменты жизни одновременно.

– Вы меня то на «ты», то на «вы» зовете, – кривовато усмехнулся он. – Уж определитесь, как-нибудь.

– А как бы хотелось? – в глазах женщины опять промельк-

нула лукавинка, вернувшая ее в действительность из пропасти воспоминаний.

– Лучше, конечно, на «ты», чтобы я не чувствовал себя окончательным стариком рядом с вами, то есть с тобой, – поправился он в конце.

– Хорошо, – не стала она возражать. – На «ты», так на «ты».

– А эту траву выбрось. Ну, ее к бесу. Я подарю тебе другой букет в следующий раз, – тут он немного запнулся, но быстро справился, – если ты, конечно, дашь мне возможность еще увидеться.

– Зачем же выбрасывать такую ценную в хозяйстве вещь? – нарочно не ответила она на вторую часть его предложения. – Я девочка уже большая и хозяйственная, а потому знаю, где ее можно применить.

– Где? – удивился генерал.

– Горькая полынь – очень хорошее средство от платяной моли.

– Хмм, – сделал бровки домиком Афанасьев, – оказывается и от старых генералов иногда бывает польза. А значит, у меня еще сохраняется надежда на... , – он опять запнулся, в поисках подходящей формулировки.

– На что? – прищурилась она, словно снайпер перед выстрелом.

– На ваше, то есть на твое, – быстро поправился он, – равнодушное отношение ко мне, – выпалил он и потупил

взгляд, как провинившийся школьник перед завучем.

– А разве можно равнодушно относиться к главе государства?! – с горькой ухмылкой задала она риторический вопрос.

– Я не имел в виду свое нынешнее положение, – начал он оправдываться. – Просто, как человек...

– Да, ладно, – оборвала она его невежливо, – я давно уже не девочка, а ты тем более не курсант-выпускник. Мы оба прекрасно понимаем, что ты имел в виду и зачем приехал ко мне. К чему ходить вокруг, да около?

– Тогда я готов выслушать свой окончательный приговор, – робко поднял он на нее свой взор.

– Эх, вы, мужики! Подавай вам сразу приговор! До седых волос доживаете, а в толк все никак не возьмете, что прежде чем выносить приговор, надо сначала провести следственный эксперимент! – улыбнулась молодая (молодая ли?) женщина.

– Да?! – сразу просветлел он лицом. – Тогда я готов к экспериментам! Прошу располагать мной и казенным автомобилем, предоставленным мне государством, – он повернулся к машине, открыл заднюю дверь и сделал приглашающий жест.

Керженцева не стала ломаться, как первокурсница, а без лишних слов воспользовалась приглашением.

– Куда путь держим? – весело спросил Кондратьич, обернувшись на пассажиров.

Афанасьев опять в растерянности задумался, а Вероника начала рассуждать вслух:

– На танцульки ехать – мы уже не в том возрасте, да и закрыты они почти все, в связи с карантином.

Валерий Васильевич кинул на нее взгляд, полный невысказанной благодарности, потому что не без оснований опасался посещения мест, где обычно тусуется молодежь и где бы он наверняка чувствовал себя крайне неловко.

– В ресторан – тоже не выход, – со знанием дела продолжала она, – по той же самой причине. Да и не пристало главе государства шляться по ресторациям в сложный для страны период. К тому же появление в людных местах не будет способствовать соблюдению правил безопасности в условиях отсутствия охраны, – она оглянулась назад, как бы ища глазами спрятавшихся в кустах телохранителей.

Кондратьич слушал ее разумные речи внимательно и кивал головой в знак одобрения. А Афанасьев смотрел на нее с немым обожанием, но она, кажется, к счастью, не замечала этого.

– Остаются два варианта. Или к тебе, или ко мне, – вполне здраво рассуждала она опять.

Валерий Васильевич, закивал головой:

– Правильно, поедем ко мне. Мы никому не помешаем, и нам тоже никто не сможет помешать.

– Прости, но к тебе я тоже не поеду, – резко оборвала она его. – Не хочу создавать лишние сплетни. И домашних твоих

пугать не хочу заранее. Еще неизвестно, как у нас все сложится, а они и так еще не отошли от твоего развода.

– Откуда ты знаешь про развод? – удивился диктатор.

– Читала заметку в «Вечерке», – махнула она рукой неопределенно. – Да и на раздаче, чего только не наслушаешься.

От последних ее слов Афанасьев густо зарделся краской, воочию представляя, как перемывают ему кости в специальных государственных учреждениях, типа той же СВР.

– Поэтому, если не будет особых возражений, то поедем ко мне. Так будет лучше со всех сторон. И я буду чувствовать себя спокойней, находясь у себя дома.

– Идет, – тут же согласился Афанасьев.

– Идет-то идет, да не сказали куда, – вклинился Кондратьич. – Адрес-то, каков будет?

Вероника вопросительно глянула на сидящего рядом Валерия Васильевича. Тот правильно расценил ее вопрошающий взгляд, поэтому, скривив уголок губ, произнес:

– Кожевническая, дом 1Б.

Сардоническая улыбка появилась на лице у Кожевниковой, как только он произнес нужный адрес.

– Кожевническая, это та, что в Замоскворечье? – принялся уточнять водитель.

– Она самая, – подтвердила Вероника.

– Ладно-кошь. Тогда пристегните ремни, самолет пошел на взлет.

«Аурус» плавно, но довольно быстро стал набирать скорость. Машина сопровождения, которую Сан Саныч, заради пушего бережения оставил невдалеке, не торопилась следовать за ними. Радио-маячок в «Аурусе» давал четкий сигнал на принимающий дисплей. Поэтому в случае непредвиденного развития ситуации, экстренная помощь со стороны скрытого сопровождения, могла появиться в месте событий максимум через одну минуту.

– Видимо, ты хорошо изучил все бумаги, связанные со мной, – равнодушным голосом произнесла она глядя, как мимо проносится пейзаж московских улиц.

– Прости, но я должен был знать о тебе хоть что-то, прежде чем завязывать знакомство, – виновато шмыгнул он носом.

– Жарковато сегодня, хоть и сентябрь уже на дворе, – опять подал голос со своего места Кондратьич. – Я бы кондиционер включил, да боюсь, как бы нашу барышню не продуло.

– Не продует, – возразила Вероника.

– Вот и я о том же, – проигнорировал он ее возражения. – Вы бы это... того... подняли бы перегородку что ли?

– Спасибо, Кондратьич, – сразу понял в правильном ключе деликатность своего шофера Афанасьев и ткнул пальцем в большую кнопку на перегородке, что отделяла салон от водительского места. Толстое стекло медленно поползло вверх, давая им с Вероникой иллюзию уединения.

– Аверьян Кондратьевич очень воспитанный и галантный человек, – прокомментировала Вероника предложение шофера, когда пуленепробиваемое стекло заняло свое место.

– Да, – усмехнулся Афанасьев, – наше поколение еще не утратило чувство такта.

Они немного помолчали. Затем Афанасьев, стал нервно покусывать свои губы, силясь что-то спросить очень важное, но не решаясь. Она заметила эту его нерешительность и пришла к нему на помощь:

– Хочешь что-то спросить? Спрашивай.

– Я это... в общем... только ты не подумай ничего такого...

– Удивительно, как такие робкие люди дослуживаются до таких высоких чинов? – улыбнулась она, видя его потуги. – Наверное, ты хочешь спросить, как я так долго могла обходиться без мужчины? Верно?

– Да... вернее нет. Я не об этом.

– А о чем тогда? – с интересом взглянула она на его лицо, будто вырубленное топором с нелепой и смешной пуговкой носа и красное от смущения.

Наконец он после некоторого колебания тихо произнес:

– Это ведь не я, а ты, тогда в столовой выбрала меня. Почему? Скажи.

Она сначала нахмурила брови, а затем как-то враз обмякла и опустила голову.

– Если не хочешь, то не говори, – поспешил он сгладить

напряженную ситуацию, вызванную его не слишком учтывым вопросом.

– Да нет, я скажу. Тут никакого секрета нет, – ответила она, по-прежнему не поднимая головы. – Просто, знаешь, когда это все случилось с Арсением, я как будто умерла. Вроде и жила, а вроде бы уже и нет. Просто на автомате выполняла привычные для себя действия. Куда-то хожу, что-то делаю, с кем-то разговариваю, а про себя все кажется, будто бы это и не я вовсе, а кто-то совершенно посторонний от моего имени. Я тогда и пристрастилась подолгу смотреть на себя в зеркало, чтобы увидеть ту Веронику из зазеркалья, что управляет мной. Разглядывая себя так каждый день, стала замечать, как появляются седые волоски на голове, как появляются и углубляются все новые и новые морщинки возле губ и глаз. Больше всего боялась своих собственных глаз. Они были, как у дворовой собачки, которую недавно бросили злые хозяева – жалкие и чего-то ожидающие: то ли палки, то ли неожиданной ласки от случайного прохожего. А потом, когда ты подошел к окошку раздачи и посмотрел в мою сторону, то меня, как кипятком обдало. Я в твоих глазах узнала себя, вернее свои глаза. Они у тебя были точно такими же, как и у меня – потухшими и бездомными. И я сразу подумала, что вот нашелся еще один такой же кем-то потерянный человек, который никак не может найти дорогу к своему дому и своему счастью.

– Но я тогда еще не был свободен...

– Это неважно. Говорят, что глаза – зеркало души. А в душе ты уже был одинок. Женщины это очень хорошо чувствуют. А тем более истосковавшиеся женщины.

III.

И правда, ехали очень быстро, чему способствовали все еще сохраняющиеся карантинные меры, приковавшие большинство московского «офисного планктона» к надомной работе, да и основной поток авто, тех, кто все же трудился на производстве, уже значительно поиссяк. А те машины, которые попадались на пути, старались, побыстрее отвернуть в сторону от мчащегося на большой скорости черного и тяжелого, как бегемот лимузина, ибо связываться с хозяином подобного чудища, в случае чего, охоты ни у кого не было. Несмотря на искусственно созданное Кондратьичем кажущееся уединение, разговор меж ними никак не клеился. Оба чувствовали какую-то скованность. Она задавала какие-то малозначимые вопросы, он отвечал либо кивком, либо односложно. Также и она больше не пускалась в особые откровения по поводу своей жизни, скупно отделяваясь короткими и общими фразами – малоинформативными и ни к чему не обязывающими. Когда до места назначения оставалось совсем немного, Вероника начала выказывать легкие признаки беспокойства:

– Можно тормознуть у фасада здания со стороны улицы?

– Что-толучилось? – заботливо поинтересовался Афанасьев.

– Хочу забежать в продуктовый магазинчик, что у нас на первом этаже, – выпалила она и тут же пустилась в объяснения. – Я совсем забыла, что мне, как раз сегодня, надо там купить кое-что из провизии. Я там иногда покупаю все необходимое для старушки с шестого этажа, у нее больные ноги и ей очень трудно спускаться и подниматься, а лифт уже второй месяц не работает. Да и, честно говоря, у самой в холодильнике, хоть шаром покати.

Валерий Васильевич опустил стекло перегородки:

– Кондратыч, ты там тормозни у дома со стороны улицы. Сможешь?

– Смогем, – кивнул тот. – От чего же не смочь?

– Вы тут не стойте и меня не ждите, а сразу заезжайте во двор. Я быстренько обернусь, – присоединилась она к просьбе Афанасьева.

Возле дома они остановились, и она шустрой ласточкой выпорхнула из автомобиля, бережно прикрывая за собой тяжелую дверцу, за что удостоилась благодарственного взгляда от старого водителя, ревностно относящегося к сбережению казенного имущества. Выпустив пассажирку, которая дробными каблучками застучала по асфальту, на ходу надевая марлеву повязку на лицо, машина медленно и грузно стала протискиваться во двор, уставленный автомобилями местных жильцов так, что и припарковаться не было решительно

никакой возможности.

– Какой подъезд? – не оборачиваясь, спросил шофер у Валерия Васильевича.

Тот, наморщив нос, что-то быстренько прикинул в голове и неуверенно выдал:

– Кажется, второй.

Выходить из машины с тонированными стеклами не стал, дабы лишний раз не светить свою, легкоузнаваемую персону перед окнами местных жителей, наверняка уже прикинули к окнам в порыве житейского любопытства. Чтобы скрасить, хоть как-то ожидание, решил узнать мнение о своей новой знакомой у старого и проверенного друга:

– Ну, как она тебе, Кондратьич?

– В-о-о! – обрисовал заскорузлыми ладонями воображаемую фигуру женщины, Кондратьич, удовлетворенно цокая языком.

– Да, я тоже так думаю, – кивнул диктатор головой. – Ну, а вообще, в целом, как она тебе? – продолжал он допытываться.

– Уважительная женщина и, кажется, без выкрутас, как у всех современных баб, особенно московских. Твоя-то бывшая, Аглаюшка, не в обиду будь тебе сказано, маленько кобениться стала, особенно в последние-то годы, как ты в рост пошел, – высказал глубоко затаенное Кондратьич.

Напоминание о бывшей супруге неприятно резануло слух генерала, но он не подал и вида, что это хоть как-то задело

его, тем более, высказанное суждение о ней носило истинный характер, и он это прекрасно знал.

– Девка пока еще неиспорченная и без зазнайства, – продолжал рассуждать вслух словоохотливый водила. – И во всем-то она хороша, да вот только...

– Что, только? – жадно ухватился за конец фразы Афанасьев.

– Баба-то по всему видно – огонь! Изголодавшаяся, видеть, по мужской ласке, девка. Глазища-то у ней, так и сверкают, так и сверкают, аж мороз по коже! Вот, я и не знаю, справишься ли?

– Попытка – не пытка, – буркнул Афанасьев, уязвленный в самое нутро души.

– Дело, конечно, хозяйское. А тока я бы не рискнул остатками своего здоровья. Ну, да ладно. Ты спросил – я ответил, – подытожил Кондратьич, заметив перемену в настроении своего босса.

Больше они не затрагивали эту неудобную тему. Вероника, тем временем, не заставила себя долго ждать, появившись из-за угла с двумя большими и вероятно увесистыми полиэтиленовыми пакетами. Букет полыни, подаренный расторопным, но не слишком разбирающимся в цветах адъютантом, она держала, при этом, подмышкой. Афанасьев неловко, по-медвежьи выбрался ей навстречу из чрева автомобиля, чтобы галантно перенять у нее ношу. Она безропотно отдала ему пакеты и он прежде чем последовать за ней

в подъезд обогнул авто и подошел к Кондратьичу с его стороны:

– Ты, Аверьян Кондратьич, меня не жди. Езжай в гараж. Если возникнет, какая надобность, то я позвоню и вызову дежурную машину.

Кондратьич сжал губы в упрямую полоску и покачал укоризненно головой:

– Я-то, конечно, могу и уехать. Мое дело – кучерское. А тебе все ж не худо бы позаботиться о дополнительной охране. Мало ли, что может приключиться?

– У меня с собой пистолет, если что, – машинально ответил и тут же спохватился. – О какой это дополнительной охране ты говоришь ?

– Кхе, – усмехнулся водитель наивности своего начальства. – Да это все Саныч. Не послушал тебя и послал нам вдогон машину с охраной. Она за нами всю дорогу ехала метрах в трехстах. Я их сразу заприметил.

– Ладно-ладно, езжай, зоркий ты наш сокол, – одобрительно проворчал диктатор, отпуская водителя и поспешая к открытой двери подъезда, что держала Вероника, ожидая его.

Поднимались, слава Богу, медленно, так как свет в подъезде еще не зажигали по причине раннего времени. К тому же неровные ступеньки лестницы, выщербленные временем и несколькими поколениями жильцов, не давали расслабиться. Она, как и положено хозяйке, шла впереди, он же послушно следовал за ней, неся в обеих руках продукты. В

районе четвертого этажа сердчишко начало давать сбой. Вероника сразу поняла это по его сбивчивому и учащенному дыханию, поэтому сама предложила остановиться и передохнуть.

– Сколько раз писали в управляющую компанию, чтобы починили лифт нормальным образом! – с упреком в голосе произнесла она. – А то месяц поработает, а потом опять ломается.

– А они, что говорят? – просипел Афанасьев, еле переводя дыхание.

– Как обычно, – пожалала она плечами. – Ждите своей очереди. Вы у нас не одни. Жилой фонд находится в ветхом состоянии.

– Ладно. Уладим. Ну, пошли, что ли? – вздохнул он, поглубже набирая воздух в легкие для нового рывка.

На шестом этаже вновь остановились. Он дышал, как загнанная лошадь. Постояли минутку, пока его грудная клетка не перестала ходить ходуном. Убедившись, что он почти отдышался, она взяла у него один из пакетов и нажала кнопку звонка возле одной из дверей, выходящих не лестничную клетку.

– Ты пока поднимайся потихоньку, а я продукты передам бабушке.

Он уже был в полуэтаже, когда до него донесся голос старухи:

– Кто там?

– Это я, Таисия Михайловна, Вероника. Принесла вам продукты.

– Ой, спасибо, моя милая! – загремела та многочисленными запорами, открывая дверь. – Чтобы я без тебя делала, кормилица ты моя?!

– Да мне не в тягость! Я же по дороге в магазин забежала, – ответила Керженцева, передавая бабушке второй пакет. – В «Феврале» затарилась. У них сегодня завоз, как раз. Смотрите, хлеб еще совсем теплый.

– Ой, спасибо! Ой, спасибо, родная! – закудаhtала старуха. – Сколько всего много! Почитай на неделю хватит! Много, чай, отвалила?!

– Согласно чеку! – рассмеялась та в ответ.

– Да, ты проходи, не стой в дверях-то! Я сейчас деньги отдам, только очки найду! Куда они, проклятые, запропастились?!

– Да они же у вас на лбу, Таисия Михайловна! – опять развеселилась Вероника. – Ладно. Мне некогда. Я побежала. Потом отдадите, когда-нибудь, – скороговоркой выпалила она, и, не дожидаясь денег, побежала к себе наверх, где у ее двери уже стоял Афанасьев, облокотившись о перила.

Быстро достала ключ из сумочки и одним движением открыла дверь в свою квартиру.

– Прходи. Не стесняйся, – потянула она его за рукав, и одновременно включая свет в темной прихожей. – Разувайся. Тапочек у меня, правда, отродясь не водилось, но полы

теплые. Не простынешь. А я пока продукты выложу.

Он не торопясь разулся и уверенно прошел в комнату. По тому, как он уверенно и не озираясь по сторонам, прошел по длинному коридору, она догадалась, что расположение комнат и все, что в них находится, было ему заранее известно. Пока она возилась на кухне, раскладывая продукты, он сел на длинный и широкий диван, с наслаждением вытягивая ноги.

– На столике, возле дивана, лежит пульт. Включай телевизор. Посмотри пока, что там, в мире происходит, а я пока быстренько курицу разморожу и картошку почищу, – крикнула она ему из кухни.

– Что творится в мире, я и без этого зомбоящика знаю, – ответил он, но, тем не менее, безропотно выполнил ее указание.

– Ну, тогда сравни, насколько отличаются те новости, что передают тебе от тех, что транслируют народу, – решила она слегка повредничать.

Он нехотя пощелкал пультом, пытаясь найти что-нибудь путевое на просторах информационных волн, но ничего подходящего не попадалось. Он уже собрался было выключить телевизор, но в последний момент передумал. И для этого были все основания. В сводках криминальных новостей по Москве был показан «горячий» репортаж, как сотрудники правоохранительных органов при помощи бульдозера буквально выносят ворота какой-то богатой загородной усадь-

бы. Это зрелище его заинтересовало, и он воздержался от выключения. Голос за кадром, не без артистического пафоса, извещал о том, что штурмом сотрудниками правоохранительных органов была взята загородная вилла генерального директора Первого телеканала – Кости Арнста. Вслед за бульдозером, в образовавшийся проход ринулась орава законных в броню омоновцев. Ногами, выбивая двери, они ломанулись внутрь шикарного трехэтажного строения. Камера суматошно дергалась в руках оператора, выхватывая кусками сюжеты о том, как кладут мордой в пол частных охранников, как милицейские (недавно опять им вернули прежнее название) чины при немалых погонах суют кому-то из домоладцев в нос «корочки» и на повышенных тонах объясняют причину своего внезапного и brutального визита. А потом стали показывать, как люди в штатском (не обошлось, видимо, без КГБ) неторопливо и деловито выкладывают прямо на пол банковские пачки иностранной валюты, ювелирные изделия и предметы антиквариата. Все это тщательно осматривалось в присутствии понятых и заносилось в протокол осмотра. Другие люди, тоже в штатском, тихими, но уверенными голосами допытывались у растерянных домоладцев о происхождении всего найденного добра. И еще их очень интересовал вопрос, как при официальной зарплате генерального директора в сто с небольшим тысяч рублей, одной только найденной валюты, по первичным данным оказалось более сорока миллионов долларов. Затем тот же самый заклад-

ровый голос скучно и монотонно поведал о том, что одновременно с этим домом, сотрудники правоохранительных органов посетили аналогичные владения и других фигурантов начавшего раскручиваться громкого дела.

Наблюдаемое на телеэкране зрелище настолько заворожило Валерия Васильевича, что он даже и не заметил, как Вероника появилась в комнате и тоже с интересом наблюдала за происходящим. Насладившись зрелищем, так поднявшим настроение, Афанасьев случайно обернулся и увидел, как Вероника сидит чуть позади него в кресле и тоже наблюдает за телевизионными перипетиями.

– Прости, я не заметил, как ты вошла, – сделал он движение, чтобы подняться с дивана, но женщина только замахала на него руками.

– Сиди-сиди, я картошку только что поставила. Еще не сварилась, а курица уже разморозилась. Я сунула ее духовку. Так что с ужином придется немного обождать.

– Тогда садись рядом, – приглашающе хлопнул он рукой по дивану, – а то мне с вывернутой шеей неудобно с тобой разговаривать.

Дважды уговаривать ее не пришлось, и она, воспользовавшись сделанным предложением, присела рядом, скромно сложив руки на коленях.

– Как тебе такое зрелище? – кивнул он в сторону телевизора, висевшего на стене.

– Оперативно, – голосом лишенным всяческих эмоций от-

ветила она и добавила. – Я еще утром, когда собиралась на работу слышала краем уха про случившийся скандал с де-тишками из больницы.

– Оперативно? – переспросил он с ноткой удивления. – И все? Больше у тебя не нашлось слов для характеристики дан-ного происшествия? – прозвучал его голос с оттенком лег-кой обиды.

– А ты хотел, чтобы я с визгом кинулась тебе на шею в по-рыве благодарности за работу, которую спецслужбы должны выполнять ежедневно и ежечасно?

– Нет, но... , – посопел он носом, как обиженный маль-чик, – ты могла бы наверное, как-то по другому выразить-ся... Хотя бы не столь сухо.

– Вы, мужчины – странный народец, как я погляжу. Вы тщеславны до ужаса и одновременно наивны, как малые де-ти. И вы постоянно нуждаетесь в похвалах, причем без осо-бой разницы за что, будь то военные успехи или победы на постельном фронте...

– Жестко ты с нами, – прокряхтел Афанасьев, удобней усаживаясь на диване, – но продолжай резать правду-матку в глаза.

– Что, не привычно? Я так и думала. Вот и сейчас смот-рю на тебя и никак в толк не могу взять – неужели ты не инопланетянин, а коренной житель Земли, да еще и кажется, русский?

– Не понял? – округлил он глаза в искреннем непонима-

нии.

– Что ж тут непонятного? Ты и твои соратники два месяца назад получили в свои руки власть, неожиданно свалившуюся вам на голову, но складывается ощущение, что все вы, как бы ни от мира сего, – постучала она указательным пальцем по своему виску.

– То есть?! – продолжал недоумевать Афанасьев.

– Ни ты, ни твои соратники абсолютно не знаете реалий страны, в которой живете.

– Поясни.

– Ты что же, думаешь, что до тебя омовцы никогда не врывались к казнокрадам и прочей нечисти? И вот ты, пришел, весь такой правильный и в белом, принес с собой это ноу-хау? Нет, милый и немного наивный мой генераль, – последнее слово она произнесла на французский манер. – Все это уже было много-много раз до тебя. Были уже и налеты, и захваты, и даже, если ты помнишь, целые грузовики, набитые несправедливо нажитой наличностью. Я уже сто раз такое видела. И что? Каков итог всему этому?

– Как это, что?! – возмутился Валерий Васильевич. – Разве ты не видишь, что идет борьба с коррупцией? Ежедневно и повсеместно! На всех уровнях, невзирая на чины и даже прежние заслуги! А то, что показывают по телевизору – всего лишь малая часть от суровой действительности борьбы!

– Ой, ли?! – покачала она головой, горько усмехаясь. – Свежо преданье, да верится с трудом. – Помнишь, года три-

четыре тому назад у одного полковника полиции изъяли и нагрузили целый КАМАЗ денег? Не подскажешь, куда они делись?

– В бюджет, наверное? – пожал плечами Афанасьев.

– Ага. В бюджет. Только вот в чей? Примерно через год скупо прошла информация о том, что вся изъятая наличность исчезла в неизвестном направлении.

– Мы не в ответе за то, что происходило несколько лет назад. Мы всего два месяца, как у власти, – насупился диктатор, которому явно не нравилось, как начинается его романтическое свидание.

– А до этого вы были, надо полагать, в непримиримой оппозиции? – едко заметила Керженцева. – Или ты хочешь сказать, что твои нынешние соратники не были у руля власти? Те же самые Тучков с Околоковым, или хотя бы Юрьев с Красниным. Скажешь, что они ничего не знали о творящихся безобразиях в стране или у них не хватало полномочий? Все у них было. Просто они сумели вовремя сориентироваться и перепрыгнуть с корабля давшего течь на более крепкую посудину.

– Может ты и права где-то, да только нет под рукой праведников. Все мы, так или иначе, замазаны в прегрешениях. Да, мы не ангелы, но у нас хотя бы хватило мужества признать это. И даже встать на путь очищения – в прямом и переносном смысле. Мои карманы еще никогда не были так чисты, как сейчас. Все, что у меня теперь осталось, так это во-

семь несчастных тысяч, которых не хватит, даже чтобы повести тебя в ресторан. И можешь поверить, я там, – он поднял глаза к потолку, – такой не один.

– Если ты думаешь, что я с тобой из-за денег или еще чего-нибудь в этом роде...?

– Да ничего я не думаю, просто ты говоришь, как «пятая» колонна, – отмахнулся он, все еще плохо понимая, куда она клонит своим провокационными речами.

– Нет. Я всего лишь повторяю разговоры, которые ведут меж собой простые люди. Если бы я была «пятой» колонной, как ты говоришь, то я не стала бы затевать с тобой весь этот хоровод, – устало проговорила она.

– Я не понимаю, что ты хочешь от меня?! – с нескрываемым раздражением спросил Афанасьев, внутренне сжимаясь в комок от нехороших предчувствий.

– Если не брать в расчет то, что я женщина, со своими слабостями и розовыми мечтами, то я хочу, чтобы все это, – она кивнула в сторону экрана, – не превратилось в очередной фарс со скучным и донельзя предсказуемым концом.

– И какой конец ты считаешь предсказуемым в этом фарсе?

– Пройдет еще пара-тройка «громких» задержаний, после чего страсти поулягутся, народ выпустит пар негодования в полной уверенности, что теперь-то уж у власти стоят настоящие его защитники. Суды над таким ублюдкам, как эти, пройдут тихо и незаметно, если конечно пройдут, в чем

я крупно сомневаюсь, – с уверенностью пифии предположила она.

– И? – приподнял н одну бровь.

– И максимум через год их тихонько отпустят. Извиняться и восстанавливать в прежних должностях, скорее всего, не будут, но недвижимость вернут и еще кое-что из конфискованного имущества.

– Ты не владеешь всей информацией, – облегченно вздохнул он, полагая, что кризис в начавшихся отношениях уже миновал. – Это не акция и не кампанейщина, это начавший работать, хоть с перебоями и скрипом механизм выравнивания острых углов социальной несправедливости. Я тебя уверяю, что никто из тех, кто уже попал или еще попадет в поле зрения того, кому положено отслеживать неправедно нажитые доходы, никогда и ни при каких обстоятельствах уже не займут сколько-нибудь видное положение в обществе. Ты пойми, Россия – это огромный и не слишком поворотливый корабль. И чтобы экстренно реагировать на быстро меняющуюся ситуацию, как в своем трюме, так и на водных просторах международных отношений, ему нужно время для преодоления инерции. В этом одновременно заключается ее сила и ее слабость. Сила неповоротливости заключается в наличии здорового консерватизма, а слабость – в иногда запоздалой реакции на оперативную обстановку. Но зато, если нам все же удастся выбрать правильный курс, мы пойдем напролом, как атомный ледокол и ничто не свернет нас с пути.

– Типа долго запрягаем, но зато быстро ездим?!

– Во-во.

– Ладно, – вздохнула она, – как говорила наша преподаватель по технологии общественного питания: «Пожуем – увидим».

Затем она перевела взгляд на настенные часы и тихо ойкнула, вскакивая с дивана:

– Картошка-то уже, наверное, вся разварилась?! Да и курица, должно быть уже поспела, пока мы с тобой копыя ломаем. Мой руки и иди на кухню! – скомандовала она на ходу.

– Слушаю и повинуюсь! – поднял он руки кверху, покаясь приказу.

Когда он, скинув китель и вымыв руки, появился на кухне, Вероника уже заканчивала сервировку не слишком богатого снедью стола. С особым удовлетворением Валерий Васильевич отметил, как бережно она обошлась с пучком полыни, поставив его в красивую вазу на подоконник. Стол, действительно, не блистал разнообразием. Кроме запеченной курицы и картофельного пюре его дополняли: большая и глубокая тарелка с овощной нарезкой, крупно порезанные ломти черного и белого хлеба, острый соус, печенье, пряники и стопка накрахмаленных салфеток. Электросамовар, попыхивая паром, стоял в сторонке, увенчанный заварным чайником. Но главным украшением стола была бутылка белого сухого вина «Барон Родеро». Афанасьев взял ее в руки и внимательно ознакомился с этикеткой. Затем решительно

начал сдирать с горлышка обертку:

– Штопор есть? – спросил он тоном хирурга, требующим у операционной медсестры скальпель.

– Вот, пожалуйста, – сунула она ему в руку массивный штопор.

Афанасьев деловито вогнал его в пробковую мякоть и, зажав сосуд между коленями, слегка поднатужившись, вытащил ее из длинного и узкого горлышка. Женщина, внимательно и не отрываясь, следила за этими его обыденными движениями, и у нее от этого почему-то запершило в горле, а в уголках глаз появились крохотные капельки слез. Она вспомнила, как ее Арсений иногда в кругу друзей, вот так же, сидя на этом самом стуле, иногда открывал бутылку. В один момент ей даже показалось, что не седоватый генерал на возрасте сидит тут перед ней, а ее Арсений, вновь вернувшийся из очередной «командировки». Она тряхнула головой, чтобы прогнать морок. Он заметил это ее движение и понял, о чем она думает в этот миг. Долгим и пристальным взглядом он посмотрел на нее, не выпуская бутылку из рук:

– Нет, Вероника. Это не сон и не наваждение. И перед тобой не твой Арсений – молодой и статный красавец, а потрепанный годами старый генерал.

– Да нет, я не о том... Вернее... Что я говорю? Конечно же о том, но... , – она совсем сбилась с мысли. – Я хотела сказать, что ты не старый.

– А какой? – криво усмехнулся он.

– Матерый, наверное. Да. Так будет точнее. Матерый волчище. Вот.

– Как Акелла из «Маугли»?

– Да. Только я убежать не стану и ты, значит, не промахнешься, – она тыльной стороной ладони вытерла глаза, а он сделал вид, что не заметил ее невольных слез.

Затем, словно очнувшись и вспомнив о чем-то важном, полезла в навесной шкафчик достала оттуда два небольших фужера. Молча выставила их на стол, предварительно обтерев полотенцем, свисающим с плеча. Афанасьев без лишних слов наполнил фужеры до краев.

– Садись, выпьем, – просто предложил он ей.

– Спасибо. Ты не думай, я не злоупотребляю этим. Сейчас вот только что купила. Извини. Я ведь в отличие от тебя справок не наводила, а потому и вкусов твоих не знаю.

– Мы люди не привередливые. Пьем все, что горит, – успокоил он ее.

– За что будем пить? – поинтересовалась она.

– Ты – хозяйка, тебе и слово говорить.

– Давай тогда за то, что ты все-таки пришел, – произнесла она тихо и опустила глаза.

– А можно немного подправить?

Она кивнула, не поднимая глаз.

– Давай выпьем за тех, кто приходит к нам, чтобы остаться в сердце навсегда, – тоже почти что одними губами прошептал он, но в отличие от хозяйки, глаз опускать не стал.

Чокнулись, едва коснувшись фужерами. Мелодичный перезвон бисером рассыпался по небольшой кухне. Выпили.

– Хорошие слова, – сказала она, выпивая вино до последней капли и тут же добавила. – А ты Василич, оказывается не только умный, но еще и мудрый.

– Есть такое! – не без гордости подбоченился Афанасьев, пододвигая к себе тарелку.

От этой его наигранной мальчишеской напыщенности, так не вяжущейся с имиджем «отца Нации», ее разобрал смех, и она прыснула, прикрывая рот ладошкой. Но быстро оправилась, чтобы излишне не напрягать гостя. Он же, ничуть не смущаясь, по крайней мере, с виду, решительно взялся за нож и вилку. Откровенно переживая за небогатый ассортимент закусок, Вероника забормотала оправдывающимся голосом:

– Прости, что потчую тебя без изысков. Если бы я заранее знала, что ты придешь, то конечно бы расстаралась. Для себя-то я почти ничего не готовлю.

– Как это не ждала?! – широко и весело улыбнулся он, чтобы скрасить неловкий момент. – Сама же давеча удивлялась, что я такой де терпеливый, раз целых два месяца не появлялся!

– Нет, ну я, конечно же, ждала, просто все равно это как-то спонтанно получилось, – залепетала она невнятно, густо покраснев при этом, причем впервые за все время.

– Кстати, насчет твоего дара Кассандры... Откуда ты мог-

ла знать, что я приеду к тебе? – поинтересовался он, заправляя белоснежную и накрахмаленную до хруста салфетку за воротник.

– Нет уж, спасибо, но от трагических лавров Кассандры, напророчившей гибель Трои, я, пожалуй, откажусь, – улыбнулась она.

О-о-о!?! – не стал скрывать своего удивления Афанасьев. – Не знал, что в кулинарном техникуме преподают еще и мифологию Древней Греции. Весьма похвально.

– В техникуме не преподают, – опять, но уже слегка зарозовела она от комплимента. – Просто я с детства очень любила читать всякие сказки, былины и мифы. В нашей поселковой библиотеке я прочитала все книжки по этой тематике. А книжка Николая Куна «Легенды и мифы Древней Греции» была моей самой любимой.

– Ясно. Но все-таки ты не ответила на вопрос, – хитренько улыбнулся он, глядя на ее смущение.

– На вот, кушай. Если хочешь, то я маслица подолью. Оливковое подойдет? – поставила она перед ним тарелочку, в которую переложила салат.

– Да не суетись ты так, Вероника! Что ты все меня обихаживаешь?! Ты и себе накладывай.

– Щас и себе наложу. Не волнуйся, – как бы не заметила она его настойчивую просьбу.

Однако Афанасьев и не собирался отступить:

– Вероника, ты ведь уже, наверное, догадываешься, что я

как клещ, если вцеплюсь, то точно не отстану...

– Ой, да ладно тебе! – шутливо замахнулась она на него полотенцем, что держала в руках. – В этом-то уж точно моей заслуги нет. Ты сам дал мне это понять.

– Как это, сам?! – не понял Валерий Васильевич, беря на вооружение вилку и нож.

– Вернее не ты сам, а люди из нашего ведомства, что устроили слезку за мной, видимо по твоей просьбе, – пояснила она.

– Так ты их заметила?! – уже вконец развеселился он. – А Игорь Олегович уверял меня, что его ребята – классные специалисты!

– Ну, ты даешь! – картинно всплеснула она руками и, не скрывая своего, вдруг появившегося игривого настроения. – Кто же такие деликатные вещи доверяет военной разведке?! Такое дело надо было поручать Николаю Палычу, с его «топтунами», а не военным диверсантам. Наши ребята из «наружки» хороши, когда надо заложить взрывчатку под кресло какого-нибудь высокопоставленного натовского чиновника, во всем же остальном они – наивные парни.

– Вот как?! – не удержался от восклицания генерал.

– Конечно, – продолжила она, разминая картошку в своей тарелке. – Кто же их надоумил вести расспросы о моем житье-бытье Таисию Михайловну?! И при этом оставаться в полной уверенности, что я об этом не узнаю в тот же вечер!

– Да, уж! – не сдержался от смеха Афанасьев. – Моя вина.

Ошибся я чуток со своими порученцами.

– Тут я и поняла, что наша встреча обязательно когда-нибудь состоится. А после того, как они и вовсе завалились ко мне с обыском, я уже ни секунды не сомневалась, что окончательно попала в поле твоего зрения, – продолжила она, святясь от непонятного веселья.

– Как ты догадалась?! – встрепнулся он сразу, отложив вилку в сторону и озабоченно поглядев на Веронику. – Что-то не так?! Или пропало что из квартиры?!

– Да не волнуйся ты так! Все нормально и все на своих местах. С этой стороны к ним никаких претензий. Неприятно, конечно, немного, что посторонние копошатся в твоём шкафу с нижним бельем, но я все понимаю.

– Но...

– Но ты передай при случае нашему адмиралу, чтобы он, инструктируя своих подчиненных для акций подобного рода, строго настрого запретил им неумеренное использование одеколona «Антарктида» и употребление чеснока в диком количестве. Я, как зашла в квартиру, так у меня аж в глазах защипало.

На этот раз они оба дружно и громко рассмеялись. И Афанасьеву, как-то сразу стало легко и приятно на душе. Превья скованность улечучилась не оставив следа, а на смену ей пришел покой и внутреннее умиротворение. Обстановка, окружавшая его стала казаться знакомой и от того привычной. И женщина, сидящая напротив него, с улыбкой и восхи-

тительным ямочками на щеках была теперь не просто желанной в долгих бессонных ночах, а близкой и родной, несмотря на то, что знаком с ней менее двух часов.

Вечернее застолье, с перерывами, длилось до позднего вечера. Они выпили все вино, съели курицу с картошкой, весь салат и пряники. Она два раза заваривала крепкий и необычайно вкусный чай, в который добавила для пушнего аромата листья смородины. Политику они больше не трогали. Им и без этого было о чем поговорить. Неожиданно найдя, друг в друге родственную душу, они не спеша рассказывали о себе. Без прикрас и без утайки, как пассажиры поезда дальнего следования рассказывают о себе все-все, зная, что завтра они расстанутся и уже больше никогда не встретятся. Эти же двое, напротив, прекрасно осознавали, что сейчас, сидя за одним столом и, глядя в глаза, друг другу, своими откровениями только начинают свой совместный жизненный путь. У одного из них этот путь не обещал быть долгим в силу объективных причин, но он старался сейчас даже не думать об этом. Чувствуя прилив жизненных сил, он хотел, хотя бы напоследок попытаться еще раз вспомнить ощущения молодости в теле и в душе, основательно уже подзабытые. А там, Бог его знает, может и удастся обвести судьбу и время вокруг пальца, выкроив для себя маленький кусочек счастья. Она же, вообще, кажется, не хотела задумываться ни о чем, просто окунувшись с головой в омут неизвестности с фатализмом, присущим большинству русских людей. Наконец, на-

стало время для того, чтобы поставить финальный аккорд этой встрече. Вероника многозначительно посмотрела на ходики, тикающие на стене. Время показывало половину одиннадцатого вечера.

– Ну, что, Иван-царевич, Баба-Яга тебя приютила в своей избушке, накормила, напоила. Теперь по сюжету надобно доброго молодца и спать уложить? – спросила она у вдруг чего-то испугавшегося гостя, глаза ее при этом замерцали каким-то неизвестным внутренним огнем.

– Я, что ж... Я, собственно, не против. Лишь бы не на лопату в печь, – попробовал он неловко отшутиться.

– Значит, с тем, что ты – добрый молодец, а я – Баба-Яга, ты, в принципе, согласен? – выгнула она бровь, но глаза ее смеялись.

– Да нет, я не то имел в виду! Никакая ты не Баба-Яга, а я уж тем более не Иван-царевич, – перешел он к жарким оправданиям.

– Ладно, брось суесловить, Василич, – оборвала она его, тяжело вздохнув. – Я ведь не возражаю против Бабы-Яги. Так оно и есть, чего уж там скрывать? Если ты помнишь русские народные сказки, то должен знать, что бабкина избушка на курьих ножках, как раз стояла на границе яви и нави, то есть на грани жизни и смерти. Вот и я уже, сколько лет живу одной ногой здесь, а другой – там, – мотнула она куда-то в сторону головой.

От ее слов у Афанасьева побежали мурашки по спи-

не. Пальцы правой руки невольно сложились в щепоть для крестного знамения, но рука, будто свинцом налилась, отказываясь слушаться. В глазах плеснуло необъяснимым страхом. Однако это продолжалось всего лишь мгновение. Затем все это куда-то быстро исчезло.

– Все читали эти известные с детских лет сказки, но ни у кого не мелькнуло даже и мысли о том, что ведь она тоже женщина. Женщина с нелегкой судьбой, раз та вынудила ее жить в стороне от людей. А все, будь то царевичи или просто богатыри заваливались к ней, как к себе домой и сразу от порога начинали что-то требовать. И никто из них даже не догадался спросить у нее: «Как тебе живется, бабушка? Может чем подсобить тебе?»

– Ты хочешь сказать, что я из той же когорты? – дернул Афанасьев щекой, тяжело засопев.

– Нет. Тебя я сама позвала, – сразу пресекла она зарождавшийся спор.

– А ты, пожалуй, будешь не Баба-Яга, – прищурился он, переводя дыхание в нормальный ритм.

– Кто же, тогда? – уперла она руки в боки, мгновенно превратившись в «дражайшую Солоху», что, впрочем, было примерно то же самое.

– Василиса-премудрая, – с театральным пафосом сообщил он, поднимаясь со стула.

– А ты, стало быть...

– Иванушка-дурачок. Тут без вариантов, – комично раз-

вел он руками, приводя хозяйку в благодушное настроение.

– Ладно уж, Иванушка! Иди-ка в душ. Найдешь?

Тот кивнул.

– А я пока со стола приберу. Ну, ступай-ступай, – игриво шлепнула она его полотенцем ниже спины для придания нужного ускорения.

Закончив принимать душ, он опять несколько растерялся, не зная, как поступить, ведь ни смены белья, ни халата, ни даже простыни, чтобы обернуться, при нем не было. Но умная женщина и тут не сплеховала. Чуть приоткрыв дверь, она, не заглядывая в ванную, просунула руку в образовавшийся проем. В руке у нее был длинный атласный халат, сопроводив передачу словами:

– Мужских халатов в доме нет. Это мой. Надевай. Не волнуйся, я никому не скажу.

– Без разницы! – почти с вызовом ответил он, принимая из ее рук халат. – А ты, как же?

– У меня еще есть, – беспечно отозвалась она.

Перед тем, как выйти из ванной, он тщательно расчесал свои сильно поредевшие, местами совсем седые волосы, и, взглянув в зеркало, повешенное над раковиной, подмигнул самому себе, цитируя одного из английских классиков:

– «В путь так в путь!», – сказал попугай, когда кошка потащила его из клетки за хвост».

Когда он, освежившийся и благоухающий от ароматов шампуня, выбрался из ванной, Вероника почти с восхище-

нием посмотрела на него. Но застеснявшись, тут же отвела взгляд в сторону. Затем, преодолевая какую-то свою внутреннюю преграду проговорила с трудом подбирая нужные слова:

– Я постелю нам на диване, – кивнула она в сторону уже разложенного дивана. – Извини, что не зову тебя в постель, как положено в таких случаях. Просто... Думаю, что со временем это пройдет... Постарайся же, постарайся меня правильно понять... Я наверное кажусь тебе полной дурой.

– Не надо, Вероника. Я понимаю. Это ваша с Арсением кровать, и ты не хочешь осквернять память о нем, принимая в ней другого мужчину, – догадался он.

Она кивнула, все еще боясь поднять на него виноватые глаза.

– Такой, ты мне нравишься еще больше, – добавил он тихо.

Легкий румянец разлился по ее щекам, а губы едва-едва дрогнули, сиюсь сказать что-то в ответ, но так и не разомкнулись. Она молча подошла к уже готовой стопке постельного белья и начала застилать первое в их совместной жизни ложе. Ее движения были плавны и неторопливы, словно бы она выполняла не обыденную для женщин работу, а некий магический ритуал. Это зрелище настолько заорожило Афанасьева, что он на несколько мгновений выпал из реальности, в которую не хотелось возвращаться. Впрочем, вернуться в нее все-таки пришлось. И помог ему это сделать

звонок, установленный на его коммуникаторе, который требовательно звал его к себе. Валерий Васильевич начал озираться в поисках своего мобильного устройства, но быстро вспомнил, что оставил его в прихожей на тумбочке, когда снимал китель. Бормоча извинения под нос, он нехотя прошлепал босыми ногами в прихожую. Звонила дочь.

– Пап, ты, где? И почему так долго не берешь телефон?! – сразу накинулась она на него с упреками. – Уже ночь на дворе, а тебя все нет и нет.

– Что стряслось? – увильнул он от ее настойчивых вопросов.

– У меня-то ничего не стряслось, а вот где ты и что с тобой?!

– Со мной все в порядке. И вообще, – разрешил он себе возмутиться, – что это еще за контроль такой?! Я что, малый ребенок?! Я же говорил, когда уезжал, чтобы ты меня не ждала, а ты тут тарарам поднимаешь.

– Ты, что, там не один?! – шестым или седьмым женским чувством догадалась она.

– Да, я не один, – решил не прятаться и не изворачиваться генерал.

– У тебя появилась женщина?! – даже через трубку было видно, как на том конце округлились у нее глаза.

– Да, – коротко бросил он, не желая вдаваться в подробности.

– Ничего себе! – только и смогла произнести Настя, оша-

рашенная очередным отцовским кульбитом.

– Так, ты чего звонила-то? Ничего не случилось страшно-го? – теряя остатки терпения, спросил он у нее.

– Да, в общем-то, ничего такого. Просто приезжал Золотницкий. Привез деньги. Спрашивал, почему ты решил продать коллекцию. Ну, я ему и рассказала все без утайки.

– Ну, это и необязательно было делать. Что ему наши проблемы? Ладно. Сказала и сказала.

– Пап, он так проникся твоим поступком, что наотрез отказался забирать шпагу Карла XII. Сказал, что и без нее коллекция тянет на гораздо большие деньги, чем он за нее заплатил.

– Что ж, спасибо, коли так. Не ожидал от него, конечно, такого. Выходит, что не все коллекционеры такого ранга продали душу дьяволу. Хорошо. Я ему сам потом позвоню и поблагодарю отдельно. У тебя еще что-нибудь?

– Да. Можно еще вопрос? Последний.

– Говори.

– У вас все серьезно или так? – с грустинкой в голосе поинтересовалась дочь.

– Да, – опять коротко ответил он и добавил, – очень.

– Значит, сегодня тебя домой не ждать?

– Верно. А об остальном завтра поговорим. Хорошо?

– Хорошо, папа, – покорно согласилась Настя. – Береги себя.

– Постараюсь, – улыбнулся он напутствию дочери и от-

ключился.

Положив коммуникатор на тумбочку, он оглянулся, услышав шорох у себя за спиной. Вероника с накинутой на плечи шалью стояла в дверном проеме, приклонив голову к косяку:

– Какие-то проблемы?

– Нет. Просто дочь звонила. Беспокоится, что меня все еще нет дома, – немного виноватым голосом удовлетворил он ее любопытство.

– Я ее понимаю, – кивнула она. – Нечасто отцы семейства в таком возрасте срываются с поводка и пускаются во все тяжкие.

– Это плохо?

– Плохо – когда это разрушает семьи, а твоя семья и так наполовину разрушена, – пожала женщина плечами и пошла в комнату. – Ты идешь? – негромко позвала она его уже оттуда, пока он стоял и переваривал ее предыдущие слова.

– Иду.

Когда он вошел в комнату, она уже лежала на диване, прикрытая легким покрывалом. Он решительно снял халат и аккуратно положил его на кресло. Присев на диван, расстегнул браслет с часами и не найдя куда их приткнуть, просто положил на пол, рядом с диваном. Вероника призывно откинула край покрывала. Глубоко вдохнув в себя воздух, как перед прыжком в воду, он лег рядом на спину, вытянув руки по швам. Несколько минут они лежали молча, не шевелясь, привыкая, друг к другу. Он первым нарушил молчание.

– Ты, Вероника, прости меня, если, что не так будет спервоначала, – извиняющимся тоном начал он заранее оправдываться в возможном мужском конфузе. – У меня давненько уже этого не было.

– У меня тоже, – жарко прошептала она ему в самое ухо, одновременно прижимаясь к нему всем телом...

А дальше началось то, что и должно было начаться между мужчиной и женщиной, но это уже выходит за рамки повествования, потому что данный роман является военно-политическим, а не любовным фэнтези.

IV.

Проснулся он от того, что чьи-то губы ласково прикоснулись к его щеке, а вслед за этим бархатный голос прошептал в самое ухо:

– Просыпайся, Иванушка, тебе пора вставать, чтобы продолжить совершать свои подвиги.

Он нехотя разлепил глаза и тут же сомкнул опять. Медленно, будто смакуя старинный марочный коньяк, приходил в себя после самой фантастической ночи в своей жизни. Даже сорок лет назад, когда они только-только начали жить с Аглаей, ему не было так хорошо. Нет, конечно, и с Аглаей у них было все, как у людей: и поцелуи, и ласки, и удовлетворение молодой плоти. Но при этом все было пресно и рутинно, как на пионерской линейке. Несмотря на молодость, все

было без излишних фантазий, будто оба учились искусству любви по одному и тому же учебнику. И регламент не менялся на протяжении многих лет: две минуты на поцелуи, три минуты на прочие ласки и три-четыре минуты на взаимное сопение при трении телами. Он пробовал поначалу, как-то разнообразить постельные отношения, но каждый раз наталкивался на стойкое непонимание супружницы, которую все и так устраивало, а заниматься сомнительными, с ее точки зрения, экспериментами нет никакой нужды. И если бы не его частые и мимолетные «похождения» (по молодости-то с кем не бывало, особенно у военных), то они, наверное, развелись еще лет двадцать тому назад. Она, конечно, догадывалась о его «подвигах» на стороне, ведь только законченная дура не почувствует измены, но старательно делала вид, что ничего особенного, а тем более страшного не происходит. К тому же бодрое вскарабкивание мужа по карьерной лестнице нивелировало все издержки его неумемной мужской натуры. Да и быть генеральшей в свои неполные тридцать семь лет стоило своих маленьких издержек. Сам же Валерий Васильевич, всегда был крайне осторожен в своих мимолетных увлечениях и не давал повода посторонним подозревать его, в чем либо. Со своей же стороны, он тоже не проявлял интереса к поведению жены во время частых своих отлучек.

Теперь же он ощущал себя на вершине блаженства. Прекрасного и немного горьковатого. Он чувствовал себя обокраденным. Сорок лет он не знал, что можно испытывать

такие чувства и такое наслаждение. Как жаль, что все это пришло слишком поздно. Единственным утешением служило лишь осознание того, что лучше испытать счастье перед самым закатом, радуясь последним ласковым лучам солнца, уже не палящим, а мило ласкающим, нежели вовсе не испытать ничего такого за всю жизнь. Этот миг несказанного блаженства не хотелось прерывать даже на секунду. Окончательно прийти в себя ему помог уже более решительный призыв:

– Валера, вставай, на работу пора собираться.

На этот раз глаза пришлось открыть по-настоящему. Он выпростал руку из-под подушки и начал ей шарить на полу в поисках часов. Обретя искомое, поднес к глазам. Щурясь спросонья, взглянул на циферблат. Стрелки показывали ровно семь утра.

– Ох, ты, Господи! – воскликнул он, моментально вскакивая в поисках брюк. Скользнул взглядом в сторону Вероники. Та была уже одета и причесана. Руки невольно потянулись к ней.

– Ну, уж, нет! – воскликнула она, не скрывая своего хорошего настроения после бурной ночи. – Я не позволю ни тебе, ни тем более себе опаздывать на работу! Все потом. Хорошего понемножку! Будет у нас еще время для этого. А сейчас быстро в душ, пока я тебе рубашку и брюки глажу!

Он, не споря с любимой (теперь уже без сомнения любимой) женщиной, опрометью бросился в ванную. Зубной щет-

ки не было, поэтому он просто выдавил содержимое тюбика с зубной пастой себе на палец и провел чистку своего поредевшего заборчика в прямом смысле подручными средствами. Потом залез под струю душа, который смыл с него последние остатки от сна. Халат надевать не стал. Некогда. Да и Вероника уже ждала его с отутюженной одеждой в руках. В четыре руки со смехом и шутками, кое-как облачились. Заканчивая облачать своего мужчину, Вероника заботливо расправила воротничок рубашки, деловито заметив:

– Галстука не было. Это я еще вчера заметила.

– А-а, – махнул он рукой, – я его, кажется, в кабинете оставил.

Она обвила вокруг его шеи свои руки и мазнула губами по щеке:

– Мы вчера с тобой почти все съели, так что на завтрак – одни бутерброды – с маслом и колбасой. У меня колбаса копченая в холодильнике лежит. Я и забыла про нее совсем. Пойдем.

– Слушаю и повинуюсь, – шепнул он ей с придыханьем, трепетно ощущая в своих ноздрях запах ее волос.

Не размыкая рук, как молодожены после первой брачной ночи прошли на кухню. Бутерброды с маслом и колбасой уже лежали на тарелках. На плите попыхивал паром чайник. Она все с той же ласковой заботой пододвинула к нему тарелки и, подперев щеку рукой, смотрела на него сияющими глазами.

– Ты зачем все тарелки пододвинула ко мне? Сама-то, по-

чему не ешь?!

– Я не ем по утрам. Только кофе пью. А кофе я уже пила, пока бутерброды делала.

– Что, так и будешь смотреть на меня, пока я ем? – немного смутился он.

– Буду! Ты даже не представляешь, как это приятно смотреть на своего мужчину, когда он ест.

– Так ведь и подавиться можно, – высказал он шутливое опасение.

– Привыкай.

– Ладно. Это все конечно безумно здорово, но давай поговорим? – приступил он с вопросом, одновременно откусывая приличный кусок от бутерброда.

– О чем? – вскинула она брови, наливая чай в расписной под «гжель» бокал приличных размеров.

– О тебе, о нас..., – продолжил он, не переставая жевать.

– Довольно интригующе, – сытой кошкой промурлыкала хозяйка, размешивая сахар в его бокале.

– Насколько я могу понять, после всего того, что с нами случилось, я тебе не безразличен.

– Ты догадлив не по возрасту, – заулыбалась она своим мыслям и его банальным словам.

– Вот я и предлагаю совместно решить, как нам дальше жить. Как ты на это смотришь?

– Ты еще ничего не предлагал.

– Так я и предлагаю. Давай, все по-честному, как и пола-

гается. Мы уже не дети, поэтому разрешение на совместное проживание брать не у кого. Давай, в общем, как-нибудь налаживать совместный быт, что ли?

– И как ты себе это представляешь?

– Очень просто. Ты переезжаешь ко мне. Я же не могу вечно играть на нервах у своего начальника охраны.

– И в качестве кого, ты мне предлагаешь переехать к тебе? Любовницей на окладе или просто приживалкой на содержании? – скривила она свой красивый рот.

– Почему же содержанкой? – обиделся Валерий Васильевич, с трудом проглатывая очередной кусок бутерброда. – В качестве супруги.

– Надо полагать, что мне сейчас было сделано официальное предложение? – ухмыльнулась она. – Романтиченько! Много раз мне приходилось выслушивать подобные предложения, но чтобы, вот так, не отрываясь от еды? Нетривиально.

– А ты хотела, чтобы я встал перед тобой, преклонив колени? – продолжал он с чувством уписывать колбасу.

– Ну..., – протянула она, томно прикрыв глаза.

– Не советую, – осклабился он. – Если я встану на колени, то тебе придется вызывать подъемный кран, потому что одна ты меня не сможешь потом поднять, и мы оба будем барахтаться на полу.

Громкий и залиvistый смех стал ему ответом.

– Так что ты ответишь на мое необычное предложение?

Когда мы сможем воссоединиться?

– Знаешь, – сразу посерьезнела она, – давай не будем с этим пока торопиться?

– С чем? Со свадьбой или воссоединением?

– И с тем и с другим. Мы с тобой провели всего лишь одну ночь. Согласись, что этого слишком мало, чтобы строить фундаментальные планы. Нам нужно какое-то время, чтобы хотя бы немного попривыкнуть друг к другу. Да и семью твою я совсем не знаю. Еще неизвестно, как они воспримут меня.

– В твоих словах, Вероника, нет логики, – покачал головой генштабовский аналитик. – Нельзя, как ты говоришь «попривыкнуть» друг к другу, не живя под одной крышей.

– Чересчур умный муж, это такое же горе в семье, как и горький пьяница, – фамильярно щелкнула она его по лбу пальцами. – Но в твоих словах есть рациональное зерно.

– И?

– Поэтому я предлагаю компромисс, – улыбнулась она своей фирменной чарующей улыбкой.

– Какой?! – в нетерпении воскликнул он.

– Давай будем делать это постепенно. Ты выбери время, где-нибудь на выходных и представь меня своим домашним, а там посмотрим, что из этого получится. А пока нам иногда придется делить между собой мой диван.

– Я мог бы организовать твой перевод в Ново-Огарево, – робко предложил он, – чтобы хотя бы чаще видеть тебя.

– Вот уж – дудки! – вспыхнула она моментально. – Я со своей работы не уйду. Коллектив у нас подобрался там неплохой. Меня ценят и уважают. А в прислуги к тебе, я не пойду ни за что на свете, как бы хорошо не складывались наши отношения.

– Хорошо-хорошо! Ты только не кипятись! Я же без всякой задней мысли. Прости, меня. Я не подумавши брякнул.

– И без передней. Ладно. Допивай чай и вызывай свою машину, сказала она, складывая посуду в мойку.

– Я могу тебя подвезти! – тут же предложил он в качестве реабилитации.

– Не разводи коррупцию! – опять улыбнулась она. – Тебе служебную машину дали не для того, чтобы ты на ней баб развозил.

– Брось. Не смешно.

– Ладно. Шучу. Но все равно с тобой не поеду. Мне на метро удобней и быстрее. И не спорь, пожалуйста.

– Но ты же опоздаешь!

– Это с тобой я опоздаю, пока ты через пробки без кортежа поедешь, а я мигом выскочу, пробегусь немного до метро, а там двадцать минут и уже на месте.

– Ну, как скажешь, упрямая, ты наша.

– Пока еще не совсем ваша, товарищ Верховный, – хитренько прищурилась она.

В прихожей он взял мобильник с тумбочки и набрал номер центрального гаража:

– Ало, гараж. Это Первый. Машину мне на Кожевническую 1Б, ко второму подъезду.

– Товарищ Верховный, машина уже стоит у подъезда, – раздался голос дежурного в трубке.

– Добро, – коротко ответил он, отключая связь.

Повернулся к Веронике.

– Машина уже ждет у подъезда. Ты меня проводишь? – попросил Афанасьев.

– Провожу, но выходить на улицу не буду, – решительно ответила женщина.

– Вечером, я надеюсь, встретимся? – в голосе у Верховного появились просящие нотки.

– Посмотрим, как сложатся у тебя дела на работе. С твоим положением никогда нельзя быть в чем-то до конца уверенным.

– Тогда, ближе к концу рабочего дня созвонимся?

– Хорошо (номерами телефонов они обменялись еще с вечера). Давай, пока, – она опять притянула его седоватую голову к себе и поцеловала. На этот раз в губы.

Выйдя на лестничную клетку, Афанасьев обнаружил сидящим на ступеньках, ведущих вверх Вальронда. Тот мирно сидел, дожидаясь босса, подложив под седалище какую-то газету, сложенную в несколько раз.

– Ба, Петя! – сделал вид, что удивился зятю, Верховный. – Ты как узнал, что я тут обретаюсь?!

– Я не единственный, кто об этом знает. Все ФСО в кур-

се, – мотнул он головой назад, где на площадке между седьмым и восьмым этажами маячили фигуры еще двух агентов охраны, одетых в штатское.

– Ай, да Саныч! Ай, да сукин сын! – помотал головой Василий Васильевич, втайне очень довольный такой заботой. – Давно сидишь?

– Минут пятнадцать, – сказал зять, поднимаясь во весь свой рост.

– А что не позвонил? Не зашел?

– Дык, – растерялся кавторанг, – неловко как-то... Была бы острая необходимость, тогда, конечно. А, так... Что, мы, не люди, что ли? Все понимаем. Настя еще с вечера сказала...

– Спасибо, брат! – сказал Афанасьев, расчувствовавшись и пожимая Петру руку в знак мужской солидарности. И еще раз добавил. – Спасибо!

Глава 47

I.

03.09 2020г., Россия, арх. Новая Земля, пос. Белушья.

После прибытия с материка партии вакцины, прошло чуть более суток. Полковник Виттель, как комендант гарнизона и негласный мэр поселка, настоял на тщательной проверке каждой ампулы, с трудом выбитой им из Миноборо-

ны «Спутника- V» и составлении акта в случае обнаружения боя стеклотары. Всю свою сознательную жизнь борющийся с бюрократизмом Митрич объяснял свою настойчивость тем, что в случае большого процента испорченных доз, ему вряд ли удастся во второй раз выхлопотать дополнительную партию чудодейственного средства от пандемии, слухи губительности которой дотянулись даже до их отдаленного от цивилизации обиталища. Именно поэтому совместная с эмчэсовцами проверка так затянулась. Вопреки ожиданиям, количество забракованных доз было ничтожно малым. Из пятнадцати тысяч доз, испорченными и побитыми, во время не слишком-то мягкой посадки, оказались всего шестнадцать штук. Еще какое-то время ушло на подробный инструктаж местного медицинского персонала, на предмет хранения, применения и противопоказаний к использованию вакцины. Потом снаряжали нарты для доставки части груза в Рогачево и Малые Кармакулы. Заведующий терапией выделил для этой экспедиции двух своих лучших фельдшеров с медицинскими сестрами. И уже только после всего этого приступили, собственно, к вакцинированию населения Белушьей. Как и полагается главе военно-гражданской администрации, полковник Виттель проявил инициативу и после утреннего построения и подъема флага, первым спозаранку явился в амбулаторию на вакцинирование. Небольшая кучка таких же, как и он «живчиков» уже толпилась перед зданием поликлиники, перешучиваясь между собой, но

пока не решаясь пройти внутрь. Как и всем из рода высших приматов им требовался вожак, за которым не страшно было бы пойти в огонь, в воду и даже на прививочный пункт. Вожак не замедлил появиться, вызывая неложное восхищение в их глазах. Оббив в тамбуре с валенок липкий и мокрый снег и обмахнув их веничком, ради соблюдения пушей, как ему казалось, стерильности (бахил в амбулатории не было), с медвежьей неторопливостью, прихрамывая, прошел в общую раздевалку. Там он скинул свое форменное пальто на руки заботливой старушки-гардеробщицы из числа коренного населения, о чем говорили ее узковатые глаза и скулы. Плюнув себе на ладони, расправил на прямой пробор жидкие и пегие от седины волосы.

– А, что, мать, – обратился он к ней, – не знаешь ли, прививки-то, в каком кабинете делают?

– Да как же, батюшка, не знать-то?! – заулыбалась старуха беззубым ртом. – Обнакнавенно в каком. В процедурном. Вона табличка в конце коридора. А что же, батюшка, народу то никого нет? Неуж не знают, что дохтур и персонал уже полчаса, как в ожиданиях пребывают?

– Народ, мать, за мной воспоследует пренебреженно! – виatieвато высказался полковник, поднимая кверху свой корявый указующий перст, давая лишний раз понять, кто тут самый наиглавнейший. После чего прошел по коридору и, дойдя до его конца, просунул свою косматую голову в дверь с надписью «процедурная № 1»:

– Здравствуй, Айболит! Принимаешь на прививку, ай, нет?! – весело поинтересовался он у Андрея Григорьевича Чеботарева – заведующего терапевтическим отделением.

– А-а-а, Михал Дмитрич! – улыбка заведующего растянулась едва ли не до ушей. – Просим-просим! Очень рад, что вы своим приходом подаете пример всем жителям нашего поселения! Прошу, присаживаться, – кивнул он на стул возле своего стола, а сам что-то быстро стал набивать пальцами по клавиатуре своего компьютера.

– Что ж вы один пришли, без супруги? – поинтересовался врач.

– Согласно моему распоряжению, – заважничал комендант поселка, – в первую очередь вакцинироваться должны военнослужащие и «высоколобые», а уж затем остальной гражданский персонал.

Митрич неловко сел на стул, поудобней устраивая свою протезированную конечность.

– У вас распоряжение, а у меня инструкция Минздрава, в соответствии с которой, в первую очередь пройти вакцинацию должны работники медицинских учреждений. А ваша супруга, хоть и пребывает на пенсии, однако, состоя в звании фельдшера-акушера, привлекается нами периодически для вспомоществования при принятии родов, а значит в некоторой степени, тоже все еще является медицинским работником, – не отказал себе в назидании врач.

– Ладно, док, – сразу сдался Митрич, – скажу ей. К вечеру

прибудет.

– Хорошо. Тогда, займемся пока непосредственно вами. Согласно полученной инструкции, я должен, прежде чем приступить к вакцинированию, соблюсти некоторые формальности, – предупредил его доктор.

– Валяйте, – кивнул полковник, распушая и оглаживая свою бородищу.

– Так-с, так-с, ага, – начал служитель храма Асклепия, – анкетные данные я с вас брать не буду, так как они уже имеются в вашей истории, поэтому приступим к самой сути. Итак. Страдаете ли вы какими-нибудь наследственными заболеваниями?

– Бог миловал, – истово перекрестился баварский король по православному обряду.

– Отлично, так и запишем, – промурлыкал под нос Григорич. – Предельно допустимый порог в 70 микрозиверт, надеюсь, вами не превышен? Вы когда последний раз проходили контроль? А то у меня в карточке почему-то не отмечено.

– Да, не соврать бы, – почесал в задумчивости за ухом полковник, – лет, этак с двадцать. С тех пор, как закрыли полигон и еще лет с десятков после этого еще – каждые два года.

– И каковы цифры, что вы нахватали? – поджал губы медик.

– Шестьдесят два микрозиверта, – нехотя ответил Митрич, вздыхая. – А что, это как-то может повлиять на вакци-

нацию?

– В принципе, не должно, но я обязан учесть все нюансы...

– Ну, на то оно и ваше докторское дело, чтобы, значить, учитывать нюансы, – согласился комендант.

– Ладно. Давайте продолжим. Аллергическими заболеваниями тоже надо полагать не страдаете?

– Истинно, – коротко ответил пациент.

– Замечательно, – пальцы доктора продолжали выстукивать дробь на клавиатуре. – Противопоказания, по каким либо видам медикаментов имеются?

– Да, вроде нет, – пожал плечами допрашиваемый. – Я как-то и без них обхожусь – народными средствами, если что.

– Знаю я ваши народные средства, Михал Дмитрич, – почти прошептал недовольно врач, чтобы не слышала процедурная медсестра, сидящая в другом конце помещения за ширмой.

– Грешен, батюшка, – не стал отнекиваться комендант, разводя руками.

Из-за ширмы послышался придушенный смех медсестры.

– А ну, тихо там, за ширмой! – прикрикнул заведующий на свою помощницу, которая, как и все в поселке была осведомлена о «слабости» главы администрации. И уже, обращаясь к самому пациенту. – Я надеюсь, что вы перед процедурой не позволили себе ничего такого?

– Ни-ни, Григорич! Как можно?! – яростно затрясла головой некоронованная особа. – Только позавчера с этим Алтухиным, после бани по рюмашке. И всё. Что, я, дурак, что ли, переться на прививку с похмелья?

– Ну, ладно-ладно, – повел опытным в этом деле носом Чеботарев, и, не учуяв знакомого запаха, моментально успокоился. – Ну, вроде бы все, – решил он подвести итог блиц-опросу, – осталась маленькая формальность.

– Какая?

– Надо указать в пустой графе полностью свое имя, отчество и фамилию, а ниже поставить подпись. Вот, держите, – протянул врач листок с убористым и мелким текстом коменданту.

– Мелко-то как, – прищурился Митрич, вглядываясь в написанное. – Плохо видать. Ты мне на словах скажи, что там написано. Не согласие ли на расстрел без суда и следствия?

– Да ну что вы, право, такое говорить изволите? – поморщился доктор. – Просто вакцина новая, ранее нигде не применялась. А написано там о том, что вакцинируемый «предупрежден о возможных поствакцинальных осложнениях (общих: непродолжительный гриппоподобный синдром, характеризующийся ознобом, повышением температуры тела, артралгией, миалгией, астенией, общим недомоганием, головной болью и местных: болезненность в месте инъекции, гиперемия, отечность), которые могут развиваться в первые-вторые сутки после вакцинации и разрешаются в тече-

ние 3-х последующих дней», – буквально процитировал он, видимо, заранее уже заученную фразу.

– Ох, отец родной, страсти-то какие ты мне тут наговорил, – сморщился, как от кислого, Митрич. – Ты мне лучше скажи, правду говорят, что между первой и второй дозой, нельзя этого потреблять, – щелкнул он пальцами по своему кадыку.

– Прямого запрета нет, но я вам Михал Дмитрич, настоятельно рекомендую воздержаться от подобных опрометчивых шагов, – строго предупредил Чеботарев. – Вакцина, как я уже упомянул, новая, и как поведет себя ваш организм в ситуации могущего возникнуть конфликта между иммунобиологическим препаратом и сивушными маслами, никто прогнозировать достоверно не может. И я не могу. Вам понятен такой расклад?

– Дык, куды уж тут не понять?! – неопределенно ответил монарший отпрыск, ставя размашистую подпись внизу расписки.

– Машенька! – крикнул доктор медсестре. – У тебя там все готово?

– Да, Андрей Григорич, – тут же отозвался девичий голос из-за ширмы.

– Проходите, товарищ полковник, за ширму, – напутствовал Виттеля доктор.

– Куда колоть-то будут?! – вдруг забеспокоился старик, явно чего-то опасаясь.

– Не беспокойтесь, Михал Дмитрич, – правильно оценил тревогу пациента врач. – Колоть будут в плечо. Впрочем, если вы пожелаете...

– В плечо, конечно! Не раздеваться же мне тут до исподнего! – засуетился Митрич.

– Как скажете, – равнодушно отметил врач.

– А-а-а, ну, тады ладно, – произнес Митрич, кряхтя, поднимаясь со стула.

Митрич проковылял за ширму, где его встретила пухленькая и миловидная медсестра с уже готовым одноразовым шприцом для первой инъекции.

Полковник аккуратно снял китель и повесил на спинку стула, затем все также аккуратно снял рубашку, но присаживаться не стал, решив принять дозу стоя на ногах. Маша не заставила себя долго ждать. Быстренько протерев нужное место ваткой, смоченной в спиртовом растворе, легко всадила иглу в задубевшее старческое тело полковника. Комендант даже не ойкнул, но ноздри раздул, ощущая привычный запах, исходящий от средства дезинфекции.

– Вот и все, Михал Дмитрич. Можете одеваться, – ласковым голосом проворковала медсестра.

Виттель благодарно кивнул девушке и начал неспешную процедуру облачения.

– Михал Дмитрич! – окликнул его Чеботарев. – А что это народ не торопится к нам на экзекуцию? Вы, когда шли сюда, видели кого-нибудь?

– А, как же! – отозвался Виттель из-за ширмы. – Стоят у входа. Опасаются, вишь.

– Чего же? – удивился врач. – Мы, вроде бы тут не кусаемся. Сейчас еще должны подойти медсестры, и тогда мы это дело на конвейер быстренько поставим.

– Вот я выкарабкаюсь отсюда живым, тогда и они потянутся, – ухмыльнулся полковник, застегивая манжет на рукаве. – В кажинном деле, Григорич, свой вожак нужен.

– Ну-ну, – хмыкнул доктор.

Выйдя из-за ширмы, Виттель опять подошел к столу доктора.

– Ну-с, милейший вы наш Михаил Дмитриевич, теперь ждем вас ровно через двадцать одни сутки. А пока постарайтесь все же воздерживаться от некоторых, так скажем, пагубных привычек. И, да, вот еще что..., – замялся врач, подбирая слова.

– Говори, милый, не стесняйся, – подбодрил его полковник.

– Я, конечно, все понимаю, но войдите и вы в мое положение...

– Ну-ну, продолжай, – насторожился Митрич, чуя еще какой-то подвох со стороны эскулапа.

– Вы, без сомнения, пользуетесь заслуженным авторитетом, как у военного, так и у гражданского населения поселка. И глядя на вас, вам подражают вольно или невольно другие. Вы вот масочку-то защитную, с самого первого дня, как

объявили пандемию, не носите, а глядячи на вас и другие не хотят носить. Я ведь вам уже как-то говорил об этом, но вы к моим словам отнеслись начхательски, прямо скажем. Какой вы подаете этим пример своим подчиненным? Не хорошо-с, товарищ полковник, получается. Некрасиво-с. Вон и товарищ Алтухин из Москвы мне давеча сделал замечание, мол, де я не могу должным образом призвать население к дисциплине. А как я могу это сделать, коли сам комендант объекта не желает выполнять предписания Минздрава?

– М-и-ла-й! – осклабился в бороду старик. – Мне, почитай, в обед уже сто лет стуканет! Я и так уже одной культей в могиле стою, а ты хочешь, чтобы я перед концом своим намордник на себя напялил! Н-е-е, – помотал он головой, – николи такого не будет. Не буду я позориться напоследок! И не проси даже, Айболит! А вот подчиненных своих, если хочешь, то пристрожу, за ради сохранения твоего авторитета. Это мы можем! – подмигнул он веселым глазом.

– Ой, да Бог вам судья, Михал Дмитрич! – махнул на него рукой Чеботарев. – Мне что ли больше всех надо?! Вот настрочит этот бойкий москвич докладную наверх, вам же хуже будет, – фыркнул Чеботарев.

– И что с того?! – опять расцвел в улыбке полковник. – Думаешь, я испужаюсь какой-то там писульки?! И—и-и, паря! Я за свою жизнь, каких только доносов на себя не пережил?! Чего мне бояться?! Охочих занять мое место и так днем со огнем не сыскать! Я свое отслужил и отбоялся, еще, когда он

под столом бегал в коротеньких штанишках. Ну, получу еще один выговор! Эх, ма! А ссылать меня за проступок дальше и некуда. Дальше только Северный Полюс.

– Я вас предупредил, а уж вы поступайте, как вам заблагорассудится, – опять махнул на все рукой врач. – Ладно, ступайте уж, Бог с вами!

– Э, нет, брат! Ты меня не гони. Вот ты меня все расспросами донимал: что, да как. А теперича я тебя спрашиваю, – деловито уселся старинушка на стул.

– Господи, что еще-то? – всплеснул руками Чеботарев.

– Ты вот у нас человек ученый, университеты там, в столицах кончал разные, – начал издаലെка Митрич.

– Не разные там, а один – Московский Медицинский Университет имени Сеченова, – позволил себе поправить полковника доктор. – А только и вы, товарищ полковник, зря передо мной прибедняетесь и разыгрываете малограмотного и дремучего человека. Мы все прекрасно знаем, что у вас за плечами Академия Генерального штаба и высшее техническое образование.

– Оно, конечно. Куды же без ученья-то в нынешние времена?! – продолжал ломать комедию Виттель. – Вот я тебя, как ученого и хочу спросить: правду ли говорят, что животная скотина болеет теми же болезнями, что и люди?

– Я, собственно говоря, не сильно вдавался в эту тему, – потер щеки ладонями Чеботарев, – однако научно-популярные издания в последнее время пестрят исследованиями в

этой сфере. И, что удивительного...

– Ну-ка, ну-ка, – заерзал на стуле Его Величество.

– Если раньше все знали, что людскими заболеваниями болеют только приматы и, простите, свиньи, как самые близкие человеку по набору хромосом, то последние исследования показали, что этому стали подвержены и те животные, которые долго находились в непосредственном контакте со своими хозяевами.

– Хмм, – затеребил свою бородищу полковник, – вона как значить?

В глазах у доктора заплясали озорные огоньки.

– А я ведь уже догадался, куда вы клоните, Михал Дмитрич. Вас интересует вопрос о подверженности вашей подопечной вирусному заболеванию.

– Да, и признаться, весьма, – согласился Митрич.

– Такую опасность для нее самой и ее медвежонка исключить нельзя, потому, как они находятся не в белом и одиноком безмолвии Заполярного круга, а среди людей. А учитывая тот факт, что у дикого зверя отсутствует иммунитет, от каких бы то ни было человеческих заболеваний, риск заразиться имеет значительную вероятность.

– Вот и я о том же думаю, док! – вскочил с места полковник. – Помоги, а?! Христом Богом, прошу!

– Да чем же я помогу-то? – развел беспомощно руками Чеботарев.

– Сделай им тоже, какую никакую вакцинацию! А уж за

мною не пропадет! Ты же меня не первый год знаешь!

– Вы в своем ли уме, Михал Дмитрич?! – вырвалось возмущенное восклицание у Чеботарева. – Что вы такое, простите, несете?! Какая еще вакцинация медведям?!

– Да ты не кипятись Григорич! – перешел к увещеваниям полковник. – Что ты разошелся, как тульский самовар?! Я же не призываю тебя совершить должностное преступление! Просто по-человечески прошу оказать помощь в вакцинации зверушки и ее детеныша.

– Зверушки?! – взвился до небес доктор. – Это вы почти пятисот килограммовое чудище называете зверушкой?!

– Она же совсем ручная! – попробовал защитить медведицу Виттель.

– Это, с какого перепуга она вдруг за два месяца стала ручной?! – съязвил Чеботарев.

– А, что тут такого? – скорчил непонятливое лицо Его Величество. – Ведь всем известно, как хорошо медведи поддаются дрессировке? Видал, как они на велосипедах ездят в цирке?

– Вот именно, что в цирке! – ухватился Андрей Григорьевич. – Их этому с детства приучают! А тут взрослая и матерая медведица! Нет, нет и еще раз нет! И сам не пойду и персонал не отпущу! Мне еще ЧП на участке не хватало!

– Вот ведь какой же ты вредный человек, Григорич! – начал уже укорять его комендант. – А еще клятву Гиппократу давал!

– Я давал клятву лечить людей, а не диких зверей! – парировал тот.

– Так ить тоже Божья тварь! – нашелся, чем ответить Митрич, явно не собираясь уступить.

– Андрей Григорич, – высунулась из-за ширмы Машенька, – разрешите мне после работы провести ей и ее малышу вакцинацию?

– Это еще, что за явление?! А ну молчать! – наорал он на медсестру. – Я не потерплю в амбулатории никакой оппозиции! А ну, брысь, отсюда, соплячка! Иначе, уволю!

Однако его речь произвела, совсем не тот эффект на который он рассчитывал. Девушка вспыхнула, как маков цвет и, поджав губы заявила:

– А вы на меня, Андрей Григорьевич, голос не повышайте, – тихо, но твердо произнесла девица, выходя из-за ширмы, задетая за живое. – Я свой трехгодичный контракт подписывала не с вами, а с Министерством обороны. Не вы меня принимали на работу и не вам меня увольнять.

– Да, ты, да я тебя... , – зашлепал губами Чеботарев, выпучив глаза от такого поворота событий.

– А так как я ношу звание прапорщика медицинской службы, то, следовательно, имею полное право подать на вас заявление в гарнизонный суд на предмет оскорбления чести и достоинства при несении службы, – говорила она, будто вколачивала гвозди в гроб профессиональной карьеры заведующего терапией.

– Да ты, что, Машка, сдурела? – только и смог выговорить Григорич тоже вставая из-за стола, растерявшийся перед таким неожиданным напором со стороны младшего медицинского персонала. – Я же о тебе, дуреха, беспокоюсь.

Митрич, сияя от удовольствия, наблюдал за трагикомической сценой, боясь даже дыханьем сбить мастерскую игру актеров.

– За меня беспокоиться не надо, – подошла она почти вплотную к заведующему. – Вы лучше о себе побеспокойтесь. Потому что, если на суде выяснится, что вы позволяли себе неоднократно хватать не только меня, но и остальных девочек за ягодичные мышцы, то вам и вовсе не поздоровится! – продолжила она публичную казнь.

– Ты чего?! Это было-то всего пару раз! – теперь уже покраснел доктор.

– Хватал, говоришь?! – тут же заинтересовался событием Митрич, едва сдерживая в бороде гомерический хохот. – Ну-ка, дочка, поподробнее с этого места.

– Вы чего это, оба сдурели что ли?! – уже начинал серьезно обижаться доктор. – Превращаете тут в балаган поликлинику! Я с вами серьезно говорю, а вы мне тут каким-то мифическим судом угрожаете! Чего вы добиваетесь?

Митрич корявым пальцем указал на медсестру, милостиво предоставляя ей изложить текст ультиматума.

– Я хочу, чтобы вы, во-первых извинились передо мной за свое сегодняшнее поведение, – недовольно повела носиком

строптивная особа женского пола, – и за свое поведение – в прошлом, дав торжественную клятву больше не распускать свои руки.

– Ну..., – промычал неопределенно Чеботарев, косясь на полковника.

– Я бы на твоём месте, Айболит, принял бы все условия безоговорочной капитуляции, – произнес король, индифферентно закатывая к небу глаза.

– Это шантаж? – выпятил доктор губы.

– Ага. Вроде того, – кивнул Виттель.

– Ладно. Что ещё вы хотите от меня, разбойники с большой дороги?

– Сначала выполните первое условие, – сдвинула бровки девушка.

– Ладно. Одолели. Вдвоем-то на одного, – продолжал бухтеть Чеботарев.

– Давай-давай, Григорич, не тяни время. Там уже у крыльца яблоку негде упасть. Меня дожидаются, – поторопил его Митрич.

– Ладно, черт с вами, сдаюсь. Маша...

– Мария Алексеевна, – поправила она его.

– Ну, да, Мария Алексеевна, прошу меня простить, я больше так не буду. Честное слово.

– Простить? – обратилась она к полковнику, как к посреднику.

– Валяй! Чего уж там? – махнул рукой старик.

– Прощаю, Андрей Григорьевич, – произнесла она тоном избалованной принцессы и сунула свою руку прибалдевшему слегка доктору прямо под нос, для поцелуя.

Тот верно истолковал этот жест, припадая к ручке губами.

– Эх! – сожалеюще огладил свои усы и бороду полковник. – Где мои семнадцать лет?! Черт возьми! Как бы я хотел оказаться сейчас на вашем месте, док!

– Так что вам мешает, Михаил Дмитриевич?! – повернулась она к нему и поднесла руку к его губам.

– Хосподи! Счастье-то какое! – взрыднул комендант, живо вскакивая со своего стула и истово приныкая к ручке милостивой и милосердной красавицы.

Поцелуй получился долгим и смачным. Старинушке это явно понравилось, и он чмокнул ее ручку вдругорядь, затем еще и уже чуть повыше. Неизвестно, как высоко он добрался бы в следующий раз, если бы не окрик доктора, который уже корчился и задыхался от смеха:

– Х-хватит! Ум-моляю, прекратите! Я же сейчас п-помру, прямо здесь!

Девушку, кажется, тоже начинал разбирать смех:

– А вы, оказывается, Михаил Дмитрич, еще тот хват! Есть значит еще порох в пороховнице?!

– А то! И порох в пороховнице и ягоды в ягодицах! – подбоченился полковник, отрываясь от ручки.

– Вот, я все бабе Фиме скажу! Не боитесь?! – сквозь смех поинтересовалась она.

– Ей не привыкать! – по-гусарски попробовал подкрутить ус старик. – Это я сейчас смиренный такой, а в молодости-то... у-у-у! Куда там до меня поручику Ржевскому!

– Ну, все-все, хватит уже! Совсем вы меня уморили своим провинциальным комедиантством, – спустил с небес на землю эту парочку голос доктора.

Впрочем, все и так понимали, что вся предыдущая сцена была сплошным лицедейством.

– Андрей Григорич, миленький, ну разрешите мне после работы сбегать и сделать ей и малышу эту вакцину? – умоляющим голосом обратилась она к Чеботареву. – Я нисколько не боюсь. Я уже ходила к Михал Дмитричу и кормила медведицу. Она меня уже знает.

– Нет, Маша, – уже посерьезнев, покачал тот головой. – Дело тут вовсе не в моей вредности.

– А в чем? – в один голос спросили полковник и прапорщик.

– А в том, Маша, что, собираясь на будущий год поступать в мединститут, ты не учла двух простых вещей.

– Каких? – округлила глаза девушка.

– Во-первых, зверь всю жизнь прожил в диких и далеких от человека условиях. А значит, вообще не имеет никакого иммунитета к людским заболеваниям. А ты ему сейчас, по своей наивности пытаешься вколоть сыворотку ослабленного аденовируса. Ты представляешь, что с ним будет? Он может просто умереть на следующий день после вакцинации,

не справившись с заболеванием, с которым ранее никогда не сталкивался.

– Ой, мамочки! – прикрыла она ладошкой рот.

– А вторая вещь? – спросил озабоченно Митрич, внутренне осознавая свое поражение.

– Ты, Маша, собственно говоря, куда планировала ее колоть?

– То есть? – не сразу поняла медсестричка. Но полковник понял врача сразу и поскучнел еще больше.

– Он говорит, в какое место ты бы стала делать ей прививку? – пояснил Митрич мысль заведующего.

– Как и положено – в мышечную ткань, – опять не поняла Маша.

– Да ты сначала доберись до нее! – фыркнул доктор. – У нее шерсть с подшерстком, да еще и сантиметров 15 жира, благодаря стараниям нашего главы администрации. У нас даже иглол подходящей длины для этого нет.

– А как же тогда стреляют в медведей-шатунов снотворными ампулами? – попробовала найти последний выход из создавшегося положения девушка. – В гарнизоне ведь имеются и такие ружья, и такие патроны.

– В них стреляют специально заряженными на заводе патронами, – поморщился врач, – а ты попробуй в домашних условиях, сначала разобрать такой патрон, а затем снова снарядить его, но уже вакциной, вместо снотворного.

– Что же делать, тогда? – в ее глазах затаился страх и боль

за медведицу и ее медвежонка.

– Ничего не делать, – пожал плечами доктор. – Самым лучшим выходом для них обоих, будет радикальное снижение контактов с внешним человеческим миром, ибо в ближайший месяц мы все, вакцинированные, будем представлять для нее реальную угрозу жизни.

Митрич засопел носом, явно пребывая в расстроенных чувствах. Планируемая им операция по спасению питомицы, к которой он успел всерьез привязаться, терпела крах и грозила обернуться полным конфузом.

– И не сопите в бороду, Михал Дмитрич, – обернулся к нему Чеботарев. – Это, прежде всего, касается вас. Если хотите уберечь свою косолапую пассию, то вам, волей неволей, придется надеть, как вы давеча выразились, «намордник». Натэ, вот, – он сделал шаг в сторону и открыл дверцу медицинского шкафчика со стеклянными дверцами, где цапнул из кучи какого-то медицинского барахла, стопку масок и не глядя протянул руку за спину.

– Благодарствую, – прогудел в бороду Митрич, принимая неожиданное подношение.

– Ладно, Михал Дмитрич, ступайте, да кликните там следующего. Чувствую, что день сегодня будет насыщенным и наряженным.

– Ну, бывайте, здоровы: ты док, и ты, краса-девица, – приложил руку к сердцу полковник и захромал к выходу.

II.

Все два месяца, после крайне неприятного инцидента с комендантом поселка, Арнольд Шептицкий пребывал в состоянии тревожного ожидания разворота дальнейших событий. Напуганный до полусмерти своим непосредственным начальством о последствиях разбирательства с военным комендантом, он уже всерьез обдумывал мысль о смене своей дислокации любыми доступными способами, вплоть до рапорта об отставке. Однако неожиданная встреча с агентом иностранных спецслужб в корне изменила все его дальнейшие планы. Этот молодой человек, по-своему был очень неглупым субъектом и потому отчетливо осознавал про себя, что после совершения акции своих кураторов, оставаться ему здесь будет практически невозможным делом. Даже если ему и отвалят, как обещали, денег на всю оставшуюся жизнь, это еще не давало гарантий ее продолжительности. Как и было уговорено с куратором, нежданно посетившим его два месяца назад, он всеми правдами и неправдами сумел пробраться на испытательный стенд, расположенный глубоко в скальном массиве и на РЛС «Подсолнух». Расположить в нужных местах «спящие» до поры до времени маячки не представлялось сложным делом. В больших помещениях всегда можно найти пару-тройку укромных уголков, до которых не каждый проверяющий догадается забраться. Лучше всего это сделать, разместив их среди нагроможде-

ния всякой измерительной и контрольной аппаратуры. Так он и поступил. Долгое время недоступным оставался только сборочный цех, но и на его территорию, ему, в конце концов, удалось попасть. При поступлении с материка некоторых компонентов будущего «летающего монстра», возникла острая необходимость калибровки аппаратуры, содержащей внутри себя нестабильные ядра нуклидов. Специалистов, знакомых с тонкостями настройки подобной аппаратуры было на полигоне мало, и Арнольд Степанович (Стефанович) по счастливой для него случайности находился в их рядах. Так он и попал в «святая святых», где находилось не только само «изделие», но и большинство из элиты научных кадров, допущенных к его изготовлению и испытаниям. Все остальное сделать было уже гораздо проще. «Закладку» и ее дубликат, на случай непредвиденных обстоятельств он смог быстро и без особых хлопот спрятать в разных концах громадного цеха, благо, за ним никто не следил и даже, кажется, не замечал. Всем было не до скромной персоны дозиметриста. Стахановскими темпами там собирали установку, предназначенную для воздушного базирования. Проще всего, оказалось, сделать «закладку» в месте прохождения кабеля связи тянувшегося от СПРН «Воронеж» к территории базы и дальше. Он пролегал по поверхности, и раз в неделю досмотровая группа проходила вдоль его залегания, проверяя его целостность и отсутствие посторонних предметов. Выкопать неприметную ямку и сунуть туда радио-маячок, раз-

мером с пуговицу не составило никакого труда. Этой своей последней закладкой он выполнил свою часть контрактных обязательств перед куратором. На следующий день, как он и обещал, заказал телефонные переговоры с отцом. Разговаривали они где-то минут пятнадцать. Отец интересовался службой своего ненаглядного отпрыска, а сын, в свою очередь расспрашивал его о семейных делах, о маме, которую очень любил и о всяких столичных новостях. Очень хотелось расспросить об Ингрид, но он боялся это сделать из вполне обоснованных опасений прослушки разговора. Догадываясь о том, что волнует сына, отец, не называя вслух имени девушки, сообщил ему, что она помнит и ждет с нетерпением его возвращения. Поток приятных воспоминаний о днях, проведенных в обществе этой роковой красавицы, буквально затопил сердце Шептицкого-младшего, на несколько мгновений вырвав его из действительности. Арнольду стоило немалых усилий стряхнуть с себя это сладостное наваждение. Еще его очень интересовал вопрос об оплате своих услуг. Но Степан Станиславович и тут угадал потаенные мысли сыночка (как-никак, а одна кровь), сообщив туманно, что будущее финансовое благополучие сына находится в надежных руках и на этот счет ему не стоит беспокоиться.

После того разговора с отцом, Арнольд с нетерпением ждал встречи со «спящим», внедренным в обслуживающий персонал базы Белушья, для того, чтобы обговорить с ним план и детали своего спасения во время уничтожения объек-

та. А то, что объект вся обслуживающая его инфраструктура будет уничтожена, тем или иным способом, у него не было никаких сомнений. Правда, и в страшном своем сне он не предполагал, что за океаном спланировали ядерный удар по поселку окрестностям. В своих радужных мыслях он представлял себе, что агент укажет ему точное время нанесения удара и место, где этот удар можно будет переждать в относительной безопасности. После чего, базу, естественно законсервируют, а оставшийся в живых персонал расформируют и отправят на Большую землю. Отец же применив все возможные рычаги влияния, постарается вернуть сына на службу, где-нибудь в пределах Садового Кольца. Это при наихудшем, по представлению старлея, развитии событий. А при лучшем сценарии, который он тоже рассматривал, в качестве реального, цепь событий после начала явных военных действий со стороны членов НАТО, вылившихся в уничтожение секретного объекта на территории России, произойдут кардинальные изменения, влекущие за собой полный демонтаж ненавистного ему государств. Естественно, Афанасьев и его военная клика не смогут противостоять совокупной мощи Европы и Америки, а значит, вслед за быстрым военным поражением России, безусловно, начнется ее неминуемый распад на отдельные фрагменты. В этой-то неразберихе, которая будет сопровождать распад России и появится хороший шанс покинуть тонущий государственный корабль, потому что только при отсутствии центральной власти можно будет

безнаказанно пересечь границу России с каким-нибудь сопредельным государством. Иначе ему, имеющему запрет на выезд, как носителю секретных сведений, никак не удастся выехать отсюда и с имеющимися накопленными средствами попытаться начать новую жизнь, где-нибудь на Лазурном побережье.

Но дни шли за днями, а обещанный агент, так и не давал о себе знать. Это уже всерьез начинало беспокоить суетную душу генеральского сыночка. И вот сегодня, возвращаясь со службы вечером к себе в общежитие, он услышал у себя за спиной сиплый голос:

– Что так медленно бредешь, Арнольд Степаныч? Поддай жару, чуток!

Шептицкий сначала решил молча уступить протоптанную тропку неведомому торопыге, видимо, кому-то из коллег, торопящихся до дому, но затем оглянулся и увидел, что догоняющий был не в военной форме. Сначала он даже не признал его в лучах заходящего Солнца (полярная ночь в этих местах наступает в конце сентября), но потом, внимательно взглядевшись, узнал в догнавшем его человеке одного из метеорологов, что квартировали неподалеку от офицерского общежития. Человек был чуть пониже его ростом, но широк и кряжист. Да и на вид ему было за тридцать. Небольшая, но аккуратно подстриженная бородка, окаймлявшая его лицо, придавала ему мужественный и привлекательный вид бывалого полярника, несомненно, пользующегося успехом

у местных представительниц слабого пола. Женщины, вообще, по наблюдению Арнольда, любят таких сбитых и уверенных в себе красавцев, одинакова хороших, как в постели, так и в нелегком и аскетичном быту Севера.

– Вы, кажется, метеоролог, и зовут вас, если не ошибаюсь, Евгением? – решил проявить зачатки аристократии дозиметрист.

– Верно! – изобразил на своем лице радостную улыбку синоптик.

– Если вы торопитесь, то с удовольствием вас пропущу, – проявил любезность старлей.

Он, вообще, наученный инцидентом с комендантом, теперь старался всеми силами избежать нового конфликта, поэтому был со всеми крайне любезен и предупредителен.

– Ого, как вас пообтесало с некоторых пор! – не стал скрывать своего злорадства Евгений, и это его примечание очень больно задело злопамятное нутро Арнольда.

– Что вы имеете в виду? – зло прищурился Шептицкий, с досадой понимая, что его конфликт с Виттелем, несмотря на заверения майора Уржумцева, все же потихоньку всплыл наружу.

– Да ты не ершишь, летёха! – перешел на коробящее Шептицкого панибратство метеоролог. – Я просто хочу с тобой побалакать по-свойски.

– О чем мне с вами говорить? – строго поджал свои губы Шептицкий в нескрываемой брезгливости и презрении, ра-

зом показав свое истинное обличье.

– Обо всем, – беззаботно выдохнул гражданский, обдав дозиметриста легким сивушным перегаром. – О делах, о жизни.

– Простите, но я не желаю с вами обсуждать ни свои дела, ни свою жизнь, – тон его в этот момент источал абсолютную холодность и надменность.

– А зря, – тепло и по-доброму отозвался на это метеоролог. – Ведь это теперь от меня будет зависеть вся ваша дальнейшая жизнь.

– Каким образом!? – в глазах Шептицкого появились искорки недоумения и догадки.

– Я – тот, кого вы ждете уже почти месяц, – сообщил Евгений, как о само собой разумеющемся, и не требующим дополнительных пояснений.

– Докажите! – жестко потребовал старший лейтенант, хотя внутри себя уже понял, кто стоит перед ним.

– Как? – спросил его метеоролог, пожимая плечами. – Рассказать вашу биографию?

– Нет, – поморщился Шептицкий. – Этого не требуется. Скажите коротко, но только о том, что знаю только я и еще пара людей, там, – он махнул неопределенно рукой в сторону материка.

– Ну, если коротко, то могу уложиться в одно слово, – с ухмылкой проговорил синоптик.

– Говорите.

– Ингрид, – без выражения произнес Евгений.

Одного этого слова было достаточно, чтобы убедиться в высокой осведомленности «спящего» агента.

Шептицкий с жадностью посмотрел в глаза собеседника, что-то прикидывая про себя в уме. Анализ его не был долгим.

– Здесь, посреди улицы, наверное, говорить неудобно, поэтому прошу ко мне, – сделал он приглашающий жест, отступая чуть в сторону, и давая пройти вперед посланнику куратора.

– Нет уж, – замотал отрицательно головой Евгений, – к вам-то как раз идти и неудобно.

– Почему? В прошлый раз куратор беседовал со мной, как раз у меня дома.

– Куратор приехал и уехал, а я здесь уже пятый год держусь и только потому, что строго соблюдаю меры безопасности, – нравоучительным тоном заметил метеоролог.

– Хорошо, но не посредине же улицы нам с вами беседовать? – выразил удивление Шептицкий. – А, как я могу предполагать, беседа будет не краткой.

– Давайте просто отойдем в сторонку, чтобы не мешать нечаянным прохожим, – предложил Евгений.

– Хорошо. Будь, по-вашему. Отойдем, – покорно согласился Арнольд.

Они сошли с утоптанной тропинки в сторону, но открытое место покидать не стали, чтобы контролировать окружавшее

их пространство. Первым нарушил молчание, находящийся в нетерпеливом ожидании Шептицкий:

– Я выполнил все, что было мною обещано куратором еще месяц назад. Почему вы так долго не появлялись?

– Не все в этом мире зависит от нас, – туманно выразился агент и тут же пояснил. – Те, кто принимает решения, только вчера велели мне выйти с вами на прямую связь. Операция, сами понимаете, довольно сложная и требующая тщательной подготовки.

– На какое число назначена операция? Мы с вами должны успеть продумать планы по нашему спасению и обеспечению алиби, в дальнейшем, – быстро заговорил тихим голосом, порой переходящим на шепот старший лейтенант.

– Начало операции назначено на пять часов утра 7-го сентября.

– Через три дня, значит, – вслух повторил Арнольд. – Хорошо. Я буду готов этому сроку. Что мне с собой взять, и какое место для укрытия мне приготовлено, чтобы переждать бомбардировку?

– Подождите, не торопитесь вы с вашим укрытием, – смешно сморщил нос Евгений. – Мне поручено посвятить вас в детали предстоящей операции.

– Говорите, я внимательно вас слушаю.

– Вы знаете только о планах по уничтожению базы бомбардировкой с воздуха. Однако это только часть общего плана. Так сказать, ее завершающая часть. Но те, кто разраба-

тывал ее детали, решил не ограничиваться тупым уничтожением объекта, поэтому в первоначальный план были внесены некоторые поправки. Сегодня в Северной Атлантике начинаются учения НАТО с привлечением штатовской АУГ во главе с авианосцем «Теодор Рузвельт». Так вот, прежде чем нанести массированный ракетно-бомбовый удар по базе, решено, прежде выбросить достаточно многочисленный десант из высокопрофессиональных бойцов группы «Морские котики».

– Но зачем? Разве удара высокоточным оружием недостаточно для того, чтобы затормозить исследования русских в этой области? К чему такие риски? – искренне изумился Арнольд.

– У высоколобых умников в Лэнгли возникла идея не только о том, чтобы затормозить Россию на данном направлении, но и значительно ускорить свои разработки. А для этого, сами понимаете, им очень нужны местные специалисты, которые помогут им в этом.

– То есть, они хотят захватить в качестве трофея специалистов, разбирающихся в данной тематике? – догадался Шептицкий.

– Вот именно, – кивнул синоптик. – Всех, разумеется, прихватить не удастся, по объективным причинам, но ключевых персонажей, на которых завязано все, они постараются взять с собой.

– Я знаю лишь одного такого специалиста, который может

разобраться в каждой детали установки – самого ее создателя.

– Да. Алексей Боголюбов – единственно подходящая кандидатура для того, чтобы стать гостем в тайных казематах ЦРУ, где из него вытянут все имеющие значение секреты этого аппарата, – согласился агент.

Арнольда, обладающего хорошими навыками воображения, всего передернуло только от одной мысли, что будь он носителем какой-нибудь тайны стратегического уровня, ему не миновать бы специального кресла с фиксаторами и набора инструментариев на соседней тумбочке, для развязывания упрямых языков. Он на миг зажмурился, чтобы хорошенько представить себе эту картину, но долго пребывать в таком состоянии не смог из-за своей тонко организованной и холерной натуры.

– Но, простите, при чем здесь я?! – возмущенно пожал Арнольд своими худосочными плечиками. – По-моему, я и так сделал все, что от меня зависело по уговору! Я обеспечил подсветку всех потенциальных целей, имеющих хоть какой-то интерес для заказчика. Что я еще могу?

– Вы можете помочь обеспечить тайную высадку десантной группы, – перебил скучным голосом возмущенную тираду Шептицкого агент.

– Каким образом? – с ядом в голосе поинтересовался дозиметрист.

– Для успешной высадки десанта необходимо нейтрали-

зовать наблюдение за подстилающей водной поверхностью залива, – все тем же постным голосом, продолжил Евгений свои наставления. – Подводная лодка с десантом не может всплыть незамеченной в территориальных водах, для того его выброски.

– А через торпедные люки никак нельзя? – со знанием дела спросил Арнольд.

– Никак. Торпедные люки – стандартного диаметра в 533 миллиметра не предназначены для высадки диверсантов в полной выкладке. Через шлюзовую камеру, имеющуюся на лодке, много человек не высадишь, да еще и со всей амуницией. И по времени это долго. А тут каждое мгновение на счету. Так что, волей-неволей, но придется всплывать невдалеке от берега. Поэтому тебе, дружок, придется еще немного потрудиться на благо мировой демократии, хе-хе, и устранить последнее препятствие для высадки.

– То есть нарушить работу РЛС «Подсолнух»? – опять до глубины души возмутился и удивился Шептицкий.

– Да, – кивнул синоптик. – Десант сможет беспрепятственно выйти на берег, только в случае, если «Подсолнух» будет молчать.

– Так, что вы от меня-то хотите?! – уже не сдерживаясь, перешел с тихого шепота на вполне громкую речь, Шептицкий. – Я и так с превеликим трудом разместил в недрах РЛС изотопные метки. Вот уничтожьте ее прямым попаданием ракеты.

– Во-первых, незачем так орать на всю улицу и привлекать тем самым к себе ненужное внимание, – зло прошипел в ответ агент. – Во-вторых, вы невнимательно слушали все, что я до этого говорил вам. А говорил я вам о том, что в первоначальный план были внесены коррективы. Теперь нашим заказчикам надо не с шумом и гамом разнести к чертовой матери всю территорию базы, а прежде всего, тихо проникнуть внутрь и добыть, любой ценой, нужного для них человека. И уж после всего этого бить всю посуду в лавке.

– Но я-то тут, с какого боку? – опять принялся за старое Арнольд. – Я не командос, не «морской котик». Я – интеллектual. Моя ценность для разведки Штатов заключается в добыче и передаче ценной разведывательной информации. И я, вот убей меня Бог, никак не могу представить себя в роли Джеймса Бонда.

– Джеймс Бонд тоже был интеллектualом MI-6, что, однако, не мешало ему время от времени вступать в чисто физические единоборства с врагами Ее Величества, – парировал агент.

– Говорите же, что вам еще от меня надо?! – прошипел, доведенный до белого каления, Шептицкий, навязываемой ему неведомой роли.

– Мне велено поручить вам, самостоятельно нейтрализовать дежурную смену РЛС, – шелестящим голосом довел до Арнольда приказ синоптик.

От такого оборота Арнольд поперхнулся и выпучил глаза

не в силах даже прокомментировать такое наглое предложение. Целую минуту он находился в ступоре, рисуя в голове свой будущий провал, в случае его согласия на его выполнение. Агент не торопил с ответом, наблюдая за метаморфозами лица собеседника. Через минуту Шептицкий нашел в себе силы выйти из состояния грогги.

– Вы, что, там, все с ума посходили, что ли?! – выдавил он из себя почти через силу.

– Нисколько, – с нотками флегмы ответил Евгений. – Там, – он поднял глаза кверху, – все просчитали и решили, что использование вас в качестве ликвидатора будет единственным оптимальным вариантом для нейтрализации дежурной смены.

– Я на такое не подписывался! – яростно затряс головой дозиметрист. – Идите вы все лесом! Я умываю руки!

Неожиданно лицо метеоролога исказила злая гримаса и он, ухватив Шептицкого за отвороты шинели, рывком притянул его к самому своему лицу:

– А теперь, щенок, слушай сюда! – обдал он Арнольда стойким чесночным дыханием. – Ты уже все подписал тогда, когда согласился работать на врага своей страны! Тебе, б..., сказать, за сколько ты продался или сам вспомнишь сумму?

– Сумасшедший! – взвизгнул Арнольд, всегда боявшийся грубой и нахрапистой силы. – Отцепитесь же от меня! – изо всех сил старался он отодрать руки от своей форменки. Ему очень не хотелось опять попадать в скандал связанный с ру-

коприкладством.

– И запомни, выкидыш генеральский, ты будешь всегда и всюду выполнять приказы своих хозяев! А не то, те кому надо, живенько узнают о твоих похождениях, – пригрозил он, не переставая дышать в лицо смесью чеснока и вчерашнего самогона. – И загремите вы со своим папанькой в застенки товарища Тучкова, где ваши кишки будут разматываться на раскаленном вертеле.

– А ты будешь корчиться вместе с нами на соседнем, – в свою очередь зло прошипел Арнольд.

– Ошибаешься, милый, – оскалился в ухмылке Евгений. – Я кто? Я – простой курьер, мне спустили, я – передал ниже. За мной ничего серьезного нет. Родину не предавал, ее секретами не торговал. Я всего лишь выполнял мелкие поручения своих нанимателей. Так что, я в худшем случае пострадаю за свой маленький гешефт, в отличие от тебя. Мне припаяют червонец и отправят лес валить в Магадан. Для меня это, как курорт после пребывания среди здешних камней, где даже кустика нет, чтобы помочиться.

Видя, что контршантажом агента никак не переубедить, Шептицкий начал просто канючить по-детски:

– Как вы не поймете, – чуть не плача выговаривал он некрасиво кривя губы, – что я не могу этого сделать? Это просто не в моих силах! Я никогда этим не занимался!

– Учиться никогда не поздно, – ослабил рот в хищной улыбке Евгений. – Каков обычный состав дежурной смены? –

неожиданно деловито поинтересовался он.

– Три человека, – шмыгая носом, поведал киллер-практикант. – Старший смены и два оператора.

– Всего-то?! – весело присвистнул синоптик. – Я-то думал, что там не меньше отделения, а там оказывается всего трое.

– Они все в одном помещении находятся?

– Да, – понуро кивнул головой Арнольд, понимая, что отвертеться, никак не удастся.

– Вот видишь, как все славно выходит! Тебе даже гоняться ни за кем не придется по всей станции, – решил синоптик хоть как-то подбодрить Джеймса Бонда местного разлива.

– Вы опять не понимаете, – затянул Арнольд прежнюю волюнку. – Я не владею навыками рукопашного боя. Они меня тотчас же скрутят. А если я начну стрелять, то внешняя охрана тут же примчится, услышав первые мои выстрелы. К тому же мне нельзя использовать личное оружие. Следствие потом установит, из какого-стволы они были убиты и тут же выйдет на меня.

– Что, малой, детективов начитался в детстве голопятом? – опять блеснул волчьим оскалом метеоролог. – Ну да, ладно, не скули. Так и быть, помогу я твоему горюшку.

Евгений сунул руку за пазуху и достал оттуда нечто небольшое и перемотанное тряпицей.

– На, вот, – сунул он опешившему Арнольду сверток прямо в руки.

– Что, это? – спросил Шептицкий, но сразу и осекся, как только нащупал пальцами контуры завернутого предмета.

– «Глок». Бесшумный портативный вариант, специально созданный для деликатных операций. Новейшая разработка наших австрийских друзей. Магазин на пятнадцать патронов. И патроны непростые. Стекланные. Отравленные. Три секунды и каюк! Даже прицеливаться не надо как следует. Куда бы ни попал, все одно – смерть, – со знанием дела пояснял агент.

– Я не..., – хотел было опять возразить Арнольд, но наткнувшись на жесткий взгляд собеседника, предпочел на этот раз заткнуться.

– С конструкцией, чай, сам разберешься потом. Не маленький, – со скрытой издевкой в голосе произнес Евгений. Шептицкий сунул сверток в глубокий карман шинели.

– Что и когда я должен буду сделать? – уже холодным голосом спросил он у своего «наставника».

– Запоминай. 7-го сентября, в 4.45 утра, ты под любым предлогом проникаешь на станцию. Думаю, что пятнадцать минут тебе хватит за глаза, чтобы повернуть дело. Когда происходит у них смена?

– Ровно в 7.00.

– Хорошо. После того, как ты ликвидируешь операторский пост, не забудь на всякий случай вывести аппаратуру слежения из строя. Ты человек технически грамотный, поэтому не мне тебя учить, как можно привести в негодное со-

стояние технику.

– Охранники могут узнать меня в лицо. И их не так-то просто ликвидировать, – опять засомневался Шептицкий.

– Об этом не горюй. Их потом ликвидируют те, кто высадится с подводной лодки, – не стал принимать в расчет опасения Арнольда агент. – Они будут на месте уже примерно в 5.30.

– Ладно. Что дальше?

– Дальше ты прогулочным шагом направляешься к дому, где живет Боголюбов. Вот тебе личная радиометка, – протянул Евгений небольшую пуговицу Арнольду. Во всяком случае, она выглядела именно так, даже ушко было, как у настоящей пуговицы. – Пришей ее себе куда-нибудь.

– Зачем? – опасливо поинтересовался Арнольд, подозревая, что его могут по ней вычислить и ликвидировать, как уже ненужного свидетеля.

– Дурашка, – понял его затаенные мысли Евгений. – Наоборот, она поможет в начавшейся неразберихе не подстрелить тебя случайным образом. Понял?

– Понял, – буркнул Шептицкий. – Только...

– Что, только?

– Тихо провести операцию все равно не удастся, если поднимется стрельба. А что если они поднимут тревогу и сообщат об этом на материк? – поежился старлей.

– Тревогу-то может, и поднимут, да вот только сообщить на материк вряд ли смогут в срочном порядке. Все продума-

но. Пока наладят связь, пройдет час, а то и больше. За это время все уже будет сделано.

– Ну, если так, то ладно, – немного успокоился Арнольд.

– Так вот, – продолжил свои наставления синоптик, – прогулочным шагом идешь к дому Боголюбова. Возле него ты должен быть примерно в 5.40. Сорок-то минут, надеюсь, хватит, чтобы дойти?

– Зачем мне туда идти? – опять забеспокоился старлей, думая, что ему навесят выполнение еще какого-нибудь задания.

– «Морские котики» не знают, в каком доме он живет. Во всяком случае, им будет трудно отыскать его в потемках и в хаотичных застройках поселка. А твоя метка, как раз и выведет их на него, – терпеливо пояснил Евгений.

– Дом охраняется «секретами», расположенными вокруг него, – уточнил диспозицию Шептицкий. – Если я буду там топтаться, то меня быстро обнаружат и возьмут в оборот.

– Ничего страшного, – успокоил его агент. – Это даже к лучшему. Они сами засветятся и «котикам» будет проще их ликвидировать. Не убегай от них. Поговори. Будут допытываться, что ты тут делаешь, скажешь, что просто бессонница одолела, вот и совершаешь утренний моцион. В общем, заговори им зубы.

– Блин! – не удержался Шептицкий от восклицания. – Я с вашим планом везде и перед всеми успею засветиться, как мне потом доказывать свое алиби, когда начнется расследо-

вание.

– Не дрожи, как осиновый лист на ветру, – вновь осклабился в приторной улыбочке синоптик. – Какое тебе дело до будущего расследования? И о каком алиби ты тут мне лопочешь? После коврового бомбометания тут даже камней крупнее щебня не сыщется.

– А как же тогда...?

– А по поводу тебя принято специальное решение. Ты, видимо, еще зачем-то нужен своим боссам из Лэнгли. Поэтому тебя решено эвакуировать вместе с Боголюбовым. Командир десантной группы знает тебя в лицо. Ему поручено позаботиться о тебе. Так что, можешь рассчитывать на то, что остаток своих дней проведешь где-нибудь в Майами на собственной вилле, – подытожил Евгений и скривил лицо, будто обьелся кислятины.

Арнольд правильно истолковал это его выражение лица. Метеорологу такая сладкая жизнь не светила. Он даже в глубине души немного посочувствовал своему наставнику, не сумевшему подороже продать Родину.

– А как же вы? Что будет с вами? – немного извиняющимся тоном спросил он у Евгения.

– Ты за меня не переживай, – зло сплюнул на снег метеоролог. – Я завтра отбываю в Рогачево для осуществления профилактических работ на тамошней метеостанции.

– Значит, мы с вами больше не увидимся?

– А зачем нам видеться? – пожал тот плечами. – Мы не

друзья, не сослуживцы. И наша с вами встреча – всего лишь один из штрихов мутной биографии. Может когда-нибудь мне удастся вырваться из объятий этой большой, но равнодушной к своим сыновьям страны. Но в любом случае, наши пути вряд ли когда сойдутся вновь.

– Возможно, вы правы в какой-то мере...

– Ладно. Пойду я. Нечего мозолить глаза прохожим, – угрюмо проговорил синоптик и, не оглядываясь, шагнул в темноту вечера.

Глава 48

I.

Там же

С пачкой масок в кармане и в слегка подрасстроенных чувствах от того, что потерпела неудачу его задумка о вакцинации четырехлапой постоялицы, Митрич выкатился из здания поликлиники. За то время, что он там провел, народу на улице заметно прибавилось. Свободные от службы или вахты люди толпились у дверей, ожидая с нетерпением выхода на свет первого из вакцинированных.

Идет! Идет! – пробежал легкой рябью по толпе говорок. – Гляньте! Сам идет!

Комендант недовольным оком окинул собравшихся, значительное число которых состояло из женщин, и укоризнен-

но покачал головой. Этот его взгляд и покачивание головы внесли сумятицу в идеологически неокрепшие головы присутствующих. Наиболее недоумевающие граждане даже позволили себе выкрикнуть из толпы слова сомнений:

– Митрич, что случилось?! Что так долго-то возились с тобой?! Ишь, головой качает! Видать не в то место укололи! – раздались голоса местных диссидентов.

Виттель вошел в центр толпы и остановился, окидывая суровым взглядом окружающих его представителей общественности. Отношения между местной администрацией, представленной в его лице, и народом были простыми и незатейливыми. Белушья была одним из немногих мест на карте России, где местная власть не отгораживалась от своего электората высокими заборами личных домов, элитными заграничными авто с затемненными стеклами, спецпайками и отдельными столовыми с ценами гораздо ниже рыночных, и прочей присущей для правящей элиты атрибутикой. Поэтому коммуникация между властью и обществом была лишена всяческого формализма и больше всего смахивала на общение между строгим, но справедливым отцом со своими многочисленными домочадцами – не всегда послушными, однако от этого не менее любимыми.

– Эт-то, что еще за несанкционированное собрание?! – выгнул кустистую свою бровь глава военно-гражданской администрации. – Вы что, читать не умеете или у вас уши заложило?! Я же по радио делал объявление об очередности на

вакцинацию!

– Не серчай, Митрич! Мы просто насчет вакцины! Вот, хотели узнать, что да как! Говорят, что ты уже сделал! – раздались нестройные реплики сограждан обоих полов.

– Ну, сделал! – встопорщил бородищу комендант. – Обязательно из-за этого митинг организовывать?!

– Вот и расскажи обществу поподробней про вакцину, да куда ее делают, в какое место! И правда ли, что мужикам и бабам в разные места колют?! – выскочила вперед самая бойкая из женщин, одетая в цигейковый полушубок (несмотря на еще довольно теплую погоду) и подпоясанная кушаком, как у заправских ямщиков предыдущего века.

Поселок, которым руководил Митрич, был уже большим даже по сравнению со своими собратьями на материке – около 6000 жителей, включая военных, научных сотрудников, квалифицированных специалистов и обслуживающего все это хозяйство персонала. Поселок немалый, даже без учета тех, кто жил на противоположной стороне бухты и обслуживал работу «Воронежа». Однако Митрич, как и положено настоящему хозяину своего участка, знал всех его жителей, если и не по имени, то уж в лицо – точно. Поэтому ему не пришлось сильно напрягать свою память, чтобы узнать разбитную тетку.

– Прививки делают, как и положено – в дельтовидную мышцу плеча, но для тебя Клавдия, я лично упрошу доктора сделать в язык твой трепливый! – осадил он не в меру язы-

катую бабу.

Публика покатила со смеху, видя, растерянное лицо этой самой Клавдии.

– Митрич, а скажи, правда, бают, что меж прививками нельзя в рот брать ни капли?! – опять раздался чей-то задорный, но уже мужской возглас.

– Правду, – пригорюнился полковник. – Так что, придется и вам и мне, грешному, потерпеть во избежание ненужных эксцессов.

– Ешкин кот! Да как же так-то?! – зароптали мужики, а бабы наоборот – расцвели и заулыбались.

– Что же, нам теперича три седмицы тверёзыми ходить что-ли? – возмутился еще кто-то из мужской части населения.

– Я же хожу! – встопоршил бороду полковник. – Уже два дня ни в одном глазу! И вы с меня берите пример. Скажу больше! И после второй дозы еще три недели нельзя на грудь принимать! – объявил комендант, и лицо его еще больше погрузнело.

– О, Господи! Счастье-то какое! – раздалось обрадованные голоса женщин. – Хоть полтора месяца увидим своих мужиков трезвыми!

– Нет-нет, мужики! – опять раздался из толпы заливчатый возглас. – Нам никак нельзя прекращать пить! Это тогда катастрофа будет!

– Это почему же?! – отозвалась одна из женщин, в недо-

умении разводя руками. – Я уж забыла, как мой трезвым-то выглядит: то в дрова, то с бодуна!

– Балда! – смачно выговорил кто-то из стоящих рядом мужиков. – Сама не знаешь своего счастья! А ну, как он на тебя трезвыми-то глазами посмотрит! У-у-у! Пьяному-то ты ему красавицей кажешься! А так-то взглянет и ноги со страху протянет!

Толпа опять забилась в истерическом припадке смеха.

– Ну ладно, буде глотки-то драть! – подытожил Виттель. – Посмеялись и хватит. Я вон, смотрю, вы все тут без масок гыгыкаете, а ведь это прямое нарушение предписаний Минздрава. Цельный самолет с масками прилетел позавчера, а в амбулаторию никто из вас за ними не пришел. А ведь я по радио и об этом объявлял, – укоризненно покачал он головой. – Вон и доктор мне за это попенял.

– Сам-то тоже не в маске! – кинул кто-то реплику.

– Как это не в маске?! – огладил свою лопатообразную бородищу комендант. – Во-о! – достал он из кармана пальто целую пачку и потряс ею в воздухе, как иудейскими скрижалями. – Как только бороду состригу так сразу и напялю.

– А когда сострижешь-то?!

– Это уже другой вопрос, – дипломатично увильнул старый хитрован и тут же перевел тему разговора. – А вы, товарищи, не толпитесь тут и не закрывайте проход в медицинское учреждение. Гражданские могут быть пока свободны, а военнослужащие – становись в живую очередь!

Не вступая в дальнейшие разговоры и не слушая больше самостийно собравшихся, Его Величество, выпятив грудь, гордо похромал дальше, погруженный в свои ежедневные заботы. Народ немного поворчал, обсуждая последние решения местной администрации, но подчинился приказу коменданта, так как привык верить этому колченогому и заросшему седыми волосами старикану. А дел у коменданта, как всегда, было много. Должность военного коменданта нагала на него обязанности по организации охраны периметра бывшего полигона, обучению солдатским навыкам тех, кто прибыл сюда по призыву, проведению регулярных учений по отражению нападений и реагированию на катастрофы, как природного, так и техногенного толка. Сам «объект», расположенный в скальном массиве, разумеется, охранялся спеццами из смежного ведомства с лазеревыми просветами на погонах, но даже и они, формально подчинялись ему. Впрочем, помимо работы по своему профилю ему еще приходилось заниматься и чисто гражданской деятельностью, коей обычно занимаются главы администраций небольших поселений. Приходилось вникать в работу коммунальных служб, школы, детских садов, которых было уже два и надо было думать о строительстве третьего, портового хозяйства, складов с горючим и провиантом, торговых точек (имелись и такие) и вообще всего того, на чем держится поселковая жизнь. Вот и сейчас, перед тем, как проверять караулы и «секреты», он решил пойти до школы. Вчера к нему приходила директри-

са и в достаточно эмоциональных тонах пожаловалась на отсутствие должного тепла в учебных классах, хотя накануне 1 сентября коммунальщики клялись и божились, что к началу учебного года проблем с отоплением в местах, где пребывают дети, не будет. Приходилось идти и самому разбираться, в чем причина угрозы срыва учебного процесса. Заботу о подрастающем поколении полковник считал наипервейшей своей обязанностью после охраны секретного производства. А школу, к открытию которой он в свое время приложил немало усилий, считал ничем иным, как своим детищем. В школе, правда, преподавали пока только ученикам до 9-го класса, но он льстил себя надеждой, что вскоре она получит статус полноценного среднеобразовательного учебного заведения. И к этому были все предпосылки. Демографическая ситуация, в последние двадцать лет, стала потихоньку выправляться. С каждым годом в поселке появлялось все больше и больше ребятишек. С тех пор, как закрытый ранее полигон обрел свое «второе» дыхание в виде щедрого финансирования проводимых здесь секретных мероприятий, сюда сначала потянулись молодые специалисты, привлеченные небывалыми окладами – несравнимыми с тем, что существовали на материке. Вслед за молодыми кадрами стали появляться и их законные половинки (специфика работы объекта не подразумевала вахтового метода работы на нем). Законные половинки по достоинству оценили щедроту Минобороны, которое обеспечило трудящимся на объекте не только

высокие оклады, но и комфортное существование, развернув небывалое доселе строительство жилья для того, чтобы удержать специалистов на месте. Каждый семейный специалист или военный, тут же получал просторную двухкомнатную квартиру, а если у него к тому же рождался ребенок, то квартира незамедлительно менялась на трехкомнатную. Какая молодая женщина, особенно из российской глубинки, откажется, сразу после заключения брака с человеком, имеющим минимальный оклад триста тысяч рублей, от проживания в своей отдельной двушке? Социальная политика государства в этих, казалось бы, позабытых Богом местах, тоже была на высоте, что было весьма удивительно при всегдашнем наплевательстве властей на нужды своих сограждан. Поэтому, чтобы жены окончательно не заскучали в отрыве от цивилизации, для них были созданы специальные рабочие места в обширных тепличных хозяйствах, снабжавших поселок своими овощами и фруктами практически круглогодично, небольших производствах, связанных с потребностями поселка, народных промыслах, направленных на сохранение самобытной культуры народов Севера. На материке очень охотно разбирали сувениры, изготовленные из моржового клыка. Оптовики выстраивались в длиннющие очереди для того, чтобы закупить, как можно больше изделий резьбы по кости. Мечтой Митрича была звероферма, на которой можно было бы выращивать песцов и скорняжное производство. Продаже мехов сулила немалые деньги в казну поселка.

В прошлом году, когда он ездил в отпуск на свою малую Родину, с пересадкой через Норильск, местный глава Якутии обещал посодействовать в решении данного вопроса, тем более, что денег Митрич не просил, а все упиралось лишь в получение необходимой лицензии, которую могла дать только Москва в лице Минприроды. Крытые спортивные площадки (даже теннисный корт), 3D-кинотеатр, а также роскошный по местным меркам Дом культуры с его многочисленными секциями и кружками, не только скрашивали серые будни жителей и жительниц поселка, но и давали дополнительные рабочие места для жен работников секретного производства. Таким образом, у них появилась не только хорошо оплачиваемая работа, но и отдушина, отвлекающая от монотонного семейного быта. Даже гостиница была – небольшое и неказистое с виду, но вполне себе пристойное двухэтажное здание, тянущее на «три» звездочки и рассчитанное на единовременное проживание двадцати постояльцев. Она тоже была предметом тайной гордости Митрича, считавшего, что пока в населенном пункте нет своего отеля, он не может претендовать на звание города. Конечно, в бытовом плане, были свои неудобства. В то время, как интернет победным шагом завоевывал для себя все свободные уголки планеты, здесь о такой роскоши можно было только мечтать. Вернее, интернет, конечно, был, но только у военных и у «высоколобых» и исключительно на рабочих местах. Его гражданской и общедоступной версии в поселке не было, впрочем, так же, как

и мобильной связи, дабы пресечь утечку секретной информации. Телевидение, да, разумеется, было. Но здесь, в высоких широтах с их Северными Сияниями и электромагнитными возмущениями, телевидение работало нестабильно и с помехами. По иронии судьбы, именно факт такого житейского неудобства и сыграл свою роль в увеличении рождаемости в поселке. Ну а чем еще прикажете заниматься молодым людям после трудового дня, как не увеличением народонаселения? Вот поэтому в поселке было уже два детских сада с перспективой постройки третьего и общеобразовательная школа на двести пятьдесят учеников, тоже с перспективой расширения.

Прежде чем прийти в школу, Митрич решил заглянуть в котельную, думая, что холодные батареи в школе – вина котелгаров, снизивших давление пара. Убедившись лично, что все предписанные нормы по поддержанию температуры и давлению в котле соблюдаются неукоснительно, он слегка призадумался. Маленькая котельная обслуживала не только школу, но и ряд частных домов, прилегающих к ней. Но жалоб со стороны жителей на отсутствие тепла не поступало. Выходило так, что дело было не в котельной и не в тепло-трассе, ведущей от нее к зданию школы. Тогда, в чем? Значит, причину следовало искать в самом школьном помещении. Из сбивчивой и панической речи директрисы выходило, что отопление все же было, но далеко не во всех классах и помещениях. Из задумчивости его вывел голос заведующего

котельной, а по совместительству еще и ее главного механика – молодого парнишки двадцати с хвостиком лет, у которого еще даже толком не было природной растительности на лице, что делало его еще моложе, чем он был на самом деле.

– Дядя Миша, что призадумался?! – спросил он веселым голосом, вытирая ветошью свои руки. Митрич, несмотря на свою «голубую» кровь и «белую» кость, был достаточно мудрым человеком, чтобы адекватно реагировать на подобное обращение к себе со стороны гражданского населения. Для них он был не полковником и не комендантом, а нечто вроде старосты и старейшины (по сути, так оно и было) большого села, к которому можно запросто подойти с любой проблемой, включая даже семейные неурядицы. В поселке, конечно, был свой участковый в звании капитана, он же начальник полиции и он же главный и единственный ДПСник, но по младости лет еще не заработавший должного авторитета в обществе, а потому к его посредничеству прибегали лишь в самых крайних случаях.

– Да, вот Пашка, думаю, как же так получается, что твоя котельная шурует вовсю, а на выходе пшик один? – задумчиво ответил он молодому котельщику.

– А что тут думать?! – не переставал улыбаться во весь рот парнишка. – Директриса уже прибегала ко мне позавчера, кричала и руками махала во все стороны, мол, саботаж и все такое прочее.

– А ты ей, что на это?

– Послушал ее со вниманием и почтительностью, все-таки, как-никак, а моя бывшая классная руководительница.

– Ну и? – начал понукать его Митрич в нетерпении.

– Сходил с ней в школу, пощупал батареи. Действительно, на первом этаже, больше чем в половине помещений горячие трубы, а чуть подальше от точки входа, то уже менее. На втором этаже, так совсем чуть теплые, – обстоятельно начал выкладывать фактуру котельщик.

– Вывод, вывод-то каков? – не утерпел Митрич.

– Разводку надо поглядеть. Она у жэковских слесарей должна быть. А только я так полагаю, по своему разумению, что когда трубы летом варили, да батареи новые ставили, то видать окалина попала где-то там, вот и произошла закупорка.

– Может завоздушило?

– Н-е-е, дядя Миша! Кабы завоздушило, то трубы вообще были бы холодные, а то ведь тепленькие. Значит, вода поступает, но не в том объеме, – высказал свою гипотезу Пашка.

– Добро. Схожу тогда и сам все погляжу и пощупаю, – согласился с ним Виттель, пожимая на прощанье руку.

Директриса – женщина в годах и дородного телосложения (уже подмечено, что маленькие и худенькие не приживаются в этих краях) встретила коменданта прямо у входа. Видимо высмотрела в окно раскачивающуюся при ходьбе фигуру коменданта.

– Михаил Дмитриевич, как хорошо, что вы пришли! Ведь

это сущее безобразие! Дети вынуждены заниматься в помещениях, не снимая верхней одежды! А, что будет зимой?! Я боюсь себе это даже представить! – закудаhtала она, беря сразу с места в карьер.

– И представлять не надо Эльвирушка, – фамильярно хмыкнул он в бороду. – Сама, чай помнишь, как в начале нулевых сидели мы тут с тобой без света, когда солярки для дизель-генератора оставалось всего две бочки, и как занятия велись всего в двух комнатах посменно, чтобы старшие для тепла надышали младшим.

– Помню, – сразу сникла директриса. – Так ведь с тех пор прошло два десятка лет.

– Вот, то-то и оно! Как мы все к хорошему-то быстро привыкаем. Какая температура в классах?

– Плюс 14, – тут же отрапортовала она.

– А по нормативу?

– Должно быть не меньше двадцати двух.

– Изнежились, как я посмотрю, – проворчал он беззлобно. – Ну да ладно, веди. Посмотрю, что тут у тебя, да как.

– Так ведь чернила в шариковых ручках застывают! Писать нет никакой возможности, – всплеснула она руками, как крыльями, из под накинутой на плечи шали.

– Карандаши есть, – буркнул Митрич, поводя кустистыми бровями, но не стал развивать дальше эту тему. – Ладно, мать, веди меня к тому месту, где батареи еще горячие.

Внимательно исследовав состояние батарей в каждом по-

мещении, и убедившись в реальности гипотезы начальника котельной, комендант попросил директрису провести его в свой кабинет, чтобы оттуда связаться с местным жилкомхозом.

– Семеныч, узнал? – обратился он к главному коммунальщику, даже не поздоровавшись.

– Как, не узнать?! – послышалось подобострастно в ответ.

– Угадай, откудава я тебе звоню?! – елейным голосом спросил Виттель.

– Понятия не имею, Михал Дмитрич, – ответила эбонитовая трубка допотопного телефона.

– Из школы звоню! Просекаешь ситуацию?!

– А-а-а, – протянул разочарованно Семеныч, – и до вас добралась наша несравненная Эльвира Моисеевна?

– Ты мне в августе на совещании исполкома, что обещал? – издалека начал комендант и сам же ответил. – Ты мне обещал к учебному году подготовить школу. Так?

– Так, Михал Дмитрич, – не стал спорить Семеныч. – Мы так все и сделали. Досрочно провели капитальный ремонт из выделенных бюджетных средств и полностью заменили отопительную систему установив вместо чугунных батарей металлические. Все по СНиПам.

– Но почему металлические, а не алюминиевые, как уговаривались еще, помнится в мае?

– Мне что с материка прислали, то я и поставил, – недовольно пробурчал комунхозовец.

– Но ведь заявку-то мы формировали на алюминиевые. Я, как сейчас помню.

– Они дороже, – нехотя признал Семеныч, – мы бы тогда в смету не уложились. Сами знаете, как алюминий в последнее время скакнул. Тогда и вовсе бы к началу отопительного сезона не успели.

– Отопительный сезон у нас – круглый год, если ты не забыл, – перебил его полковник. – Ну, ладно, об этом еще у нас будет отдельный разговор и не по телефону, – в голосе Митрича прозвучали явные нотки угрозы. – А сейчас ответь-ка мне: стояки ты тоже менял?

– Зачем их менять? – не понял собеседник вопроса. – Они не забиты, мы их проливали. Все было путем.

– А как вы их подсоединяли к новым батареям? – хитренько улыбнулся трубке комендант.

– Странные вопросы вы задаете мне, Михал Дмитрич, – недоумевающе констатировал Семеныч. – Сваркой, конечно. Чем же еще?!

– Сваркой, говоришь?! – уже перешел на зловещий тон полковник. – А почему же ты не проверил качество этой самой сварки?!

– Я проверял. Батареи теплые, – забубнил, явно оправдываясь, коммунальщик.

– Врешь! – рявкнул Митрич, окончательно рассерчив на изворотливого собеседника. – Это я, сейчас ходил и проверял, а не ты. В том месте, где вы в школьной столовой сварив-

вали стояки с батареей, стояк горячий, а дальше уже просто теплый. Как ты это мне объяснишь?!

– Ну-у, не знаю, – протянул Семеныч, – видимо, попало что-нибудь этакое? Поддать напору, может и выбьет?

– Это я сейчас тебе поддам коленом под зад, чтобы у тебя днище выбило, сукин ты кот! – не сдержался Митрич, а Эльвира Моисеевна демонстративно зажала пальчиками уши, услышав такие обороты речи. – Немедленно ремонтную бригаду в школу!

– Михал Дмитрич, за ради Христа, не могу никак сейчас! – заюлили на том конце провода. – У городской библиотеки трубу магистральную прорвало утром! Фонтан хлещет! Всех людей туда отправил. В конторе только я и бухгалтерша. Боюсь, до вечера провозимся!

– Делай что хочешь! Работай хоть в две, хоть в три смены, но чтобы завтра к утру отопление в школе было налажено в полном объеме! А не то...

– Что, не то?! – захотел уточнить свою участь Семеныч, задетый за живое грубыми словами в свой адрес.

– А не то, ты меня знаешь, сниму с тебя прилюдно портки, да отхожу по голым телесам голиком.

– Права не имеете, учинять телесные расправы! – забулькал Семеныч, обидевшись не на шутку. – Я буду жаловаться в вышестоящие инстанции на ваши угрозы применения насилия в мой адрес.

– Эва, напужал так напужал! – хохотнуло Его Величе-

ство. – Кому и как ты будешь жаловаться, паря!?! Или ты забыл, что в стране чрезвычайное положение и вся законодательная, исполнительная и судебная власть полностью сосредоточена в руках военных?! А по Закону «О чрезвычайном положении» военные комендатуры во всех городах страны, и уж тем более в нашем ЗАТО имеют право любыми средствами принуждать каждого гражданина к выполнению своих распоряжений! Слышишь?! Любыми!

– Слышу-слышу, – сразу приуныл Семеныч, ощущая своей «пятой» точкой будущее место приложения грубой силы, и все-таки не удержавшись, спросил. – Неужели у вас поднимется рука на человека?

– И поднимется, и опустится, и еще раз поднимется, и еще раз опустится. И так будет до полного обоюдного удовлетворения. Это я тебе обещаю, а ты знаешь, что я привык исполнять обещанное, – с ядовитой улыбочкой, прячущейся в бороде, констатировал полковник. – Ясно?

– Куда уж ясней.

– Так что, если завтра Моисеевна позвонит мне и скажет, что с отоплением опять проблемы, то, мил друг, не обессудь и жди меня в гости! – подытожил он разговор и для пущей наглядности с грохотом опустил трубку на рычаги.

– Так что, – немного испуганным голосом поинтересовалась директриса, – можно надеяться на разрешение конфликтной ситуации?

– Ишь, как ты, мать округло выражаешься! – сделал со-

мнительный комплимент полковник Эльвире Моисеевне. – Сразу видать в тебе учительницу словесности.

– И все-таки? – жалобным голосом от того, что стала невольной причиной жесткого разговора, спросила директриса.

– Я, думаю, что к завтрашнему утру все наладится. Не горюй, мать! – хлопнул он легонько по ее плечу и захромал к выходу.

II.

После посещения школы, Митрич, как и было им заведено с самого начала, отправился в обход своего «хозяйства». Не слишком доверяя новомодным средствам дистанционного наблюдения, он самолично обходил все «дозоры», караулы и «секреты». На улице начинало слегка пуржить. С неба летела какая-то дрянь – то ли мокрый снег, то ли ледяной дождь. Ампутированная нога отозвалась тягучей и ноющей болью, а это было верным признаком того, что погода будет ухудшаться и дальше. И вообще, в теле ощущался какой-то дискомфорт. Митрич никак не мог понять его причины. «Неужто вакцина так быстро дала о себе знать?» – с тревогой подумал он, прислушиваясь к своему внутреннему состоянию. Заглянул на стрельбище, где проходили каждодневные учения по огневой подготовке солдат-срочников под руководством опытных офицеров. Курс РХБЗ читал для

новобранцев он сам, никому из своих замов не доверяя эту обязанность. Сегодня курс по этой дисциплине должен быть по расписанию – после обеда. Обед! Произнеся это слово про себя, он вспомнил, что собираясь утром на службу, забыл позавтракать. «Ах вот почему я так скверно себя чувствую!» – пришел он к выводу и сразу повеселел, выяснив причину своего недомогания. Быстренько завершив обход, он в веселом расположении духа заспешил домой, где Серафима еще с вечера наварила настоящего украинского борща. Правда, настроение слегка поугасло после того, как он вспомнил о запрете доктора на прием горячительных напитков в период прохождения вакцинации, но все-таки не настолько, чтобы сбавить шаг. Уже идя по центральной улице, он нос к носу столкнулся с майором Семихватовым – начальником местного аэродрома, который тот с гордостью именовал не иначе, как «аэропорт». Майор был кряжист, кривоног, как все летчики, привыкшие к постромкам парашюта в паху и краснолиц, будто его недавно окунули в чан с кипятком. Хозяйство у майора было обширное. Помимо полагающейся диспетчерской вышки, на территории «аэропорта» находились многочисленные ангары со специальной техникой, предназначенной для обслуживания аэродрома. Также присутствовало большое количество складов с транзитными грузами для Земли Франца-Иосифа, запчастями, горючим, о дефиците которого уже не вспоминали лет пятнадцать, грузовые терминалы с оборудованием для главного производ-

ства, которое еще не успели утащить в «гору», крытое утепленное помещение для несложного ремонта и обслуживания авиатехники. Но основной гордостью Семихватова служило небольшое, однако весьма уютное здание «аэровокзала», где даже был зал ожидания и регистрации пассажиров с буфетом и таможенным турникетом. Что и говорить, хозяйство было богатым. Тем более, если сравнивать с тем, что было двадцать лет назад, когда борта ожидали месяцами. Сейчас же аэродром работал вполне себе регулярно, принимая самолеты с материка чуть ли не каждую неделю. А вот собственный авиапарк особой гордости у начальства не вызывал. Все, что имелось в наличии у Семихватова, вызывало скорее горькую усмешку, чем чувство хоть отдаленного удовлетворения. Два дряхленьких Ил-18 из отряда ледовой разведки, давно уже отслужившие все мыслимые сроки эксплуатации и не отправленные на покой только лишь по чьему-то недосмотру, да еще неизвестно, как затесавшийся в эту компанию не менее раритетный Ан-2, прозванный в народе «кукурузником», вот, собственно они и являли собой весь летный отряд Новоземелья. Стоявший на краю аэродрома Ил-76 переоборудованный для того, чтобы нести на себе секретную установку воздушного базирования, в состав летного отряда, естественно, не входил. Майор даже приближаться к нему на расстояние ближе, чем сто метров не имел права. Как и положено, по Уставу, примерно за три шага до коменданта, майор вскинул руку к шапке, приветствуя начальство:

– Здравия желаю, товарищ полковник! – бодро отрапортовал Семихватов, затем сняв перчатку, крепко пожал протянутую в ответ руку Виттеля.

– Приветствую, тебя, Игнатъич! – ответил полковник в свою очередь.

– А я, как раз, вас и шукаю, Михал Дмитрич, – перешел с казенного тона на бытовой, принятый негласно в среде своих. – То сказали, что вы в амбулатории, то вроде бы в школе вас видели.

– Никак случилось, что? – сразу напрягся комендант, знавший, как не любит лишний раз лезть на глаза командир летного отряда, а заодно и начальник воздушной гавани.

– Погодка-то нынче как разыгралась, а?! Синоптики обещают усиление ветра со всеми сопутствующими. Вона, какая неподобь с небушка валится. И говорят, что продлится это до конца недели, – сообщил тот озабоченно, зябко натягивая перчатку на руку.

– Вестимо, – согласился комендант, поворачиваясь к собеседнику так, чтобы прикрыть его собой от порывистого ветра. – У меня все кости гудят, ровно будка трансформаторная. Лучше любого Гидрометцентра предсказывают продолжительное ненастье, – тоном опытного пациента больницы поддержал Митрич.

– К чему это я тебе говорю, Михал Дмитрич? – задал Семихватов риторический вопрос и сам же на него ответил. – А к тому, что сейчас пришла РДО с материка, в которой сооб-

щается о том, что 6-го числа к нам прибудет борт из Москвы.

– Из Москвы?! С чего бы это вдруг? Только-только улете-
ли и опять? – округлил глаза полковник, не любивший, как
и все начальники гарнизонов визитеров из столицы.

– Да не просто борт, – подхватил майор, – а с большими
чинами!

При этом начальник аэропорта многозначительно ткнул
пальцем в небо для подтверждения своих слов.

– Ох, ты ж мать твою! Опять комиссия?! – охнул полков-
ник, хватаясь за свою бороду. – Вот ведь неугомонные! И
чего не сидится им в своих столицах?!

– На этот раз не по нашу душу, – улыбнулся кривовато
Роман Игнатьевич. – Приедут к Алексею Сергеевичу наблю-
дать за установкой...

– Ша, Игнатьич! – прервал его на полуслове Виттель. –
Ни к чему об этом посреди улицы суесловить. А что будут
устанавливать, так я и сам знаю – без напоминаний.

– Простите! – запоздало вспомнил о режиме секретности
Семихватов. – Ляпнул не подумавши.

– То-то же, – благодушно прогудел в бороду полковник.

– Так о чем это я? – запнулся Семихватов. – Ах, да!
Так вот, в РДО говорится, что возглавлять делегацию бу-
дет Игорь Николаевич, которому нужно обеспечить надле-
жащий прием и все такое.

– Это какой Игорь Николаевич? – не сразу сообразил Вит-
тель.

– Какой-какой?! Наш Игорь Николаевич! Неужели успел забыть за два-то месяца?!

– Постой-постой! Это ты про Вострецова, что ли?! – вскричал Митрич обрадованно и в нарушение режима секретности.

– А о ком же еще-то?! – закивал Семихватов. – Он теперь там большим человеком стал. Ногами двери в Москве открывает. Охрана при нем и свита большая. Генерал Иванов тоже будет с ним.

– Помню такого, – вставил комендант. – Не единожды был у нас. Дядька дельный и без столичной спеси.

– Он теперь к нашему Игорю Николаичу приставлен вроде как охраны и куратора всего проекта, – со значением добавил майор.

– Тоже неплохо, – согласился Митрич.

– Вот и я о том же. Люди-то придут наиважнейшие, а у нас сами видите, погодка начинает сильно портиться. ВПП обледенеет от такой хмари, да тут еще буран намечается не в тему. Что-то рановато погода начинает в этом году портиться. Боюсь, как бы чего не вышло.

– Думаешь, твои парни из БАО не управятся? – смекнул Митрич, куда клонит начальник аэропорта.

– Какой там БАО?! Едва-едва рота наберется, – сморщился Роман Игнатьевич.

– Ладно, не журишь, подкину тебе подмогу. Только бы твоя техника не подвела, как в прошлом году, когда твой зампо-

тех начудил с этими японскими аккумуляторами, а нам из-за этого всю ночь всем гарнизоном пришлось лопатами махать, – не отказал себе напомнить о случившемся просчете Семихватова Митрич.

– Да уж, – пришлось согласиться тому с горькой правдой, – понабирают тут по объявлению в военные училища кого ни попадя. А мне потом отдувайся за такую «зеленую кобылку». Но в этот раз не сомневайтесь, все будет в порядке. Лично проконтролирую.

– Тогда, добро. Послезавтра с утречка и пришлю тебе помощь, – смилостивилось Его Непомазанное Величество.

– Вот спасибочки, Михал Дмитрич, – с чувством проговорил Семихватов и, отдав честь, отступил в сторонку, давая пройти полковнику дальше.

Подходя к своему дому, Митрич, прежде чем взойти на высокое крылечко (в поселке все дома были с высокими крылечками), по уже заведенной традиции, сначала заглянул в сарай, где квартировала его белая и толстопятая постоялица со своим отпрыском. Комендант твердой и уверенной походкой (куда только делась хромота!) начал подходить к сараю. Медведица, обладающая феноменальным обонянием, еще загодя, когда он шел по улице, учуяла его приближение, поэтому сначала высунула голову в незапертый дверной проем, а затем, убедившись, что рядом с ее арендодателем нет никого из посторонних, вышла навстречу ему. Вспомнив, что ему только что сделали прививку и теперь он представ-

ляет для нее и для ее медвежонка реальную опасность, Митрич остановился и, пошарив у себя в кармане нащупал целый ворох дармовых масок. Кряхтя и не к месту поминая всех святых с применением околонучного лексикона, он кое-как напялил на себя этот намордник. Медведица, крайне удивленная неожиданным преобразованием своего благодетеля, остановилась и на ее морде читалось явное изумление от увиденного. Она никак не могла понять, для чего этот добрый без сомнения человек вдруг решил надеть на себя вторую морду, без носа и рта, и что все это может означать. Она как-то неуверенно оглянулась назад, где в дверном проеме показалось мордашка ее сына, тоже ошарашенного от увиденного, и замялась, не зная, что предпринять: то ли отступить на всякий случай свое логово, ставшее уже привычным убежищем, то ли наоборот – выйти навстречу. Видя, в каком затруднительном положении находится его квартирантка, Митрич тоже приостановился, давая ей немного привыкнуть к его новому образу. Наконец природное женское любопытство медведицы победило ее всегдашнюю осторожность, и она мелкими шажками все-таки подошла к нему. Пахло от человека в основном уже известными ей запахами, к которым она привыкла и не боялась. Правда к этим запахам примешивалось и еще что-то неуловимое и слегка специфическое, что щекотало нос и вселяло легкое недоумение. Однако взвесив на весах своей логики все составляющие, она решила, что, в общем и целом это не представляет для нее ни-

какой опасности, а если человек по какой-то причине решил надеть на себя другую морду, то это его личное дело и оно ее никак не касается. Она подошла к нему вплотную и подняла свою громадную голову прямо на уровень его лица. Еще раз, взглянув в глаза своего двуногого друга и шумно втянув в себя воздух широкими ноздрями, чтобы убедиться лишний раз в правильности своих прежних выводов, она осторожно лизнула его своим длинным сине-фиолетовым языком прямо в маску и окончательно успокоилась. Углядев из-за порога, что с матерью ничего дурного не случилось, медвежонок, движимый тем же чувством природного любопытства выскок из сарая, и смешно перебирая лапами, быстренько подбежал к ним. Ему очень хотелось получше разглядеть ставшего уже родным для них человека, вдруг решившего избавиться от своего старого лица, из которого не всегда пахло приятно, но зато привычно.

Те два месяца, что медведица прожила рядом с человеком не прошли для нее даром. За это время она очень сильно изменилась. От ее прежней катастрофической худобы не осталось и следа. Теперь это был не доведенный до дистрофии зверь со свалывшейся и не поймешь, какого цвета шкурой, а настоящий повелитель высоких широт. Отъевшаяся, и оттого ставшая похожей на дородную купчиху с полотен Кустодиева, с белоснежной и густой шерстью, с толстыми лапищами и могучими когтями, медведица превратилась в настоящую красавицу, всем своим видом демонстрируя телесное

и душевное благополучие от неожиданного симбиоза с этим странным, но, безусловно добрым человеком, ставшим для нее и сына ангелом-хранителем. Это было тем более удивительным, если учесть то, что даже в медвежьей среде бескорыстные и милосердные отношения отсутствуют даже в качестве понятия. Наоборот, встретившиеся на узкой дорожке медведи редко расходятся мирно, предпочитая кровавую баталию за обладание охотничьей территорией. А уж случаев, когда собственные папаши были не прочь отведать мяса собственных детишек, в истории медвежьего рода хоть пруд пруди. Именно из-за подобного опасения, беременные медведицы, чувствуя приближение родов, стараются как можно дальше уйти от своих избранников, потому что не надеются на их благородство и отцовские чувства. Судьба же этих двух косолапых детей природы распорядилась по-своему, резко изменив их привычное поведение. Мамаша уже не напрягалась и не шарахалась от любой неожиданности, готовой преподнести фатальные и неизбежные сюрпризы. Она обрела чувство покоя и даже некоторой барственности. Ее нервный и издерганный многолетними жизненными испытаниями характер приобрел за это короткое время умиротворение и созерцательное благодушие, чего от нее, по правде говоря, никто и никак не ожидал, включая самого Митрича. Медвежонок тоже, под стать своей матери, из грязно-серого скелетика, шатающегося от дуновения ветра, он превратился в толстенького и белого колобочка. И весил этот «колобочек»

уже столько, что Митрич уже с большим трудом, несмотря на свою физическую силу, мог взять его на руки. Пройдет еще месяц и это уже будет невозможно сделать. За короткий срок она вместе со своим малышом стала не просто местной достопримечательностью, но и в силу неожиданной покладистости своего характера – любимицей всего местного общества. Несмотря на все увещания и угрозы со стороны коменданта, жители Белушьей валом валили к его дому, чтобы не только поглазеть на невиданное доселе приручение дикого зверя, но и поучаствовать в его содержании, ибо несмотря на немалое денежное довольствие, даже по меркам Севера, кормить взрослую медведицу, да еще и с подрастающим медвежонком, дело хлопотное и весьма затратное. Митрич не стал отказывать людям в проявлении милосердия и бескорыстия, оговорив только для дарителей меры безопасности и время для подношений. Ему не хотелось, чтобы подарки принесенные жителями вручались нежданной гостье в его отсутствие. От доброхотов не было отбоя. Движимые чувством сострадания к одинокой матери, они, день и ночь несли к дому Митрича всевозможное съестное. Чего тут только не было? Оленеводы, в основном коренные обитатели этих мест, несли к его дому туши северных оленей, на полном серьезе считая медведицу живым воплощением древнего божества Урюнг-Эге – прародителя всех народов Крайнего Севера. Рыбаки, занятые на промысле рыбы, приносили не только ее, но и нерп, тюленей и моржей, неред-

ко гибнущих от того, что запутались в сетях. Все остальные жители, кто непосредственно не занимался охотой и рыболовством, несли все, что можно и даже не можно, начиная от консервов с тушенкой и кончая конфетами с просроченным сроком реализации. И с этим не было никакого слада, особенно с вездесущими ребятишками, которые после школы взяли привычку навещать косолапое семейство в отсутствие Митрича на месте. Хлебом их не корми, а дай с рук покормить громадного зверя и сделать при этом фото на память, пока она уплетает очередные дары. И именно они, почти не сговариваясь, окрестили медвежонка Умкой, углядев его сходство с мультяшным персонажем. Впрочем, медведица была не такая уж и бесхарактерная. Она с удовольствием брала еду с рук, позировала на фотосессиях, но при этом категорически сопротивлялась тому, чтобы гости подходили к ее малышу. Она бдительно следила за всеми телодвижениями посетителей, и если кто-нибудь из них начинал позволять себе лишнее панибратство в отношении с ее отпрыском, она тут же начинала глухо ворчать и скалиться. После такого недвусмысленного предупреждения, охотников переступать «красные линии» в общении с ней, не находилось. Брать медвежонка на руки разрешалось только самому коменданту, да и то, под бдительным и недреманным оком мамы. К чести полковника надо сказать, что он старался не злоупотреблять таким неслыханным доверием, понимая, что рано или поздно, но молодой медведь должен будет поки-

нуть свое уютное прибежище, а посему, его не стоит приручать к человеческим рукам, во избежание ненужных эксцессов в будущем. Митрич, со своей стороны, тоже прилагал всевозможные усилия к тому, чтобы ограничить неконтролируемый круг желающих таким образом приобщиться к дикой природе. Он уж и стращал таких сорвиголов, и гонял, и вел суровые беседы с родителями неслухов – ничего не помогало. Оставалась только одна надежда – на в общем-то, удивительно смирный характер Марии Потаповны, как все в поселке ласково звали медведицу. Особенно пристрастилась она к сгущенке, которую могла потреблять в совершенно диких объемах. Поэтому полковнику пришлось не только опустошить закрома обоих продуктовых магазинов и супермаркета, но еще и делать специальный предварительный заказ на материк, чтобы там с ближайшей оказией прислали, пока навигация не затруднена, целый контейнер с этим молочным продуктом. Это, конечно чувствительно ударило по личному карману Митрича, отказавшегося воспользоваться своим служебным положением в части распоряжения местным бюджетом, но тут уж ничего не поделаешь. Как говорится, «для любимого дружка – и сережку из ушка». Естественно, что такое растраниживание семейных средств мало радовало Серафиму Фроловну – дражайшую «первую леди» поселка и она при каждом удобном случае и при любом споре приводила этот пример, как истинное доказательство того, что муженек на старости лет окончательно «съехал с

катушек». Но каждый раз, Митрич яростно отметал подобные инсинуации в свой адрес, тыча в нос своей супруге Красную Книгу, обязывающую всех и каждого беречь исчезающих представителей местной фауны. Окончательному разладу в комендантском семействе положило одно немаловажное обстоятельство. Молва о спасенной от голодной смерти медведице докатилась, неведомо как, даже до столицы. В погоне за сенсацией руководство телеканала «Россия» даже направила своего собственного корреспондента со съемочной группой из своего корпункта в Нарьян-Маре. И первый раз в жизни Митричу ненадолго посчастливилось стать «звездой» телеэкранов. Его снимали и брали интервью, а он давал на камеру пространные объяснения поведения матерой хищницы. Приезжал даже один из братьев Запашных и просил отдать ему для работы в аттракционе медвежонка, но полковнику достаточно было только хмуро сдвинуть кустистые брови, чтобы столичный гость быстренько умелся назад. После того, как информация о неудачной попытке разлучить косолапую мать с не менее косолапым ребенком просочилась почти во все центральные СМИ, подарки посыпались со всех концов страны и сопровождались лишь одной просьбой – не разлучать мать-одиночку с несовершеннолетним сыном. Все подарки, требующие специального хранения, находились в большой морозильной камере, демонтированной для этих целей со старого сейнера, стоящего в дальнем конце бухты и приготовленного для утилизации. Обилие подарков немно-

го успокоило скаредный характер Серафимы Фроловны. Разумеется, присутствие в доме двух «женщин» по-прежнему создавало некоторые неудобства, хоть и нивелированные обильно поставляемыми припасами для содержания постельцев. Фроловна откровенно ревновала своего «лишенного последнего ума» супруга, всячески демонстрируя неприязнь к временно прописанной жиличке с ребенком. И хотя уже через несколько дней пребывания той в их сарае, она перестала бояться косолапой соперницы, однако, всякий раз демонстративно проявляла к ней свою неприязнь. Мария Потаповна, в свою очередь, обладала недюжинным чувством такта, осознавая свою невольную вину в нестроении семейных отношений приютившего ее коменданта, поэтому по собственной инициативе старалась, как можно реже попадаться на глаза сердитой супруге своего спасителя. Рано утром и поздним вечером, когда уже начинало смеркаться (наличие Полярного дня и ночи никак не отменяло понятия утра и вечера), медведица осторожно вылезала из своего логова и направлялась вместе со своим отпрыском к ручью, протекающему недалеко от дома Митрича. Там, вдали от назойливых глаз она совершала необходимый туалет и вволю поплескалась в теплой для нее водичке. Летом еще ничего, а вот что делать зимой, когда ручей замерзнет? Где ей и малышу купаться? Тащиться почти через весь поселок к бухте? Это была проблема, которая не давала Митричу покоя. Медвежонку нужно было учиться плавать, чтобы приобрести на-

выки охотника за тюленями и нерпами, иначе, оказавшись в дикой природе, он не сможет выжить. Нужно было что-то с этим делать, а что, Митрич так и не мог толком придумать, каждый раз откладывая решение этой задачи на будущее.

III.

– Что, мать, не признала меня в таком-то обличье? – спросил он у медведицы, ласково почесывая ее за ухом. – Потерпи, так надо. Я теперь после прививки опасен для вас, так доктор сказал.

Она словно бы поняла, о чем он ведет речь и после слова «опасен» вытянула морду в сторону соседних строений.

– Потерпи, милая, – уговаривал он ее, продолжая свои ласки, от которых она жмурилась и шумно вздыхала.

Чтобы не прослыть неблагодарной, медведица посунулась мордой к его масочной личине и, вывалив длинный язык, постаралась, как могла, вылизать то место, где у человека должно было быть лицо. Медвежонок, видя такую идиллию между матерью и человеком, привычно сунулся тому в ноги, обхватив их передними лапами. Ему тоже хотелось получить свою порцию ласковых прикосновений. Митрич пошарил у себя в карманах, надеясь найти что-нибудь сладкое для малыша, но после тщетных попыток, сумел только достать, порядком залежавшуюся и смятую мармеладину.

– Извини, брат, ничего сладкого сегодня для тебя не при-

пас, – с сожалением произнес он, подавая лакомство тому в раскрытой ладони.

Тот осторожно снял с ладони мармелад и почти не жуя проглотил его. Убедившись, что от человека больше ничего поиметь не удастся, он опустил на все четыре лапы и потрусил к сараю, даже не попрощавшись. Мать недовольно рыкнула вслед неблагодарному сыну и чтобы, хоть как-то загладить неловкий момент корыстолюбия, еще раз лизнула Митрича, но уже не в лицо, а в руку, заодно проверив, чем он только что угощал ее потомка.

– Ладно, мать, пойду я, – обратился он к ней, как бы прося разрешения. – С утра не жравши. Подхарчусь немного.

Медведица закивала, соглашаясь с тем, что харчевание – дело всегда нужное и полезное с любой стороны, как ни посмотри. Он еще раз потрепал ее по огромной голове и уже тоном, почто заговорщическим сообщил прямо в ухо:

– Моя-то старуха сегодня опять борща наварила. Значит, будет мясо. Я тебе потом, прямо с костью вынесу. Погрызи, побалуйся.

Медведица опять правильно поняла его, поэтому еще раз лизнула и тихонько подпихнула передней лапой в сторону дома, дескать, ступай поскорей, да не забудь про обещание.

Благоверная супруга встретила коменданта не слишком ласково. Видимо, высмотрев в окошко его заигрывания с медведицей, в ней опять проснулось дремучее чувство ревности. Окинув взглядом мужа, произнесла суровым тоном:

– Пришел?! То-то же. А то ить соскочил спозаранку и даже куска не проглотил – ушкандыбал на свою службу. И маску зачем-то напялил.

– Дела мать, дела! – чуя, что супруга не в настроении, деланно веселым голосом ответил он на тираду жены, подсаживаясь к столу и пряча маску в карман.

– Куды?! – замахнулась она на него вафельным полотенцем, которое держала в руках. – Лезешь к столу, а руки не помыл! Эвон, опять со своей подружкой миловался, греховодник старый! Николи мимо нее не пройдет!

– Да я так, по малости, – заискивающим тоном попробовал он замять ситуацию, отирая руки о китель.

– Ступай-ступай к рукомойнику! Неча в дом всякую заразу с улицы нести!

Пришлось, побряхтывая вставать с табуретки и плестись в туалет, выслушивая в спину нелюбезные высказывания

– Совсем к старости спятил! С медведицей время больше проводит, чем с законной женой! В магазин выйти не могу! Глаза от стыда не поднимаются! Все уже в лицо смеются! Охальничают! Спрашивают, как нам втроем на одной кровати спится! Тьфу, ты, прости, Господи! Срам-то какой!

– Стыд – не сало, кинут в щеки – не пристало, – отозвался он из туалета.

– Я тебе щас кину! Не донесешь! – слышались угрозы из кухни. – Ты скоро там?!

– Да иду уже, иду, – смиренно отозвался он, выходя из

санузла и протягивая для осмотра еще влажные руки.

Подобный диалог был между ними уже далеко не первым за два месяца, и они оба к нему привыкли, больше отдавая дань ритуалу, нежели ссорясь по-настоящему.

– Ладно, садись, и я заодно с тобой поснидаю, – смилостивилась Фроловна после тщательного осмотра ладоней мужа.

Митрич сел к столу и решительно придвинул к себе глубокую тарелку с наваристым борщом. Жена тоже плеснула себе из половника в тарелку, но так, чуть-чуть, только, чтобы поддержать компанию. Митрич зачерпнул большой деревянной ложкой сметану из банки и неторопливо стал ее размешивать. Супруга с недоумением выгнула левую бровь, не скрывая своего удивления.

– Ты, старый, не заболел ли часом? – в голосе жены слышались нотки затаенного испуга и непонимания.

– Ты о чем это? – в свою очередь удивился тот.

– Как это о чем? Да все об том же, – поджала она свои бескровные старушечьи губы. – Ты ж николи за стол не сядишься без того, чтобы хоть сто грамм не принять на грудь? А тут сразу сел и даже не вспомнил о графине.

– Э, мать, – махнул он сожалеюще рукой, – отстала ты от жизни.

– Это как же? – замерла ее рука на полпути ко рту.

– Ты думаешь, что это я упорол с утра не позавтракав? Я, мать, ходил в амбулаторию на прививку.

– И что, сделал? – испуганно округлила она глаза.

– А, как же?! Конечно, сделал! Я, как военный и гражданский глава администрации первым должен пример подать согражданам, заявил он, с шумом отхлебывая борщ с ложки. Затем подмигнул ей зачем-то и добавил. – А ты, старая, хоть и следишь за тем, как я с медведицей милуюсь, а того и не заметила, что я уже два дня ни капли в рот не брал.

– Господи, Иисусе! – мелко перекрестилась она, – Да как же сподобился-то? Я, вон, разное про эту вакцину слыхала. Говорят-де ненадежная она и побочный эффект у нее едва ли не хуже самой хвори.

– Брось, мать, глупости разные повторять, что по ящику долдонят. Сама же медицинский работник, а несешь чушь несусветную, – строго оборвал он ее, продолжая работать ложкой.

– Так, врачи и говорят! Я же не сама это придумала. Есть и поумнее меня люди, – как всегда начала противоречить мужу пожилая строптивка.

– Врачи, они тоже ведь разные бывают, – многозначительно парировал он ее сомнения. – Есть врачи, а есть и рвачи. Вроде и буквы одни и те же, а смысл совсем другой. Так, что мне теперь, как сказал врач, три недели не то что употреблять, а и прикасаться к спиртному, ни-ни.

– Слава тебе, Хосподи! – опять осенила себя крестным знаменем супружница. – Хоть с месячишко тверёзым походишь, и то – благодать несусветная! Говоришь – не заметила мол, а я все заметила, да только думала, будто ты перед

москвичами не хотел в грязь лицом ударить, – не преминула все же ответить на выпад супруга.

– Я в грязь мордой никогда не падал, – хмуро ответил он ей. – А эмчеэсовец, хоть даже и из Москвы – мне не указ. У нас разные ведомства. А наши и так знают, что я свою меру соблюдаю.

– Ну да, ну да, – закивала она двусмысленно.

Чтобы еще больше подзадорить женушку, Митрич сделав постное, как церковная просвирка лицо, добавил, как бы находясь в тяжелой задумчивости:

– Три недели это мать только до второй дозы прививки, а еще три недели опосля.

– Свят, свят! Услыхал Господь мои молитвы! – окончательно просветлела ликом Фроловна. – Так, глядишь, и наконец-то отучишься от этой заразы?! – выразила она робкую надежду.

– Ништо! – злорадно прищурился он. – Потом наверстаю.

– Да, тьфу на тебя, бес старый! – шмякнулась с небес на землю дражайшая супруга, обманутая в своих ожиданиях.

– Кстати, Чеботарев велел тебе передать, чтобы ты сегодня к концу рабочего дня заглянула к нему, – быстро сменил наскучившую ему тему разговора Митрич.

– Это зачем же? – удивилась жена.

– Сама не без головы. Понимать должна, что и тебе прививаться надо в обязательном порядке.

– Скажешь тоже, – неуверенно произнесла она.

– Вот и скажу. Тебе теперь другого выхода, почитай, и нет. Я вакцинирован, а ты – нет. Заболеешь и помрешь в одночасье. Тут тебя и похороним на третий день, как и положено, – бесцветным голосом донес он до нее свою мысль, пряча в глазах озорных бесенят.

– Да чтоб язык твой поганый отсох! Ирод проклятый! Не дождешься! – сунула она ему в нос дулю.

– Эх, тебя разобрало! – удовлетворенно крикнул Митрич, облизывая ложку. – Вот ежели не хочешь, чтобы я не дождался, то и ступай к вечеру в поликлинику. Док говорит, что медицинские работники по приказу Минздрава должны быть вакцинированы в первую очередь.

– Я уже не медицинский работник, – попробовала она поперепениться. – Я к вашему сведению – пенсионерка. Вот.

– Раз тебя привлекают по женским делам, значит, ты в обойме состоишь, и нечего тут спорить, – сказал, как отрезал полковник. – Или и вправду хочешь загреметь под фанфары?!

– Охо-хо-нюшки, – сразу сдулась бабка. – Прицепится, ровно кобель худой. И не оторвешь, – забубнила она под нос, уже сдавая свои позиции. – Ладно. Так и быть. Схожу. Но только исключительно потому, что не хочу доставлять тебе радости видеть меня в гробу и белых тапках.

– Вот и молодец! Вот и умница! – обрадовался Митрич своей быстрой победе, которой он никак не ожидал, зная характер своей благоверной.

– С тобой не то, что поумнеешь, а последнего ума лишишься, – уже беззлобно отмахнулась она.

На этом их пикировка и закончилась. Вничью, как всегда.

Уже заканчивая хлебать борщ, Митрич неожиданно хлопнул себя по лбу. Да, так, что Фроловна аж подскочила от неожиданности.

– Совсем забыл! – воскликнул он, улыбнувшись на то, как смешно отреагировала на восклицание жена.

– Что?! Что?! – закудаhtала она, сгорая от любопытства.

– По дороге домой встретил Семихватова. Так он сказал, что получил шифрованную РДО о скором прибытии к нам Игоря Николаича.

– Ба! – удивилась Серафима Фроловна. – Я уж думала он и не вернется к нам опосля Москвы-то? Что, не ко двору пришелся?

– Да, не-е, – отвалился к стене Митрич, удовлетворенно поглаживая сытый живот. – С этим-то, как раз у него все в порядке. Высоко залетел наш живчик. Говорят, что Сам, – поднял он глаза к потолку, – с ним ручкуется запросто.

– А зачем тогда?! Принимать к испытаниям летный образец изделия?

– Вот откуда, скажи на милость, свалилась ты на меня, вся такая информированная не в меру?! – сокрушенно замотал он головой.

– Чай не в лесу живу, – развела руками в стороны Фроловна.

– Ох, дождешься ты у меня! Займется тобой контрразведка! – погрозил он ей корявым пальцем.

– Надолго он к нам? – поинтересовалась она.

– Тебя забыли спросить, – хмуро шевельнул он в ее сторону бровями. – Как пройдут испытания. А там видно будет. Чаю плесни мне.

Серафима Фроловна понялась с табурета чтобы снять с электроплиты чайник исходивший паром. Не торопясь плеснула в стакан заварку, после его налила кипятка. Все это она проделывала, как в замедленной съемке, видимо, что-то обдумывая важное на ходу. Также неторопливо поставила стакан на стол и пододвинула к мужу сахарницу. Затем присела на табурет, сложив руки на животе и замерла, словно кочка на болоте. Странное поведение супруги не укрылось от взора полковника:

– Ты чего это, мать, ровно мешком пыльным по голове стукнутая? – озабоченно спросил он у застывшей на табуретке супруги.

– Чтой-то мне муторно как-то на душе стало, – тихо, как во сне прошелестела она в ответ.

Виттель, не на шутку перепугавшись, вскочил со своего места.

– Что с тобой, Фима?! Тебе плохо?! Лекарство, какое дать?! – засуетился он, впервые наблюдая такое состояние своей половины.

– Да, нет. Не то, – вяло отмахнулась она от перепуганного

не на шутку мужа.

– А что?!

– Ровно оборвалось что внутри, – пояснила она, еле ворочая языком. – Предчувствие вдруг кольнуло нехорошее.

– Господи! – воскликнул он. – Ты меня, старая, так до инфаркта доведешь! Какое еще там предчувствие?! Выкладывай все, как на духу!

Бабка медленно приходила в себя. Руки ее заметно дрожали, и поэтому она постаралась спрятать их под фартук.

– Давай, старая, колись! – наседал он на нее, понимая, что супругу нельзя оставлять в таком состоянии, которое может закончиться довольно плачевно. Ее срочно требовалось растормошить и разговорить.

– Чтой-то поблазнилось мне, Мишаня – назвала она его именем, которым не называла уже лет тридцать, если не больше.

– Ну, так и не тяни кота за вымя! Докладывай, что и как, – не отступал он от нее.

– Сама знаю, что глупая я баба, да ничего с этим поделаться не могу, – старалась, как можно на поздний срок оттянуть рассказ о своих видениях.

– Давай-давай! Публика у твоих ног! Насладись бенефисом, – нарочно грубовато обратился он к ней, считая, что именно такой тон сейчас и нужен для того, чтобы привести супругу в душевное равновесие.

– Увидала я Игоря Николаича..., – произнесла она полу-

шепотом и споткнулась.

– Ну, увидала, и что?! – окончательно начал терпение полковник.

– С автоматом, – выдавила она из себя через силу.

– С автоматом? – переспросил он.

– Да. Только с каким-то чудным автоматом. Я таких автоматов, отродясь не видела. Дуло толстое такое, – она попробовала показать его диаметр, сложив пальцы в колечко. – И короткое. Ровно обрезал кто.

– Ну, увидала и увидала. И что с того? – нахмурился комендант по спине, которого неволью побегали мурашки.

– Дак стрелял он из него!

– В кого? – изумился Митрич, знавшего Вострецова, как ученого-теоретика и непроходимого гуманиста, для которого взять в руки оружие, а тем более вести из него стрельбу было нечто абсолютно немыслимым.

– Не знаю куда стрелял, а только стрелял, и лицо у него было при этом страшное-престрашное, – продолжала Фроловна свою исповедь.

– Как есть – глупая баба! Чего только не привидится тебе, – попытался он ее успокоить, хотя сам уже начал всерьез беспокоиться.

– Только это не все, – сглотнула она комоч, подступивший к горлу. – Я и тебя там увидела, начала она тихонько подвывать.

– И?

– А ты лежал у него возле ног, весь в крови, – уже откровенно начала она всхлипывать.

– Ну, буде-буде, – топтался он около нее, не зная, что сказать и что предпринять.

Наконец, все-таки дал себе присесть вновь.

– Все это бабьи выдумки. С чего ради, я буду валяться у его ног? Да и в кого ему стрелять-то тут? Кругом же все свои! Глупости городишь, старая.

– А вот и совсем не глупости! – с жаром зашептала она. – Чует мое сердце, что не к добру все это.

– Что, всё? – не понял Виттель.

– Всё! И прилет Вострецова и все остальное...

– Что ты имеешь в виду под остальным? – решил он до конца прояснить ситуацию.

– Я давеча в магазин ходила. Горчицу мне надо было купить да листа лаврового. И встретила я там Кузьминишну – жену Ивана Никодимыча, что на той стороне бухты, на станции сидит...

– Иван Никодимыч Вершигора? – уточнил он.

– Так и есть, – подтвердила супруга.

– Ну и что дальше? Что она тебе нашептала такого? – сдвинул брови Митрич.

– А то и сказала, что супруг ее домой, долго не придет. Потому де, что с сегодняшнего дня все служители офицерского чина, которые там обретаются, переходят на казарменное положение.

– Это с чего это?

– А с того, что маневры начинаются с сегодняшнего дня у американов в Норвежском море. Кораблей, говорят, уйму нагнали. Николи такого еще не было. Вот наши и заопасились, того. Как бы, значит, чего не вышло, – выдала бабка военную тайну и поджала трясущиеся губы.

– Мы-то тут, с какого боку? – хмыкнул полковник, уже в который раз дивясь и втайне завидуя осведомленности своей супруги.

– Дык все знают, какую штуку у нас в «горе» мастырят. Говорят, что как только примут на вооружение, так всем буржуйам карачун и наступит одномоментно, – опять не удержалась бабка, чтобы не выдать государственную тайну, о которой знали все в округе, включая ездовых собак местного населения.

– Говори дальше, – насупился полковник.

– А что говорить-то? Ты сам много раз говорил, что Игорь Николаич и Алексей Сергеич самые, что ни есть ценные люди для страны, кои дороже президента и всей его свиты.

– И что? – заладил полковник, как заезженная пластинка.

– Вот я своим бабьим скудоумием и кумекаю, что все одно к одному складывается.

– Что складывается?

– Там ить, – махнула она куда-то рукой, – тоже ведь не дурачки сидят. Все видят, и все слышат. И уж наверняка тоже знают, что испытания наземной установки вот-вот завер-

шатся и начнут испытывать такую же, только на самолете.

– Дальше, – проговорил Виттель, чуя, как намокает от пота спина под рубашкой.

– Самое, что ни на есть удобное времечко, чтобы прихлопнуть нас тут всех разом и скопом. Пока, значит, установку не поставили на боевое дежурство и самолет в небо не запустили. Дык еще и обе золотых головы в одном месте собрались – все им меньше хлопот будет по устранению. Когда еще такая удача-то выпадет? – выпалила она речь и нахохлилась, будто последних сил лишилась.

– Помнится два месяца назад, когда я тебя уговаривал уехать к детям на материк, ты вела совсем другие речи. Мол, де и флот не пропустит и ПВО не подкачает. А сейчас, что? – невесело усмехнулся он, понимая, что на этот раз соображения Серафимы весьма рациональны, и что будь он на месте какого-нибудь пиндосовского адмирала, то, несомненно, воспользовался сложившимися обстоятельствами.

– И на старуху бывает проруха, – кратко резюмировала она.

– Ладно, – поднялся он с табуретки и одернул на себе китель. – Чтобы там ни было, а свой воинский долг я исполню до конца. Слова твои приму к сведению, хоть и навеяны они извечными бабскими страхами. А тебе так скажу. Если что, выстрелы там или взрывы, какие начнутся, то ты лезь вон в сундук, – кивнул он в сторону громадного и тяжеленого сундука, что раскорячился на половину коридора, и в кото-

ром Фроловна хранила старые перины. – Я специально заказал такой и чтоб изнутри обшит был стальными пластинами. До убежища все равно тебе не добежать, а тут сховаешься на время. Закроешься изнутри, там вон щеколда имеется. И лежи себе, пока все не стихнет. Там сзади дырки – не задыхнешься.

Глава 49

I.

06.09.2020 г., там же

Все борта, прибывающие с материка полковник Виттель, как глава военно-гражданской администрации встречал всегда лично. Погода, как предсказывал майор Семихватов, и как докладывали Митричу его кости, продолжала оставаться скверной. Со стороны залива дул, не прекращая шквалистый ветер, а вместе с ним на поселок и базу непрерывно валил то мокрый снег, то ледяной дождь. Комендант выполнил данное накануне обещание и прислал в помощь аэродромным службам дополнительную людскую помощь. Со вчерашнего вечера солдаты разгребали и очищали от заносов взлетную полосу, но разбушевавшаяся природа старалась всеми силами уничтожить результаты их труда. Для растопки наледи на ВПП вытащили из бездонных закровов Семихватова даже «Змея Горыныча» – именно так местные баовцы

прозвали старенький и списанный реактивный двигатель от Су-17, укрепленный на лафете и возимый на тягаче. Диспетчер на вышке, уже дважды связывался с бортом, предлагая тому либо вернуться, либо сесть где-нибудь в Нарьян-Маре, но упрямые летчики, сидящие за штурвалами Ил-76, наотрез отказывались выполнять рекомендации, уверяя, что и не в таких еще передрыгах бывали. В общем и целом, момент был достаточно волнительным, как для прибывающей, так и для встречающей стороны. К слову сказать, Митрич был не единственным встречающим высокую московскую делегацию. Вместе с ним топтался и старался уворачиваться от ветра со снегом многолетний соратник Вострецова – Алексей Сергеевич Боголюбов. Мокрый снег постоянно залеплял ему очки и он, тихонько чертыхаясь, все время снимал их и яростно протирал. Алексей Сергеевич очень волновался за предстоящую посадку, поэтому то и дело обращался к Семихватову, стоявшему рядом с ракетой в руках, и державшему связь с диспетчерской вышкой:

– Роман Игнатьевич, летят?!

– Летят, – коротко бросал ему в ответ майор, волнуясь ничуть не меньше, но стараясь соблюдать внешнее хладнокровие.

– Михал Дмитрич, – обращался тогда Боголюбов к полковнику, – как думаете, они не отвернут на запасной аэродром?

– Не-е, – отвечал Виттель, оглаживая свою встопорщен-

ную от ветра бороду, – Игорь Николаевич, это что тебе ле- докол – всегда идет напролом, чтобы не случилось. Да ты и сам, почитай, знаешь его характер не хуже моего.

– Так-то, конечно, – соглашался с ним Боголюбов, – но ведь он там не один.

– Не один, – кивал в ответ комендант, – но зато он глав- ный. Да не трясись ты, Сергеич, все будет путем.

С опозданием на час, борт все-таки прибыл. Летчик, сидя- щий за штурвалом, мастерски справился управлением тяже- лого самолета, не давая тому свалиться в губительный крен от порывов ветра. Надсадно ревя от натуги в режиме реверса всеми четырьмя двигателями, машина пронеслась по бетон- ке и остановилась, как вкопанная не доезжая до встречаю- щих всего несколько метров. Ну, как тут было не удержать- ся от того, чтобы не похлопать в ладоши мастерству экипа- жа? В хвосте самолета с барственной неторопливостью от- кинулась аппарель и по ней стали спускаться хорошо эки- пированные для северных широт военные. Их было никак не меньше трех десятков. Они молча выстроились полукру- гом возле аппарели и замерли в немом ожидании, когда на землю спустятся главные лица. В руках у военных были не банальные «калаши» а укороченная модель АЕК-971М, что сразу бросилось в глаза многоопытному полковнику. Нако- нец появился и сам Игорь Николаевич. Всегда быстрый и резкий в движениях, на этот раз он ступал чинно и важ- но, как журавль на болоте. Подчеркнутая осанистость под-

черкивала его особый статус. Следом за ним, как привязанный незримой нитью спустился и генерал-лейтенант Иванов. Едва завидев встречающих, Вострецов, словно снял, надевшую ему самому маску барственной отрешенности и, заулыбавшись заторопился навстречу, еще издали широко раскрыв объятия. И как будто бы прежний старичок-сверчок вернулся в свой родимый закуток за печкой.

– Лешенька, как я рад тебя видеть! Ты не представляешь! – выговаривал он, захлебываясь от ветра и тиская в объятиях своего соратника.

– Мы так волновались! – приговаривал в свою очередь Боголюбов, обнимая и целуя своего наставника.

В глазах его, если приглядеться, то можно было найти капельки слез радости от долгожданной встречи. А ведь прошло всего-то пара месяцев, как они расстались.

– Михаил Дмитрич, здравствуй дорогой! – кинулся Вострецов к Виттелю, протягивая сразу две руки.

– Здравствуй, Игорь Николаевич! С благополучным возвращением! – заулыбался в свою очередь полковник, тронутый тем, как преобразился с одно мгновение маститый (теперь уже) академик.

– Нет, брат, не с возвращением, а с прибытием! – засмеялся Вострецов. – Я всего лишь на недельку. Потом опять отбуду!

Затем пришла очередь здороваться Иванову. Он с чувством пожал руку Боголюбову, отдав ему должное, как по-

мощнику и «правой руке» руководителя проекта, а вот с полковником, несмотря на разность в чинах, поздоровался более тепло. Виттель, как и положено младшему по званию, хотел было отдать честь, но Владимир Всеволодович, отмахнувшись, просто крепко прижал к себе старика-полковника, прогудев прямо в лицо:

– Брось, Михал Дмитрич, чай не на плацу! Здравствуй-здравствуй, дорогой!

Митрич окончательно растаял от такого поведения вышестоящего по рангу Иванова, и у него тоже заблестело в уголках глаз.

С Семихватовым поздоровались тоже тепло и уважительно, крепко пожав руку. Тот сразу засуетился:

– Товарищи! Да что же мы тут стоим на ветру?! Прошу вас, – указал он в сторону незаметно подкатившего «Тигра» – многоцелевого автомобиля повышенной проходимости и рассчитанного на 10 посадочных мест.

Генерал огляделся по сторонам и обратился к Семихватову, видя в нем главного распорядителя встречи:

– Голубчик, нам бы еще какого-нибудь транспорта не помешало бы. Вы, как уже возможно заметили, что мы не одни, – кивнул он в сторону все еще стоявшего полукругом взвода спецназовцев.

– Конечно-конечно, товарищ генерал-лейтенант! – торопливо закивал он и тут же сообщил в рацию. – Два «Тайфуна» к самолету.

И только он проговорил эти слова, как из-за ангаров, ревя моторами, выехали два новеньких «Тайфуна» окрашенных в белый цвет и специально приспособленных для работы в арктических условиях остановились возле самолета.

– Знатно! – удовлетворенно крякнул генерал, пораженный расторопностью аэродромных служб.

Гости и встречающие, за исключением Семихватова, который остался, чтобы руководить разгрузкой самолета, дружно расселись в просторном салоне «Тигра». Митрич оглянулся в окно, чтобы посмотреть на погрузку спецназовцев в автомобили.

– Это что, теперь ваша свита? – указал комендант в сторону спецназовцев, споро карабкающихся в «Тайфуны».

– Да, Михал Дмитрич, правильно вы сказали. Свита. Игорь Николаевич, как лицо особо охраняемое, теперь всегда и всюду находится в их сопровождении. Ну и я с ними тоже при нем, как «подай-поднеси» и «вынь, да положи», – хохотнул он в ответ.

– Ну, оно и правильно, – согласился полковник. – Береженого – Бог бережет! Мила-ай, трогай! Ты, что там, уснул что ли?! – крикнул он водителю, и машина с места в карьер рванула к поселку.

Иванов, по достоинству оценив удобство просторного салона автомобиля, обратился к коменданту, хитро подмигнув:

– Ну-с, милейший, Михал Дмитрич, на правах гостепри-

имного хозяина, предлагай гостям культурную программу.

– У нас тут все по-простому, чай не забыли еще там у себя в столицах?! Перво-наперво – баньку, как и положено с дороги. Потом торжественный обед. Девки мои из гарнизонной столовой, уж расстарались! – с гордостью произнес он, задирая бороду. – А дальше, каждый займется своими делами. Я продолжу охранять базу, а вы заниматься производственными процессами.

– А как с расквартированием? Видал, какое сопровождение у нас? – причмокнул губами генерал.

– Пустяки, – отмахнулся полковник. – И не такие делегации принимали. – Если пожелаете, то спецназ разместим в общежитии. Для вас, как обычно, номер-люкс в нашей гостинице.

– Если пожелаю? – пожевал губами Иванов. – А, что, имеются иные варианты?

– Имеются, – неохотно подтвердил Митрич. – Но, я думаю, что мы еще вернемся к этой теме, чуть позже.

– Хорошо. Как скажешь, – согласился генерал, доверяя Виттелю целиком и полностью. – И спасибо тебе, Дмитрич, за привечание. Но вот куда нам поселить академика? Он ведь теперь нуждается в особых условиях.

– Да ладно тебе, Владимир Всеволодович! – обернулся к ним сидящий спереди Вострецов. – У меня же тут свой дом имеется! Или забыли? Он как, в порядке? Жить можно?

– Он в полном порядке, Игорь Николаич, – на полном се-

рьезе ответил комендант. – Я вчера там был. Все на месте. Все пригодно для дальнейшей эксплуатации.

Вострецов несколько не удивился тому, что полковник побывал в его доме без ведома хозяина. В поселке не принято было запираить свои дома на замки. Эта традиция пошла еще от поморов. Воришек тут отродясь не водилось, а запираить дома приходилось только из-за опасений, что туда могут проникнуть собаки или еще того хуже – дикие звери. Но для этого было достаточно всего лишь закрыть дверь на крючок. Если кому из соседей нужно было срочно что-то позаимствовать у хозяина, то он просто откидывал крючок и заходил в дом. Взяв нужное ему в хозяйстве, он оставлял записку на столе, а уходя опять закрывал дверь на крючок. Этой традиции русских поморов была уже не одна сотня лет. И еще никому не приходило в голову ее отменять. Впрочем, работы эта традиция не касалась. Выполняя служебные обязанности, люди, связанные с секретами производства, тщательно соблюдали режим государственной тайны, каждый раз запирая в сейфы и опечатывая свои кабинеты на время своего, даже краткого отсутствия.

– Вот и расчудесно! Давайте заскочим ко мне на минутку – я чемоданы там брошу, а потом уже пойдем по программе, – внес предложение академик.

Митрич нахмурился, но перечить не стал:

– Слава, – тронул он за плечо водителя, – ты помнишь, где живет Игорь Николаевич? Правь туда.

Водитель послушно кивнул и поддал газу.

– Но как нам организовать охрану Игоря Николаича? – между тем призадумался Иванов.

– Два месяца назад я взял на себя инициативу по персональной охране Алексея Сергеевича, – начал полковник.

– Это, да. Верно, – вклинился Боголюбов, засветившись своей детской и непосредственной улыбкой. – Бдят и день, и ночь под окошком. И сопровождают едва не в туалет. Так что можно и у меня разместиться. Дом просторный, а моя Наталья в Москву отбыла – внука в школу провожать. Вернется только через две недели.

– Давайте, мы к этому вопросу вернемся после обеда? – предложил Митрич, у которого с некоторых пор под влиянием супруги появились свои соображения на данный счет.

– Добро, – подытожил генерал, понимая, что у Митрича имеются предложения по организации охраны столь значительных для страны персон.

Баня, организованная комендантом была, как всегда, выше всех похвал. Он лично запаривал дубовые веники, которые ему привозили с каждой оказией знакомые капитаны кораблей. Они, следуя по Севморпути, иногда делали краткие остановки в Белушьей, перед тем, как штурмовать Карские ворота. В баню полезли тоже вчетвером. Напарились и нахлестались от души. Вострецов с Боголюбовым, прожившие на Крайнем Севере многие годы, были привычны к подобной еженедельной процедуре, чего нельзя было сказать

про Иванова – коренного москвича, избалованного столичными изысками в Сандунах. Впрочем, постоянная командировочная жизнь и его приучила стойко переносить все местные условия. В бане мужчины разделились. Военные на одном полке охаживали друг дружку без всякой сентиментальной жалости, а гражданские делали тоже самое, но только на другом. Естественно, что и разговоры между ними были по интересам. Генерал с полковником обсуждали нынешние расклады в военной и государственной иерархии, перемывая кости знакомым генералам и делая прогнозы на дальнейшее развитие событий. Академик с доктором наук, даже в бане не могли уйти от чисто профессиональных тем в разговоре. Вострецов привез с собой, заказанные накануне Боголюбовым и так необходимые для летающего прототипа установки твердотельные волновые гироскопы. И академик, между вскрикиваниями от хлестких ударов веника по голым телам, с присущим им пылом и жаром рассказывал, как ему удалось вырвать целую партию этих приборов из лап всемогущего концерна «Алмаз-Антей». Нырять в снег после парилки не стали. За исключением Боголюбова, все остальные мужчины были уже в солидном возрасте, а потому, во избежание неприятностей, не стали рисковать остатками здоровья. Долго сидели в предбаннике, отдуваясь и жадно выхлебывая квас, тоже не слишком холодный, но зато ядреный, настоящий на хрене по рецепту Серафимы Фроловны. Горячительных напитков употреблять тоже не стали, так как оба

ученых были весьма равнодушны к этому, а военным в их компании пить в одиночку было как-то неуместно. Когда уже стали одеваться, Митрич обратил внимание на то, как Иванов из вороха своего сваленного в кучу белья достал помимо мини-рации для связи с охраной, еще и два пистолета – восемнадцати зарядный «Грач» и еще один, совсем маленький, симпатичный и никелированный, вроде дамского. Проверив боеготовность того и другого, Иванов приладил «Грач» в кобуру скрытого ношения, а дамский пистолетик просто сунул в боковой карман кителя. На недоуменный и немой вопрос полковника, к чему такие излишние меры при наличии внушительной охраны, Иванов ответил, ничуть не смутившись:

– Когда меня Сам, – поднял он глаза к потолку, – назначал куратором проекта, – то сразу предупредил, что если случится какая беда с Игорем Николаичем, то мне лучше самому застрелиться, нежели ждать расстрельной команды. Так что, большой пистолет – для охраны нашего академика, а маленький – избавление от личного позора.

Торжественный обед о случае прибытия дорогих гостей тоже был выше всяких похвал. Местные повара расстарались на славу, превзойдя самих себя. Стол буквально ломился от дорогих и экзотических яств, как приготовленных из местных продуктов, так и привезенных с материка. Тут опять обошлось без содержащих алкоголь напитков. Сыто поглаживая заметно округлившийся животик, Иванов, шурясь, ровно сытый кот, произнес, как бы, между прочим:

– Сколько раз приезжал я к тебе, Михал Дмитрич, по служебным делам, а ты ни разу меня еще так не потчевал, как нынче.

Митрич не растерялся и в карман за словом не полез:

– Раньше, Владимир Всеволодович, ты кто был? Ты был председателем приемной комиссии. Должность заслуженная и значительная, без сомнений. Однако же не выдающаяся. А теперь ты кто? Ты теперича личность облеченная особым доверием главы государства, руководитель и куратор небывалого доселе проекта, ну вроде, как нашего Берии или заокеанского Гровса, – умело подольстился к Иванову полковник.

Видимо сравнение с «самым выдающимся менеджером Советского Союза» по мнению некоторых историков, очень понравилось генералу, и он засиял, как медный самовар, но все же шутливо погрозил тому пальцем:

– Ох, Михал Дмитрич, и дипломат ты, как я погляжу! Умеешь подобрать нужные к месту слова и сравнения.

После сытного и обильного застолья ученым мужам, и так пребывающим в нетерпении, захотелось обсудить технические детали по усовершенствованию прототипа установки воздушного базирования прямо в сборочном цеху. У Иванова и коменданта был допуск по форме «А», что давало им право беспрепятственного посещения всех объектов, расположенных на данной территории, поэтому они последовали за своими учеными собратьями. У спецназовцев такого допуска не было, поэтому одна часть из них осталась у цен-

трального входа «в гору», тщательно замаскированного под нагромождение диких валунов, за которыми скрывалась сто двадцати тонные стальные ворота на электроприводе, а другая часть пошла, обустроиваться в общежитии. Митрич давненько не бывал здесь. В технологии сборки он мало что понимал, а шляться сюда из праздного любопытства считал пустой тратой времени, ибо и своих обязанностей, связанных с управлением хозяйством хватало с избытком. Поэтому попав сюда впервые за долгие месяцы, он с интересом рассматривал новое детище «сладкой парочки» Вострецова и Боголюбова. На большой глубине, точную величину которой знали считанные единицы, располагались цеха по изготовлению и сборке установок протонного ускорителя. Циклопических размеров помещения, вырубленные в скальном массиве трудом заключенных еще в начале пятидесятых годов, поражали своими размерами всякого, кому посчастливилось (или наоборот – не посчастливилось) сюда попасть. Если не знать, что ты находишься глубоко под землей, то может сложиться ложное ощущение пребывания в громадной и ярко освещенной мощными лампами операционной. Вместо стола, где по идее должен лежать «пациент», находился громадный ступень, на котором покоился аппарат неизвестного (для любого обывателя) назначения. Длина аппарата была примерно с городской автобус. Высота тоже была соответствующей. Но в отличие от виденной Митричем ранее стационарной установки ускорителя, испытанного два месяца назад, похо-

жей на перекормленную гусеницу, усеянную непонятными металлическими шипами, эта имела, во-первых, гораздо более скромные размеры, а во вторых, была вся «прилизанная» и больше всего походила на никелированный брусок, усеянный каким-то технологическими отверстиями. Еще большее сходство с операционной добавляло присутствие людей одетых в белые, как у хирургов халаты, белые бахилы на ногах и такие же белые колпаки на головах. Для пущего сходства не хватало только медицинских масок. Кстати, и ему и генералу, также как и Вострецову с Боголюбовым тоже пришлось облачиться в подобное одеяние, прежде чем войти под своды громадного зала основного сборочного цеха. Работа, судя по тому, как облепили установку люди в белых халатах, «кипела» и не прекратилась даже с появлением высокопоставленных персон. Оба ученых, оторвавшись от своих сопровождающих, сразу перешли с русского языка на какой-то, известный им одним, птичий щебет, а посему потеряли всякий интерес к себе с их стороны. Иванову, за все годы, что он пребывал в должности руководителя приемной комиссии, подобные пейзажи были не в новинку. Он мельком окинул взглядом ступень с «изделием» и, заметив маячившего невдалеке человека в белом халате, но с лацканами армейского мундира, поманил его к себе рукой. Тот подошел и приставил ладонь к лихо заломленному на затылок белому колпаку, приветствуя старшего по званию. Не давая тому раскрыть рта, Владимир Всеволодович сразу спросил:

– Вы начальник внутренней охраны объекта?

– Никак нет! – выпалил тот. – Начальник охраны – майор

Гусаров находится на пульте дежурного.

– Будьте любезны, проводите нас с товарищем полковником до него.

– Есть, проводить! – опять браво отрапортовал военный.

– Пойдемте, Михал Дмитрич. Этим гражданам, – ткнул он пальцем в своего подопечного и Боголюбова, о чем-то препиравшихся друг с другом, – еще долго будет не до нас, грешных. Так что не будем терять времени и ознакомимся с системой внутренней охраны. Мне будет крайне любопытно узнать, на каких принципах и как она устроена.

И не дожидаясь ответа от полковника, подхватил его под руку и повел вслед за удаляющимся в один из проходов офицером. Митрич не стал возражать. Он хотя и сам знал, в принципе, систему охраны, так как в свое время участвовал в ее оборудовании, но память все же стоило несколько освежить новыми впечатлениями. Тем более, что внутренняя охрана состояла из сотрудников совсем иного ведомства, нежели того к которому принадлежал он сам. А в применении опыта смежников он не видел для себя ничего зазорного. Также хорошо он знал и майора Гусарова, номинально подчиненного другому ведомству, но фактически – самому полковнику. Они хоть и не дружили семьями (майор был на сорок пять лет младше Виттеля), но поддерживали приятельские отношения, впрочем, не выходящие за рамки служеб-

ной субординации. К тому же они частенько проводили совместные учения «по отражению внезапной атаки на объект охранения». В компании майора они и провели остаток дня, пока их высоколобые подопечные занимались своими производственными делами. Иванов уже несколько раз озабоченно поглядывал на свои часы, сопя и хмуря брови. Наконец, его терпение иссякло, и он напрямую обратился к Виттелю за разъяснениями:

– Михал Дмитрич, время уже вечернее, надо бы нам уже как-то определяться с дальнейшей дислокацией, а то, как-то нехорошо получается. Вы, давеча, обмолвились, что у вас десть, какие-то особые взгляды на сей счет. Я правильно вас понял?

– Правильно, Владимир Всеволодович, – согласился с ним Виттель. – А для этого я предлагаю нам с вами, включая и вас, Виктор Петрович, – кивнул он в сторону Гусарова, пройти в рабочий кабинет Алексея Сергеевича, который находится здесь, совсем рядом отсюда.

– Добро, коли так, – поднялся со стула генерал. – Тогда пойдемте к нашим корифеям, а то они со своей работой так могут увлечься, что забудут и про еду, и про сон.

Они втроем вышли из помещения, где расположился основной пульт внутренней охраны и направились в главный сборочный цех. Работа в цеху велась в три смены, поэтому конец рабочего дня никак не ощущался. Просто одни люди в белых халатах незаметно сменялись другими. Только что

привезли и с величайшим бережением распаковали волновые гироскопы, привезенные академиком. И сейчас работники смены с тщательностью осматривали хрупкую технику на предмет возможных повреждений при транспортировке. Боголюбова и Вострецова они увидели склонившимися над какими-то чертежами, разложенными на столе, скромно приткнувшись к одной их стен.

– В наш век информационных технологий, не будет ли выглядеть архаикой размещение чертежей на ватмане, а не на электронных носителях? – ласково прогудел Иванов из-за спин ученых мужей.

Вострецов обернулся на голос своего куратора и в свойственной только ему безапелляционной манере, с хитрым прищуром дал мягкую отповедь.

– Я таки невозможно удивляюсь вами, – используя местечковый диалект, произнес он. – Уж кому-кому, а вам-то любезный мой Владимир Всеволодович, должно быть известно, что именно в наш век информационных технологий, хранение информации на электронных носителях является самым небезопасным с точки зрения соблюдения государственной тайны.

– Ладно, сдаюсь-сдаюсь! – шутливо поднял руки вверх генерал, признавая правоту академика.

Лицо Митрича оставалось каменным и беспристрастным. Зато майор не отказал себе в удовольствии злорадно хмыкнуть.

– Время – вечер, а нам надобно определиться с дальнейшей диспозицией, – взял быка за рога Иванов. – Алексей Сергеич, мне тут Михал Дмитрич сказал, что у вас имеется невдалеке место, где мы могли бы проработать план по охране ваших персон на время нашего здесь пребывания.

– Да-да, товарищ генерал, такое помещение есть. Это мой кабинет. Прошу вас, пройдемте.

Он сделал пригласительный жест и, не снимая халата и бахил, направился к одному из туннелей, ведущих куда-то вглубь и в темноту. Стоило им приблизиться к темному зеву туннеля, как тот моментально осветился не ярким, но ровным и мягким светом. Видимо сработали датчики движения. Туннель был широким, хоть и низковатым. По его стенам располагались многочисленные двери с ничего неговорящими номерами. Все, кроме Иванова уверенно двигались по нему, что свидетельствовало об осведомленности, о предназначении каждого из помещений. Шли недолго. Большинство дверей были металлическими, но Боголюбов остановился и стал греметь связкой ключей возле обыкновенной и ничем не примечательной деревянной.

– Проходите, товарищи, – гостеприимно распахнул он дверь перед входящими.

Кабинет был ничем не примечательный. Тривиально составленные буквой «Т» столы с примкнутыми к ним обыкновенными и слегка пошарпанными стульями, большой кожаный диван в углу, шкаф и сейф. Вот и вся обстановка ка-

бинета, если конечно не считать компьютерного моноблока, стоящего на директорском столе и двух телефонов, один из которых, что сразу бросилось Иванову в глаза, был увенчан государственным гербом еще Советского Союза. А вот зоркий глаз полковника сразу вычленил из обстановки штурмовой автомат ШАК-12, подаренный им Боголюбову два месяца назад, и который стоял теперь в нише между шкафом и сейфом.

– Прошу вас, товарищи, присаживайтесь, кому, где удобней, – предложил хозяин кабинета, не садясь в свое кресло, а предпочтя один из стульев, чтобы не нарушить демократичность обстановки.

– Что ж ты, Сергеич, – недовольно встопорщил кустистые брови Митрич, – с подарком-то моим как обошелся, а? Я тебе его для чего дарил? Я тебе его дарил для личной обороны во внеслужебной обстановке. А ты его сюда припер, где и так охраны понатыкано за каждым углом.

– Прости Михал Дмитрич, – сделал виноватое лицо Боголюбов, – просто дома держать такую штукину у меня негде. А я поопасился, думаю, Наталья будет прибираться в доме, не ровен час, заденет за спусковой крючок, а тут уж никто его не тронет, потому, как я сам в кабинете прибираюсь, даже уборщицу не допускаю.

– Так отстегнул бы магазин, и вся недолга, – ни с того, ни с сего взъелся на ученого полковник. – А то и тут хранишь его вопреки правилам.

– Каюсь, – развел руками Боголюбов, не найдя нужных слов в свое оправдание.

– Это, конечно, хорошо, что Михаил Дмитриевич указал товарищу Боголюбову на упущения в соблюдении правил хранения огнестрельного оружия, – вмешался Иванов, – однако мы здесь собрались по поводу обеспечения охраны обоих наших светил, в связи с изменением их статуса, так сказать. И мне показалось, что у товарища Виттеля имеются свои соображения на данный счет.

– А какие тут могут быть соображения?! – перебил его Вострецов. – Охрана Алексея Сергеевича, судя по его же словам, находится, на должном уровне, благодаря стараниям Михал Дмитрича. Моя охрана может спокойно расположиться в моем доме – вместе со мной. В доме четыре комнаты. В двух комнатах можем расположиться мы с Владимиром Всеволодовичем, а в остальных могут спокойно разместиться дежурные охранники, пока их сменщики пребывают в общежитии. Поэтому я не вижу здесь никаких особенных проблем. На худой конец, я могу воспользоваться любезным предложением Алексея и поселиться временно у него. Его дом еще более просторный, чем мой. А двоих нас охранять будет гораздо проще, так как не понадобится распылять силы. Хотя, лично я плохо себе представляю, что может нам здесь угрожать – в месте, где исключено присутствие сторонних лиц.

– Что скажете, Михал Дмитрич? – обратился к нему гене-

рал.

– Покойный наш президент тоже думал, что на Красной площади и в окружении доверенных лиц ему ничего угрожать не может. А видишь, как все обернулось? – парировал полковник предложение Вострецова.

– Ваши конкретные предложения? – недовольно буркнул Иванов в сторону Митрича, не понимая чего тот хочет.

– Прежде чем я озвучу свое предложение, давайте взглянем на проблему с точки зрения нашего эвентуального противника, – начал издалека Митрич.

– Только давайте как-нибудь короче с его точкой зрения, а то уже темнеет, а мне еще караулы расставлять не знаю где, – перебил его Иванов не совсем учтиво.

– Ладно. Буду краток, – согласился комендант. – Но сначала задам вам несколько вопросов, товарищ генерал-лейтенант, если не возражаете.

– Не возражаю, – буркнул тот.

– Как вы полагаете, американцы прекратили слежку за Игорем Николаичем?

– Нет, – уверенно ответил генерал, припоминая, как в Москве за их эскортом всегда увязывалась какая-нибудь из машин с посольскими номерами Штатов.

– Хорошо. Хотя, если вдуматься, то, что же в этом хорошего? Следующий вопрос. Американцы в курсе того, что здесь разрабатывается «в горе»?

– До июньских испытаний, я мог бы с уверенностью ска-

зять, что они об этом имели весьма смутные представления, – невольно поморщился генерал.

– А после?

– А теперь, судя по имеющемуся у меня опыту работы с Игорем Николаевичем, могу сказать, что в общем и целом, они в курсе наших дел. За последние два месяца их разведка усилила работу по мониторингу ситуации на тех производствах, где мы разместили свои заказы для установок подобного типа, – со вздохом сожаления признал генерал.

– С учетом того, что они и раньше знали о тесной взаимосвязи между нашими двумя подопечными, для них ведь не составило труда вычислить, куда вы направились? – наседал на генерала полковник.

– Думаю, что да, – посмурнел ликом Иванов.

– Теперь вернемся к нашему покойному президенту. Амеры знали, когда совершали этот террористический акт, что он грозит вылиться в полномасштабный конфликт с возможным применением ядерного оружия?

– Вполне, – кивнул Владимир Всеволодович, все еще недопонимая, куда клонит умудренный жизнью полковник.

– И их крайне заинтересовали результаты наших последних испытаний. Иначе как можно объяснить тот факт, что с конца июня они нам подвесили над головой еще два спутника-шпиона, – продолжал гнуть свою линию Виттель, незаметно переставший корчить из себя перед публикой дремучего старикана.

Сейчас перед собравшимися здесь людьми сидел высокообразованный и хорошо знающий свое дело специалист.

– Продолжайте-продолжайте, Михал Дмитрич, – почти шепотом произнес генерал, в глазах у которого начали светиться огоньки некоторого понимания ситуации.

– Помните наш с вами последний разговор, там, в столовой, в тот день? – спросил Виттель, глядя в глаза Иванову.

Тот молча кивнул, припоминая детали разговора двухмесячной давности.

– Это ведь вы тогда высказали идею того, что американцам ничего не стоит провести нечто подобное, но уже здесь, и с применением более эффективных средств поражения, включая ядерную боеголовку малой мощности.

– Да, было такое, – опять он кивнул головой.

– С учетом того, что американцы уже знают точно о возможных характеристиках нашей установки, а так же ее готовности к постановке на боевое дежурство, не возникнет ли у них идея ее уничтожения? Ведь в противном случае это грозит им самим фатальными последствиями, так как противостоять ей не представляется возможным. Соблазн уничтожения установки тем более велик, что вместе с ней можно уничтожить и ее создателей. Такой шанс, когда оба корифея находятся в одном месте и это место привязано к точке расположения супероружия, пока еще не принятого в эксплуатацию, выпадает раз в жизни...

– Понимаю-понимаю, – нервно потер подбородок Ива-

нов. – Они сейчас как раз затеяли учения в таких широтах, куда раньше не рисковали соваться...

– Вот-вот! – обрадовался Митрич, понимая, что его опасения достигли адресата.

– Вы полагаете, что...

– Да! – подхватил невысказанную генералом мысль Витель. – Удара надо ждать в ближайшие часы.

– И как нам советуete поступить?

– Самое надежное место для наших подопечных находится здесь! – Митрич притопнул по полу здоровой ногой. – Да, здесь нет гостиничных номеров класса «люкс». Вместо этого имеются только служебные помещения, да еще комнатка для кратковременного отдыха на КП, где имеются как раз, два диванчика. А КНП, как вы все знаете, связано сетью тоннелей с производственными помещениями. Так что нашим ученым друзьям, стоит всего лишь пройти сотню-другую метров по коридорам, не выбираясь при этом на поверхность, и они окажутся в хорошо оборудованном и защищенном, не менее, чем это, помещении.

– А охрана? – спросил Иванов, которому уже пришлось по душе предложение полковника.

– А что с охраной? На КНП полно совершенно пустых помещений, где охрана может расположиться с относительным комфортом. Матрасы только надо принести. Ну, да это мы мигом организуем. Все лучше, чем на морозе в пургу прыгать, да в сугробах лежать, пялясь во все глаза в ПНВ. К то-

му же вся охрана будет находиться в непосредственной близости к охраняемым объектам, а не дежурить посменно, что усилит надежность.

– Я, в принципе, не возражаю, – вопросительно глянул Иванов на Вострецова.

Вострецов, которому было все равно, где спать, только неопределенно пожал плечами.

– И столовая у нас тут – рядом, – вставил слово майор Гусаров.

– Столовая, говоришь? – обернулся к нему Иванов.

– Ну, да, – кивнул майор. – Она обслуживает сотрудников, работающих по сменам. Чтобы им не подниматься наверх и не тащиться в поселковую столовую, придумали столовую расположить поближе к производству, ради оптимизации.

– Осталось слово за вами, Алексей Сергеич. Вы ведь у нас тут главный распорядитель подземного царства, – обернул свой орлиный взор Иванов на скромно сидящего и молчащего Боголюбова.

– А что я? – он тоже пожал плечами. – Я и так все время почти провожу здесь, особенно после того, как моя Наталья отбыла на материк. Если считаете, что для безопасности будет лучше, то пусть так и будет.

– Ладно. Я то уж не пойду, а вы, Михал Дмитрич, распорядитесь там, чтоб мои чемоданишки сюда принесли, а то сдается мне, что тут и зубной щетки для меня не сыщется, –

с усмешкой обратился Вострецов к полковнику.

– Лично прослежу, – клятвенно заверил и приложил ладонь к тому месту, где должно находиться сердце, Митрич. – А вы, Алексей Сергеич, когда будете сейчас перебазироваться на КНП, то не забудьте прихватить с собой и мой подарок, ради успокоения моей души.

– Товарищ майор, – обратился Иванов к Гусарову, – надеюсь, вы согласуете нахождение нашей охраны в стенах КНП?

– Разумеется, товарищ генерал-лейтенант, – подтвердил Гусаров консенсусное решение по обеспечению охраны. – И сделаю соответствующую запись в журнале о допуске для всех лиц, сопровождающих вас.

– Я тогда тоже сниму охрану с дома Алексея Сергеича и перебазирую их сюда же. Нечего им пустой дом охранять зря, – произнес Митрич и вопросительно поглядел в сторону майора. Тот, молча кивнул, соглашаясь с комендантом.

Иванов, тем временем, пошарил у себя в нагрудном кармане и достал оттуда мини-рацию:

– Леня, ты меня слышишь? Прием.

– На связи, товарищ генерал.

– Леня, ты уж прости меня, голубчик, что я вас изрядно поморозил. Скажи там ребятам, что расквартировались в общежитии, чтобы они в срочном порядке сворачивали свой лагерь. Пусть все матрасы, которые там находятся, взяли с собой и собрались возле центрального входа на объект. Здесь их встретят товарищи, – он взглянул на майора и тот утвер-

дительно кивнул, – и после оформления допуска проводят сюда к нам. Здесь будем временно квартировать и столоваться. Задача ясна?

– Так точно, товарищ генерал, – ответил неведомый Ленья.

– Перед сном не мешало бы подкрепиться, – пытливо взглянул он, прежде всего, на Вострецова, а потом уже и на всех остальных, как бы спрашивая их мнения. – Вы, товарищ Гусаров, сказали, что тут у вас столовая имеется, так не откажите в любезности старикам и проводите нас туда, пожалуйста.

– Конечно, провожу. Идемте за мной, товарищи, – поднялся он с места и бодро пошагал вдаль по коридору. Все дружно потянулись за ним, хотя и сами прекрасно знали туда дорогу.

II.

Там же, 07.09.2020 г., 4.00 по местному времени.

В эту ночь Арнольд даже не ложился, чтобы прикорнуть хоть на малое время. Так и лежал одетый в кровати, почти до означенного времени. Его одолевали тяжкие думы. Сегодня ему предстояло окончательно перейти грань общечеловеческой морали. Раньше ему даже в голову не приходили мысли о чем-то подобном. Передавая Родину путем передачи ее врагам секретной информации об оборонном потенциале, он никогда не утруждал себя размышлениями на эту

тему. Ему просто очень хотелось денег. Связавшись с Ингрид, он почувствовал вкус к разгульной жизни. А насмотревшись голливудскую стряпню о роскоши существования (не жизни, потому что она не имеет ничего общего с существованием ради удовлетворения низменных инстинктов) и свободе нравов среди «золотой» молодежи из Залужья, захотелось просто быть одним из таких. Он с детства был неглупым мальчиком, поэтому прекрасно осознавал, что дорога к материальному благополучию, в том смысле, в котором он его понимал, отнюдь не усыпана бесплатными "плюшками», сыплющимися с небес просто так. Она напоминала широко распространенные электронные игры «бродилки», где золотые монеты можно было получить, только после прохождения очередного левела. И с каждым разом задание очередного левела становилось все более и более трудновыполнимым. Так вот произошло и с Арнольдом. Сначала у него попросили сведения оборонного значения, непосредственно связанные с его специальностью, что, в общем-то, не сильно его напрягло, так как особых стараний прилагать не пришлось – всего-то передать тетрадки с конспектами закрытых лекций. Потом задание усложнилось и его кураторы уже не просили, а требовали провести специальную шпионскую акцию по добыче сведений, никак напрямую не связанных с его профессиональной деятельностью. Затем от требований перешли просто к банальным приказам, повелев принять участие в подготовке нападения на базу, в которой он прохо-

дил службу. И вот теперь его окончательно решили «повязать кровью», велев уничтожить дежурную смену радиолокатора. И он покорно согласился с этим, одурманенный ложной надеждой на скорое обогащение и приобщение к «цивилизованному миру». Нет, его не мучала совесть за предстоящее очередное преступление. Для этого он был слишком рационален. Его мучал страх, а вернее два страха. Первый страх сводился к отсутствию навыков по убийству людей. Он не то, что никогда и никого не убил в своей жизни (странное дело, но он даже в детстве не издевался над животными, хотя по закону жанра, просто обязан был это делать), он даже не мог представить себя в роли убийцы. Даже на учениях по стрельбе, в которых ему приходилось участвовать, он еще ни разу толком не смог попасть в мишень, так как в последний момент перед выстрелом всегда невольно прикрывал глаза. Инструктор, проводивший занятия с офицерами, давно махнул на него рукой, ставя зачеты лишь потому, что их просто нельзя было не ставить, ибо это легло бы пятном на репутацию всей воинской части. Он очень боялся, что не сможет найти в себе силы, чтобы нажать на спусковой крючок и при этом не зажмуриться по укоренившейся привычке. Второй страх был более глубинным и рациональным. Его терзали смутные подозрения в отношении своих заказчиков. Подкорковым сознанием он понимал, что если кураторы решили использовать его в качестве банального киллера, то это могло означать только одно – его услуги информатора

больше им не нужны и от него решили, таким образом, избавиться, используя, как расходный материал. Эта мысль настолько напугала Шептицкого-младшего, что он всерьез начал было подумывать о возможности бросить все к чертовой матери, забиться где-нибудь в расщелине, переждав авианалет, а после выбраться на белый свет и мотануть назад – в Москву, ведь базу после того, как ее вдоль и поперек перепашут В-52, наверняка будет ликвидирована. А уж в Москве он найдет себе теплое местечко, чтобы дожидаться финальной развязки всего этого безумия. И не надо бояться, что его кураторы выдадут властям. Им самим это крайне невыгодно. Сдав его чекистам, они подставят под удар отца, который для них представляет, куда большую ценность, чем он сам. Он уже готов был принять такое решение, но раскинув умом еще раз, понял, что спасая свою шкуру, он ставит жирный крест на своей мечте – попасть в сказочный мир спокойной и сытой жизни на Западе. Мало того, что без денег он будет там, мягко говоря, никому не интересен, так еще и его хозяева, у которых с памятью всегда было благополучно, наверняка напомнят ему невыполнение последнего приказа. И итогом этого напоминания может стать автомобильная катастрофа. Буйное воображение Арнольда уже в красках нарисовало жуткую картину возможного «несчастливого случая». Мороз пробежал вдоль всего позвоночника старшего лейтенанта и он, словно подброшенный невидимой катапультией, вскочил с кровати. Нет уж! Только не это! В конце концов,

откуда такое подавленное настроение? Он ведь из породы везунчиков по жизни. Ему всегда и все сходило с рук, и из всех передрыг он выбирался, даже не замочив пятки. Поэтому есть веские основания считать, что и в этот раз все пройдет наилучшим образом. Надо только перебороть свой страх, а дальше... Дальше его ждет новый мир и новая жизнь, где-нибудь на побережье Флориды, под шезлонгом, с бокалом мохито в руке и в окружении прелестных и безотказных мулаток. Он решительно подошел к полке с книгами и, сунув руку внутрь, достал из глубины завернутый в тряпицу пистолет. Еще раз, проверив его рабочее состояние, сунул в карман шинели. Затем немного подумав, шагнул к прикроватной тумбочке и достал оттуда табельный «макаров» и сунул его в другой карман – на всякий случай. В прихожей присел на минутку на табурет, как заведено перед дальней дорогой, затем окинув взглядом свое жилище, в котором провел почти год, вспоминая, не забыл ли чего. Нет, не забыл. Да, собственно говоря, тут и не было ничего такого, что он хотел бы взять с собой на память. Не было ничего, чем бы он дорожил. В новый для него мир надо было идти необремененным лишним багажом и сентиментальными воспоминаниями, твердо и решительно прикрывая за собой дверь в прошлое. Он хлопнул себя по нагрудному карману, в котором находилась его личная радиометка и покинул помещение, даже не закрыв на ключ. Машинально взглянул на свои наручные часы. Они показывали 4.05. Времени, чтобы дойти

до станции, было хоть отбавляй. Она находилась на краю поселка, прямо на берегу залива. Выйдя на улицу, слегка прижмурился: легкий буранчик покалывал острыми снежинками лицо и не давал глазам полностью раскрыться. И тут ему в голову ударила неприятная мысль: «А что, если охранники спросят за какой такой надобностью я поперся ночью на станцию? Что я им скажу?» Он даже замедлил и без того не слишком торопливый шаг, чтобы лихорадочно найти зацепку для оправдания нежданного визита. Решение нашлось довольно быстро. Он вспомнил, что еще месяц назад обещал капитану Долгих зеленые светодиоды для индикации клавиатуры управления. В промышленной комплектации шли только красные, которые за долгую смену операторов очень сильно напрягали зрение, и они постоянно жаловались на такое неудобство. А у него как раз были такие со списанных накануне контрольно-измерительных приборов и он по хомячьей натуре всех северян, надергал их оттуда, думая приспособить в качестве гирлянд для новогодней елки. Эта спасительная находка из глубины памяти, как нельзя, кстати, взбодрила его, и он прибавил шагу. Улица хорошо освещалась фонарями, и это освещение придавало поселку особый лоск, делая из него нечто сравнимое с районным центром в российской глубинке, а не утлое и забытое Богом обиталище где-то на краю земли. Теперь идти было гораздо проще – ветер дул в спину и уже не слепил глаза. Уверенности придавала еще и тяжесть в карманах. Ни попутных, ни встреч-

ных прохожих на глаза не попадалось и это тоже вселяло в Арнольда некую уверенность в благополучном исходе намеченной акции. Чем меньше народу увидит его в этот час, тем легче ему будет объяснить свое алиби, в случае, если операция хозяев по каким-то причинам провалится. Улица упиралась в самую пристань, где у пирса коротал остаток своих дней старенький базовый тральщик «Герман Угрюмов», поэтому Шептицкий не доходя до ее конца, свернул на одну неприметную, но тщательно натоптанную тропинку, ведущую к РЛС. Через пять минут он уже подходил к целому лесу из антенн, составлявших основу для загоризонтного радиолокационного поля «Подсолнуха». Здесь блага цивилизации заканчивались, поэтому было довольно темно, хоть Полярная ночь еще и не началась. Но среди мачт антенного поля явственно просматривался модуль управления станцией, чем-то напоминающий древний саркофаг. Сравнение с саркофагом несколько развеселило старшего лейтенанта, уловившего в этом зловещую судьбу для его обитателей. Из состояния злой ироничности его вывел возглас:

– Стой! Кто идет?!

Из предрассветного сумрака перед ним вдруг возникли две фигуры в белых масках. Шептицкий остановился, не желая испытывать свою доселе неизменную удачу. Одна из фигур осталась на месте, взяв автомат наизготовку, а другая подошла к нему.

– Кто идет?! – еще раз повторил охранник неласковым го-

лосом.

– Я иду, – просто отозвался Арнольд, не делая каких бы то ни было движений, чтобы не спровоцировать на активные действия, судя по всему, старшего караульного.

– Пароль! – все таким же бескомпромиссным голосом потребовала фигура в белом одеянии.

– Я не знаю пароля, – честно признался Шептицкий, неожиданно покрываясь холодным потом от липкого страха.

«А ну как начнет обыскивать?» – испугался он возможного развития событий. Присутствие табельного оружия и объяснять не надо, потому, что здесь все его носят при себе в качестве самообороны от диких зверей, а вот как объяснить наличие «глока»? «Придется стрелять» – с тоской пронеслась шальная мысль в его воспаленном мозгу.

– Проход закрыт для посторонних. Назовитесь, – в голосе часового слышались угрожающие нотки.

– Старший лейтенант Шептицкий, – нехотя назвал его.

Арнольд несколько раз бывал на станции, но всегда в сопровождении кого-то из местных служащих, поэтому до этого момента не подвергался таким расспросам. Караульный достал из под маскхалата фонарь, и довольно бесцеремонно осветил им в лицо Шептицкому.

– Верно, – констатировал тот, после чего фонарь погас. – Вас, кажется, зовут Аристарх?

– Арнольд, – поправил часового Шептицкий.

– Ну да, ну да. Припоминаю.

– Мы с вами знакомы? – немного начал успокаиваться старлей.

– Да, так, шапочно, – неопределенно ответил охранник и скупо пояснил, – гуляли в одной компании.

– Ага, понятно, – уже окончательно успокоился старлей.

– А вы чего не спите-то? – поинтересовался охранник, так и не соизволивший назвать своего имени.

– Бессонница, знаете ли, одолела, – немного заискивающим голосом ответил Арнольд. – Вот и решил проветриться немного, а заодно и навестить своего приятеля.

– Ночь – не самое подходящее время для визита, – заметил незнакомый знакомец. – А вы, собственно, к кому направляетесь с необъявленным визитом? – пытливо прищурился он.

– К капитану Долгих. Он, надеюсь, сегодня на дежурстве? – усмехнулся Шептицкий ретивому охраннику.

– Ну, допустим, на месте, но просто так, я вас к нему все равно не могу допустить, – охраннику было явно скучно на посту, поэтому он решил проявить служебное рвение, а заодно и развлечь себя светской беседой.

– А я не просто так к нему иду. Я по делу, – принял игру Арнольд, начиная волноваться, что разговор с караульным может вылиться в долгое препирательство.

– Какому? – не унимал свое любопытство часовой.

– Я принес ему светодиоды, которые он у меня просил, – вымученно улыбнулся Шептицкий. – Они ему крайне необ-

ходимы для работы.

– Хорошо, – начал сдаваться охранник, – я вас пропущу, но прежде свяжусь с самим капитаном Долгих для согласования.

– Не возражаю, – флегматично согласился с ним Арнольд, кривенько улыбаясь.

Часовой опять порылся у себя за пазухой и достал мини-рацию:

– Одиннадцатый? Это пост.

– Одиннадцатый слушает пост, – донеслось из динамика.

– Товарищ капитан, тут к вам посетитель намыливается, – грубовато охарактеризовал Арнольда часовой.

– Какой еще посетитель среди ночи? – недовольно поинтересовался капитан.

– Старший лейтенант Шептицкий.

– О, как! Чего это ему приспичило ни свет, ни заря?!

– Говорит, что вы у него какие-то светодиоды просили, – уточник охранник цель визита.

– Светодиоды? – удивился Долгих. – Какие еще..., – начал было закипать, но тут же спохватился. – Ах, светодиоды?! Ну, как же, как же? Просил, было дело. Принес?

– Говорит, что принес, – подтвердил сразу поскучевший охранник.

– Ну, так не томи гостя дорогого. Пропусти его там.

– Есть, пропустить, – совсем уже потухшим голосом ответил часовой и молча сошел с тропинки, давая Арнольду

пройти.

Чувствуя свое внутреннее превосходство перед часовым, заставившим его изрядно попотеть, Шептицкий не отказался от маленькой мести, легонько толкнув того плечом, хотя охранник заранее посторонился. Подходя к «саркофагу» пульта управления станцией, он, сунув руку в карман шинели, тихонько снял с предохранителя спусковой крючок пистолета. Модуль поста управления, как и все строения на Новой Земле стоял на сваях, поэтому Шептицкому пришлось карабкаться по обледеневшим ступеням, прежде чем дверь перед ним гостеприимно распахнулась, и сам капитан Долгих с улыбкой встретил неожиданного гостя.

– И чего тебе не спится, Степаныч?! – добродушно прогудел он, помогая визитеру протиснуться в узкие бронированные двери.

– Да вот, бессонница одолела. Дай, думаю, прошвырнусь, заодно и в гости загляну, – широко и по-доброму улыбнулся Арнольд.

– Ты раздевайся, да проходи. Что в тамбуре то стоять? – суетился, меж тем, капитан.

– Не-е, – мотнул головой Шептицкий, – не буду раздеваться, а то потом еще чаю захочу или еще чего... Я на минутку. Только передам обещанные светодиоды, и пойду. Куда их тут можно положить, показывай?

– Ладно, пойдем, – потянул его за рукав Долгих.

Через шлюз (на случай химической атаки) они прошли

в узкое и длинное помещение, заставленное аппаратурой, о назначении которой Арнольд имел довольно поверхностные представления. Все небольшое помещение управляющего модуля было залито светом, льющим от экранов, передающих информацию о состоянии сканируемой акватории залива. За главным пультом, спиной к ним, сидели два оператора в удобных крутящихся креслах. Они внимательно и безотрывно смотрели на жидкокристаллические экраны, передающие обстановку в реальном режиме времени. Операторы так были увлечены своей работой по разглядыванию приборов, что на приветствие вошедшего ответили только короткими кивками, не соизволив даже обернуться. Впрочем, Арнольд несколько на них не обиделся, так как это вполне его устраивало. Он мазнул взглядом по часам, висящим под низким потолком. На их электронном табло ярко горели цифры «4.50». «Пора», – подумал он и сунул руку в тот карман, где у него лежал «глок».

– Юра, помоги, – обратился он к капитану.

– Что там у тебя? – со смехом поинтересовался Долгих, видя, как Шептицкий пытается что-то достать из кармана шинели.

– Да, вот черт, застрял пакет. Никак не вытащу, – тоже со смехом ответил он, делая вид, что рука застряла.

– Давай, помогу, – удачно подошел к нему капитан так, что загоразживал собой обоих операторов и попытался вытащить руку гостя.

Неожиданно рука сама легко выскользнула из кармана, но пакета в ней не было. Вороненая сталь ствола уперлась в живот капитана. Долгих опустил голову, пытаясь разглядеть, что это там такое могло быть. Шептицкий, продолжая улыбаться, как ни в чем не бывало, плавно нажал на курок пистолета. Заграничная техника сработала безотказно. Раздался негромкий хлопок и Долгих вялым кулем начал оседать на пол, так и не поняв, что произошло. Он умер мгновенно, с недоумевающим и слегка обиженным от такой несправедливости лицом. Шептицкий не стал его придерживать, давая телу самому упасть к его ногам. Не теряя даром драгоценных мгновений, он выкинул пистолет, держа его обеими руками, как в голливудских боевиках, в направлении сидящих за пультом. Оба оператора, как по команде, обернулись на хлопок. Один из них сделал попытку встать, но в ограниченном пространстве модуля управления станции невозможно было промахнуться даже такому скверному стрелку, как Арнольд. Тому оператору, который приподнялся со своего места, пуля угодила в грудь, тот, что успел только обернуться на непонятные звуки из-за спины, пуля угодила прямо в переносицу. Оба умерли практически мгновенно, рухнув там же, где и сидели. От выброшенного в кровь адреналина у Шептицкого тряслись обе руки, поэтому пистолет подрагивал, словно осиновый лист на ветру. Он никак не ожидал, что все закончится так быстро и удачно для него. Однако, прежде чем перейти к следующему этапу, ему необходи-

мо было какое-то время, чтобы прийти в себя и правильно оценить складывающуюся вокруг обстановку. Он опять кинул взгляд на часы. С начала акции прошло меньше минуты. Он мысленно похвалил себя за решительность и хладнокровие. В этот момент ему очень хотелось, чтобы рядом с ним стояла Ингрид с распахнутыми от восторга глазами. Но красотка Ингрид была за тысячи километров от него, а рядом с ним только валялись убитые сослуживцы. Убитые им собственноручно. Испытывал ли он какую-нибудь жалость к ним? Нет. Он не терзался, подобно Раскольникову мыслями о праве и «дрожашей твари». Сейчас он не испытывал никаких эмоций, кроме удовлетворения от выполненного задания. Он даже немного гордился собой. Ведь раньше он и представить себе не мог, что у него поднимется рука на человека. А вот на поверку, все оказалось до банальности простым. Рука поднялась и даже, судя по точности выстрелов, не дрогнула. Но все равно нужно было сделать короткую передышку. Хотя бы на минутку. Он присел в пустующее кресло начальника смены и с любопытством начал разглядывать экраны и сам пульт управления станцией. Он где-то с минуту сидел неподвижно, силой воли унимая дрожь в теле и все еще трясущиеся руки. Позабыв о своих наручных часах, опять поднял голову к потолку. Время было без пяти минут пять. Нужно было что-то срочно предпринимать для выведения станции из строя. По идее, самым надежным способом ее уничтожения был бы, конечно, подрыв изнутри, но

взрывчатки под рукой не имелось, да и шуметь раньше времени, категорически запрещалось. Какой из блоков станции был критически важен для ее нормального функционирования, он не знал, так как смутно представлял себе принцип ее работы. А время, меж тем, неумолимо утекало, как песок сквозь пальцы. Он еще раз окинул ошалелым взглядом тесное помещение в поисках какого-нибудь подручного инструмента – небольшого, но достаточно увесистого, чтобы им хотя бы переколотить жк-мониторы, обильно уснащавшие собой все пространство управляющего модуля. Не найдя ничего подходящего, чтобы можно было использовать для этой роли, он вспомнил про свой «глок», который все еще цепко держал в руке. Рукоятка у него была металлическая и массивная, в отличие от серийных пистолетов сплошь изготовленных из легких композитов. Тяжело и неохотно встал. «На бесптичье и ж... – соловей» – подумал он про себя и, вздохнув глубоко, с размаху врезал рукояткой по ближайшему от него экрану. Тот моментально брызнул разноцветными искрами и осыпал Арнольда мелким стеклянным крошевом. Убедившись, что пистолет при этом не пострадал, старлей принялся уже с каким-то яростным остервенением колотить рукоятку по всем попадающимся на глаза экранам. С каждым его ударом в помещении становилось чуточку темней. Последний его удар погрузил весь модуль почти в абсолютную темноту, нарушаемую только искрами от поврежденной проводки. Да еще табло с часами под потолком равнодуш-

но указывало на то, что ему пора убираться отсюда. Когда дело было закончено, он словно пьяный от крови и шабаша устроенного после злодеяния, спотыкаясь о тела только что убитых им людей, чертыхаясь и матерясь в крошечной тьме, наощупь выбрался из жуткого помещения в тамбур. Затем, все также наощупь нашел задранные кремальеры входной двери и крутанул колесо против часовой стрелки. Тяжелая дверь без скрипа отворилась, впуская внутрь предрассветный ветер, дующий со стороны залива. Оскользываясь на заиндевевших ступенях, он буквально скатился вниз, больно приложившись копчиком о металлическую ступеньку. Боль в области ниже спины оказала на Шептицкого отрезвляющее воздействие. Опьянение, вызванное кратковременным повреждением рассудка, вследствие испытанного им шока от тройного убийства и последующего разгрома станции, моментально улетучилась. С трудом поднявшись с припорошенной бураном земли, он к своему удовлетворению отметил, что пистолет, несмотря ни на что, так и не выпустил из руки. Оглянулся по сторонам в опасениях, что кто-то мог быть свидетелем его падения с лестницы, но все было тихо и спокойно. До «секрета», где его давеча остановили, было около ста метров, и поэтому разглядеть его, кувыркающегося со ступенек в предрассветной мгле, можно было только с использованием ПНВ. Он нагнулся и левой рукой черпанул пригоршню снега, чтобы протереть огнем горящее лицо и привести свои чувства в окончательный порядок. Прodelав

эту нехитрую операцию, опять вспомнив о пистолете, неторопливо поставил предохранитель на место и сунул обратно в карман шинели эту заграничную штучку, верой и правдой сослужившей ему службу, не сделавшей осечки в самый ответственный момент всей его жизни. «Что ж, два этапа операции из трех завершены вполне удачно» – размышлял он, с удовольствием подставляя ветру влажное от снега лицо. Неспешно двинулся в обратный путь. «Остался заключительный этап, где от меня, в сущности ничего и не требуется – всего лишь прогуляться к дому этого Боголюбова». А дальше... Дальше ему нужно было только назвать свое имя руководителю диверсионной группы и тогда место в шлюпке или быстроходном катере, ему обеспечено. Потом недолгое, скорее всего, морское путешествие и он окажется в мире своих юношеских грез. Оттуда он как-нибудь свяжется с отцом и тот постарается переправить сыну причитающуюся долю, заработанную тяжким трудом по продаже Родины. Пребывая в мечтах о своем недалеком счастливом и безмятежном будущем, он и сам не заметил, как поравнялся с давешним часовым.

– Что-то вы быстро управились, Арнольд? Простите, что запямятовал ваше отчество, – проговорил удивленным голосом караульный.

– Степанович, – машинально дополнил его Шептицкий.

– Да-да, вспомнил, Степанович.

– А чего там рассиживаться и мешать людям на посту? –

беззаботно пожал плечами старлей. – Он просил, я передал.

– Ну, в принципе, правильно мыслите. На работе надо работать, а не чай гонять, – подвел итог часовой. – Хотя я бы, честно говоря, сейчас не отказался от крепкого цейлонского чайку. Ладно, Арнольд Степанович, ступайте. Удачи вам.

– Спасибо, – коротко бросил Шептицкий через плечо, удаляясь неторопливым шагом.

Сорока минут, чтобы дойти до дома, в котором проживал Боголюбов, было вполне достаточно. Для этого хватило бы даже и двадцати минут неспешной ходьбы. Ветерок с залива обдувал лицо, а в карманах чувствовалась приятная тяжесть от пистолетов. В одном еще оставалось двенадцать патронов со специальной начинкой, а в другом – штатном, всего восемь. «Итого – двадцать патронов, – рассуждал про себя Арнольд. – Куда бы их потратить?» И тут ему в голову пришла гениальная мысль. Подворье ненавидимого им коменданта находилось как раз по дороге к дому Боголюбова. Время есть и можно наведаться с неожиданным визитом к своему недругу. «А что тут такого? – опять принялся он про себя рассуждать. – Опыт у меня уже кое-какой имеется. Постучу. Скажу, что его срочно вызывают на КНП. Наверняка, он сам откроет дверь. А там, один выстрел в упор и старикан задерет кверху свой протез. Второго такого удобного момента не представится уже никогда. Оскорбление чести смывается только кровью». Самое удивительное было в том, что он вполне себе серьезно размышлял об оскорблении офицер-

ской чести, после того, как двадцать минут назад, сам же ее и растоптал, совершив иудин грех. Хотя, если вдуматься, то чему тут можно удивляться? Люди подобного склада характера и мировоззрения привыкли всегда рассматривать окружающие события только с удобного для них самих ракурса. Представляя себе в мельчайших подробностях то, как он будет расправляться с полковником и как, улыбаясь, будет наблюдать его скорчившееся тело возле своих ног, Арнольд и сам не заметил, как оказался прямо перед жилищем своего врага. Он сунул руку в карман, чтобы наощупь снять пистолет с предохранителя, но тут из сарая, что примостился сбоку от дома, донесся недовольный утробный рык. «Блин! Как же я забыл про этого чертового медведя?!» – зигзагом пронеслось у него в мозгу.

Растревоженная запахом незнакомого ей человека, от которого пахло смертью, медведица высунула морду из незапертого дверного проема, и, пошевелив недовольно крупными ноздрями, угрожающе оскалила пасть. Незнакомец, от которого пахло смертью, продолжал оставаться на месте, замерев в нерешительности.

Она опять тихонько рыкнула, приказав сыну, во что бы то ни стало, ни в коем случае не высовываться наружу, а сама тяжело вздохнув напоследок, сделала свой первый шаг навстречу врагу. Не столько для пущей остротки, сколько для поднятия собственного боевого духа, она зарычала громче и оскалила свою пасть, показывая суровость своих намерений.

Однако враг оказался не столь уж силен и коварен, как ей сперва показалось. Заметив решительный настрой со стороны дикого зверя, Арнольд сначала, действительно замер в нерешительности, абсолютно не зная, что предпринять в подобной ситуации. Стрелять в медведя из «макарова» означало подписать себе дважды смертный приговор. Во-первых, на звуки выстрела немедленно отреагируют не только в доме коменданта, но и во всех стоящих рядом домах. А во-вторых, у «макарова» не та убойная сила, чтобы завалить мишку размером с автофургон «газели». На «глок», лежащий в другом кармане, тоже надеяться не приходилось. Его стеклянные пули, с их пониженной пробивной способностью из-за хрупкости материала, просто застрянут в густом подшерстке медведицы, не причинив ей никакого вреда. Выход был один – признать свое поражение еще до начала поединка и спешно ретироваться, пока еще сам зверь пребывал в нерешительности. Но у белых медведей, как, впрочем, и у их бурых собратьев, дистанция от нерешительности до яростной агрессии измерялась, как правило, долями секунд. Быстренько взвесив все «за» и «против», Арнольд счел для себя наилучшим вариантом сначала медленно попятиться, от осторожно выступившей из сарая медведицы, а затем удалиться с максимально возможной скоростью от несостоявшегося места свершения расплаты за прежний позор. Так он и поступил, здраво рассудив, что ракетно-бомбовый удар через час-другой, и так завершит начатое им дело, а рисковать

своей жизнью, на пороге светлого будущего – занятие крайне сомнительное.

Он удирал во все лопатки, лихорадочно представляя, что может произойти, когда грозный зверь взбодренный бегством своей жертвы за несколько мгновений догонит его и начнет кровавое пиршество над его молодым телом. Однако мгновенья шли за мгновеньями, а Арнольд так и не слышал за спиной дыхания догоняющего зверя. В боку начало существенно покалывать. Пробежав еще какое-то расстояние, он разрешил себе оглянуться назад. К его немалому удивлению, улица, по которой он так быстро перебирал конечностями, была пуста. Медведица только отогнала его от своего жилища, сделав вид, что желает полакомиться человечинной. Шептицкий остановился, чтобы перевести дух и унять предательскую дрожь в коленях. Судьба уже в который раз проявляет к нему свое доброе расположение. Это был хороший знак для него. Значит, он все делает правильно, и там, на небесах, если кто и есть, то он вполне доволен ходом развития ситуации, а это, в свою очередь, еще раз доказывает безальтернативность его поступков. Выровняв дыхание, он огляделся еще раз по сторонам и обнаружил себя, как раз невдалеке от дома Боголюбова, где должна была состояться его встреча с диверсионно-разведывательной группой. Шептицкий не сомневался, что группа уже беспрепятственно высадилась на берег и сейчас следует за сигналом, исходящим от его радио-маяка. Потому что если бы это было не так, то в поселке

уже давно бы поднялась тревога и связанная с ней суматоха. А раз все было тихо и спокойно, значит посты и «секреты», расставленные по периметру базы и поселка тихо ликвидируются заокеанскими специалистами своего дела. Их появления следовало ожидать с минуты на минуту. Сейчас ему следовало своим нарочитым присутствием спровоцировать на контакт тех, кто охранял дом технического руководителя проекта. В этой связи его беспокоила только одна мысль – как бы не попасть под возможный перекрестный огонь, если что-то вдруг пойдет не по плану. «Если что, то просто упаду ничком в снег, пока они там шмаляют друг в друга», – трезво решил он после кратких раздумий. Он, уже окончательно оправившись от загнанного бегом дыхания и колотья в боку, перешел на спокойный шаг и очутился возле нужного ему участка. Походкой никуда не торопящегося человека, Арнольд прошел вдоль участка, где располагался дом Боголюбова. Если в доме на участке кто-то и присутствовал, то он никак не отреагировал на появление постороннего возле охраняемого объекта в столь неурочный час. Данное обстоятельство слегка напрягло Шептицкого, который уже заранее придумал и отрепетировал возможный диалог с охранниками. Дойдя до конца участка, он повернулся и пошагал обратно, все той же неспешной походкой столичного денди. Опять никакого эффекта. «Да, что они там, вымерли все что ли?!» – в сердцах подумал он, уже потихоньку начиная догадываться о том, что на каком-то этапе хорошо выверен-

ных планов произошел сбой, и операция грозила пойти по незапланированному сценарию. Для проверки своих подозрений он вдругорядь устроил побегушки перед домом Боголюбова, и опять не добился никаких результатов. Наконец, бросив свое никчемное занятие, он остановился, пребывая в явном недоумении от происходящего. Потоптавшись еще какое-то время на утреннем ветерке, вскинул руку к лицу, чтобы посмотреть на часы. Стрелки, покрытые светящимся составом, показывали 5 часов 50 минут. Отряд диверсантов уже должен быть где-то рядом. Вдруг невдалеке послышался еле уловимый хруст снега. Обостренные опасностью внутренние чувства Шептицкого резко развернули его в сторону доносившегося скрипа. Так и есть! Метрах в пятнадцати от него из-за камня возникла фигура в белом маскхалате. Фигура поднесла указательный палец к губам, что на международном языке жестов означало просьбу соблюдать максимальную тишину. Арнольд понял без лишних слов, кто перед ним стоит и быстро-быстро закивал в ответ на молчаливый приказ. Затем незнакомец махнул рукой, подзывая его к себе. Старлей выполнил и этот приказ...

Подойдя вплотную к одетому в белый балахон диверсанту, Шептицкий с удовлетворением отметил «навороченность» его экипировки. Первым, что бросилось ему в глаза, так это сферический шлем белого цвета, абсолютно закрытый со всех сторон, включая и лицевую часть. Чем-то он походил на шлем «имперских боевиков» из кинофильма

«Звездные войны». Под непроницаемо черным блистером шлема, наверняка находился дисплей, совмещенный с ПНВ и мини-компьютером, выдававшим информацию об окружающей обстановке во всем мыслимым диапазоне. «Русским до такого, как раком до Луны», – не то в восхищении, не то в сожалении подумал он. Даже под маскхалатом нельзя было скрыть покрывающую все тело диверсанта броню, которая прикрывала не только туловище, но и ноги. В довершение ко всему в руках у диверсанта был малогабаритный автомат, снабженный универсальным прицелом и толстым стволом (видимо для бесшумной стрельбы).

– Кто ви? Имя? – донеслось из лицевого динамика с акцентом.

– Шептицкий – я, – с подобострастием ответил старлей, пытаясь вытянуться в струнку перед начальством, изображая при этом некое подобие радушной улыбки.

– Арни? – спросил диверсант, к которому неслышно подошли и сгрудились возле своего руководителя остальные члены группы.

– Yes, yes, – закивал Шептицкий. – Арнольд Шептицкий.

– Well. Это есть дом Bogolyuboff? – кивнул старший группы на дом, возле которого только что фланировал Арнольд.

– Да-да, он самый, – продолжал кивать и глупо улыбаться Шептицкий.

– I was told that this house is under guard (Мне сказали, что этот дом находится под охраной), – недовольным голо-

сом, так, что это чувствовалось даже через динамик, произнес старший диверсант.

Старлей довольно сносно говорил на английском, поэтому без усилий понял, чем недоволен вопрошающий. Однако все слова на этом языке вылетели у него из головы, и он ответил по-русски.

– Я не знаю, мистер..., – запнулся Шептицкий, подбирая эпитеты к слову «диверсант». – Дом всегда находился под охраной. Но сейчас я никого не вижу.

Он в растерянности пожал плечами.

– Knock on the door of his house. I'll send people with you (Постучитесь в двери дома. Я пошлю с вами людей), – ткнул он пальцем в Шептицкого и обернувшись назад, что-то невнятно бросил своим сопровождающим.

– Как прикажете, – понуро согласился Арнольд и развернувшись, потрусил к дому.

Две неслышные тени в белых халатах последовали за ним. Идти было очень неприятно. Он затылком ощущал, как его держат на прицеле, раздосадованные первой неудачей диверсанты. К тому же он был уверен, что его миссия будет, наконец, окончена, после того, как боевики с его помощью найдут дом Боголюбова. А тут оказывается, что его и дальше хотят использовать в качестве рыболовного крючка на крупную рыбу. Подобное никак не входило в его планы, и от этого ему было не по себе. Нервно оглядываясь по сторонам, Шептицкий проник на участок и несмело поднялся на крылеч-

ко. Два белых «привидения», ступая по-кошачьи, неотступно следовали за ним по пятам. Уже поднявшись по ступеням, Арнольд понял, что визит в дом к Боголюбову был напрасным. Входная дверь была заперта на крючок. А это значило, что хозяина нет дома. Он ткнул пальцем на незамысловатый запор и как мог, попытался объяснить своим сопровождающим, что искать здесь ученого – бесполезная трата времени.

– The door is closed. There's no one at home (Дверь закрыта. Никого в доме нет), – не без труда вспоминая английскую речь произнес он, пребывающим в таком же недоумении диверсантам.

Те были явно не дураками, поэтому без лишних подсказок поняли, что операция развивается в ином ключе, нежели ее задумали специалисты из «высоких» кабинетов в Лэнгли. На всякий случай, один из них откинул стволом автомата крючок и неслышно проник внутрь дома. Буквально через минуту он вернулся, покачивая отрицательно головой. Вместе они вернулись на исходные позиции. Командир, наблюдавший за ними, давно уже все понял, поэтому встретил вернувшегося Арнольда вопросом прямо в лоб:

– Where is the right person for us (Где этот человек может находиться)?

Арнольд опять понял его слова правильно.

– Точно не скажу, – пожал он плечами и шмыгая носом, – но думаю, что, скорее всего, в сборочном цеху. Им недавно привезли с Большой земли какие-то детали, – прошамкал он,

ничуть не заботясь о том, поймет ли его собеседник или нет.

Собеседник опять понял его правильно, уточнив со своей стороны:

– Where is the entrance to the cave (Это находится внутри пещеры)?

– В гору? – не разобрал тот английского слова «пещера», но догадываясь по смыслу сказанного.

– Yes.

– Внутрь горы ведут два входа и одна вентиляционная шахта, – начал он обстоятельно объяснять, морща от усилий лобик.

– Can you show this place on the map (Вы можете указать это на карте)? – нетерпеливо перебил его старший.

– Попробую, – поежился Шептицкий.

Главный диверсант опять буркнул что-то нечленораздельное одному из своих людей и тот мигом достал откуда-то довольно подробную карту местности, где они сейчас находились. Он развернул довольно большой лист и включил фонарик. Они склонились над картой, плотно соприкасаясь головами, так, чтобы свет от фонаря не был замечен посторонним. Это была даже не карта, а выполненный в высоком разрешении фотоснимок, явно сделанный со спутника. На ней можно было, при желании, вооружившись лупой, разглядеть отдельные людские фигурки.

– Вот здесь, – ткнул он пальцем на бетонированную дорогу, упирающуюся прямо в скальный массив, – находится

основной вход внутрь горы. Он замаскирован под нагромождение камней, но все это – бутафория. Камни не настоящие – просто выкрашенные под цвет камней бронированные ворота, которые, если будут закрыты, то их не прошибет даже танковый снаряд. Но даже, если случится чудо и они не будут закрыты, то все равно шансов попасть внутрь практически нет. Перед входом находится дистанционно управляемое минное поле. Операторы, управляющие им находятся внутри горы. Если и это не сработает по какой-то причине, то система безопасности среагирует на несанкционированное проникновение и тоннель будет взорван.

Американец понял все без перевода и нетерпеливо перебил словоохотливого гида:

– Where is the other entrance (Где находится запасной вход)?

Арнольд пошарил глазами по спутниковой карте и не без труда отыскал, еле заметные рельсы узкоколейки, берущие свое начало от подножия скалы и теряющиеся где-то в районе морского причала.

– Вот, – обозначил он запасной вход, – примерно в пятистах метрах от главного входа. Чуть в стороне. Здесь все то же самое, вздохнул он и поежился, под суровым взглядом командира, который он чувствовал, несмотря на черную непроницаемость блистера.

– What do you suggest (Что вы предлагаете)? – опять требовательно произнес командир.

– Остается только основная вентиляционная шахта, – пролепетал Шептицкий. – Тут, неподалеку. Её горловина находится на краю поселка.

– The main mine (Главная шахта)? So there are others (Значит, имеются и другие)? – тут же вновь перебил его лепет диверсант.

До старлея только сейчас дошло, что тот прекрасно владеет русским языком, но почему-то упорно не хочет этого показывать.

– Есть и другие отдушины, – уже без прежнего энтузиазма ответил Шептицкий, начавший подозревать, что его приключения на этом отнюдь еще не кончены, – но они слишком малы и не годятся для проникновения человека.

– Take us there (Ведите нас туда). Is it far from here (Это далеко отсюда)?

– Нет, недалеко, – нервно дернул Арнольд головой куда-то в сторону. – Я покажу.

Командир свернул карту и не глядя, передал ее за спину, одному из бойцов. Шептицкий поднял голову и с удивлением отметил, что диверсантов, окружавших их со всех сторон, заметно прибавилось. «Видимо подошли отставшие или это те, кто уничтожал в это время охранные посты по периметру. Стоят в полный рост и не опасаются, что их заметят», – промелькнула рыбкой догадка в голове старлея.

– Drive faster (Ведите быстрее)! – все тем же приказным тоном произнес персонаж из «звездных войн» и для вящей

убедительности грубовато ткнул Арнольда стволом автомата в живот, давая понять, что и дальше не намереваются с ним разводить чайные церемонии.

Шептицкому не оставалось ничего другого, как повиноваться. Он и возглавил длинную цепочку диверсантов, шагавших след в след за ним. Они не прошли и полсотни метров, как где-то в стороне раздался выстрел. Затем другой. А потом отдельные выстрелы превратились в нескончаемый поток очередей, особенно громко звучавших в утренней тишине. Диверсанты тут же попадали в снег, занимая оборонительные позиции. Но быстрее всех на выстрелы среагировал сам Шептицкий, моментально сунувшийся своей остренькой мордочкой в какую-то проталину. Стреляли со стороны аэродрома. Звуки выстрелов не прекращались, но пули не взрывали снег и не визжали над головами диверсантов. Бой шел в стороне. Видимо у одной из групп, все же пошло что-то не по плану, и она была обнаружена. Командир первым понял, что прямой угрозы жизни для них пока нет, а значит, надо было пользоваться моментом и ускорить маршбросок к вентиляционной шахте.

– Come on, get up (А ну, встать)! – пнул он под ребра тяжелым армейским ботинком с рифленой подошвой, лежащего в подтаявшем снегу, Шептицкого.

Старлей, проклиная все на свете, сперва встал на четвереньки, а затем медленно, как во сне, начал подниматься во весь рост. При падении он потерял шапку и она куда-то от-

летела в сторону. Вид у него, промокшего и вывозившегося в подтаявшем снегу пополам с грязью, был жалок и внушал брезгливое отвращение.

– Пшэль! – рявкнул командир, перейдя вдруг на русский с сильным акцентом.

Оглушенный сначала выстрелами, а потом и пинками американца, Арнольд, сильно раскачиваясь из стороны в сторону, порысил к указанному им ранее месту выхода вентиляционного отверстия и при этом не переставал вздрагивать от каждой порции выстрелов. До него оставалось уже совсем близко, когда выстрелы начали перемежаться громкими хлопками взрывов от подствольных гранатометов. И тут, наконец, с большим запозданием низко протяжно завывала сирена, извещавшая всех обитателей поселка о нагрянувшей беде. Вой сирены был настолько пронзительным и одновременно тоскливым, что у всех, кто ее сейчас вынужден был слушать, мурашки забегали по спинам. Последний раз она так выла тридцать лет назад, когда на полигоне состоялся взрыв ядерного устройства, положивший одновременно начало нового миропорядка и окончательный конец одной из сверхдержав. Подстегиваемые утробным воем сирены, диверсанты, во главе с окончательно деморализованным Шептицким, прибавили ходу. Уже через пару минут они стояли возле зияющего провала шахты, забранного, ради бережения, металлической решеткой, насквозь проржавевшей от времени. Командир попинал решетку, и, убедив-

шись в ее крепости, несмотря на ржавчину, отдал распоряжение своим людям об укрытии в безопасном месте, пока он будет ее взрывать. Подчиненные тут же выполнили его приказ, отойдя на некоторое расстояние от предполагаемого места взрыва. Порывшись у себя в карманах, он извлек оттуда кубик пластида и, прилепив его к решетке, вставил детонатор. Затем отойдя шагов на десять, нажал кнопку на маленьком пульте, что крепился на запястье. Глухо прогремел взрыв. Решетку вырвало с корнем из бетонной кладки и она, покрутившись в воздухе, упала метрах в тридцати от эпицентра взрыва. Диверсанты тут же окружили темный зев шахты. Подошел и содрогавшийся в нервическом припадке, а может просто от холода (шапку-то потерял), Арнольд.

– Where does this entrance lead to (Куда ведет этот ход)? – все тем же приказным тоном спросил командир диверсантов у скукожившегося старлея.

– Я не знаю схему внутреннего расположения помещений, – соврал он, не моргнув глазом, чтобы не лезть в эту проклятую шахту, из которой потом неизвестно как выбираться. – В мою компетенцию входило только знание о месте расположения шахты. Но чтобы не злить еще больше и так недовольного командира, добавил. – Там, через три метра будет еще одна решетка, но не такая прочная. Ее прутья можно будет разогнуть, а еще через два метра стоят фильтры для очистки воздуха. Они легко разбираются. Дальше идет горизонтальный тоннель, ведущий на первый уровень.

Из него по винтовой лестнице можно попасть на следующий уровень. Больше я ничего не знаю. Я там не был.

Тут к командиру подошел один из его помощников и не слишком уверенным голосом начал явно что-то говорить по внутренней радиосвязи, чтобы не слышали снаружи. Его речь сопровождалась бурной жестикуляцией.

– Пол, – обратился он к нему, – ты меня хорошо знаешь. Мы с тобой провели немало операций, прикрывая друг другу спину.

– Я слушаю тебя, Кайл, – ответил тот, – только давай без прелюдий. Время – золото. У нас не больше полутора часов.

– Хорошо. Тогда скажи, так ли уж нам надо лезть, в этот чертов лабиринт, схему которого мы даже не знаем? Сам же говоришь, что через полтора часа сюда прилетит птичка и перепашет тут все, что можно своим специальным боеприпасом.

– А если не перепашет? – в свою очередь задал вопрос Румэн (а это был именно он). Ни ты, ни я не знаем, как глубоко находится тот, которого мы ищем. Сооружения подобного профиля, как ты знаешь, чем-то напоминают отсеки подводной лодки. И каждый из них задраивается многотонными бронированными дверьми. Даже если боеголовка и проникнет на нужную глубину, то это еще не гарантирует полное выведение из строя всего сооружения, а значит и людей, находящихся там.

– Установка, которую русские смастерили, будет все рав-

но уничтожена, так или иначе. Неужели нам так важен человек, фото которого ты нам показывал, что ты готов рискнуть всеми нами?

– Кайл, дружище, поверь мне, – он положил руку на плечо помощника, чтобы немного утихомирить его эмоции. – Ради этого человека я готов поставить на кон все, что угодно, включая собственную жизнь. От него сейчас зависит все наше будущее. Не наше с тобой, а будущее нашей страны. Если мы не захватим его, или, по крайней мере, не ликвидируем, то через год, максимум через два, нашей любимой Великой Америки может не стать совсем. И это не преувеличение.

– Хорошо. Я понял тебя, Пол, – согласился Кайл и без лишних разговоров стал привязывать конец троса к торчащей из бетонной кладки арматуре.

Привязав трос, он начал спускаться по нему вниз. Вслед за ним в темный провал шахты, откуда несло могильным холодом, полезли и остальные.

– Луис, Стив, – окликнул командер двоих из своей команды, – оставайтесь здесь и не спускайте глаз с этого русского, – ткнул пальцем в Шептицкого. – Если через час мы не появимся на поверхности, то возвращайтесь на исходную.

– Так точно, сэр! – вскинули руки к шлему те, к кому он обратился.

И тут откуда-то донесся сильный взрыв, от которого вздрогнула даже земля.

– Где, это? – переглянулись, не успевшие еще спуститься

вниз диверсанты.

– Не волнуйтесь, парни, – успокоил их Роумэн. – Это наши люди взорвали на аэродроме летающую установку. – Ладно. Я пошел.

С этими словами он сноровисто опустил ноги в шахту и, ухватившись за трос, исчез внутри нее, будто провалившись сквозь землю.

Глава 50

I.

Там же

За два месяца, что медведица жила у коменданта в сараюшке, ей много раз приходилось сталкиваться с людьми. И она уже могла различать многих из них. Это были доброты, приносящие лакомство, взамен на возможность попозировать перед фотокамерой рядом с громадным и диким зверем. Их намерения были всегда понятны и не отличались разнообразием. Поэтому она охотно шла с ними на ограниченный контакт, давая возможность постоять возле нее во время очередной фотосессии. Еще было очень много детей. Они были шумными и от них всегда вкусно пахло. Этим маленьким существам, которых она не воспринимала в качестве соперников за обладание кормовой базой, было позволено не только стоять рядом с ней, но даже тормошить и по-

глаживать ее бока, заметно округлившиеся от сытой жизни. Потовые железы всех, кто посещал ее в эти месяцы, выделяли разные запахи. В основном это была смесь запахов, состоящих из восторга и немножечко боязни. Вообще, двуногие по ее мнению, были странными существами. Они могли одновременно испытывать восторг, боязнь и жуткое любопытство, граничащее с безрассудством. Но больше всего удивляло ее, за все то время, что она бок о бок прожила в их суетном и бестолковом обществе, так это отсутствие со стороны его представителей, какой бы то ни было угрозы для нее самой и ее малыша. Они были суматошливы и нарочито громкими, порой назойливыми и раздражающими до такой степени, что ей иногда хотелось рыкнуть на кого-нибудь из них. Да так рыкнуть, чтобы они не забывались в своем нахальстве и соблюдали правила приличия в ее благородном обществе. Но ни один из них, а у нее побывали уже почти все жители поселка, за редчайшим исключением, не нес ни прямой, ни косвенной угрозы. Конечно, полностью доверять она могла только одному из них, хотя от него порой и несло невообразимо гнусным запахом алкогольного перегара, с которым она заставила себя смириться. Всех же остальных она либо стойчески терпела, если это были дети, либо высокомерно игнорировала, делая вид, что ее никак не интересует то, что вокруг нее творится. Этот же, что стоял в нерешительности неподалеку от их с Митричем дома (его дом она считала всего лишь пристроем к своему сараю) источал невыносимую

опасность. Своим присутствием он угрожал всем. Угрожал ей самой, ее малышу, самому Двуногому, его старой и сварливой самке, их общему дому и даже земле, на которой она жила. Каким-то сверхъестественным чутьем она видела позади него распростертые крылья Смерти. Двуногий спит у себя в берлоге и не чувствует, что Смерть бродит вокруг их жилища, и это именно к нему она сейчас пришла в образе другого двуногого – хитрого и подлого, как определила она его по запаху потоотделения. Медведица оглянулась, и тихонько рыкнула на сына, проснувшегося от того, что почувствовал материнскую тревогу, остерегая того от бродившей рядом с ними опасности. В доме было по-прежнему тихо и темно, а это значило, что выходить на битву со Злом предстояло ей самой, не рассчитывая на помощь кого-либо со стороны.

Медведица по своему природному инстинкту, повелевающему непременно догнать и растерзать убегающую добычу, ринулась было вслед улепетывающему врагу, но быстро остановилась. Двуногий друг строго настроено запретил без его разрешения выходить на улицу. Она самостоятельно могла только выбираться к ручью, что протекал с другой стороны дома, где можно было не опасаться столкновения со случайно проходящими мимо людьми. Ей очень хотелось наказать Зло, пытавшееся проникнуть к ним в дом, но в то же время она очень боялась расстроить своим безответственным поведением доверившегося ей человека. Зло отступило, и это была ее маленькая победа. Но оно никуда не сгнуло. Послед-

нее обстоятельство не давало ей покоя. Нужно было как-то предупредить друга об опасности, которая отступила, притаившись, возможно где-то невдалеке, и только ждала своего часа, чтобы наброситься исподтишка. Медведица подняла голову кверху, лоя ноздрями запах отступившей беды. Запах был настолько неприятен, что она в омерзении затрясла головой. На улицу выйти она так и не решилась, но зато тщательно обошла по периметру весь участок, который занимали дом и сарай. В такой нерешительности она пребывала минут двадцать. Больше всего ее сейчас тревожил не запах от плохого человека, а какой-то новый и доселе совершенно неизвестный. Он исходил со стороны залива и с каждой минутой только усиливался. Запах, несомненно, был враждебный. Она вновь заходила кругами по невеликому участку в сомнениях и раздумьях. Неужели ее Двуногий не чувствует надвигающейся с моря беды? Ведь он, она сама это видела, был таким всемогущим. Он говорил, и все вокруг замолкали, внимая его речам. Он отдавал приказы негромким голосом, и все спешили выполнить его повеления. А сейчас он лежит в своей берлоге, она даже сквозь стену слышит его похрапывание, и ничего не слышит и не чувствует. Она топталась в нерешительности, абсолютно не представляя, что предпринять. Наконец, ее все же озарила спасительная мысль. Двуногого надо разбудить и тогда все само собой наладится. Она рыкнула, в надежде, что ее услышат в доме и Двуногий сначала прильнет лицом к прозрачной, но невкусной льдине, что

вставлена в стену, затем в глубине логова зажжется, наконец, маленькое солнце. А спустя еще немного времени, он, ворча себе под нос, откроет вход и вылезет из своей берлоги. Тогда она сможет попытаться указать ему на опасность, если он сам к тому времени не сможет это понять. Она прислушалась, как собака, наклонив голову набок, но из берлоги не доносилось никаких новых звуков. Она вновь нерешительно потопталась на месте, уминая и без того плотную корку наста. И все же решилась на отчаянный шаг, махнув лапой на возможные негативные последствия. Осторожно поднявшись по ступеням на крыльцо, она тихонько поскреблась лапой в дверь. Прислушалась. В берлоге Двуногого по-прежнему не было никакого движения. Тогда она опять начала скрести лапой по двери, оставляя на ней глубокие царапины от своих громадных когтей. Свое царапанье она сопровождала глухим ворчаньем. Своим упорством она все же смогла добиться того, что в берлоге Двуногого началось некое движение и даже послышались голоса.

– Эй, старый! – пихнула в бок локтем Фроловна своего благоверного. – Просыпайся!

– А-а! М-м! – промычал спросонья Митрич в ответ на слова супруги.

– Просыпайся, говорю! – продолжала она настойчивые попытки его растормошить. – Слышишь, кто-то в двери скребется?!

– Да, кто там может скрестись? – все еще в полусне спро-

сил комендант, не желавший выбираться из лап Морфея в эти последние предутренние минуты самого сладкого сна.

– Ай, оглох совсем, на старости?! – не унималась Серафима.

Он, проклиная в душе неугомонную жену, все же нашел в себе силы оторвать голову от мягкой, на гагачьем пуху подушки. Прислушался. Действительно, снаружи кто-то упрямо скреб в двери чем-то твердым и при этом сопел так, будто перетаскивал на горбу рояль по лестнице в доме без лифта. Митрич приподнялся на локтях, тщательно прислушиваясь к звукам доносящимся снаружи.

– И вправду скребутся, – констатировал он неопровержимый факт.

– Хтой-то там, Миш?! – придушенным от страха голосом прошептала Фроловна, натягивая одеяло до подбородка.

– Да, кто может быть-то кроме нашей Потаповны? – произнес Митрич уже окончательно отходя ото сна.

– Ой! – еще больше переполошилась супруга. – Чего она в дом-то ломится?! Что делать-то?! Она же сейчас дверь вышибет!

– Не вышибет, – попробовал он успокоить жену, но уверенности в его голосе не было.

Полковник, щелкнул выключателем, и тут же комната осветилась от ночной лампы, что стояла на тумбочке возле кровати. Кряхтя стал прилаживать протез. Знакомая много лет операция по надеванию протеза заняла не больше мину-

ты. Столько же времени понадобилось и для того, чтобы натянуть штаны на кальсоны. Супруга боялась даже нос высунуть из-под одеяла, однако продолжала свой бубнеж, перемежаемый укоризнами и жалобами.

– Пойду, гляну, зачем она рвется к нам, – проговорил он, не обращая на стенания супружницы.

– Миша, не ходи! Христом Богом молю! – взывала Фроловна.

– Ты очумела, мать?! – оглянулся он на нее. – С чего ради ей на меня нападать?!

– Оружие-то, хоть какое возьми! – продолжала выть Фроловна. – Не ровен час, хватит тебя по башке!

– Если по башке хватит лапой, то тут уже никакое оружие не спасет, – со знанием дела прокомментировал он советы жены, надевая рубашку. Застегивая на ходу поясной ремень, вышел на крыльцо. Но прежде мельком выглянул все-таки в окошко. Там, в утренних сумерках, можно было разглядеть белую массивную фигуру Марьи Потаповны, которая продолжала царапать дверь, но уже не так настойчиво.

– Ты, мать, внутреннюю дверь запри на крючок, на всякий пожарный, – бросил он жене, выходя в прихожую.

Та шementом, выскочив из-под одеяла, побежала за ним:

– Миш, может не надо выходить?! Кто его знает, что у ней там, в мозгу приключилось?! Ведь съест же и не подавится!

– Конечно, не подавится, – согласился он с ней. – Ты же не подавилась за полста лет. Ладно. Закрывайся там, – не стал

он раздуть семейный скандал.

Не дождавшись, пока супруга захлопнет за ним внутреннюю дверь, ведущую в прихожую, он осторожно приоткрыл входную. Медведица уже перестала царапаться, услышав, что на ее призыв отреагировали. Она смиренно стояла на крыльце и ждала, когда Двуногий выйдет наружу.

– Ну и чего ты тут хулиганишь, ни свет, ни заря?! – про бурчал комендант на свою беспокойную жиличку.

Медведица сначала легонько ткнулась мордой в его грудь, призывая к вниманию, а затем, отвернув голову в сторону залива даже не зарычала, а завывала как-то жалобно и протяжно, будто силясь поведать о чем-то важном и печальном.

– Да, ты не вой, а толком скажи, что приключилось?! – нетерпеливо стал расспрашивать ее полковник, которому было весьма некомфортно стоять на ветру в одной рубашке.

Видя, что ее призывы ни к чему не привели и Двуногий никак не возьмет в толк, что от него требуется, медведица косолапо сбежала со ступенек вниз и еще раз вытянув морду, в сторону залива завывала надсадно и громко. Тут уж кто угодно поймет невысказанную, но продемонстрированную мысль медведицы об опасности, идущей со стороны моря. Приложив руку ко лбу козырьком, старик долго всматривался в предрассветную мглу, силясь разглядеть хоть что-то. Рядом с ним громко вздыхал и переминался с лапы на лапу дикий зверь. У Митрича не было оснований не доверять чуткому восприятию действительности своей постоялицы, тем более

она еще никогда не давала осечки в этом деле. Но, как ни всматривался и как ни вслушивался комендант в сумерки за-рождающегося рассвета, ничего увидеть и услышать не смог.

– Обозналась, ты, видать, мамаша, – беззлобно проворчал он, погружая свою заскорузлую руку в густой подшерсток медведицы. – Или сон дурной привиделся, а?

Она прижмурилась и громче засопела, чувствуя ласку Двунюгого. Он уже повернулся к дому, чтобы успокоить свою старуху, которая вопреки его приказу уже высунула свой любопытный нос из приоткрытой двери, но тут неожиданно послышался сухой, как удар хлыста щелчок. Митрич резко обернулся всем туловищем назад. Уж кому-кому, но ему-то точно был хорошо известен этот звук. На Севере с его особенной местностью, лишенной естественных поглотителей звуков – лиственных деревьев, любые звуки распространяются на большое расстояние. Выстрел из «макарова» нельзя было спутать ни с чем иным. А вслед за «макаровым» дал о себе знать работяга «калашников», рассыпаясь дробным стуком коротких очередей. Полковнику не составило труда определить, что звуки доносятся со стороны аэродрома.

– Ёпт! – заорал Митрич благим матом, подскакивая на месте. – Началось! В дом! В дом, быстрее! – замахал он руками на супругу, которая тоже уже поняла, что случилось нечто страшное.

Старик опрометью бросился на крылечко, почти сбивая с ног, оторопевшую от происходящего Фроловну. Ураганом

он ворвался в дом, кидаясь первым делом к сундуку. Откинув крышку, судорожно стал вышвыривать прямо на пол какие-то тряпки, узлы и прочую мягкую рухлядь бережно хранимую каждой рачительной бабкой. Супруга, ни жива, ни мертва, с бледным лицом и трясущимися губами стояла позади, боясь даже ойкнуть. Он на секунду оглянулся, на стоявшую в одном исподнем жену и грубо схватив ее за руку:

– Че рот раззявила!? Дура! Лезь в сундук!

– М-и-ш-а-а! – завывала она дурным голосом. – Господи! Да, что же это?!

– Лезь, кому грю! – он дернул ее за руку к себе, и уже обхватив обеими руками, стал заталкивать в самодельное убежище.

Она не сопротивлялась, а лишь тонко и жалобно скулила, как побитая ни за что хозяином старая и верная собака. Затолкав кое-как, воющую Фроловну, в сундук, Митрич напоследок мазнул ее губами в дряблую щеку, делая последние наставления:

– Запирайся изнутри и лежи тихо, как мышь! Крышку не открывай до последней возможности! Даже если в комнате будут говорить по-русски! Поняла?!

Та, не в силах произнести ничего членораздельного от душивших ее рыданий, только и смогла, что покивать головой. Он еще раз мельком оглядел свою вредную и несносную, но такую любимую женщину и с грохотом захлопнул крышку. Затем кинулся к шкафу, куда он недавно, вопреки всем

инструкциям, перенес из своего кабинета второй ШАК-12, быстро примкнул магазин. Наощупь достал еще два запасных магазина, перемотанных изолентой и сунул их в карман штанов. Уже выбегая из комнаты, с удовлетворением услышал сквозь доносившиеся из сундука всхлипы Фроловны звук запираемой на щеколду крышки.

Выскочив на крыльцо, на всякий случай запер за собой дверь, полагая не без умысла, что враг не станет ломиться в запертый снаружи дом. Канонада от выстрелов не только не стихала, но напротив, только лишь усиливалась. Медведица, нетерпеливо ожидавшая его во дворе, обрадованно сунулась к нему, тыча мордой в грудь.

– Уйди, мать! Не до тебя! – в сердцах бросил он взволнованной косолапой подружке и старческой рысцей ринулся со двора, на ходу передергивая затвор штурмового автомата.

Медведица сначала было обиделась на такое невнимание, но быстро смекнув, что претензии можно оставить и на потом, а Двуногому сейчас действительно не до нее, правильно оценила ситуацию. Она сначала кинулась в сарай, чтобы успокоить волновавшегося там медвежонка. Там, наскоро облизав его и еще раз повторив строгий запрет на выход из убежища, она ринулась вдогонку за Двуногим. Обоснованно считая, что лишние клыки и крепкие когти на лапах, тому придется, кстати, в борьбе со Злом, она решительно пустилась в очередную свою авантюру. Но медвежонку было страшно даже не столько от непривычных звуков вы-

стрелов, сколько от волнения матери. Такой напряженной и взволнованной он ее еще никогда не видел. Гены упрямства, переданные ему матерью, сделали свое дело. Поэтому, дождавшись, когда мать выскочит вслед за Двуногим на улицу, он быстренько выкарабкался из сарая и пустился вслед за матерью. Догнать ее было не слишком трудной задачей для подросшего и окрепшего малыша, тем более мать не могла, вследствие своей хромоты развить более высокую скорость. Уже через полминуты она догнала его и пристроилась сзади, обдавая спину Двуногого своим горячим дыханием. Митрич оглянулся, чувствуя спиной присутствие зверя, но не сбавил своего бега. А еще через полминуты их догнал и непослушный отпрыск. Впрочем, в пылу беготни, мать, кажется, его даже и не заметила. В другое время он бы умилился подобному поступку не оставившего его в беде верного зверя, но сейчас он только досадливо буркнул на нее:

– И чего поперлась за мной?! Сидела бы дома.

Медведица, словно бы поняв слова упрека, упрямо помотала головой на ходу, не соглашаясь в столь ответственный момент для всего поселка, отсиживаться в тылу за чужими спинами.

Заслышав стрельбу, многие из жителей поселка повыскакивали из своих домов, пребывая в полном недоумении от происходящего. Увидев бегущего Митрича, они кидались к нему с вопросами, но тот, задыхаясь на бегу, только отмахивался от вопросов и хрипящим голосом повторял одну и ту

же фразу:

– Всем в убежище! В гору! В гору!

И действительно, в поселке не было предусмотрено никаких бомбоубежищ или иных укрытий на случай непредвиденного нападения. Единственное место, где можно было переждать даже ядерный конфликт, находилось на окраине поселка – там, где располагался вход на самый секретный объект России. Солдаты гарнизона, после того, как отдельные выстрелы перешли в нескончаемые очереди, тоже выскочили из казарм и теперь метались, как очумелые по плацу, не зная, что делать. Вместе с ними метались и офицеры, находившиеся в это время на дежурстве. Но все они были безоружными. Оружейные комнаты, где хранилось штатное вооружение, были заперты на крепкие запоры, ключи от которых находились у дежурных офицеров, но те, по Уставу, не имели права на раздачу оружия без распоряжения, командующего гарнизоном, или объявления всеобщей тревоги. Но сигнала тревоги так и не было.

Митрич бежал к центральному посту охраны внешнего периметра, чтобы оттуда узнать складывающуюся обстановку. «Почему не гудит сирена?» – острой жилкой билась мысль в его распаленном от переживаний и сумасшедшего бега мозгу. Помещение центрального поста охраны располагалось в просторном, но одноэтажном здании, окруженном со всех сторон вышками с телеметрической аппаратурой. Причину, по которой не сработал сигнал оповещения о

нападении, Виттель понял, как минимум, шагов за тридцать не доходя до самого здания. У небольшого шлагбаума, загромождающего дорогу к центральному посту на земле разметав руки в стороны, лежал боец. Рядом с ним лежал и его автомат, из которого он, судя по всему, не успел даже выстрелить. Судя по его неестественной позе, оказывать ему какую либо помощь было уже поздно. Комендант ринулся к зданию. На утоптанном снегу виднелись многочисленные отпечатки обуви, явно иностранного образца. Такое рифление подошв в российской армии было не принято. Он понял, что опять опоздал. Возле приоткрытой металлической двери, ведущей внутрь помещения центрального пульта, тоже лежал боец. Громадная лужа крови, расплывающаяся из-под его скрюченного тела, красноречиво говорила о том, что и ему никакая помощь уже не нужна. Взяв автомат наизготовку, Виттель рванул на себя тяжелую дверь, автоматически отмечая про себя, что, если кровь все еще вытекает из тела охранника, значит, с момента нападения на пост прошло не более восьми или десяти минут. Медведица не стала заходить в здание вместе с Двуногим другом, благоразумно оставаясь снаружи. Да и зачем ей было туда идти. По запаху она и так могла определить, что там никого в живых уже не было, а значит, никакая опасность Двуногому не угрожает с этой стороны, и он немного погодя вернется к ней сам. Впрочем, комендант и так уже догадывался, какую картину ему сейчас предстоит увидеть. Пробежавшись по короткому

коридору, он первым делом сунулся в операторскую. Там в разных позах на полу лежала вся смена, в обязанности которой входило наблюдения за всем периметром охраняемого объекта. Шесть человек, во главе дежурным начальником смены, буквально утопали в собственной крови. Видимо, калибр оружия нападавших, был настолько велик, что одного попадания хватало, чтобы оставлять в телах раны несовместимые с жизнью. Вся следящая за обстановкой аппаратура была разбита и покорена.

– Эх, ребятки! – горько вздохнул полковник, даже не пытаясь смахнуть набежавшую на щеку слезу.

Он проверил линию спутниковой связи. Связи не было. Аккумулятор, питающий линию связи, был разбит. Митрич понял теперь почему сигнал тревоги так и не прозвучал. Застигнутые врасплох операторы, просто не успели включить оповещение. Он вышел из операторской и прошел в комнату спецсвязи, надеясь, что в суматохе, нападавшие позабудут эту неприметную комнату. Из нее можно было напрямую связаться, хоть с Генштабом, хоть с Кремлем по оптоволоконной линии, проложенной по дну Карских Ворот. К его разочарованию аппаратура и этой комнаты подверглась тотальному разрушению. Это означало, что связаться с Большой Землей не представлялось никакой возможности. На материке не знают, что тут у них произошло. Нарушение радио и спутниковой связи в этих высоких широтах, дело весьма тривиальное. Электромагнитные всполохи, последстви-

ем которых является Северное Сияние, частенько преподносят подобные неприятные сюрпризы. Но оптоволоконная связь не подвержена влиянию природных эксцессов. Конечно, обеспокоенный долгим отсутствием связи материк, догадается, в конце концов, послать кого-то на помощь, но вот, когда это случится, никому не известно. А из этого следовало, что в ближайшие часы рассчитывать маленькому гарнизону придется только на собственные силы, не дожидаясь помощи извне.

Система оповещения о нападении включалась от центрального пульта охраны периметра. Пульт был разбит, и включить тревогу от него не представлялось возможным. Но была у этой системы одна особенность. Ее можно было включить вручную, опираясь исключительно на мускульные усилия. Об этой ее особенности и вспомнил Виттель, выбираясь из разбитой радиорубки. Он быстро проковылял в конец коридора, где находилось одно из подсобных помещений. Здесь под слоем пыли и находилась упрощенная установка СОУЭ. Ей давно не пользовались, полагаясь, прежде всего на электронное оповещение, но Митрич, неустанно заботившийся о своем хозяйстве, никогда не забывал отдавать приказы о регулярной смазке механизма оповещения. Этот примитивный механизм не требовал ни электричества, ни бензина, ни каких бы то ни было иных источников энергии, за исключением, как уже говорилось, мускульной силы. Но главным его достоинством было то, что он не мог быть раз-

рушен или поврежден банальной очередью из автомата, даже крупного калибра. Виттель подошел к громоздкой станине, на которой стоял не менее громоздкий механизм с массивной и длинной рукоятью. Эта механическая сирена, генерировала звуковые колебания, вращением колеса измельчителя с прорезями, чтобы прервать поток воздуха с постоянной скоростью. Где-то грохнул взрыв. «Видать летающую лабораторию взорвали», – с горечью констатировал он про себя. Митрич, ухватившись за рукоять, крякнул от натуги и со всей возможной силой провернул зубчатое колесо. Над зданием поплыл, распространяясь по всем уголкам поселка, протяжный и резкий звук сирены, то затихая, то вновь повышая свой тоскливый возглас. Митрич крутил и крутил рукоять, пока окончательно не выбился из сил. Закончив физические упражнения, он, отирая обильно струящийся пот со лба, чуть пошатываясь, вышел на крыльцо. Население и гарнизон он оповестил, а ребятам с центрального поста уже ничем не поможешь.

Спешить, по сути, уже было некуда, но и медлить было непростительно. Враг, скорее всего, высадился в нескольких местах и, уничтожив передовые посты охраны, завязал бой в районе аэродрома. За производственную площадку и испытательный стенд, можно было сильно не волноваться. До внутренней охраны им не добраться. А оба входа надежно закрыты мощными воротами, которые могут выдержать даже удар тактической ядерной боеголовкой. Диверсанты навер-

няка сейчас всюду шуруют по поселку, в поисках руководителей проекта. «А вот туточки вы и просчитались, – ехидно отметил он про себя, – На этом повороте я вас все-таки обогнал малость». Беззащитным сейчас оставалось только гражданское население. Он вполне себе допускал, что разозленные от того, что им не удалось захватить руководство проекта, диверсанты вполне себе могут в любой момент подорвать ядерный заряд особо малой мощности в ранцевом исполнении, чтобы замести следы своего пребывания. И с этим надо было что-то делать. С одной стороны настоятельно требовалось обеспечить эвакуацию населения в безопасное убежище и обеспечить оборону этого убежища оставшимися силами гарнизона. А с другой стороны, неприятель может воспользоваться этим и попытаться на «плечах» мирных людей проникнуть на производственную площадку и устроить там настоящий тарарам. То, что диверсанты так легко проникли внутрь периметра охраняемой зоны, можно было объяснить тем, что им удалось ввести в заблуждение электронные охранные системы и уничтожить караулы, несущие дежурство в «секретах». А это значит, что подробную информацию о постах наблюдения, противник получил, как говорится, «из источников, заслуживающих доверия», то есть от кого-то из своих. Вернее из тех, кто все это время притворялся своим. Ну, с этим уже придется разбираться потом. «И вряд ли это буду я», – как-то отстраненно подумал Виттель, выходя на крыльцо. Командиры подразделений, услышав звуки

сирены, согласно Уставу, открыли арсенал и раздали оружие с боекомплектом. И теперь первые группы, получившие оружие стали спешно подходить к зданию центрального пульта охраны, в надежде получить разъяснения происходящего и наконец-то внятный приказ. Однако слишком близко подходить не решились из-за того, что возле крыльца наткнулись на медведицу, яростно трепавшую зубами за ухо своего непослушного отпрыска. Тот жалостно повизгивал от боли и обиды, а паче того от непонимания – за что он подвергается такой безжалостной экзекуции. Она же, в свою очередь не обращала особого внимания на собравшихся вокруг нее вооруженных людей. Запахи большинства из тех, кто находился тут, были ей хорошо знакомы и не несли в себе никакой угрозы. Митрич, спустившись с крылечка и закрыв собой медведицу, чтобы она своим присутствием не слишком пугала и без того перепуганных гражданских и растерянных военных, грозно оглядел толпу. Зло ощерившись на это стадо, которое он до сих пор считал боеспособным подразделением, громко произнес:

– Чего столпились, как бараны?! Или вам неизвестно, как действовать при получении сигнала тревоги о нападении?!

Вперед выступил майор Хромов, числящийся его заместителем, но по факту, всего лишь выслуживающий необходимый ценз для льготной демобилизации – лентяй, прикрывающийся педантизмом.

– Сигнал подан вне регламента, – пробормотал он. –

Должно было пройти оповещение с центрального пульта...

– Молчи уж, дурилка! – рыкнул на него полковник. – Сегодня ты был дежурным по гарнизону. Услышав выстрелы, ты самостоятельно должен был поднять гарнизон «в ружье» и направить бойцов к месту боестолкновения. А ты тут сейчас стоишь передо мной и бормочешь про регламент. Я отстраняю тебя от должности до конца служебного разбирательства. Ступай с глаз моих на гарнизонную гауптвахту и сдай сам себя, потому как мне некогда с тобой тут возиться.

Майор разинул рот, силясь что-то возразить, но так и не нашел слов.

– Теперь, слушайте мою команду! – гаркнул Митрич во всю мощь своих легких.

Медведица перестала трепать сына, невольно подчиняясь командирским ноткам в голосе Двунюгого. Она, кажется даже присела на свой пухлый зад, чтобы внимательно выслушать дальнейшие указания.

– База подверглась нападению диверсантов, количество которых пока неизвестно. Их основная цель – уничтожение производства, образца опытного изделия и персонала, занятого на этом производстве. При этом я не исключаю, что в их распоряжении имеется портативный ядерный заряд. Мы должны сохранить жизни жителей поселка во, чтобы это ни стало. Даже ценой собственной гибели. Связи с материком пока нет, поэтому надо рассчитывать только на собственные силы и средства, – не стал он скрывать от притихших бой-

цов горестные вести. – Но помощь обязательно придет. Наши коллеги с СПРН уже наверняка услышали, что тут у нас творится и скорее всего уже связались с командованием. Нам надо только продержаться какое-то время. Поэтому слушай мою команду!

Бойцы разом подобрались, а полковник, набрав в грудь побольше воздуха скомандовал:

– Рота капитана Нигматуллина выдвигается в район аэродрома. Слышите? – обратился он к бойцам. – Стрельба стихает в том направлении, это значит, что противнику удалось подавить сопротивление баовцев, а значит, высвободившиеся там свои силы, он попытается перебросить на помощь тем диверсантам, которые ищут подходы к нашему главному объекту. Ваша задача – навязать им встречный бой и не пропустить их на объект. Задача ясна?

– Так, точно, товарищ полковник! – козырнул Нигматуллин – старый служака, как и он сам, безропотно тянувший лямку службы в этих суровых краях еще с лейтенантских чинов.

– Идите, сынки! С Богом! – перекрестил он правоверного мусульманина вдогонку.

Бойцы этой роты, во главе с капитаном тут же начали покидать пространство перед зданием.

– Капитан Смирнов, берите свою роту и прошвырнитесь по поселку. Стучите во все дома. Собирайте всех гражданских вокруг себя и быстрым порядком следуйте в направле-

ние «горы». Скажете им, чтоб вещи не брали, а то будут возиться целый час, а времени у нас маловато для этого.

– Есть! – ответил Смирнов, уводя прочь свою роту.

– Рота капитана Горелова, – продолжал раздавать поручения комендант, – занимает оборонительные рубежи у западного входа на объект. Умрите, но чтобы ни одна вражеская мышь не проскочила через вас. Если уж будет совсем невмоготу, то свяжитесь с Гусаровым, он откроет вам ворота, если позволит обстановка.

Горелов молча козырнул и отправился со своей ротой оборонять западные подступы к объекту.

– Я с комендантским взводом организовываю эвакуацию населения, находящуюся непосредственно здесь, в том же направлении, обеспечивая его охрану от нападения с тыла. Выполняйте приказ!

Виттель поискал глазами в небольшой кучке военных, оставшихся на месте, своего замполита, по нынешним временам – заместителя по воспитательной части, но не нашел. Непечатно выругавшись в его адрес, махнул рукой: «Или сбежал падла, или дрожит сейчас где-нибудь под столом в ленинской комнате. Ладно. Будем живы – разберемся и с этой гнидой». Оставшихся бойцов комендантского взвода оставалось не более двух десятков. Но сюда пребывали и пребывали гражданские – наспех одетые, плохо понимающие, что к чему. Среди них было много женщин, на руках у которых были маленькие дети, а те, кто постарше испуганно вертящие

головами в сторону, откуда доносились уже редкие взрывы, цепко держались за полы одежд своих отцов и матерей. Командира комендантского взвода не было. Зато был его заместитель – старший прапорщик Вуячич.

– Прапорщик! – окликнул его Виттель, – Где лейтенант Митрохин?

– В наряде был, товарищ полковник, – понуро ответил прапорщик.

– Ясно, – не стал вдаваться в печальные подробности комендант. – Берите половину бойцов и ступайте к южным воротам. Предупредите Гусарова, что мы следуем к нему вслед за вами. А сами занимайте оборону на подступах. Всех кого встретите по дороге, берите с собой, майор должен их пропустить. Я с оставшимися бойцами, буду сопровождать туда тех, кто собрался сейчас здесь. Задача ясна?

– Так, точно!

– Бегом! Марш! – скомандовал полковник.

И еще полторы дюжины бойцов ушли с прапорщиком. Виттель пребывал одновременно в бешенстве и отчаянии от происходящего. Сколько раз они репетировали отражение возможного вражеского десанта, а когда все это произошло на самом деле, то все пошло наперекосяк с самого начала. РЛС «Подсолнух», на которую так много возлагалось надежд, по непонятным причинам не сработала, пропустив высадку десанта с моря. Выставленные по периметру базы посты и «секреты» не получили тревожного сигнала и не смог-

ли навязать противнику бой на подступах, пока основная часть организует оборону объекта по всем правилам. Можно было не сомневаться, что все они уже полегли. Да и сам батальон охранения, в решающую минуту растерялся, не зная, что предпринять. И если бы не бдительные баовцы, обнаружившие врага и сумевшие оказать ему, хоть и недолгое, но все-таки упорное сопротивление, то весь поселок с уникальными специалистами, занятыми на производстве чудо-оружия, можно было бы без особых хлопот брать тепленьким, а заодно и его – старого дурака. Обида и горечь от безответных потерь терзали сердце старого полковника. Сколько ребят уже полегло при защите аэродрома? С учетом обслуживающего технического персонала, что-то около полутора сотен. И он сейчас вынужден отдать на заклятие, еще целую роту капитана Нигматуллина, лишь бы задержать прорыв диверсантов к центральному входу на объект. Сколько они смогут сдерживать врага? Судя по ранам, оставленным на телах операторов центрального пульта, калибр задействованного оружия явно превышал 9 мм. А как заметил полковник, многие бойцы роты Нигматуллина были даже без штатных броников.

Народ все подходил и подходил. По прикидкам их уже насчитывалось тут не меньше пяти сотен.

– Минут через десять тронемся и мы, – проговорил полковник больше для себя, чем для окружающих.

Сзади что-то ткнулось, легонько в спину. Даже не оборо-

чиваясь, он понял, кто это был:

– Чего тебе еще? – недовольно буркнул он на свою косолапую пассию. – Ладно-ладно, так и быть, пойдешь с нами.

Медведица, фыркнув обдала его спину своим жарким и ободдряющим дыханием. «Эх, зря я не взял Серафиму с собой, – с сожалением подумал он, – Если у них действительно будет ядерный заряд, то железный сундук, в который я ее зачихал, вполне может стать для нее гробом». В спешке он забыл надеть наручные часы – старинный подарок командующего Сибирским военным округом. Однако его внутренние часы работали не хуже хронометра. «Пора», – вздохнул он.

– Слушай мою команду! Старший сержант Егорычев! – высмотрел он старшего сержанта среди оставшихся бойцов комендантского взвода.

– Я! – откликнулся тот, выступая вперед и держа руки поверх автомата, висящего на шее.

– Формируйте колонну и становитесь со своими людьми в голову. Я пойду замыкающим.

– Есть, формировать колонну! – ответил он и побежал строить гражданских в нестройную и неряшливую колонну.

Несмотря на разнородность толпы гражданских, сержанту удалось быстро навести в ней порядок. И уже через пару минут, ведомая дюжиной автоматчиков, она тронулась в путь. Из-за того, что многие женщины несли детей на руках, колонна двигалась не слишком быстро, однако уже минут через пятнадцать ее голова подошла к южным воротам. Здесь их

уже ожидал старший прапорщик, умело рассредоточивший своих людей за валунами. Массивные ворота на сервоприводе были гостеприимно распахнуты, чтобы принять первую партию гражданских лиц. Прямо в проеме стоял сам майор Гусаров, нервно поглядывающий в бинокль. Его нервозность можно было понять. Открыв ворота сверхсекретного объекта для не имеющих к нему никакого отношения, а среди эвакуированных было много таких (в основном жены и дети работников секретного производства), он нарушал Устав караульной службы. И это обстоятельство грозило ему в будущем малоприятными последствиями. Но с другой стороны, захлопнуть двери перед носом у женщин и детей, а именно они составляли большую часть эвакуированных, он тоже не мог. При разбирательстве, если такое случится, он не сомневался, что на его дальнейшей карьере будет поставлен большой и жирный крест, но зато его не будут по ночам мучать кошмары с видениями плавающих в собственной крови детишек. Когда колонна под предводительством Егорычева подошла к воротам, майор, без лишних слов отступил в сторону, давая пройти вынужденным беженцам. Виттель, за которым неотступно следовала медведица с сыном, подошел Гусарову:

- Здорово, Петрович, – хмуро поприветствовал он майора, протянув свою заскорузлую ладонь.
- Здравия желаю, товарищ полковник, – поприветствовал его в свою очередь майор, крепко пожимая руку.

– Что, Петрович, обскакали нас пиндосы на крутом-то повороте? – мрачно полувопросил полуутвердил Митрич.

– Пока что еще нет, – возразил ему Гусаров. – Это был только первый раунд.

– У тебя тоже связи нет с Большой Землей? – с надеждой в голосе поинтересовался Виттель.

– Нету, Михал Дмитрич, – не стал тот скрывать горькой правды от коменданта. – Весь эфир забит «белым шумом».

– Скверно, – коротко констатировал ситуацию полковник.

– Да, но не фатально, – спокойно ответил Гусаров.

– То есть?!

– «Белый шум» в эфире – характерный признак работы АВАКСа. Наверняка его появления возле кромки нашего воздушного пространства уже заметили ПВОшники, а значит, в скором времени должна последовать соответствующая реакции с их стороны.

– Да, – согласно кивнул Виттель и добавил со вздохом, – если они не проспали вторжение, как мы.

– Вы имеете в виду отсутствие сигнала со стороны «Подсолнуха»?

– Да, – опять согласился комендант. – Мы слишком понадеялись на то, что о готовящемся нападении с воздуха нас предупредят рогачевцы, а с моря нас надежно прикроет «Подсолнух».

– Нападения с воздуха не было, – твердо сказал Гусаров. – У нас своя независимая от Рогачево ВНОС инфракрасного

обнаружения и она не выдавала никакой телеметрии. А, что касается нападения с моря, то, да. Здесь у нас оказалась порядочная брешь.

– Вот именно, что брешь, в которую враг и залез с ногами.

– Вообще, Михал Дмитрич, – Виктор Петрович почти вплотную приблизил свои губы к уху полковника, – у меня сложилось такое впечатление, что тут не обошлось без предательства.

– Вы тоже так думаете?! – изумился комендант. – Знаете, я, когда обнаружил убитую смену на центральном пульте охраны, мне тоже в голову пришла такая мысль. Поэтому, вполне вероятно, что и «Подсолнух» был отключен, ради того, чтобы он не смог зафиксировать приближение противника к территориальным водам. На учениях мы предусматривали любые варианты, кроме того, который подразумевал подлый удар в спину от своего, – пригорюнился полковник.

– Так или иначе, но предателя, если он затесался в наши ряды, мы будем искать уже после, а сейчас нам необходимо отбиться от внешнего врага.

Желая, хоть как-то приободрить старика, майор решил сделать тому заслуженный комплимент.

– Не переживайте так, Михаил Дмитриевич. Вы сделали все что могли и даже больше того. Именно благодаря вашей прозорливости, которую вы нам вчера продемонстрировали, нам удалось уберечь обоих руководителей проекта. Они в надежном и хорошо охраняемом месте, а это значит, что

при любом раскладе, проект, которым они руководят, будет благополучно завершён и изделие поступит на вооружение в ближайшее время.

– Судя по взрывам со стороны аэродрома, наша «летающая лаборатория» приказала долго жить, – прокряхтел полковник уже не так печально, как до этого, и который близко к сердцу воспринял похвалу со стороны майора.

– Пустяки, – махнул рукой Гусаров. – Под «изделие» можно переоборудовать любой Ил-76, просто сроки немного сдвинутся вправо. Жалко вот только ребят Семихватова.

– Да, – опять понурил голову Виттель. – Ценой своей жизни они дали нам время для эвакуации мирняка. Кстати, Виктор Петрович, немного погода должна подойти ещё одна группа эвакуирующихся под командой капитана Смирнова. Так что, войдите в положение ещё раз и примите вторую группу временных переселенцев.

– Третью, – поправил его Гусаров. – Первыми к нам прибыли подчиненные Уржумцева, со своим командиром.

– А что же они не организовали оборону своего расположения? – нехорошо ощерился Виттель (формально тот не подчинялся коменданту).

– Полноте вам, Михал Дмитрич, чем им обороняться-то, дозиметрами и установками дымовой защиты? У них даже штатное оружие не у всех, а только у тех, кто находится в наряде.

– Ладно, Петрович, не сердись. Это я так, малость ворчу

по-стариковски. А что там наши моряки с «Германа Угрюмова»?

– Никого из них я не видел, – пожал плечами Гусаров. – А я смотрю, у вас персональная охрана, – с улыбкой указал он на сидящую смиренно в сторонке медведицу с медвежонком.

– Да, вот увязалась за мной и никак не отстаёт, дуреха такая. Пустишь?

– Не укусит? – опять выдавил из себя улыбку майор.

– Не-е, просто насмерть залижет, – попробовал в свою очередь отшутиться полковник.

– Ладно. Потеснимся. Семь бед – один ответ, – махнул рукой на все происходящее, Петрович. – Вы бы Михал Дмитрич прошли внутрь. Что вы стоите полуодетый на ветру и даже без шапки? – участливо обратился он к полковнику.

– Ништо. Не замерзну, – не стал слушать совета Гусарова упрямый старикан.

– Ваши подопечные уже все прошли.

– Не все. Вот дождемся Смирнова, тогда уж и полезем в бункер – держать осаду.

Звуки со стороны аэродрома уже окончательно стихли, зато началась интенсивная стрельба с северной оконечности поселка. Это могло означать только одно – рота капитана Нигматуллина напоролась на движущегося к поселку неприятеля и сейчас ведёт отчаянный бой с врагом, пытающимся через поселок прорваться к объекту. К стрекоту «калашей» и «немецких хмырей» примешивались негромкие

хлопки взрывов от подствольных гранатометов. «Не наши, – на слух определил старик, оттопыривая рукой ухо. – У наших нет подствольников». Смирнову надо поторапливаться с эвакуацией.

– Знаете, Виктор Петрович, о чем я сейчас усиленно размышляю? – с нескрываемой озабоченностью в голосе спросил полковник у Гусарова.

– Затрудняюсь ответить, – с той же тревогой ответил ему майор, нервно поглядывая на свои командирские часы.

– Высадившихся диверсионных групп, как минимум две. Одна пошла на штурм аэродрома и уничтожение «летающей лаборатории». А вот куда делась вторая группа, которая уже побывала в поселке и успела уничтожить центральный пульт охраны периметра?

Эти слова старого коменданта не на шутку переполошили майора. Он опять принялся крутить головой, то и дело, приставляя окуляры бинокля к своим глазам, будто искал затаявшихся неподалеку диверсантов.

– И в самом деле! Я как-то об этом не подумал.

Он достал рацию из нагрудного кармана и забубнил в нее скороговоркой:

– Центральный? Я – Первый. Как обстановка на западном направлении?

Сквозь шум и шипение помех (все же глушилка продолжала работать, но на близком расстоянии кое-что можно было слышать), донеслось, как из глубокого колодца, еле

уловимое:

– Первый! Я – Центральный. У западного входа пока все тихо. Бойцы капитана Горелова заняли оборону на подступах.

– Добро, – ответил Гусаров и отключил связь, вздохнув с облегчением.

А тем временем стрельба переместилась и уже были отчетливо слышны ее звуки со стороны поселка. Все сразу понявший полковник не смог скрыть своего изумления и горечи. По всему выходило, что рота капитана Нигматуллина за каких-то двадцать минут прекратила свое существование, и теперь неприятель уже вошел в поселок с севера, крепкой хваткой вцепившись в отступающую к объекту роту Смирнова. «Господи, – взмолился Всевышнему старик, – да что же там за киборги такие у них?»

– Через десять минут они уже будут здесь, – бесстрастно констатировал Гусаров, поправляя свой автомат.

До них вдруг стали долетать какие-то шумы, сопровождаемые криками. Еще минуту они вглядывались в утреннюю хмарь. Полковник, приложив козырьком руку ко лбу, а майор бинокль.

– Идут, наши, – отрывисто бросил он, сквозь зубы.

И тут они уже оба заметили, как к ним почти бегом, несется разношерстная толпа людей. Здесь были все: мужчины, старики, женщины и дети. Майор ошибся. Они не шли. Они бежали изо всех сил, спотыкаясь и падая, поскользываясь на

подмороженном за ночь снегу. Женщины истошно вопили благим матом, дети кричали и плакали. Видно было невооруженным взглядом, что паника обуяла людей, и они неслись со всех ног к спасительному для себя убежищу, ничего не видя и не слыша. Они быстро запрудили собой и так невеликое пространство перед распахнутыми настежь воротами. Даже смирно до этого сидящая медведица со страху вскочила, плохо понимая, отчего такой ужас, овладел толпой. Если бы она благоразумно не посторонилась, то толпа, не заметив ее, просто бы затоптала одинокую мать с сыном. Ни грозные выкрики, ни команды со стороны обороняющих ворота военнослужащих толпа не воспринимала. Она вообще ничего не хотела видеть кроме распахнутых ворот, обещавших спасение. Естественно, что в результате этого образовался затор.

– Товарищи! Граждане! Прошу вас, не толпитесь! – бесполезно взывал к обезумевшим людям Гусаров. – Сначала женщин и детей!

Но его никто и не думал слушать. Толпа лезла напролом, уже не воспринимая действительность адекватным образом. Виттель, даже не стал напрягать голосовые связки, видя, как безрезультатно голосит Гусаров. Эту массу народа невозможно было призвать к порядку даже выстрелами в воздух, потому что выстрелы, несущиеся им в спину, и так подхлестывали ее. Поэтому Митрич просто выбрав для себя подходящий валун метрах в пятнадцати от входа, и поудоб-

ней примостившись за его округлой от постоянного выветривания выпуклостью, пристроился со своим автоматом, чтобы дать последний бой. За спиной у него примостилась косолапая «подружка» со своим несовершеннолетним ребенком. Вместе с толпой из утреннего тумана стали выскакивать и бойцы роты Смирнова. Пятясь, они отстреливались на ходу короткими и злыми очередями, явно экономя боезапас. Они хоть и без паники, но все же отступали под натиском еще пока невидимого врага. Было их совсем немного. Виттель до рези в глазах вглядывался в бойцов, силясь увидеть среди них самого капитана, но его не было. «Значит и Сеню убили», – как-то удивительно спокойно подумал Митрич, передернув затвор. В памяти навсегда застыло вечно улыбающееся лицо капитана – добряка и балагура, никогда не унывавшего при любых тяжелых обстоятельствах. В глазах у старого человека вдруг защипало от невольно навернувшихся слез, и он зло мазнул рукавом, отирая лицо, чтобы горечь от утраты не мешала целиться по врагу. А враг и не заставил себя долго ждать. Как только толпа почти обезумевших от паники людей в основной своей массе втянулась в бездонное чрево скального массива, а последние немногочисленные бойцы роты Смирнова, огрызаясь, отступили к воротам, которые предусмотрительный Гусаров начал потихоньку прикрывать, появились и они. Из вязкого утреннего тумана стали выскакивать былые фигурки. Митрич присмотрелся и чуть не ахнул. Они действительно были похожи на ки-

боргов из фантастических фильмов. Сходство с «имперскими охранниками» из «Звездных войн» было поразительным. Видимо дизайнеры разрабатывавшие экипировку диверсантов были под большим впечатлением от просмотренного сериала, раз решили воплотить в натуре придуманный режиссером образ. Полностью, от головы и до пяток закованные в высокопрочные доспехи, они воплощали в себе представление о неуязвимых и безжалостных машинах для совершения убийств. На взгляд полковника их было не так уж и много – где-то с полсотни, не больше. Но они шли, даже не пригибаясь – спокойно и в полный рост. В руках они держали короткоствольные мощные автоматические винтовки. Стреляли они из них не то, чтобы часто, их очереди тоже были короткими, как и у обороняющихся, но зато почти ни один из их выстрелов не пропадал даром. После каждого их выстрела, то один, то другой из немногочисленных оставшихся в живых бойцов роты Смирнова падал ничком на камни, обильно поливая их своей кровью. Видимо нашлемный дисплей у них был совмещен с прицелом и баллистическим вычислителем. Митрич много раз слышал о такой новинке, но по своей наивности полагал, что умрет раньше, чем подобные новации получат свое широкое распространение. А еще он заметил искорки, которые отлетали от доспехов живых киборгов. Он сначала не понял, что это такое, но потом до него дошло. Искорки означали попадание пуль в доспехи «киборгов». Пули попадали, высекая искру, но никаких

последствий для диверсантов это не приносило. Они просто расплющивались, столкнувшись с непробиваемой броней, либо просто отскакивали от нее, не причиняя никакого вреда. Теперь ему стало понятно, почему враги шли в полный рост. Они просто поняли, что облегченная пуля калибра 5.45 миллиметра, выпущенная из автомата АКСУ, а именно этими автоматами, прозванными в народе «плевалками» за низкую убойную силу и недостаточную дальность выстрела, были вооружены практически все бойцы гарнизона, не сможет нанести им никакого ущерба. Теперь было совершенно ясно, почему погибла вся рота Нигматуллина, а сейчас выбивались последние остатки от роты Смирнова. «Эх, сюда бы парочку Утесов», – с сожалением подумал Митрич. Но «Утесов» не было. Виттель несколько раз подавал рапорты вышестоящему командованию с просьбой перевооружить подчиненный ему гарнизон на более современное стрелковое оружие, хотя бы на ПП-2000 или «Вереск», но всем его рапортам не давали хода, объясняя это тем, что современными видами стрелкового оружия требуется, прежде всего, насытить воинские части, участвующие в боевых операциях. Полковник думал, что если он напишет лестный отзыв по итогам испытаний штурмового автомата, то ему в качестве бонуса перепадет сотня другая из установочной партии, но не тут-то было. Все, что ему удалось выцарапать из лап министра промышленности и торговли (по странному стечению обстоятельств, именно это ведомство занималось оснащени-

ем армии), так это два образца, проходивших натурные испытания в условиях Крайнего Севера. Один экземпляр этого автомата он еще два месяца назад передал Боголюбову, а второй «захомячил» себе. Он установил переводчик огня на отсечение по два выстрела. «Вот и дождались, мать ее ити...», – в сердцах подумал он тщательно выцеливая одного из неприятелей. Через оптику было хорошо видны все детали его бронезащиты. Шел он чуть впереди остальных своих подельников (слово «сослуживцев» здесь неуместно априори). Шел небыстро, методично изрыгая огоньки выстрелов в сторону обороняющихся. По всей видимости, идти быстро, а тем более бежать, ему мешал слишком большой вес снаряжения. Но и в этой на первый взгляд небыстрой походке чувствовалась мощь и неотвратимость. Митрич, затаив дыхание прицелился тому прямо в сочленение доспехов – между нагрудными латами и основанием сферического шлема, не без оснований считая, что это, пожалуй, одно из немногих уязвимых мест в защите вражеского ублюдка. Косяком промелькнула мысль, что за все семьдесят пять прожитых им лет на земле, он впервые стреляет по живому человеку. Человеку ли? Не может считаться человеком тот, кто пришел к чужой дом, чтобы убить тебя, твоих родителей, обесчестить твою жену и надругаться над детьми. Поэтому его Величество, отбросил в урну всю эту глупую и вредную сентиментальщину по поводу мифических заповедей и плавно нажал на спусковой крючок. В плечо легонько стукнула отда-

ча от парного выстрела. Митрич, будто в замедленной съемке увидел, как шедший впереди остальных диверсант нелепо взмахнул руками, роняя свою винтовку, стал подгибать колени, а затем резко сунулся носом вниз. Две пули, попавшие тому в горло, почти что оторвали голову. Она удержалась на плечах, только благодаря сухожилиям.

– Вот что животворящий калибр делает, – причмокнул старик, удовлетворенный делами рук своих.

Идущие позади своего «вожака» боевики сразу притормозили свою неспешную поступь и сразу стали озираться, выискивая того, кто, нанес им, пожалуй, первое поражение. Они крутили своими яйцеподобными головами, в надежде, что электронные датчики, совмещенные с тепловизорами, укажут им на смельчака, рискнувшего оказать эффективное сопротивление. Но Митрич оказался гораздо хитрее, чем они могли предполагать. Его, заросшее густой растительностью лицо почти не выделяло тепло в окружающую среду, а свое горячее дыхание он направлял не в сторону противника, а вниз, под себя. Второй его выстрел тоже был удачным. Еще один вояка упал ничком. Две крупнокалиберные пули, выпущенные полковником прямо тому в голову, буквально раскололи шлем, превращая черепную коробку в ступень. Бронестекло, защищавшее лицо головореза, было явно не рассчитано на попадание пули калибром 12,7 миллиметров.

Сзади раздался истошный крик Гусарова, который заго-

раживал собой, все еще незакрытый вход в «гору»:

– Всем в укрытие! Срочно!

Ворота начали медленно закрываться. Последние защитники начали покидать поле боя, пятась к ним и скрываясь в черном зеве тоннеля.

– Митрич! Назад! – взывал майор, поливая из автомата мелькавших уже метрах в семидесяти диверсантов.

– Сейчас-сейчас, еще парочку сниму и приду, – тихо проговорил старик, прицеливаясь в очередного «ловца удачи».

И еще одного врага удалось ему завалить. Теперь они уже не шли во весь рост, бравировав своей неуязвимостью. Напуганные столь неожиданным отпором, одинокого (одинокого ли?) стрелка, они как по команде плюхнулись наземь. И хоть огонь вести не перестали, но двигаться дальше, пока не будет ликвидировано препятствие, не рисковали. Он обернулся к нервно вздрагивающей позади медведице:

– Пошла вон отсюда, чертова кукла! – прикрикнул он на неё и уже менее агрессивно добавил, слегка извиняющимся голосом. – Иди, спасай малыша и сама спасайся, пока двери не закрыли.

Она внимательно слушала его, наклонив голову набок, как это обычно делают собаки. Огонек понимания зажегся в ее глазах и она, не то, всхлипнув, не то, горестно вздохнув, попятилась назад, увлекая за собой сына. Многотонная машина ворот медленно закрывалась, отрезая от внешнего мира спрятавшихся за ее броней людей. Оставался лишь неболь-

шой проход, который майор специально держал для полковника. Медведица, семеня лапами, подбежала к двери, желая попасть в спасительную темноту узкого прохода и одновременно опасаясь входить туда, откуда неслись запахи страха и отчаяния людей. Медвежонок пугливо жался возле ее ног. Наконец, она решилась и, рыкнув приказала своему отпрыску не мешкая бежать в темную прохладу тоннеля. Тот отчаянно запищал, не желая идти впереди матери. Тогда та, недолго думая, отвесила ему такого леща, что он кубарем влетел в оставшийся небольшой проем. Сделав половину дела, она оглянулась, поджидая, когда подойдет ее Двуногий друг, спину которого она хорошо видела, но тот почему-то медлил с отходом.

Митрич успел завалить еще одного противника, прежде чем его все-таки засекли. Надежно укрытый за многотонными валунами и обломками скал, он представлял для них трудную мишень, поэтому они лучшим для себя вариантом сочли идею просто закидать его гранатами из подствольников. Не сговариваясь, они разом вскинули несколько стволов кверху, так чтобы выпущенные ими гранаты взорвались позади удачливого стрелка, вырвавшего из их рядов четверых «котиков». Полковник хотел отправить в ад еще одного врага, когда раздались негромкие хлопки и буквально через пару секунд что-то острое, как раскаленное жало впилося ему в спину сразу в нескольких местах, а затем взрывная волна от разорвавшихся гранат мягко приложила его всем телом

о камни. Он еще хотел обернуться, чтобы посмотреть, что это там воткнулось ему в плечо и между лопаток, но руки внезапно ослабели, в глазах все помутилось, и он, выронив автомат из рук, бессильно уронил голову на камни. Его последней мыслью было сожаление, что он не успел напоследок прихватить с собой еще одного врага.

Медведица, неловко топталась перед входом, все еще не решаясь войти в тоннель. Прожив среди людей более двух месяцев, она не то, чтобы научилась доверять большинству окружающих ее людей, во всяком случае, уже никого не рассматривала в качестве потенциальной пищи или врагов. Исключение составлял только один. И этим одним был тот единственный, который утром бродил возле их жилища. Тот был настоящим врагом, в которого она с удовольствием вонзила бы клыки. Но он ушел, хотя его слабый запах, она все еще могла чувствовать. Теперь же к нему прибавились новые враги – страшные и непонятные. От них пахло железом гораздо больше, чем от Двуногого. И это железо было тоже злое, как и они сами. Они несли смерть и сами были этой смертью. Поэтому ее разрывали сейчас два взаимоисключающих чувства: кинуться на них в попытке растерзать или убежать от них куда-нибудь подальше. Она выполнила свои обязательства перед Великим Медвежьим Родом, сохранив своего потомка, и теперь была вольна в дальнейших своих поступках. Именно такие или приблизительно такие мысли сейчас боролись в ее голове, не давая принять окончатель-

ное решение. Ей как никогда прежде требовался Двухногий, который бы все расставил по своим местам и вселил в нее прежнюю уверенность и спокойствие. Она, то и дело бросала вопросительные взгляды ему в спину, надеясь, что уж сейчас-то он обернется к ней, а потом встанет и слегка хромящей походкой подойдет к ней, почешет за ухом, скажет пару слов на своем непонятном языке. Она еще раз оглянулась на него и тут, как раз раздались эти взрывы. Она увидела, как тело ее друга вздрогнуло и выгнулось, а кривая палка, что плевалась огнем в сторону Смерти, вдруг выпала из его рук.

Американские выстрелы для подствольных гранатометов были еще хуже, чем отечественные ВОГ-25, которые не отличались большим радиусом поражения и площадью накрытия, поэтому поразив полковника, они никак не задели, стоявшую в пятнадцати метрах от него медведицу. Что-то вдруг щелкнуло у нее в голове и она, позабыв обо всех своих сомнениях, в три гигантских прыжка, в которые она вложила всю мощь своих лап, очутилась рядом, с лежащим неподвижно Двухногим. Жизнь стремительно покидала его старое, но все еще могучее тело. Он лежал, в бессилии раскинув руки, как бы обнимая эту неласковую землю напоследок. Одному Богу известно, что сейчас творилось в ее голове. Она не медля ни секунды, вцепилась в его поясной ремень зубами и с натугой, которая чувствовалась во всем ее теле, приподняла старика, бессильно разбросавшего руки, как тряпичная кукла. Крепко сжимая зубы на искусственной коже ремня, она

потасила его в убежище. Было видно, как ей тяжело давались эти злосчастные пятнадцать метров, но она изо всех сил старалась не волочь его по земле, а именно нести, чтобы не поранить того еще больше. Свидетелем этой сцены был майор, который все еще стоял в не закрывшемся проеме, прикрывая его своим телом. Он, сжимая автомат с уже пустым рожком, раскрыв рот, наблюдал эту поразительную картину. У него, правда, хватило ума, буркнуть в рацию, чтобы те, кто сейчас управлял закрытием ворот, слегка притормозил этот процесс. Уже через несколько томительных секунд, она, взрыкивая от натуги, очутилась у входа со своей добычей в зубах. И опять у Гусарова хватило ума не препятствовать ей, когда она стала протискиваться в оставшееся незакрытым пространство проема. Он просто посторонился, когда она тяжело отдуваясь и вздрагивая всем телом от перенесенного напряжения, пролезла внутрь тоннеля. С глухим лязгом, ворота, которые только и ждали своего часа, захлопнулись, оставляя неприятеля «с носом». Медведица бережно положила старика на пол и благоразумно отошла в сторонку, чтобы не мешать ринувшимся к полковнику людям. Медвежонок, до этого растерянно крутившийся среди ног обороняющихся, с радостным визгом кинулся к матери, разом забыв обиду, которую она ему нанесла своей тяжелой материнской лапой, насильно загоняя того в убежище. Счастливо поскуливая, он принялся обнимать свою строгую, но такую любимую мать. Полковника заботливо подхватили на руки

и быстро унесли прочь – в глубину скального лабиринта. По тому, как бессильно висела его голова, медведица безошибочно определила его дальнейшую судьбу. «Не жилец», – подумала она почти равнодушно. Людей скопившихся в тоннеле у входа, ничуть не пугало и даже не смущало присутствие рядом с ними огромного дикого зверя. Казалось, что они даже не замечают ее, что, в общем-то, на первых порах устраивало обе стороны. Она тихонько, чтобы никого не задеть ненароком отошла в самый дальний угол просторного помещения, откуда вели в разные стороны проходы, зияющие тусклым светом потолочного освещения, и улеглась там, вольготно растянувшись на бетонном полу. За свое будущее и будущее своего ребенка она уже волновалась не так сильно. Её приняли не только невраждебно, но напротив, очень даже приветливо, если не сказать, что с восхищением. Она чувствовала это по особому запаху исходящему от окружающих ее людей. А это значило, что ей ничего не грозит, и кусок мяса с овсяной кашей, к которой ее уже успел приохотить Двухногий, ей и ее малышу были обеспечены.

Поняв, что залп из подствольных гранатометов принес свои плоды и стрелок, заставивший «котиков» понести едва ли не первые за всю операцию потери, как минимум лишен возможности продолжать свое дело, а как максимум – нейтрализован, боевики спустя полминуты оживились. Сначала некоторые из них опасливо подняли головы, сканируя местность, а затем, убедившись, что опасность отступила, начали

понемногу вставать, лихорадочно вода стволами из стороны в сторону. Но немногочисленные защитники, воспользовавшись кратким моментом их замешательства, сумели благополучно укрыться за броневыми створками ворот. Еще через минуту «котики» уже толпились гурьбой возле непреодолимой преграды, туго соображая, что можно предпринять в подобной ситуации. Нечего было и думать, чтобы взорвать такую махину. Всего запаса пластида, взятого ими с собой на эту операцию, не хватило бы даже на то, чтобы поцарапать такую «дверцу». Здесь, определенно, нужен был заряд мощнее. Пока они переговаривались друг с другом, мысленно почесывая в недоумении свои затылки, коварные русские преподнесли им окончательный сюрприз...

Майор Гусаров, так и не отходивший от задранных ворот, вновь достал из нагрудного кармана коробочку мини-рации.

– Центральный?! Я – Первый! – отрывисто проговорил он в рацию, уже почти успокоившимся голосом.

– Первый! Я – Центральный! – донеслось до него почти мгновенно.

– Доложите обстановку вокруг Южных ворот.

Сквозь продолжающиеся шипения и треск незамедлительно поступил ответ:

– По данным замаскированных датчиков видеонаблюдения, противник сосредоточился возле входа.

– Сколько их там приблизительно? – поинтересовался

Виктор Петрович.

– С полсотни будет, – ответил оператор, наблюдавший сцену растерянности противника от возникшего непреодолимого препятствия.

Майор не стал колебаться и принял единственно правильное в создавшейся обстановке решение.

– Центральный! Слушай мою команду! Пока они не расползлись по местности, как тараканы по кухне, начинай операцию «Прополка».

«Прополкой» называлась одна из систем защиты секретной базы. По сути это было управляемое извне минное поле, расположенное в окрестностях Южных ворот. В свое время, те, кто проектировал защитный механизм от неожиданного вторжения не пожалели взрывчатки, заложив и замаскировав несколько тонн этого адского зелья.

– Есть, начать операцию «Прополка»! – с каким-то плотоядным настроением, которое чувствовалось даже сквозь помехи, ответил сидящий за пультом старший оператор.

Гусаров оглядел людей стоявших возле него и ждавших дальнейших распоряжений. В отсутствие командира гарнизона, к нему теперь фактически переходила вся военная и гражданская власть.

– Товарищи, прошу не толпиться у входа! Отойдите подальше! Сейчас будет небольшой бадабум, поэтому, во избежание ненужных травм акустического характера, заткните уши и рты.

Все немедленно выполнили указания старшего начальства, позатыкав пальцами ушные раковины и прихлопнув открытые ротовые полости. Даже медведица из дальнего конца поняла неведомым своим чутьем смысл данного приказа, поэтому подгрела под себя сына, навалившись на него всей тушей, и попыталась прикрыть передними лапами свою голову. Сам майор тоже не стал тянуть с этим делом, затыкав уши указательными пальцами и прикрыв, на всякий случай, глаза. Еще пару мгновений ничего не происходило. А потом грохнуло! Да еще, как грохнуло! Земля под ногами заходила и закачалась, словно палуба корабля, попавшего в жестокий шторм. Ударная волна, будто гигантской кувалдой саданула по броне ворот, от чего они загудели с невероятно пронзительным гулом. Создавалось впечатление, что ты сунул голову внутрь огромного колокола в то время, когда звонарь, раскачав, как следует его «язык», ударил им в бок. Те из присутствующих, кто не ожидал такого эффекта, попадали на пол. А оператор, руководивший дистанционно этим процессом из глубины подземного бункера, с интересом смотрел через выносные камеры телевизионного наружного наблюдения. И ему было хорошо видно, как по мановению его руки разом во многих местах вздыбливается не какой-нибудь чернозем, а скальная порода, все сметая на своем пути и перемалывая в мелкую пыль находящиеся на поверхности предметы и людей, попавших в этот техногенный «миксер». И действительно, когда вместо комьев земли и глины на тебя

летят с околозвуковой скоростью куски гранита и базальта, весом по 50-100 килограммов, то тут уж не спасет никакой бронекостюм, даже самого высокого класса защиты. Человека, буквально расплющивает в лепешку – кровавую, а от того безобразную. И это еще тем, кому повезло закончить свой жизненный путь именно таким образом, что их останки худо-бедно, но еще можно как-то уложить в целлофановый мешок для дальнейшего погребения. Большинству из них вообще не повезло сохранить хоть какую-то форму. Несколько гектаров сработавшего минного поля, в одно мгновение превратили в мелкую суспензию большинство из тех, кто еще минуту назад чувствовал себя победителем на этой земле. Когда последние обломки скал перестали сыпаться на землю и пыль от «прополки» стала понемногу оседать, наступила тишина. И не просто тишина, а ТИШИНА, будто уши разом заложило. Не слышалось ни криков, ни стонов (хотя какие могут быть стоны от человеческих брызг?), ни далекого шума волн, накатывающихся на берег. Даже ветер, обычно не прекращающийся в этих местах и тот словно застыл, превратившись в вязкую воздушную массу, застывшую от недоумения.

Майор Гусаров, убрав пальцы с ушных раковин и покрывив головой с целью убедиться, что со всеми, кто находился рядом все в порядке, удовлетворенно кивнул головой:

– С этими, кажется, управились.

Но про себя озабоченно подумал: «А вот куда подевалась

вторая группа диверсантов – большой вопрос». И этот вопрос надо было решать в срочном порядке. Из раздумий его вывел сигнал рации. Он немедленно выхватил ее из кармана.

– Товарищ, майор, – донеслось из динамика сквозь шум и треск помех, – диверсанты проникли внутрь объекта! Идет бой на втором уровне! Срочно нужно подкрепление!

– О, черт! – выругался майор и тут же крикнул тем, кто все еще оставался рядом из тех, что прикрывали отход гражданских. – Товарищи! Диверсанты проникли на объект! Бой идет на втором уровне! Все за мной!

И не дожидаясь ответной реакции от только что вышедших из «мясорубки» и еще не пришедших в себя остатков рот Нигматуллина и Смирнова ринулся со всех ног в один из тоннелей ведущий на второй уровень. Все, кто мог более-менее стоять на ногах, тут же опрометью кинулись за ним.

Глава 51

I.

Там же. СПРН «Воронеж-М», примерно 5ч.00мин.

Иван Никодимович Вершигора, месяц назад вместе с повышением в звании получил в свое распоряжение целую станцию ПРН, поменяв кресло начальника дежурной смены на командирское. И теперь он уже второй месяц был царь и бог этого небольшого и замкнутого мирка. Почему замкну-

того? Потому, что его СПРН относилась к Воздушно-Космическим Силам, а потому не входила состав базы, руководимой Виттелем. Она располагалась на другом берегу залива и была абсолютно автономна в плане несения боевого дежурства, что вполне отражало ее суть. Там было все: собственные дизель-генераторы, на случай обесточивания магистральной линии, свои запасы продовольствия, казарма для проживания младшего состава и, разумеется, свой Командный Пункт, находящийся глубоко под землей. Правда, офицеры, служившие на станции, проживали в Белушьей и принимали активное участие в поселковой жизни, хоть и не подчинялись формально его коменданту. Их жены работали бок о бок с женами служащих на базе, ходили в одни и те же магазины, дружили семьями. Так же поступали и оба полковника. И Виттель и Вершигора поддерживали не только дружеские отношения, но и по службе помогали друг другу, то и дело, привлекая своих подчиненных для оказания какой-либо помощи соседям. Что же касалось непосредственно службы, то ни тот ни другой не заходили за рамки, предписанные Уставом. У Никодимыча была своя служба охраны, подчиненного ему объекта, у Митрича, соответственно, своя, что, впрочем, никогда не мешало им время от времени проводить совместные учения по координации действий на случай непредвиденных обстоятельств. Несколько дней назад, учитывая напряженную обстановку в Северной Атлантике, связанную с крупнейшими военно-морскими учениями стран

НАТО, весь офицерский состав, временно был переведен на казарменное положение. Поэтому никого из них сейчас в Белушьей не было. Все они, вот уже трое суток пребывали на территории станции. Мест в солдатской казарме для их временного расквартирования не имелось, что вынуждало их находиться в подземном бункере, где были созданы, хоть и минимальные, но все же приемлемые условия для обитания на кратковременной основе.

Полковник Вершигора крепко спал, когда его разбудил настойчивый звонок начальника дежурной смены, сообщившего, что пять минут назад произошла блокировка спутниковой связи СПРН, как с аналогичными станциями в Мурманске и Оленегорске, так и с Центральным Командованием ВКС. «Виновника» долго искать не пришлось. Станционные датчики метрового диапазона, хоть и не обладали высокой чувствительностью, в отличие от дециметровых, но даже и их возможностей вполне хватило на то, чтобы засечь примерное месторасположение американского АВАКСа, болтающегося, где-то в шестистах километрах от них и примерно в пятистах километрах юго-восточнее Шпицбергена. Как выяснили специалисты, именно от него и шли мощные помехи, глушащие связь с Большой Землей. Полковник, первый раз за трое суток уснувший не в командирском кресле центрального поста, а на узенькой кровати с панцирной сеткой, вскочил, как ошпаренный. Прыгая на одной ноге из-за того, что вторая попала в ту же штанину, матерясь и чер-

тыхаясь, он, кое-как приведя себя в божеский вид, ринулся по узким коридорам, ведущим к центральному посту. Когда он, как взмыленная скаковая на финише влетел в помещение центрального поста, там уже находилась не только дежурная смена, но и вопреки всем правилам, свободные от вахты офицеры других смен.

– Это что еще тут за курултай? – грозно шевельнул бровями, всегда до этого мягкий и излишне интеллигентный полковник.

Ни возражать, ни оправдываться перед ним никто из присутствующих не стал. Они лишь молча расступились, давая своему командиру занять свое место. Однако Иван Никодимович, проигнорировал такое приглашение от своих подчиненных. С места начальника дежурной смены быстро поднялся майор Арслан Ахмет-хан – жгучий брюнет с усиками «а ля Эркюль Пуаро», вечный тамада на всех застольях и отчаянный дамский угодник. На этот раз он был собран и серьезен, как никогда.

– Товарищ полковник, разрешите доложить оперативную обстановку?! – обратился он с просьбой к Вершигоре.

– Докладывайте, майор! – коротко кивнул командир.

– В 1 час 30 минут станцией зафиксирован взлет тяжелого летательного аппарата с воздушной базы в Туле. В 4 часа 48 минут присутствие данного летательного аппарата зафиксировано в квадрате 35-11 на высоте 12000 метров, двигавшегося курсом 260° со скоростью 600 километров в час. После

проведения анализа особенностей его перемещения и сравнения с характерными особенностями имеющимися на вооружении стран НАТО летательными аппаратами, выяснилось, что это «Боинг-737» оборудованный системой АВАКС, принадлежащий ВВС Соединенных Штатов. В 4 часа 59 минут узел связи доложил о присутствии обширных помех в широкополосном диапазоне, препятствующих связи с другими станциями и Центральным Командованием ВКС. У нас сразу возникли подозрения на «чужака». После наложения вектора исходящих помех на вектор курса АВАКСа, подозрения подтвердились. В 5 часов 00 минут нами зафиксирован старт с военно-воздушной базы НАТО в Тромсе тяжелого летательного аппарата. Судя по сигнатуре, это В-52. Азимут 330° , высота 8000 метров. Двигается со скоростью 800 километров в час. Начальник дежурной смены – майор Ахмет-хан доклад окончил.

– Доклад принял, – потер рукой лицо, полковник, стряхивая с себя остатки сна. – На запасные частоты переходили?

– Так точно, товарищ полковник. Это не дало положительных результатов, так как противник применил глушение во всем рабочем диапазоне используемой нами связи.

– А..., – хотел задать полковник следующий вопрос, но майор, поняв намерения начальства, ответил не дожидаясь.

– Частоты связи, предназначенные для особого периода, нами не были задействованы. Кроме этого самолета, никаких аномальных действий противника, выходящих за рамки

повседневной активности, не были выявлены. Поэтому мы решили, что это провокация с целью обнаружения наших частот, предназначенных для работы в особый период.

– Добро, – согласился Вершигора. – Что там с палубной авиацией АУГ?

– Ночных полетов палубной авиации не зафиксировано, – лаконично ответил Ахмет-хан.

– Свяжитесь по оптоволоконной связи с базой, – приказал Вершигора.

Молоденький лейтенант, отвечающий за коммуникацию, поднял трубку. Что-то прошелестел в нее губами. Потом поднял другую трубку и тоже завел с кем-то неслышимый со стороны диалог. Прошло не менее двух тягостных минут ожидания, пока не послышался его рапорт:

– Оптоволоконная связь с базой отсутствует. Все характерные признаки говорят об обрыве на линии.

– Т-а-а-к, – многозначительно протянул полковник. – Это уже становится серьезным.

Только он успел проговорить эту фразу, как до его ушей донесся еще один доклад одного из операторов.

– Посты внешнего наблюдения докладывают об интенсивной перестрелке в районе базы!

– Началось, – проговорил Иван Никодимович и тут же взял себя в руки. – Объявляю общую тревогу. Оповестите весь персонал станции и роту охраны.

– Есть, оповестить! – раздалось от пульта.

И тут же замелькали красным светом лампы на командном пункте, сопровождая это цветное представление режущими ухо, звуками сирены. Все, кто сейчас находился в зале командного поста у центрального пульта, почти физически ощутили, как звуки сирены и блуждают по многочисленным переходам и тоннелям станции, солдаты, призванные охранять ее периметр, лихорадочно занимают заранее оборудованные рубежи обороны.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться?! – подал голос все тот же молоденький лейтенант-связист.

– Обращайтесь, – ответил Вершигора, так и продолжавший стоять столбом посреди зала.

– Разрешите направить наряд связистов во главе со мной, на место предполагаемого порыва кабеля связи.

– Не разрешаю! – рубанул Вершигора тоном, не терпящим возражений.

Таким собранным и таким жестким подчиненные еще никогда не видели своего командира. Полковник помолчал немного, а потом все же решил снизить до объяснений своего категорического запрета:

– Вы что, не понимаете, лейтенант Акинфеев, что это не банальный порыв, а деяние человеческих рук?! Противник наверняка ожидает ремонтную группу в месте порыва, чтобы в лучшем случае перебить ее, а в худшем случае, захватить вас, например, для получения сведений о способах проникновения на станцию.

– Нам сейчас крайне необходимо наладить связь, хоть с кем-нибудь для прояснения окружающей обстановки и принятия решения, опирающегося на реальные события. Обещаю, что мы будем вооружены и очень осторожны, – неожиданно заупрямился Акинфеев.

– Вы полагаете, что наряд солдат-срочников под вашим руководством сможет дать достойный отпор группе матерых диверсантов? – в голосе полковника чувствовались откровенные нотки издевки.

– Но не сидеть же, сложа руки, в ожидании, когда они нападут на самую станцию? – опять начал фрондировать связист.

На «корабле» явно назревал бунт. «Этого еще не хватало?!» – подумал полковник, досадливо морща нос.

– Кто еще так думает?! – возвысил он голос. – Кто еще желает навязать противнику встречный бой на подступах к станции?!

Все офицеры, что уже прибыли по сигналу тревоги на командный пост, разом уткнули глаза в пол, не решаясь высказать свое мнение, чтобы не усугубить раскол в воинской части стратегического назначения.

– Никто не говорит, что мы должны сидеть, сложа руки, – негромко начал полковник свою отповедь ретивому лейтенанту. – Но и класть солдат в перестрелке с противником, который заведомо сильнее нас, дело, прямо скажем, малопродуктивное. Вы, лейтенант погибнете сами, а заодно и по-

ложите рядом с собой всех тех, кто решится на эту авантюру. Да, авантюру! Как вы себе мыслите дальнейшее развитие событий?! – спросил он его в лоб.

– Ну-у, – задумчиво протянул лейтенант, подбирая наиболее вероятные варианты, – скорее всего противник попытается осуществить нападение на саму станцию, чтобы быть до конца уверенным в ограничении ее функционала.

– Вот именно! – воскликнул Вершигора, поднимая указательный палец кверху.

Он уже хотел развить мысль, пришедшую ему в голову, но вдруг резко оборвал сам себя, обращаясь к оператору:

– Оператор, доложите о местоположении В-52.

От пульта раздался немедленный доклад от оператора, неотрывно следящего за текущей воздушной обстановкой:

– В-52 находится в трехстах километрах юго-восточнее от острова Медвежий. Азимут прежний – 330°.

– Если он сейчас сделает поворот вправо, это будет означать то, что он ложится на боевой курс, – тут же сообразил полковник. – И еще не известно, что у него там болтается в брюхе.

– Вы полагаете, что он может нас атаковать? – пискнул кто-то у него из-за спины.

– Мы ему и нахрен не сдались, – процедил сквозь зубы полковник. – Тут и козе понятно, что их целью является наша база в Белушьей. А если точнее то им нужно то, что находится у нее там внутри.

– Но ведь это же Третья Мировая?! Они разве этого не понимают? – не унимался все тот же голос.

– Отнюдь, – возразил он ему, не поворачивая головы. – Войны не начинаются с одиночного самолета. Это либо грандиозная провокация, либо крупномасштабная диверсия, на подобие той, что случилась два месяца назад в Москве.

– А мы никак не можем этому воспрепятствовать, – буркнул из своего угла Акинфеев, бравируя нарушением субординации.

– И что бы мы могли сделать, будь у нас связь? – обернулся к нему Вершигора.

– Предупредить зенитчиков из Рогачева, – робко предложил лейтенант, понимая втайне, что зря прет на рожон в споре с начальством.

– Если АВАКС ставит широкополосные помехи, то рогачевцы не смогут навести на него свои С-400, а РЛС «Небо-У» им только еще обещают поставить в конце года.

– Что же делать?! – опять раздался голос из-за спин.

На этот раз полковник не отказал себе в желании найти взглядом потенциального паникера. Он все-таки узнал этот голос:

– Лейтенант Малькевич? То-то я не сразу узнал ваш дрожащий от страха голосок! Верно, богатым будете!

– Это не от страха, а от волнения, товарищ полковник, – пропищал лейтенант, чем вызвал горькие усмешки у своих коллег.

– Ну-ну, – покачал головой Иван Никодимович. – Что делать, что делать? Надеяться, что силенок заглушить всю нашу северную группировку у одиночного АВАКСа не хватит и коллеги рогачевцев в Нагурском не прозевают этот кордебалет.

Полковник поискал глазами порядком стушевавшегoся лейтенанта Акинфеева и, сменив гнев на милость, обратился к нему:

– Олег Александрович, вы можете хотя бы приблизительно, используя какие-нибудь специальные методы, дистанционно определить, где именно произошел порыв связи?

– Место порыва нами локализовано достаточно точно, – обрадованно закивал тот, услышав к себе такое отеческое обращение. – Оно находится в районе 12-й отметки.

– Это где?

– Это примерно в пятистах метрах от станции. На оконечности залива, разделяющего нас с Белушьей.

– Ага, – понял полковник без дальнейших пояснений и продолжил рассуждать вслух, – следовательно, одну десантную группу они высадили непосредственно в Белушью и сейчас там идет бой с местным гарнизоном, а вторую группу направили к нам, чтобы мы не смогли помочь зенитчикам навести ракеты на бомбардировщик, несущий ядерный заряд.

– Неужели они решатся применить тактический боезаряд? – пригорюнился капитан Беляев, который недавно женился, и его жена проживала в поселке.

– Да! – жестко ответил полковник. – Решатся! Потому что иначе, как ядерным зарядом имеющим возможность проникнуть сквозь толщу скал, секретный объект разрушить не получится. А у них нет другого выхода, как только разрушить его.

– Но как они будут оправдываться перед миром, впервые со времен Второй Мировой войны, применяя ядерное оружие?

– А никак не будут! – скривил лицо в едкой гримасе Вершигора. – Это только слабый начинает оправдывать свои поступки, а сильный, просто ставит весь мир перед свершившимся фактом, а на мнение всяких там лимитрофов ему глубоко начхать.

От пульта опять послышался сухой доклад оператора:

– Самолет идентифицируемый, как В-52 изменил курс. Настоящий азимут составляет 300°.

– Этого и следовало ожидать, – с пятки на носок переступил Иван Никодимович. – Он ложится на боевой курс, чтобы выйти в точку пуска.

– Мы ничего не можем! Мы должны, что-то срочно предпринять! – начали отовсюду раздаваться голоса.

– Дайте мне по внутренней связи капитана Тимошкина, – приказал полковник. – И включите громкую связь.

– Капитан Тимошкин слушает! – раздался громкий на весь зал голос запыхавшегося офицера, командовавшего ротой охраны станции.

– Капитан, доложите обстановку! Что наблюдаете? – голос Вершигора был беспристрастен и сух, но в нем чувствовалась уверенность.

– Оптическими средствами наблюдения на подступах к станции наблюдаем передвижение противника. Точное количество назвать затруднительно, так как противник применяет средства тепловой маскировки, а наши ПНВ не отличаются высокой чувствительностью. Однако могу предположить, что их не менее полусотни, – доложил капитан.

– На каком расстоянии они находятся от вас? – стал уточнять Вершигора, явно имея в голове какой-то план.

– 350-400 метров. Дистанция для наших средств поражения не позволяет нам вести эффективный огонь, поэтому я приказал пока не стрелять, подпустить их поближе. Противник тоже огонь пока не открывает. Экипировка у них какая-то странная, будто не люди, а роботы. Жуть! Потихоньку пробираются, черти, – добавил он, не скрывая досады и недоумения.

– Федор Анатольевич, приказываю вам в срочном порядке оставить оборонительные рубежи и перебазировать весь свой личный состав в подземное укрытие.

– А как же..., – хотел было тот выразить удивление столь нелогичному со всех сторон приказу, но полковник не дал ему закончить мысль.

– Выполняйте приказ, капитан, – строго оборвал его Вершигора. – Все вопросы и возражения можете высказать по-

том. А сейчас немедленно покиньте все занятые вами рубежи. Об исполнении доложить.

– Есть, покинуть, – понуро ответил капитан, считая, что в лучшем случае полковник просто сошел с ума, а в худшем... А про худшее, он побоялся даже додумать до конца.

Все офицеры, собравшиеся в этом зале стали нервно переглядываться, недоумевая от действий своего командира, отдающего инициативу в руки неприятеля, который благодаря этому беспрепятственно приблизится к станции и попытается каким либо образом уничтожить передающее радиосигналы антенное полотно. Иван Никодимович, наконец-то, сел в свое командирское кресло, находящееся за спиной начальника дежурной смены и сложив пальцы в замок с индифферентным видом принялся ожидать доклада об оставлении охраной своих рубежей. Первым не выдержал майор Ахмет-хан, развернувшийся в своем крутящемся кресле к полковнику и, глядя тому в переносицу, процедил, раздувая ноздри:

– Товарищ полковник, – обратился он к Вершигоре, не утруждая себя вставанием с кресла, – мы обязаны по долгу службы выполнять все ваши указания, но нам бы все же хотелось узнать их тайный смысл.

– Извольте, – странно улыбнулся в ответ командир. – Вы слышали доклад капитана Тимошкина?

– Да, – кивнул тот, не отрывая пронзительного взгляда от полковника.

– Судя по всему, диверсанты экипированы в соответствие с самыми последними научными достижениями в этой области. И при этом вам хорошо известно, как экипированы наши бойцы роты охранения. Средства огневого поражения, тоже, скорее всего, не чета нашим. При огневом контакте, мы просто положим наших ребят не за хрен собачий, но никак не остановим этим противника.

– Что вы предлагаете? – в упор поинтересовался майор, все еще в чем-то подозревающий своего командира.

– Мы ничем не можем помочь ни нашим зенитчикам, ни тем более нашим соратникам, обороняющим сейчас подступы к «объекту», ибо у нас нет меча, чтобы им парировать удар врага. Меча нет, – повторил он еще раз, – но зато у нас есть отличный щит, который при определенных условиях может стать неким мечом.

– Вы хотите сказать... , – начал догадываться майор о тайных планах Вершигоры.

– Хочу! – согласно кивнул тот на невысказанное до конца предположение начальника дежурной смены. – Я говорю о нашем электромагнитном поле, которое мы можем сгенерировать при наступлении чрезвычайной ситуации. За все время эксплуатации станции мы еще ни разу не включали его на полный режим. Даже два месяца назад – во время известных событий в столице, мы активировали его исключительно для защиты самой станции, да и то меньше чем на треть от мощности. Все вы, безусловно, знаете истинные характеристики

нашей станции, никем и нигде не афишируемые. Не так ли?

– Да! – в голосе кавказца появились нотки неподдельного восхищения. – В состоянии боевого режима станция способна сгенерировать такое мощное электромагнитное поле вокруг себя, что сможет накрыть им около десяти квадратных километров, которое теоретически не пропустит сквозь себя ни самолет, ни крылатую ракету, ни ядерную боеголовку, – как сомнамбула произнес Ахмет-хан.

– При этом..., – подвел его к следующей мысли полковник.

– При этом, – как горное эхо повторил за ним майор, улыбаясь во все 32 белоснежных зуба, – все живое в радиусе пятисот метров от станции будет почти мгновенно уничтожено.

– Теперь поняли, зачем я хочу подпустить врага почти вплотную к станции?

– Да! – продолжал сиять белозубой улыбкой начальник смены и эту его улыбку подхватили все, кто сейчас находился тут, пребывая в недоумении еще пару минут назад.

Это невольное веселье прервал доклад капитана Тимошкина, уныло доложившего:

– Докладывает капитан Тимошкин. Ваше приказание об отступлении роты охраны в подземное убежище выполнено. Отступление проведено без потерь в личном составе.

– Отлично, Федор Анатольевич! Размещайте ваших бойцов по оставшимся свободными помещениям. В тесноте, да не в обиде. А сами можете присоединиться к нашей теплой

компании в центральном посту.

– Есть, разместить, – ответил Тимошкин, искренне не понимая причину командирского веселья.

– Оператор, доложите обстановку по контуру станции, – приказал Вершигора.

– Внешние камеры теленаблюдения фиксируют неприятеля в непосредственной близости от станции. Они практически уже все здесь.

– Ибрагим Асланбекович, – обратился полковник к майору, – ваша смена, вы и командуйте.

– Есть! – четко и торжественно отрапортовал Ахмет-хан, поворачивая свое кресло к пультам.

– Ну, как говорится, с Богом! – напутствовал его сзади сидящий Вершигора.

– Внимание всем дежурным постам и подразделениям! Объявляю тридцатисекундную готовность к переходу станции в активный боевой режим! – произнес он фразу, которую ему еще никогда не приходилось произносить.

Его рука машинально нащупала на пульте тумблер с откидной блокирующей крышкой. Щелчком пальца он откинул крышку и передвинул рычажок. Опять раздался тревожный звук ревуна. Но на этот раз он еще и сопровождался стуком метронома. 30...29...28 – загорелось табло на центральном информационном экране. Пошел обратный отсчет времени. Когда на экране вспыхнула цифра «0», раздался низкий и протяжный гул, который шел как будто из самого цен-

тра Земли. От этого низкого и зловещего гула, нарастающего с каждым мгновением, волосы начинали шевелиться у всех, кто был сейчас в этом зале.

СТАНЦИЯ ПЕРЕХОДИЛА В БОЕВОЙ РЕЖИМ.

Это было русское ноу-хау, о котором имели смутное представление, не только высоколобые иностранные специалисты в деле применения электромагнитных волн, в качестве защитных мер «последней надежды», но и наши военные эксперты. Никто в мире еще не мог добиться формирования электромагнитного щита такого большого радиуса действия и такой «убийственной» эффективности. Целый океан энергии требовался для создания и поддержки заданной конфигурации поля, но все затраты разом окупались его абсолютной непробиваемостью. Никакой снаряд или ракета, никакая ударная волна (даже от ядерного взрыва), никакое направленное излучение не могли пробить эту стену. Надо ли говорить, что стало с теми, кто находился сейчас снаружи станции? Что происходит с кастрюлей супа, сунутой в микроволновую печь? Через пять минут суп закипает, чтобы быть поданным к столу. Примерно тоже самое случилось и с диверсантами, опрометчиво попавшими в поле высокочастотного электромагнитного излучения. Только гораздо быстрее. Уже через несколько секунд их мозги, буквально закипев, выплеснуло наружу, представляя собой настолько неприглядное зрелище, что при виде этой картины даже режиссеров, снимающих голливудские ужастики, трижды вывернуло бы

наизнанку в судорогах рвотных позывов. Та же самая участь постигла и команду «Морского Коня», приткнувшего свой тупой нос к береговой отмели. Стараясь, как можно ближе доставить десант к станции, корабль нарушил пятисот метровую незримую «красную линию», а потому тоже попал под воздействие жесткого электромагнитного воздействия. Разница была лишь в том, что в отличие от «морских котиков», сварившихся заживо почти мгновенно, экипаж корабля принял более мучительную смерть, так как его борта все же слегка экранировали излучение, исходившее от русского «Воронежа».

Спустя непродолжительное время, гул перестал усиливать свою мощь, обретая ровный и постоянный характер.

– Станция вышла на постоянный режим, – доложил один из операторов.

И тут же голос другого оператора подхватил:

– Наблюдаю взлет пары наших перехватчиков с базы в Нагурском. Следуют курсом на перехват АВАКСа.

– Замечательно! – прокомментировал эту информацию полковник. – Ну, что ж, товарищи, мы свое дело сделали. Причем, неплохо. Осталось только ждать счастливого конца этой истории. Пост акустического наблюдения, что там слышно из Белушьей?!

– В Белушьей идет интенсивный бой. Слышны взрывы, – ответили с поста наружного наблюдения.

– Может им надо оказать помощь?! – взвился пылкий кав-

казец Ахмет-хан.

– Нет, – покачал головой Вершигора. – На сам объект неприятелю не проникнуть, так как он надежно охраняется. А гражданскому населению в поселке, мы, увы, уже ничем помочь не сможем. Во-первых, пока доберемся, то там уже все закончится и без нас. А во-вторых, не с нашим легким вооружением сражаться со специально экипированными боевиками. Только людей зря положим.

Майор на это только скрипнул зубами, крепче стискивая кулаки, но в душе и он был согласен с полковником.

– Акинфеев! – позвал Иван Никодимович связиста.

– Слушаю, товарищ полковник! – отозвался лейтенант.

– Судя по всему, наши перехватчики скоро пресекут деятельность АВАКСа, поэтому не теряйте зря времени и постоянно пытайтесь выйти на связь со всеми с кем можно. В особенности с базой в Нагурском. Ну и обязательно проинформируйте Центральное Командование ВКС.

– Слушаюсь, товарищ полковник!

– Правильно, – промурлыкал Иван Никодимович, – старших надо слушаться.

II.

07.09.2020 г., о. Земля Александры, база «Арктический Трилистник», 5ч.00мин.

Взлет АВАКСа с базы в Туле боевой расчет зенитного ди-

визиона С-400 принял на сопровождение еще, когда время было 3 часа 01 минута. Поначалу это не вызвало никакого ажиотажа со стороны операторов, частенько фиксировавших подобные полеты вражеских разведчиков. Они постоянно крутили свои «тарелки» у кромки нашего воздушного пространства. Впрочем, надо заметить, что рамок приличия они не нарушали, избегая заходить в зону досягаемости наших ракет, предпочитая играть в «кошки-мышки» с РЛС типа «Небо-М», «Небо-СВ» и недавно принятой на вооружение «Небо-У». Особую интенсивность в деле «прощупывания» русских границ они проявляли в ходе военных учений, таких, как начались три дня назад. В первые два дня натовских учений экраны наших радаров светились, как новогодние елки от засветок палубных истребителей и самолетов ДРЛОУ. Со вчерашнего дня интенсивность полетов несколько поубавилась, и наши операторы смогли вздохнуть чуть свободнее. И то сказать, так далеко в высокие широты враг еще ни разу не добирался. Была, правда попытка в 2018 году американского авианосца забраться, как можно выше по параллели, но она окончилась быстро и плачевно для зазнастных янки. Вся наружная аппаратура авианосца от невыносимых температурных аномалий вышла из строя, а сам корпус корабля был изрядно помят паковыми льдами. И вот теперь они вновь пытаются лезть на рожон, с одними только им известными целями. Обычно американские разведчики взлетали с базы в Гренландии, делали небольшой крюк к ар-

хипелагу Земли Франца-Иосифа, чтобы поиграть на нервах у русских ПВО-шников и, не задерживаясь у Шпицбергена, следовали к материку, где уже приземлялись в Тромсе или Тронхейме.

Сегодня тоже все начиналось по классической схеме. АВАКС, как обычно, пройдя по касательной от Шпица, даже не стал делать традиционного «крюка» в сторону Трилистника, а сразу устремился к югу. Операторы, сидя перед экранами мониторов, только пожали плечами и уже собрались, как и всегда было заведено передать эстафету наблюдения своим коллегам с Кольского полуострова. Но незваный «гость» на сей раз повел себя нетрадиционным образом. Вместо того, чтобы лететь к берегам Норвегии он сделал вираж и направился на восток. Это нетривиальное поведение супостата весьма озадачило наших операторов, и они еще пристальнее стали наблюдать за телодвижениями «гриба», как принято было называть АВАКС на сленге наших военных из-за характерной тарелки радара возвышавшейся над фюзеляжем. А телодвижения и впрямь носили замысловатый характер. Продвинувшись еще немного к востоку – в сторону Новой Земли, он стал выписывать в небе стокилометровые петли, явно что-то замышляя в этом районе. Начальник дежурной смены немедленно попытался связаться со своим коллегой из Рогачева, но все его усилия оказались напрасными. Рогачево не отзывалось. Такое развитие событий уже вносило элемент тревоги. Не решаясь самостоятельно предприни-

мать какие либо шаги, начальник смены связался по внутренней связи с начальником базы.

– Товарищ полковник, говорит начальник дежурной смены станции наблюдения за воздушной обстановкой, майор Фомин, разрешите обратиться?!

– Обращайтесь, – спросонья недовольным голосом буркнул полковник, оторванный от утреннего сна.

– В 3 часа 01 минуту в зоне опознавания был зафиксирован пролет предположительно штатовского АВАКСа двигавшегося курсом 270° . В 4 часа 36 минут он, не выходя из зоны сопровождения, резко изменил курс и стал двигаться по направлению к архипелагу Новая Земля. Не входя в воздушное пространство Российской Федерации, и находясь в квадрате 35-11, принялся совершать петлеобразные маневры, что свидетельствует о патрулировании им зоны, непосредственно примыкающей к архипелагу Новая Земля. В 4 часа 55 минут мною была предпринята попытка связаться с Рогачево для возможной координации действий по пресечению проникновения в наше воздушное пространство. Попытки связаться с Рогачево не принесли результатов. База молчит. На данный момент АВАКС завершает вторую «петлю» и скорее всего, начнет третий заход. Предполагаю, что намечается провокация.

– Понял. Продолжайте наблюдение. Я сейчас подойду, – ответил полковник, сон которого, как рукой сняло.

Через десять минут, круглый, как бильярдный шар пол-

ковник Удалов уже вкатывался на КП.

– Так! Ну, что тут у нас?! – прямо от порога поинтересовался он у начальника дежурной смены.

– АВАКС продолжает кружить в указанном районе, – кратко отчитался Фомин.

– Рогачево все еще молчит? – спросил Удалов больше для проформы, потому, как и так догадывался об ответе.

– Так, точно!

– Попробуйте связаться с самой базой Белушья, – высказал командир дельную мысль.

– Есть, связаться! – козырнул майор и, обернувшись назад отдал приказ одному из операторов связаться с новоземельцами.

Через минуту поступил ответ от оператора:

– База Белушья на запросы не отвечает, ни по основному каналу, ни по резервному. Как отрезало, – добавил он, пожимая плечами.

– Все чудесатее и чудесатие, – процитировал Удалов слова одной известной девочки. – Свяжитесь с командованием 10-й армией (в этой реальности 10-я армия не была расформирована в 90-е годы) и доложите обстановку.

Оператор в отличие от начальника смены не стал козырять, а просто кивнул и опять развернулся к пульту. Буквально через минуту переговоров со своим коллегой, оператор снял с головы гарнитуру и, протянув ее полковнику, коротко произнес, одновременно с этим уступая свое место:

– Вас, товарищ полковник. Начальник штаба армии.

Полковник нацепил на голову гарнитуру связи, усаживаясь в кресло оператора.

– Семен Аркадьевич, что там у вас стряслось? – услышался рокочущий бас генерал-майора Пятницкого.

– Товарищ генерал-майор, тут у нас, кажется, что-то намечается со стороны наших «недрузей» из Залужья, – начал издалека Удалов.

– «Гриб» покоя не дает? – спросил в свой черед генерал.

– Да. Вы его тоже видите?

– Видим. Выписывает кренделя, – подтвердил Пятницкий.

– Так это еще полбеды, Валерий Геннадьевич, – тоже перешел на менее официальный тон полковник.

– А что еще-то? – насторожился Пятницкий.

– Внезапно пропала связь с Рогачево и Белушьей, – поведал Удалов, как о чем-то сокровенном.

– Насчет Рогачева я уже в курсе. Недавно доложили, а вот, что касается Белушьей, то это уже сильно настораживает. Вы не думали, что это как-то связано с выкрутасами «гриба»? – спросил он не слишком уверенным голосом.

Эта неуверенность в голосе начальника штаба армии была вполне понятна Удалову. Ведь если, сейчас произойдет какая-нибудь провокация, то решение придется принимать немедленно, а это значит, что ответственность за него ляжет целиком и полностью на его плечи, потому, как коман-

дующий лежит в госпитале с обострением язвы желудка, а его заместитель не владеет полнотой информации, так как пребывает в столице на совещании. Самому же Пятницкому оставался всего год до выхода на пенсию и ему ох, как не хотелось напоследок карьеры портить свой служебный формуляр отметками о несоответствии занимаемой должности, в случае, если что пойдет не так.

– Вполне вероятно, что это так и есть. Хотя никогда раньше АВАКСы не баловались широкополосным глушением связи в нашем воздушном пространстве, ограничиваясь простым прослушиванием наших радиочастот.

– Все когда-то начинается впервые, – выдал сентенцию Пятницкий. – Раньше они и не убивали, так откровенно наших правителей.

– Вы полагаете, что за этим может стоять, что-то более серьезное, чем нарушение наших коммуникаций? – спросил полковник, рассчитывая на этот раз, что ответ будет более откровенным.

– Да, – без обиняков ответил генерал. – Тем более, что 15 минут назад мы зафиксировали взлет с базы в Тромсе стратегического бомбардировщика В-52. Вы его еще не видите пока, но он держит курс в вашу сторону.

– О, Господи! – вырвалось у полковника нечаянно, но так, что на это с тревогой обратили внимание все, кто сейчас сидел с ним в «птичьем гнезде». – И что вы предприняли?

– Ничего, – спокойным, как ледяной айсберг голосом от-

ветил Пятницкий.

– То есть вы даже не послали звено перехватчиков на его сопровождение? – не стал скрывать своего недоумения Удалов.

– А зачем? – в голосе генерала не было озабоченности, а только лишь искреннее удивление. – Самолет держит курс в сторону открытого моря и на приличном расстоянии от нашего воздушного пространства. Зачем напрасно жечь авиационный керосин, кидаясь ему вдогонку? Да и один самолет не может слишком сильно угрожать нашей северной группировке.

– Но что будет, если он продолжит двигаться по направлению к моей базе, или вдруг изменит курс и направится в сторону Новой Земли? Ведь не напрасно же АВАКС глушит связь в том направлении! – уже начинал закипать полковник от трусости начштаба.

– Если он войдет в зону вашего контроля, то вам и карты в руки. Высылайте на его сопровождение кого хотите. А если он изменит курс, то мы сами решим, что предпринять в таком случае, и без ваших советов Семен Аркадьевич. Пусть у вас голова болит за свой участок.

– Я понял вас, товарищ генерал-майор, – процедил Удалов сквозь сомкнутые от негодования челюсти.

– Вот и отлично, – в тон ему ответил Пятницкий и, не попрощавшись, отключил связь.

Полковник сорвал с себя гарнитуру и швырнул ее на

пульт. Губы его при этом шевелились, извергая из себя еле слышные слова ненормативной лексики. Затем спохватился, и резко откинувшись на спинку кресла, поинтересовался у связиста:

– Запись моего разговора с начальником штаба велась?

– Так, точно! – отрапортовал связист. – В соответствие с приказом Министерства Обороны, все разговоры, ведущиеся с КП средств ПВО, автоматически фиксируются звукозаписывающей аппаратурой.

– Хорошо. Тогда будем считать, что карт-бланш нам выдан начальником штаба армии, – сразу успокоился полковник, уступая место хозяину кресла. – Я думаю, мы не нарушим субординации, если обо всем случившемся доложим прямо в Долгопрудный (центральное командование ПВО находится именно там). Леонид Ильич, – обратился он к начальнику дежурной смены, – не сочтите за труд, подготовьте срочный доклад об оперативной обстановке в нашем районе на имя генерал-лейтенанта Грекова. Они там, конечно, и сами кое-что видят, но подробности происходящего нам было бы не худо им осветить с нашей колокольни, включая и нашу малоприятную беседу с начштаба армии.

– Есть, подготовить! – ответил Фомин.

– А пока свяжите меня с летунами. Кто там у нас дежурит – Бондаренко с Дружининым?

Полноценного аэродрома на Трилистнике не было. Была лишь взлетная полоса, используемая для «подскока», да зве-

но тяжелых перехватчиков МиГ-31БН, дежуривших на ротационной основе. Полковника быстро связали с капитанами – Бондаренко и Дружининым. Они тоже уже не спали, расстроенные поднявшейся суетой. Вместе со своими вторыми пилотами они находились в дежурной комнате, готовые в любой момент начать экипироваться в гермокостюмы.

– Ну, что сынки, – обратился к ним по-отечески Удалов, – опять супостатам не спится, все думают, как и где бы нам еще нагадить!

– На то они и супостаты, – ответил бойкий на язык капитан Дружинин.

– Во-во, и я о том же, – согласно покивал невидимому собеседнику полковник. – Вот, что, ребятки, одевайтесь-ка скоренько, да не мешкая сбегайте в квадрат 35-11. Там «гриб» хулиганить начал, понимаешь, связь нашу глушит с Новой Землей. Шуганите-ка его оттуда, чтоб, значит, знал свое место и не зарывался. Задание ясно?

– Так точно! – бодро откликнулись капитаны в один голос.

– Но это еще не все. Получено сообщение, что из Тромсе 15 минут назад стартовал «амбал» (на сленге наших военных так обозначался бомбардировщик В-52), прямо курсом на нас. Вы там за ним проследите, куда он направится, и что будет делать. Очень уж мне подозрительна вся эта возня возле наших берегов. Все понятно?

– Так, точно! – опять эхом отозвались капитаны.

– Я с руководителем полетов буду находиться все время на

связи, и координировать ваши действия. Ну, с Богом, сынки! – напутствовал он экипажи и отключился.

Процесс облачения в высотные гермокостюмы не занял много времени. Навыки экстренного одевания были отработаны годами изнурительных тренировок. Всего пять минут понадобилось обоим экипажам, чтобы экипироваться и выскочить к уже ожидающим их аэросаням, которые в мгновение ока доставили их к началу взлетной полосы. ВПП Трилистника была устроена по упрощенной схеме – без рулежных стоянок и запасных полос. Просто широкая полоса, рассчитанная на одновременный взлет сразу двух тяжелых перехватчиков, тянущаяся вдаль на полтора километра, постоянно подогреваемая изнутри от парогенератора, чтобы исключить возможность ее обледенения. Современной модификации МиГ-31БМ для взлета и посадки, вполне хватало 1200 метров. Оставшиеся 300 метров полосы являлись, как бы запасом на тот случай, если вдруг придется взлетать с перегрузом или для того, чтобы мог беспрепятственно сесть более тяжелый борт, типа Ил-76, что тоже иногда случалось. Взлетать с перегрузом, а по паспорту им считался вес более 5000 килограмм, летчики опасались, так как в условиях Арктики это грозило банальным выкатыванием за пределы полосы с печальными последствиями, как для самого самолета, так и для его экипажа. Вот и сейчас под брюхом каждого из истребителей в немного утопленном состоянии на узлах внешней подвески висели всего по две ракеты, вместо штатных

четырёх. Этого вполне хватало для сопровождения довольно неуклюжего в полете АВАКСа, к тому же с двумя ракетами – налегке, развить скорость более 3000 километров в час не составляло большого труда. Правда была еще у каждого из них скорострельная пушка ГШ-6-23М с боезапасом в 260 снарядов, но ей практически не пользовались, так как самолет не был изначально приспособлен для ближнего маневренного боя. Его изначальной «фишкой» была «длинная рука» в виде ракеты Р-33, дальность пуска которой составляла приблизительно 180 километров. Но в последние годы и эту, устаревшую, однако хорошо себя зарекомендовавшую ракету заменили. Ей на смену пришла еще более дальнобойная, маневренная и скоростная – Р37М, истинные характеристики которой до сих пор являлись секретными.

Когда оба экипажа подлетели в вихре снега, поднимаемом пропеллерами аэросаней, техники уже ждали их, сняв брезентовые чехлы, укрывавшие грозные машины от непогоды. Все остальное было сделано уже заранее: топливо заправлено, боезапас подвешен, работа закрылков и элеронов – проверена. Расписываться в журнале о принятии машины, как это принято во всех строевых частях перед вылетом, было недосуг, поэтому летчики, пренебрегая положенной по Уставу бюрократией просто махнули рукой техникам и начали быстро-быстро карабкаться по приставленным лесенкам в кабины. Техники моментально убрали приставные лесенки, наблюдая, как фонари кабин медленно опускаются вниз,

наглухо запечатывая в бронекapsулах летчиков. Помахав на прощанье цельноповоротными стабилизаторами, самолеты прямо с места стоянки, включив двигатели в режиме форсажа, начали стремительный и короткий разбег по полосе. Мощные двигатели, казалось, совершенно без натуги рванули обе серебристые птицы ввысь.

Четыре человека – четыре офицера полетели выполнять свой долг перед Родиной, а тем, кто находился сейчас на земле, не оставалось ничего кроме ожидания их благополучного возвращения. Руководитель полетов – майор Гусев не донимал экипажи излишней и навязчивой опекой, вполне доверяя опыту летчиков, а так же стараясь соблюдать до поры до времени режим радиомолчания. Конечно, переговоры между экипажами и станцией наведения ведутся на плавающей частоте, с алгоритмом переключения, известным только им самим, но все же перестраховаться никогда не помешает, поэтому обе стороны не засоряли эфир пустопорожними переговорами. Самолеты летели очень близко друг к другу для того, чтобы на экранах вражеских радаров, расположенных в чреве «гриба» их сигнатуры сливались, создавая иллюзию одиночного самолета. Через пятнадцать минут один из экипажей вышел на связь и лаконично доложил:

– Гнездо, докладывает Первый! Видим цель. Дальность 190. Засветка на экране уверенная.

– Первый, я – Гнездо! Вас понял. Подберитесь к нему поближе.

– Принял.

Еще через пять минут последовал следующий доклад:

– Гнездо, докладывает Первый. Установили визуальный контакт с целью.

– Первый, я – Гнездо. Берете его в клещи.

– Первый, принял.

Прошла минута тягостного ожидания, прежде чем опять в диспетчерской станции наведения раздался доклад:

– Гнездо, я – Первый. Противник с боковой проекции ставит интенсивные радиопомехи. Курс не меняет, двигаясь вдоль архипелага.

– Первый, я – Гнездо, пошлите ему запрос по протоколу.

Опять тридцатисекундное молчание и ответ:

– Гнездо, я – Первый. Запрос о принадлежности отправлен. На запрос не отвечает. Курс – прежний.

– Первый, я – Гнездо, выйдите с ним на связь на международной частоте и предупредите о недопустимости постановки активных помех, нарушающих связь между территориями Российской Федерации.

– Гнездо, я – Первый, принял распоряжение о выходе на международную частоту связи для предупреждения.

Летчик, неплохо владевший английским языком, откашлялся, для придания большей солидности своему голосу и выдал в эфир на международной частоте:

– Attention of the crew of the aircraft with the tail number 80576! Your setting of active interference violates the

sovereignty of the Russian Federation! Immediately stop illegal actions! (Внимание экипажа самолета с бортовым номером 80576! Постановка вами активных помех нарушает суверенитет Российской Федерации! Немедленно прекратите противоправные действия!).

Он еще два раза повторил эти фразы, внимательно прислушиваясь, не раздастся ли ответ от воздушного хулигана. Но все его усилия донести информацию до противника, никаких видимых последствий не имели. АВАКС, как шел прежним курсом, так и продолжал им идти, неторопливо выполняя петли на разворотах. Командир МиГа выждал еще минуту, а потом доложил:

– Гнездо, я – Первый, самолет с бортовым номером 80576 на голосовые предупреждения никак не отреагировал и следует прежним курсом, продолжая ставить активные помехи.

– Первый, я – Гнездо, вас понял. Продолжайте сопровождать самолет. Ждите дальнейших указаний.

– Гнездо, я – Первый, вас понял.

– Ну и что прикажете с ним делать? – обратился Удалов ко всем, кто сейчас находился на станции наведения.

– Тут к бабке не ходи, и так все понятно, что он болтается там не ради банального хулиганства, – глубокомысленно выразился руководитель полетов.

– Это не вызывает сомнений, но, что делать в такой ситуации? – нервно перебил его полковник.

– Может шугануть, как-нибудь? – робко вставил один из

офицеров.

– Как?! Предложите конкретный план действий! – обернулся на голос Семен Аркадьевич.

– Ну... не знаю, – сразу стушевался инициатор, – может встать у него по носу и спутным следом попробовать заставить сменить курс.

– Не говорите ерунды, старший лейтенант! – окрысился на него руководитель полетов. – «Гриб» тащится со скоростью чуть выше пятисот километров, а это значит, что нашему тоже придется сбрасывать свою скорость. На такой высоте он не сможет удержаться и свалится в штопор. Им и так приходится кувыркаться возле него, чтобы не обогнать ненароком.

– Тогда, может вы сами, что-нибудь предложите? – поглядел на него полковник.

– Тут я вижу только один вариант..., – начал высказывать мысль майор Гусев и запнулся.

– Не тяните кота за Фаберже, Федор Яковлевич, – поморщился Удалов.

– Пусть он даст короткую очередь по курсу следования, чтобы противник не сомневался насчет серьезности наших намерений, – ответил руководитель полетов.

– У нас нет правовых оснований устраивать подобные провокации в небе над нейтральными водами, – возразил кто-то робко. – К тому же на это действие надо еще получить санкцию.

Удалов даже не стал интересоваться, кому из его подчи-

ненных принадлежит это высказывание. Однако оставлять без ответа подобные высказывания тоже не годилось. Он опять сморщился, как от зубной боли и ответил в пространство:

– А на каких основаниях он глушит связь на нашей территории?! Что же до санкций, то они у нас уже имеются и зафиксированы речевым самописцем, – кивнул он в сторону давешнего связиста, опять надевшего свою гарнитуру и погрузившегося в прослушивание эфирных частот.

– Так что делать? Время-то идет. Надо принимать какое-то решение, пока у них керосин есть, – вскинулся Федор Яковлевич.

– Да, – разом подобрался полковник. – Я принимаю ваше предложение. Командуйте дать очередь по курсу вражеского самолета.

– Есть! – отчеканил майор.

– Была, не была, а там посмотрим, куда вывезет, – тихо под нос пробормотал Семен Аркадьевич.

– Первый, я – Гнездо, слушай мою команду!

– Гнездо, я – Первый, слушаю вас.

– Первый, я – Гнездо, приказываю открыть предупредительный пушечный огонь по курсу самолета под номером 80576.

– Гнездо, я – Первый, есть открыть предупредительный пушечный огонь по курсу самолета под номером 80576.

Все с напряжением ждали разворота дальнейших собы-

тий. И тут через пятнадцать секунд по громкой связи ворвался загроможденный крик Второго, до их пор пребывавшего в режиме радиомолчания:

– Гнездо, я – Второй, АВАКС открыл по Первому огонь из кормовых пушек на поражение! Первый горит! Я иду в набор!

Не успел руководитель полетов хоть что-то ответить, как на связь вышел Первый.

– Гнездо, я – Первый, после предупредительных выстрелов подвергся атаке со стороны кормовой пушки «гриба». Уничтожено хвостовое оперение и элероны. Пробит магистральный маслопровод. Машина не слушается руля. Теряем высоту, – спокойно и почти без эмоций сообщил капитан Бондаренко.

– Первый, вы не ранены?! – выкрикнул Федор Яковлевич, в возбуждении вскочивший со своего кресла.

– А Кобелев?!

– Вроде нет, – ответил штурман-оператор, старший лейтенант Кобелев молчавший до этого в соответствии с субординацией.

– Если нет угрозы немедленного возгорания, то попробуйте тянуть до берега. Постепенно опускайтесь на приемлемую высоту и катапультируйтесь!

– Принял, – коротко бросил Бондаренко.

Пока руководитель полетов вел переговоры с экипажем подбитой машины, Удалов уже связывался с Полярным, что-

бы те немедленно подняли гидросамолет со спасателями. Если самолет взлетит немедленно, а он должен непременно взлететь, так как его экипаж находится в режиме постоянной готовности к вылету, то у Бондаренко с Кобелевым еще есть небольшие шансы на спасение. Баренцево море, хоть и холодное, но сезон осенних штормов еще не наступил, поэтому, если после катапультирования приводнение пройдет благополучно, то спасательный Бе-12 за час доберется до них, пока они не погибнут от переохлаждения в своих утлых надувных лодочках, входящих в комплект спасательных средств. Одна беда... В эти лодочки им еще надо будет как-то забраться...

В отличие он начштаба армии, руководство спасательной службой оперативно отреагировало на сообщение о случившемся ЧП и немедленно подняло в воздух борт со спасателями. Взбешенный наглым нападением американцев, Удалов, как только уладил дела со спасателями, ринулся к руководителю полетов:

– Что там, Второй?

– Занял эшелон выше – в «мертвой зоне», чтобы не попасть под огонь. Ждет указаний, – ответил дрожащим от гнева голосом Федор Яковлевич.

Он чувствовал свою прямую ответственность за то, что приключилось с экипажем Бондаренко.

– Каких еще на хрен указаний?! – окончательно рассвирепел полковник. – Валить его, гада!

– Это приказ? – вскинул на него чуть испуганные глаза руководитель полетов.

– Дай сюда микрофон! – потребовал Удалов, буквально вырывая его из рук руководителя полетов.

Офицеры базы, собравшиеся в «ласточкином гнезде» (так называется диспетчерская вышка с пунктом управления полетами) стояли в немом оцепенении, наблюдая за событиями, разворачивающимися у них прямо на глазах. У некоторых из них на лицах явно читалось, если и не предчувствие Третьей Мировой войны, то, во всяком случае, крупного военного инцидента с далеко идущими последствиями.

– Второй, я – Гнездо, как слышишь?!

– Гнездо, я – Второй, слышу вас хорошо.

– Второй, слушай мою команду! Открыть огонь на поражение цели!

– Гнездо, я – Второй! Не понял. Повторите приказ.

– Ты мне тут не прикидывайся! Я сказал – открыть пушечный огонь на поражение! – уже рыча в микрофон, потребовал Удалов.

После короткого замешательства (все-таки решиться на такое не каждый отважится), Дружинин ответил:

– Гнездо, я – Второй, выполняю приказ об открытии огня на поражение цели.

– Давай, сынок! – подбодрил его Удалов, тело которого была сейчас крупная дрожь.

МиГ сделал вираж и, зайдя к АВАКСу с той стороны,

откуда генерации помех не ощущалось, приблизился почти вплотную, а затем немного отпустил его вперед себя. Такие сложные маневры вокруг «гриба» обуславливались тем, что летчик, наученный прежним горьким опытом, старался не подставляться под кормовые скорострельные пушки, угол поворота которых был весьма ограничен. К тому же он, в отличие от противника, не мог долго удерживать свою скорость возле нижнего порога, чтобы не провалиться в разреженном пространстве больших высот. Когда вражеский борт начал медленно проплывать мимо перехватчика, капитан Дружинин посмотрел в зеркало заднего вида и по внутренней связи сказал коротко:

– Давай, Вася!

Вася ничего не ответил, а лишь кивнул командиру. После чего вдавил гашетку автоматической скорострельной пушки до упора. Грохот от выстрелов был бы абсолютно нетерпимым, если бы не гермошлемы пилотов. Отдача от выстрелов была настолько мощной, что казалось, кто-то большой и невидимый подошел и толкнул в плечо со всего размаха. Длинная очередь на все 260 снарядов боекомплекта за считанные доли секунды превратила «Боинг» в решето. Она прошила самолет от пилотской кабины до кормы, превращая в мелкую сечку всех, кто находился на борту. Гигантский самолет, моментально вспыхнув ярким пламенем (видимо часть снарядов попали в бак с горючим), потерял управление и, накренившись на бок, стал беспорядочно рушиться

в холодные воды Баренцева моря. Пилот русского самолета тоже слегка накренил свой самолет, чтобы пронаблюдать за неряшливым падением врага. Даже человеку далекому от специфики воздушного боя было понятно, что, если после поражения самолета, там и оставался кто-то живой, то это было всего лишь на несколько секунд. Полная разгерметизация воздушного судна на такой высоте, за несколько мгновений разорвет в клочья легкие у всех членов экипажа, кроме пилотов. А пилоты, даже если на них и будут кислородные маски, погибнут чуть позже, не справившись с притоком крови к голове, сопровождаемым отрицательные перегрузки.

– Это вам за Витю с Андрюхой, – произнес Дружинин почти без выражения.

На экране локатора это выглядело не столь зрелищно. Яркую зеленую отметку от вражеского самолета на миг окружило множество мелких вспыхивающих точек, а затем она стала стремительно перемещаться в угол экрана и, наконец, совсем пропала из видимости. Но даже это на первый взгляд совсем не зрелищное представление вызвало бурю положительных эмоций у полковника Удалова.

– Так их, мать твою за ногу! – процедил он с ноткой злой торжественности в микрофон, который все еще стискивал в руке, будто это не средство связи, а рукоять управления по тангажу и крену.

– Гнездо, я – Второй, задание выполнил, цель уничтоже-

на, – раздался по-прежнему бесстрастный голос капитана Дружинина.

– Молодец, Володя! – нарушил правила переговоров с экипажем Удалов. – От лица командования объявляю вам благодарность!

– Служим России! – одновременно отозвались оба летчика.

– Второй, я – Гнездо, примите новую вводную. По азимуту 330° движется «амбал», вы его наблюдаете?

– Так точно, – ответил штурман-оператор Терехин. – Находится у нас прямо по курсу. Дальность – сто восемьдесят, высота – семь тысяч.

– Второй, я – Гнездо, возьмите его на сопровождение, но близко не подходите. Как понял?

– Гнездо, я – Второй, приказ о сопровождении принял.

– Володь, – обратился старший лейтенант Терехин к своему командиру по внутренней связи, – а нам теперь, что, дырку сверлить на мундире?

– Дырка у нас с тобой в любом случае будет, вот только не знаю пока, где именно, – горько усмехнулся Дружинин своей невеселой шутке.

В «ласточкином гнезде» проходил тоже подобный диалог. Кто-то из стоящих за спиной у полковника офицеров, горестно вздохнув, пробормотал:

– Что же теперь будет? Война?

– Что будет, то и будет! – не оборачиваясь на голос, громко

ответил Удалов. – В любом случае, мы в своем праве! На нас было совершено неспровоцированное нападение. Мы на него ответили, вполне адекватно. И так будет впредь, пока я руковожу этой базой! Время реверансов прошло.

Он, может быть, сказал еще, что-нибудь в этом роде, так как вообще любил на досуге порассуждать на подобные темы, но его перебил озабоченный голос связиста:

– Товарищ полковник, связь с СПРН в Белушьей восстановлена! Передают, что в окрестностях базы идет интенсивный бой. Слышны выстрелы и взрывы. Сама станция тоже подверглась нападению. Они предполагают, что выброшен десант для уничтожения базы и станции.

Отрывистые предложения связиста, передающего окружающим последнюю сводку от молчавших доселе соседей, произвели на всех впечатление выплеснутого на голову ковша холодной воды. Эта сенсационная новость оказала двойное и разнонаправленное воздействие. С одной стороны, она привела в ступор от неслыханной наглости Штатов, второй раз, за два с месяца, безнаказанно проводивших на нашей территории теракты. А с другой стороны она внесла некоторое облегчение, так как снимала тяжкий груз ответственности за уничтожение в нейтральном воздушном пространстве самолета-разведчика, который, теперь это было абсолютно ясно, прикрывал своими помехами высадку вражеского десанта. Лицо Удалова, до этого хмурое, как грозовая туча, просветлело, и в его глазах загорелся азарт воина увидевше-

го спину противника. Он опять хотел выразить какую-нибудь подходящую к условиям умную мысль, но неожиданно его лицо исказила нервная гримаса. Страшная догадка пришла ему в голову:

– Черт возьми! – выругался он и привстал с кресла. – А ведь я понял, зачем они подняли «амбала» в воздух.

– Зачем? Зачем? – загомонили вокруг голоса.

– Балбесы! Вы разве не понимаете, что в его задачу входит уничтожение всех последствий десантирования в Белушью?! – грубо выразился в адрес подчиненных Удалов, который до сего момента избегал применения неуставной лексики в общении с сослуживцами.

– То есть, как уничтожение последствий? – не понял майор Чаплин – заместитель по воспитательной части, которому, в общем-то, нечего было здесь делать.

– А вот так! – лающим голосом ответил полковник глупому заму. – Лучшее средство для заметания всех следов – ядерный заряд килотонн этак в двадцать!

– Но позвольте..., – начал гундосить «политрук» из породы «общечеловеков», но командир не стал даже выслушивать бредятину, которую Чаплин готовился произнести, а потому оборвал его на полуслове.

– Еще неизвестно, что у него в брюхе там! Если он сейчас сделает поворот в сторону Новой Земли, произнес полковник помертвевшими губами и тоже не договорил свою мысль, так как его перебил очередной доклад оператора

станции.

– Товарищ полковник, бомбардировщик изменил курс на 300°, – доложил он.

– Вот тебе бабушка и Юрьев день, – пробормотал руководитель полетов. – Лег на боевой, стало быть, сейчас выпустит дуру.

– Они там спят в Полярном, что ли?! – взвился до небес Удалов.

– Даже, если и не спят, то, что толку? Они все равно до него не достанут, – пояснил кто-то из офицеров, внимательно следивших за экраном радара.

– Дайте мне Рогачево! – потребовал он у связиста. – Связь наверняка восстановилась и с ними.

– Связь с Рогачево, – протянул полковнику гарнитуру связист.

– Соболь, я – Гнездо, как слышите?!

– Гнездо, я – Соболь, слышимость в пределах нормы, – ответил неведомый собеседник Удалова.

– «Амбала» наблюдаете?

– Да, он только что изменил курс. Идет прямо на нас.

– Вы понимаете, чем это вам грозит после всего того, что сейчас происходит? – спросил полковник.

– Понимаем, но что мы сможем сделать? Он движется вне зоны нашего поражения, – резонно засомневалось Рогачево.

– Не об этом речь! Я и так вижу, что вы до него не достанете, – досадливо поморщился Удалов. – Вы понимаете, что

он готовится к выпуску ракеты в ядерном исполнении?! А возможно даже и не одной.

– Возможность такую не исключаем, – растерянно замешкался собеседник (скорее всего командир дивизиона, но слышимость все же не позволяла точно идентифицировать его голос).

– Вы в состоянии отразить массированную атаку крылатыми ракетами? – напирал Удалов, лихорадочно поглядывая то на часы, то на экран радара.

– Попробуем, – опять замямлило Рогачево, – если, конечно, ракеты не пойдут ниже предельной отметки видимости.

Всевысотный обнаружитель серии 96Л6 позволял уверенно захватывать цели, если они двигались на высоте не ниже 10 метров от поверхности. Современные версии «Томагавков» позволяли им летать на высоте около восьми метров над уровнем моря, по крайней мере, об этом утверждали рекламные буклеты корпорации «Дженерал Дайнемикс». И Удалов, и тот, кто с ним сейчас беседовал, прекрасно понимали без лишних слов, о чем не договаривают. Их беседу опять прервал гортанный крик оператора:

– Товарищ полковник, цель раздвоилась.

И тут же поступил доклад от Дружинина:

– Гнездо, я – Второй, цель раздвоилась. Предположительно – выпустил ракету.

Полковник вновь схватился за микрофон, опять беря инициативу по руководству боем на себя. Впрочем, хитроумный

во всех отношениях Федор Яковлевич, не делал каких либо попыток помешать этому.

– Второй, доложите о дистанции до цели, выпустившей ракету.

Он, в общем-то, и без доклада видел на радаре, что соперников разделяет чуть больше 80-ти километров, просто ему сейчас, как глоток воздуха были нужны секунды для принятия окончательного решения. Ведь в отличие от АВАК-Са, прямо замешанного в нападении на территорию России, В-52, прямо в этом деле не был пока замешен, если не считать этого выпуска ракеты, которая могла запросто оказаться обычным муляжом.

– Гнездо, я – Второй, дистанция до цели – 90.

– Володя! – почти переходя на шепот, обратился к нему полковник, обливаясь холодным потом и опять пренебрегая правилами общения в эфире. – Ты можешь сбить ее одной ракетой?

На этот раз ему ответил не Дружинин, а старший лейтенант Терехин:

– Цель имеет отчетливую сигнатуру. Скорость не превышает 290 метров. Мы бы ее достали даже вдогон. А на пересекающихся курсах, тем более.

– Второй, ты понимаешь, что это за ракета и куда она летит? – с нервным придыханием спросил полковник, которого опять начала бить дрожь.

– Догадываюсь, – не стал витийствовать капитан.

– Тогда чего ждешь?! – заорал Удалов. – Вали ее, Володя! Вали!

– Есть, уничтожить цель, – ответил Второй.

Не дожидаясь приказа командира, Терёхин нажал на кнопку сброса ракеты. Из-под фюзеляжа МиГа вынырнула крупная серебристая рыбина ракеты и, оставляя за собой пушистый хвост инверсионного следа, устремилась к назначенной цели. Выпущенная ракета с огромной скоростью пожирала пространство, отделяющее ее от «томагавка». Расстояние между ними быстро сокращалось. Однако ретивый полковник, мучимый страшными предположениями о том, что В-52, в принципе может нести в своем чреве еще 11 ее сестер, начиненных неизвестно какой дрянью, решил не ограничиваться уничтожением одной вражеской ракеты.

– Володя, – продолжал «ковать, пока горячо» Удалов, – не мне тебя учить, ты сам все прекрасно понимаешь. У «амбала» таких гостинцев может быть еще с десятков. Он в любую секунду может продублировать атаку, а рогачевцы могут их не увидеть. Только тебе с высоты их хорошо видно.

– Но у меня только одна ракета осталась, – вставил Дружинин, уже догадываясь, что хочет от него полковник.

– Наша ракета включила головку самонаведения, – констатировал Терёхин, невольно вмешиваясь в разговор. – Цель захвачена. Цели на бортовом радаре слились. Есть попадание. Отметка от цели пропала.

Последнее предложение означало, что цель уничтожена.

Это видели не только пилоты МиГа, но и сидящие в «ласточкинском гнезде» операторы станции слежения, также, не уместив об этом сообщить Удалову, который их сейчас не больно-то и слушал.

– Я знаю, Володя, – продолжал уже уставшим отеческим голосом Удалов, – что у вас есть всего одна попытка...

– Две, – перебил его Дружинин. – Вторая – это пойти на таран.

– Да, – не стал с ним спорить командир базы. – Но сначала используй первую. И не мешкая.

– Вас понял. Приказ уничтожить цель принял.

– Ну, с Богом, сынки! – опять не стал разводить лишний пацифизм Удалов.

– Давай, Вася! – выдал сакраментальную фразу капитан своему штурману-оператору.

Тот, уже заранее предчувствуя, чем закончится задушевная беседа с полковником, успел заложить программу полета в оставшуюся ракету. Еще мгновение и эта ракета выскользнула из подбрюшья перехватчика, устремляясь по кратчайшему пути к цели. Неизвестно, что почувствовал сидящий за штурвалом В-52 пилот, в роли которого выступал сейчас сам Командующий Глобальным ударным командованием – генерал Тимоти Рэй, когда увидел на экране бортового радара стремительно несущуюся навстречу отметку от русской ракеты. Во всяком случае, он попытался сманеврировать тяжелой и неповоротливой тушей восьмимоторного гиганта. Мо-

жет, вспомнил свой старый дом во Флориде, где родился он сам и где родились его дети. А может ничего и не вспомнил, налегая всем телом на штурвал и пытаясь в безуспешной своей попытке увернуться от смерти, летящей к нему со скоростью в 3,5 Маха. Ракета была всего одна у русских. И попытка уничтожить врага, пришедшего на их землю с целью поголовного истребления этих самых русских, тоже была одна. Но заокеанскому бомбардировщику хватило и одной ракеты, попавшей точно в середину корпуса. Ей даже не было нужды взрываться. Её кинетической энергии хватило, чтобы просто проломить борт великана. Самолет тут же разломился пополам, как кукурузный початок – с треском. Запоздавший взрыв ее заряда разметал обе половинки самолета на большое расстояние друг от друга. И они, беспорядочно кувыряясь, еще долгие пять минут падали к поверхности моря.

Полковник устало опустил на кресло и свесил руки. Ему еще что-то докладывали, о чем-то просили, но он смотрел на всех отсутствующим и потухшим взглядом, кажется, даже не воспринимая образовавшуюся суету вокруг. Вменяемо отреагировал он только на одно сообщение, когда связист доложил о фиксации спасательным самолетом в четырехстах километрах от берега двух радиобуев, посылавших в эфир сигналы «sos». Но и на это сообщение, он только покивал головой. Правда, тут же появилось еще одно сообщение, на которое он не мог не ответить, хоть каким-то образом. К

нему сзади подошел все тот же связист и, протягивая гарнитуру связи, тихим и даже несколько робким голосом доложил, что с ним желает говорить начальник штаба армии.

– Слушаю, – произнес Удалов в микрофон.

Из гарнитуры тут же раздались какие-то непонятные звуки, нечто вроде хрипов и скрипа тормозов, перемежающихся невнятным набором гласных междометий. И лишь спустя какое-то время из этой какофонии полковник с трудом смог вычленить знакомые с юности матерные слова вперемежку с поросячьим визжанием:

– Удалов, е...ь твою мать, ё...й самозванец! Сучий потрох! Слышишь? Я тебя лично перед строем расстреляю! Но сначала, х...й моржовый, сорву с тебя погоны и подотрусь ими! Ты хоть понимаешь, ё...я тварь, что развязал Третью Мировую?

– Пятницкий, иди в жопу, – не повышая голоса в ответ произнес Удалов и, не слушая дальнейших воплей начальства, молча вернул гарнитуру дрожащему, как осенний лист связисту.

Глава 52

I.

**07.09.2020г., Россия, арх. Новая Земля, военная база
Белушья.**

Когда наверху началась вся эта заварушка, Вострецов с Боголюбовым крепко спали в одном из помещений, примыкавшим к Командно-Наблюдательному Пункту. Алексей Сергеевич, как хозяин и как более молодой уступил место на диване академику, устроившись на матрасе, принесенном одним из охранников. Вчера они допоздна засиделись, обсуждая общие дела и дальнейшие перспективы. В беседе принимал участие Иванов (куда уж теперь без него?) и один из замов Боголюбова по технической части проекта. Вострецов, в присущей ему манере изложения фактического материала, как всегда, превратил дружескую беседу в лекторий передовиков колхозного производства. Все уже давно привыкли к этой его манере общения, поэтому, надев на свои лица благообразное выражение, пополам с восхищением они подобострастно внимали его речам, кивая в такт головой. Впрочем, к справедливости следует отметить, что его лекции всегда обладали не только информативностью, поданной в удобоваримой для всех форме, но еще и носили красочный, а потому и завораживающий характер. Владимир Всеволодович, как лицо «особо приближенное к телу» академика и так был в курсе всего того, чем, когда и как занимался Вострецов на просторах нашей необъятной Родины, поэтому слушал рассказ Игоря Николаевича вполуха, однако, ничем этого не выдавая. А всем остальным было крайне интересно прослушать сагу о его приключениях (злключениях), в деле налаживания производства космического варианта бази-

рования протонного ускорителя. А дело, которое он пытался все эти два месяца повернуть, носило поистине титанический характер.

Неизвестно, как бы все это у него получилось, не имей он в кармане грозной бумаги от Самого, с предписанием всем и каждому оказывать содействие академику в любой его просьбе. Это была бумага почище той, что когда-то выдал кардинал Ришелье миледи Винтер (если, конечно, Дюма не врет). Но там была просто бумага за подписью Его Высокопреосвященства и всё, а у Вострецова дополнением к ней была еще и маячившая за его спиной фигура Иванова, который в критические минуты никогда не гнушался демонстративно прикладывать руку к кобуре с пистолетом, которую нарочно надевал поверх генеральского кителя. У всех к кому Вострецов обращался с той или иной просьбой после этого жеста навсегда пропадала охота спорить с академиком и уж тем более отказывать ему в чем либо. Возможность открывать любые двери, буквально, ногой, окрылила и придала новых сил уже старому ученому. Порой, казалось, что он заново обрел вторую молодость. И без того неугомный, как скачущий кузнечик, он стал еще подвижней, посещая порой до пяти-шести учреждений и производств только за один рабочий день. Даже Иванов, который был гораздо младше его по возрасту, к вечеру валился с ног от усталости, а Игорь Николаевич еще находил в себе силы, чтобы ходя из угла в угол какого-нибудь гостиничного номера

громко рассуждать о перспективах научного прогресса и его прикладном применении в народном хозяйстве. На словосочетании «народное хозяйство» он делал особый акцент, тем самым напрочь не признавая капиталистическую, по сути, форму правления в России. Старику было лестно ощущать себя неким продолжателем идей Сергея Павловича Королева, который в свое время сосредоточил в своих руках работу сразу нескольких научных и производственных объединений. И все-таки, несмотря на неограниченный административный и финансовый ресурс сосредоточенный сейчас в его старческих руках, он прекрасно осознавал, что в отличие от Королева ему совершить научный и производственный рывок будет несравненно тяжелее, чем тому. Королеву было проще в том плане, что в его времена, вся научная и производственная база государства находилась в работоспособном состоянии, хоть и была на более низком культурном уровне, чем сейчас. Вострецову же, в свои преклонные, в отличие от Королева, года, пришлось заново создавать научные, технические и производственные цепочки. За тридцать с лишним лет невнимания властей к целым отраслям народного хозяйства, связанным с ВПК, эти цепочки не только оборвались, но и существенным образом деградировали сами научные и производственные направления. Многие заводы были просто разрушены и разграблены. Научные достижения прошлых лет, в лучшем случае, пришли в упадок и забвение, вместе с людьми, отошедшими от дел вследствие возрастных

и иных причин. А в худшем случае, многое из того, что могли делать только в Советском Союзе, было банальным образом украдено и перепродано на Запад. Поэтому неправы те, кто без зазрения совести с экранов телевизоров вещает о том, что в СССР де ничего не производилось, кроме калаш. Эта сентенция особо возмущала академика:

– Такое можно услышать только из уст малознающего и презирающего свой народ человека. Все у нас было! Мы были, если и не абсолютно самодостаточным государством, то, во всяком случае, менее зависимым от прихотей западных правителей в подавляющем большинстве производственных компетенций. А кое в чем коллективный Запад до сих пор не в силах с нами конкурировать, по крайней мере, честным образом, – не раз говаривал он Иванову, засыпающему под размеренное вышагивание академика из угла в угол.

И вот теперь ему приходилось собирать из осколков прежнего научного и промышленного могущества нечто, о чем молодое поколение любителей «сникерсов» не имело никакого понятия. А ведь всем известно, что собирать рассыпанное гораздо труднее, чем создавать новое и с чистого листа. Вот только времени на создание нового у Вострецова не было. Он чувствовал, что его жизненный предел не за горами, поэтому торопился сам и торопил всех тех, с кем был связан. Нет, «светлые» головы были и сейчас. К слову сказать, покойный президент, пытался даже в стесненных условиях вынужденного сожительства со «старой гвардией» привер-

женцев «Семьи», сохранить научный потенциал и возвращение на его ниве молодых талантов. Но его действия в этом плане не носили систематического характера, а потому молодые кадры как-то пробивались со своими идеями не столько благодаря, сколько вопреки внутригосударственным обстоятельствам. Да и некоторые учреждения, несмотря ни на что, все же умудрились как-то сохранить свой потенциал от полного уничтожения, путем подрядных работ от непрофильных заказчиков.

Так или иначе, но по стопам Королева ему все же, в какой-то мере, пришлось идти, чтобы заново не изобретать велосипед. И первым его шагом на этом пути было создание и юридическое оформление совершенно нового научно-производственного объединения (термин, слегка подзабытый в условиях рыночной экономики, где каждый сам по себе). Название для него он придумал прямо на ходу – НПО «Созвездие». Конечно, претенциозно и не без пафоса, ну да уж ладно. Поначалу в новом НПО числилось всего три человека – он сам, в должности Генерального директора, вечно находящийся рядом Иванов, в качестве полпреда от МО и старуха-бухгалтер, его старая сослуживица еще по прежней работе в «Атомстрое». Но такое положение, учитывая неумный характер академика, длилось не больше одного дня. Уже на следующее утро после оформления регистрационных бумаг, а они чудесным образом прошли стадию оформления всего за пару дней, Вострецов приступил к активной деятельности

по поиску и приманиванию в новое объединение необходимых научных и производственных учреждений, в свое время безжалостно отпущенных в свободное плавание по волнам рыночной экономики. Прежде всего, необходимо было найти научно и производственный «стержень», к которому бы потом крепились все новые и новые вовлеченные в дело учреждения и предприятия.

Именно на такое «стержневое» учреждение и сделал свою основную ставку умудренный жизненным опытом академик. А учреждение носило ничем не примечательное название – НПО «Астрофизика». Это научно-производственное объединение – одно из немногих, что не только сохранило свои прежние кадры, но и сумело взрастить новое поколение талантливой молодежи, готовой в любое время броситься очертя голову в водоворот абсолютно новых для них направлений в прикладной физике. Но не только поэтому у Вострцова пал выбор именно на это НПО. Еще до развала Союза и даже какое-то время после, оно занималось разработкой и изготовлением спутниковых группировок не только для дистанционного зондирования поверхности Земли, но и для их применения в боевых действиях против таких же спутников, только вражеских. У специалистов в этой области до сих пор были на слуху целые серии таких космических аппаратов под общим неброским наименованием «ИС-М» и «ИС-МУ», отлично проявившими свои качества в так называемой «семичасовой войне». Потом, конечно, после всех «пе-

рестроек» и возникновения рыночных отношений, где вопросы фундаментальных исследований никого не интересовали, а главный заказчик – МО само пребывало в плачевном состоянии, о космосе слегка подзабыли. Вернее даже не подзабыли, а просто положили все перспективные проекты под «сукно». Но главное – не продали врагам, а это уже кое-чего стоило. Вострецов трезво все просчитал, когда решил обратить свой взор на «астрофизиков». Во-первых, они, как никто знали и умели адаптировать для работы в космосе любую аппаратуру. Во-вторых, они хорошо себе представляли специфику изготовления аппаратов, которые им предлагал начать строить Игорь Николаевич, так как они уже принимали, в свое время, участие в создании екатеринбургского циклотрона. Правда, он предназначался, отнюдь не для военных целей, а скорее наоборот, однако некоторые общие принципы его работы были схожи с ускорителем на обратной волне. Двадцать лет назад они с Боголюбовым чуть ли не на коленке и почти из подручных материалов смогли создать действующий прототип установки. Так неужели же целое производственное объединение не сможет этого сделать сейчас, к тому же при неограниченных материальных и финансовых ресурсах? А в-третьих, сейчас, это НПО не страдало от обилия заказов, мягко скажем. Поэтому руководство НПО, не колеблясь ни минуты, приняло предложение Вострецова о начале работ по изготовлению установки, приспособленной для работы в открытом космосе. Само изготов-

ление ускорителя не представлялось чем-то из ряда вон выходящим по сложности. Главная сложность заключалась в его адаптации к условиям открытого космоса. Ведь никто не мог представить, как он поведет себя в экстремальных космических условиях до тех пор, пока не пройдут испытания, сначала макета, а затем и натурального образца. Производственные мощности «Астрофизики» (с учетом бесперебойного финансирования) позволяли без труда создать не только макет с натурным образцом, но и поставить изготовление серийных установок в необходимом количестве на поток. Разумеется, кроме изготовления самой установки нужно было ее снабдить и соответствующей телеметрической аппаратурой, системой прицеливания, стабилизации и прочими сопутствующими элементами. С этим вопросом Вострецов решил обратиться к своим давним знакомым и партнерам в АО «НИИ «Платан», что находилось во Фрязино. Он хорошо знал, как прошлое, так и нынешнее руководство фирмы и всегда умел находить с ним общий язык. В обеспечении электронными устройствами различного назначения, а так же передовыми кинескопами, служащими для телеметрии этой фирме, на просторах бывшего СССР, пожалуй, не было равных. «Платан», так же как и «Астрофизика» переживал не лучшие свои времена, но тоже сумел сохранить и школу и кадры. И у Вострецова уже заранее сложилось впечатление, что фрязинцы не откажутся войти в новое суперобъединение, которое при обещанном неограниченном

финансировании обещало стать научно-производственным флагманом для создания не только военно-промышленного гиганта, выпускающего продукцию, опрокидывающую все прежние представления о современном оружии, но и вообще, для создания экономики совершенно нового уклада.

Но все-таки главной его заботой на данный момент времени были носители. Старенькие «Союзы» и «Протоны», хоть и славились своей надежностью, но для этой роли не годились из-за ограничений по грузоподъемности и габаритам. Предполагаемый вес установки, даже без учета сопутствующей аппаратуры, составлял около 20-ти тонн. ГКНПЦ, ранее носивший наименование НПО имени Хруничева, в настоящий момент был единственным предприятием, которое занималось линейкой тяжелых и сверхтяжелых ракетоносителей, под общим названием «Ангара». Однако перспективы этого нового носителя были весьма туманны. А с учетом того, что в проект тяжелого носителя «Ангара-5» сумел засунуть свой клювик небезызвестный «краснобай и балагур» по фамилии Рогожин, уже успевший отличиться феноменальной некомпетентностью при строительстве космодрома «Восточный», то ее перспективы и вовсе становились призрачными. Оставался только один выход – обратиться в РКК «Энергия», которая сейчас специализировалась на выпуске тоже надежного, но и уже устаревшего космического грузовика «Прогресс», а в былые годы прогремевшая на весь мир запуском одноименного сверхтяжелого носителя, поднявше-

го на орбиту знаменитый «Буран». Ни для кого не было секретом, что работы по «Прогрессам» вскорости должны будут завершиться, так как подходила к своему завершению программа МКС – основной заказчик космических грузовиков. Поэтому дальнейшее существование РКК «Энергия» многим специалистам в космической отрасли виделось довольно безрадостным. К тому же в области оказания услуг по доставке грузов на орбиту иностранными заказчиками корпорацию резко подвинул в сторону ловкий проходимец Илон Маск со своей многоразовой ракетой. Да и санкции объявленные западным сообществом сыграли негативную роль в деле резкого сокращения заказов на перевозки. «Энергии» нужен был прорыв, чтобы не кануть в небытие. И этот прорыв ей мог дать только он – сухонький и юркий, как кузнечик академик Вострецов, реанимируя программу по строительству сверхтяжелого носителя, который мог запросто закинуть на орбиту полезную нагрузку весом более 150-ти тонн. При соответствующей компоновке она могла бы сразу вывести на орбиту четыре ускорителя. А так как по самым скромным расчетам, для надежного прикрытия страны требовалось не менее шести таких ускорителей в строю и плюс к ним, в качестве резерва, еще два, то, как минимум два запуска можно было спокойно гарантировать. А там, глядишь, если все пройдет гладко, то за счет нового (старого) ракетносителя можно будет уже всерьез подумать о строительстве собственной космической станции, которую можно с

легкостью достроить, имея носители такого класса. А значит и российская пилотируемая космонавтика не «загнется» к 2024 году, как ей пророчат многие отечественные и зарубежные оракулы. Дело оставалось за малым – смахнуть пыль с технической документации проекта создания носителя. А в том, что она не была утрачена, как это утверждали многие, Вострецов был уверен на все 100%. Его уверенность происходила от того, что он имел надежные, проверенные годами связи с теми, кто имел к ней непосредственное отношение, но по известным причинам не желавшими раскрывать перед общественностью этот факт из-за опасений непредсказуемой реакции со стороны пока еще всемогущего гегемона.

Так или примерно так рассуждал академик, направляя стопы свои в стены ракетно-космической корпорации «Энергия». И опять не прогадал в своих чаяниях. Его очень радушно встретили в корпорации. Все-таки в делах такого рода авторитет очень значимая вещь. А авторитета старому академику было не занимать. Его имя и его работы по атомной энергетике, а также открытая часть теоретических изысканий в области деления элементарных частиц были на слуху у любого, кто мало-мальски соприкасался с этой стороной передовых научных достижений. Ему верили и доверяли. И если он что-то говорил, а тем более обещал, то все знали, что его слово крепче центробанковских векселей. Причем, верили больше ему, чем грозным сопроводительным бумагам и стоящему у него всегда за спиной решительно настроен-

ному генералу. Такое прокатывало только с государственными чиновниками, которые ничего не боялись, кроме стальной горошины калибром в 9 миллиметров, выпущенной в их объемистые тулова с близкого расстояния. Поверили ему и в «Энергии». Тем более, что они уже и сами, озабоченные своим будущим, начали копошиться в архивах, доставая материалы по изготовлению сверхмощного ракетносителя для возрождения проекта «Энергия-Буран». И тут такое везение – твердый госзаказ с гарантируемым и практически неограниченным финансированием. А за ним маячит и перспектива по развитию пилотируемой космонавтики с возможностью строительства крупноблочных космических модулей на орбите, с захватом международного рынка единовременно и массового выведения спутников связи. Мем «Как тебе такое, Илон Маск?» уже не казался при этом смешным. Еще несколько дней ушло на согласование деталей будущей совместной работы в единой структуре и подписание соответствующих бумаг. Десять дней! Десять дней, хватило академику-живчику для того, чтобы сколотить костяк будущего гиганта ВПК. Даже Сергею Павловичу не снились такие сроки. Тут было от чего немного погордиться собой. Конечно, оставались еще детали. Нужно было еще, во что бы то ни стало подтянуть электронщиков из неприкаянного и разоренного «сердюковскими» реформами «Ангстрема». Попробовать сманить к себе часть молодых и перспективных специалистов IT-сферы от «Касперского». Если не перетянуть на

свою сторону, то хотя бы договориться о поставках из Ижевска специальных гирокомпасов для воздушной версии установки. Ну и, конечно же, сбегать в Шатуру – местный филиал ОИВТ, так как только им по силам было снабдить будущую установку электрическими конденсаторами необходимой емкости. Именно в Шатуре, а не в Питере, как утверждала сама Николаева на встрече с Афанасьевым, он встретился с ней. Она прибыла в этот маленький городок по тем же самым причинам, что и он. Вострецов тогда сделал «широкий» на его взгляд жест, посоветовав ей напрямую обратиться к диктатору за поддержкой, растолковав каким образом можно попасть к нему на прием. Игорь Николаевич никогда и ни от кого не скрывал, что является тщеславным человеком, резонно полагая, что такая черта характера, если не переходит разумные границы, способна настроить на достижение поставленных целей любого, кто в этом искренне заинтересован. Его неумемной натуре страстно жаждалось перед концом своего земного существования видеть свое имя на скрижалях истории рядом с такими корифеями, как великий мыслитель – Циолковский, великий конструктор – Королев, великий ученый-ядерщик – Курчатов и великий организатор – Келдыш. В общем и целом, первых итогов бурной деятельности академика можно было ожидать уже к концу года. «Астрофизика» бралась к концу декабря изготовить не один, а целых два макета-демонстратора установки для натурных испытаний сначала на стенде, имитирующем усло-

вия космоса, а затем и приступить к изготовлению прототипа, пригодного для запуска в околоземное пространство. «Энергия», получив солидный задаток для стимулирования работ по возрождению кислородно-водородного двигателя, тоже грозилась не отстать и к концу испытаний установки на стенде, выкатить из ангара ракетоноситель «Энергия-2.0», привнеся в него все новое, что появилось за 30 лет с момента его последнего запуска. Таким образом, нарисовалась реальная перспектива того, что уже к концу следующего года можно было рассчитывать на запуск в космос первого натурального образца ускорителя для проведения испытаний.

Обо всех этих двухмесячных перипетиях он и поведал собравшимся в небольшом помещении, примыкающем к командно-наблюдательному пункту, в своей излюбленной манере – вышагивая из угла в угол по диагонали. Все зрители (Боголюбов и его заместитель по техническим вопросам), за исключением одного Иванова, дремавшего вполглаза, затаив дыхание, слушали необыкновенно захватывающую повесть о рождении абсолютно новой научной и промышленной отрасли, позволяющей при ее умелом использовании перейти к формированию нового промышленного уклада экономики.

– Да что там говорить, если только одно дистанционное зондирование земных глубин с целью изыскания новых залежей полезных ископаемых, поможет сэкономить государству миллиарды рублей за счет экономии средств на доро-

гостоящие экспедиции и буровые работы. А уж извлечение ископаемых с применением новой технологии «протонного бурения», так и вовсе способно будет озолотить бюджет, постоянно страдающий от дефицита. Та же самая Грета Тунберг умрет от счастья или от зависти, это уж кому как больше понравится, узнав, что появился надежный и безопасный способ очистить планету от радиоактивных отходов. Дальнейшее же развитие подобных технологий может стать флагманом развития человечества по пути созидания и процветания, где не будет ни голодных, ни обездоленных, где все страны откажутся от накопленных гор оружия, потому что его применение в новых условиях будет совершенно невозможным делом. В дальнейшем эту установку можно будет приспособить в качестве движительной основы для межпланетных и межзвездных кораблей, что будут бороздить просторы Вселенной. И Человечество, позабыв о войнах и вражде, наконец, выберется из таких родных, но уже тесных пеленок земного существования, шагнув далеко-далеко за пределы своей колыбели. Уже не маленькая горошинка Земли, а вся окружающая Вселенная станет его домом, – входил в ораторский раж академик, перепутав аудиторию со студенческим семинаром первокурсников.

Однако, несмотря на солидный возраст и звания присутствующих здесь людей, слушали они его со всем почтительным вниманием и даже подобострастием. Особенно воодушевлен был пламенными речами Боголюбов, который, не пе-

реставая кивал головой и улыбался своей «фирменной» детской улыбкой, которая своей лучезарностью заражала всех, кто на него смотрел в этот миг.

– И глубоко неправы те, кто думает, что наша установка призвана для того, чтобы служить самым страшным оружием на Земле! Нет! И еще раз повторю, нет! Наоборот! Она должна послужить ярким демонстратором, того, что человечество подошло к краю пропасти и уже заглянуло в ее бездонную глубину! Дальше развивать военную технику просто не имеет никакого смысла. Нам всего-то и останется, что продемонстрировать человечеству ее невиданные возможности, а потом сказать всему миру: «Господа! Хватит уже вооружаться! Пора перековать мечи на орала!» Нет. Я не наивный дурачок, считающий, что с войнами будет покончено раз и навсегда. Какие-то военные конфликты, безусловно, останутся, но они приобретут, в лучшем случае вялотекущий характер с минимумом человеческих жертв. Глобальные же конфликты, а тем более с применением оружия массового поражения будут исключены. Мы, включив установку на минимальный режим, просто выведем из строя всю эту армаду авианосцев, подводных лодок и пусковых шахт, начиненных ядерными боеголовками. И после этого авианосцы станут круизными лайнерами, подводные лодки займутся изучением тайных глубин океана, а пусковые шахты перепрофилируют под зернохранилища.

– И тогда люди будут драться палками, и метать друг в

друга отравленные дротики, – буркнул генерал из своего угла будничным голосом, так как подобные разговоры были для него не в новинку.

– Ну, что вы такое говорите, Владимир Всеволодович?! – всплеснул руками, как кузнечик надкрыльями, академик. – Тут ведь главное начать и показать пример! А положительный пример – заразнее любого ковида! Мне вот, как лицу сугубо гражданскому, противно даже взять в руки какой-нибудь автомат, не говоря уже о том, чтобы нажать на кнопку оружия, способного привести мир к Апокалипсису. Человеку от рождения своего присущи только гуманистические правила поведения в социуме себе подобных. Это только извращенное воспитание делает из него самого опасного зверя в мире. Нужно всего лишь начать прививать ему с детства отвращение к любому виду насилия и через два-три поколения человек будет не просто хомо сапиенс (человек разумный), он станет хомо гуманус (человек гуманный).

– Ну-ну, наивный вы мой мечтатель, – лениво пробурчал в ответ генерал. – Тогда, после ваших воспитательных мер, если они не дай Бог, удадутся, на вершине цивилизации окажутся какие-нибудь полчища воинственных тараканов, как наиболее приспособленных к жизненным обстоятельствам.

В общем, с этими разговорами о головокружительных перспективах по внедрению в жизнь подобных новаций, все смогли улечься спать только к утру. Заместитель по техническим вопросам умелся к себе домой, яростно раздирая рот

в неумолимой зевоте, а оставшиеся в бункере разбрелись по своим местам: Боголюбов с Вострецовым – в одной комнате (соратникам еще было о чем пошептаться без лишних ушей), а Иванов оборудовал себе лежанку прямо на командном пункте.

II.

Вострецов, казалось, только-только прикрыл глаза, на минутку забывшись в чутком старческом сне, как его разбудили чьи-то громкие и встревоженные голоса. Он с трудом поднял набрякшие веки, туго соображая, что такого могло произойти за те несколько минут, пока он находился в мимолетном забытии. Рядом протирал свои заспанные глаза Алексей, тоже, по всей видимости, не до конца понимая, что стряслось и от чего такая суэта вокруг. И лишь напряженный и готовый ко всему Иванов уже стоял полностью одетый и выслушивал доклад одного из дежурных спецназовцев. Проведя рукой по лицу, как бы стряхивая с себя остатки сна, Игорь Николаевич начал вникать в беседу Иванова и спецназовца. Хоть и старческий, но по-прежнему острый ум академика позволил ему быстро войти в суть тревожного доклада. Он быстро скинул свои худые со вздувшимися венами от варикоза босые ноги на холодный пол и кашлянув для прочистки голоса спросил, ни к кому не обращаясь персонально:

– Где Михал Дмитрич?

– Не знаю, – обернулся к нему Иванов, – скорее всего, руководит обороной, где-то наверху.

– В Москву доложили? – спросил он, поднимаясь с дивана и пытаясь стоя натянуть брюки.

– Связи с Москвой нет, – жестко констатировал генерал. – Мы отрезаны и от связи и от помощи с материка.

– Товарищи, мне кто-нибудь объяснит, что происходит? – задался вопросом Боголюбов, вставая с пола. – Я ничегошеньки не понимаю.

– Всё предельно ясно, – клацнул зубами от возбуждения генерал. – Враг высадил многочисленный десант для захвата или уничтожения установки, а заодно и нас с вами. На поверхности идет бой. Бой идет уже четверть часа. Слышны многочисленные выстрелы, и даже взрывы. Никакой ясности в характере боестолкновения не наблюдается, – в темпе телеграфа выдавал информацию Иванов.

– Но как же так?! – воскликнул в недоумении Боголюбов, первым делом надевая очки. – Ведь это же, по сути, объявление войны!

– Это для тебя, Леша, война, а для них, просо зачистка, – огрызнулся академик, успевший за это время одеться. – Одевайся быстрее.

– Да-да, конечно, – поспешил Боголюбов к стулу, на котором лежала его одежда.

– Владимир Всеволодович, – обратился Вострецов к генералу, – прошу вас распорядиться нами в полном объеме и

без всяких скидок.

В минуты крайней опасности, велеречивый и не лишенный театральности академик умел концентрироваться и принимать молниеносные решения, основанные на внутренней дисциплине и точном математическом расчете. Иванов оглядел Вострецова с ног до головы, как будто видел его впервые в жизни, затем, что-то прикинув в уме, кивнул и произнес:

– Хорошо, Игорь Николаевич, я принимаю вас под свое командование. Алексей Сергеевич, а вы, как?

– Я как все, – пожал тот плечами. – Вы – военный, вам и командовать.

– Сержант, – повернулся Иванов, к стоявшему рядом спецназовцу, – что там капитан Самойлов?

– Капитан Самойлов организует круговую оборону возле помещений, где находится особо охраняемое лицо, – кивнул он в сторону академика.

– Добро. Ступайте, сержант. Теперь займемся вами товарищи, – вновь обратил он свой взор на ученых. – В мою обязанность входит сохранение жизни вверенного мне лица, а также недопущение утечки сверхсекретной информации, касающейся установки. Сейчас бой идет на поверхности, и его результаты нами пока не просчитаны, поэтому будем исходить из худшего развития событий. Не исключено, что враг будет пытаться проникнуть сюда любым доступным для него способом. Давеча, находясь у вас в кабинете, Алексей Сергеевич, я заметил сейф с компьютером. Я хочу знать, что на-

ходится в сейфе, и какие материалы хранятся в памяти компьютера.

Боголюбов потер рукой лоб в некоторой задумчивости, а потом ответил:

– Собственно говоря, меня уже инструктировали насчет компьютера. И хоть у него нет выхода в интернет, а только локальная связь, я ничего, что могло бы быть расценено, как секретная информация, на нем не хранил. Если, что и было, то только на флэшке, которая находится в сейфе.

– Что там на ней? – быстро среагировал Иванов.

– Некоторые расчеты по параметрам фокусировки установки и трехмерные проекции отдельных деталей, назначение которых понятно лишь тем, кто с этим непосредственно связан.

– Скверно, – покачал головой генерал. – Что еще находится в сейфе?

– Несколько тетрадей с черновыми записями, – покраснел, как девица Боголюбов. – Я часто ношу их с собой, потому что мысли порой возникают совершенно спонтанно...

– Так, все с вами ясно. Идемте к вам в кабинет, – сурово произнес Иванов, окончательно почувствовавший себя главным в этой компании.

– Я с вами, – сунулся было Вострецов, но его остановил воспрещающий жест генерала.

– Игорь Николаевич, а вас я решительно попрошу перебраться в соседнее помещение на КНП. Там дверь, хоть и не

слишком бронированная, как я заметил, но все же, не идет ни в какое сравнение с этой – из дуба. Запритесь там и никого не пускайте, пока мы не вернемся. Когда вернемся, я постучу вам двумя короткими и тремя длинными ударами.

– Хорошо, – не стал спорить академик.

– Идемте, Алексей Сергеич, время дорого.

Они, в качестве охраны взяли с собой еще пару спецназовцев из конвоя Вострецова, и двинулись в путь. Идти было не слишком далеко, так как кабинет Боголюбова располагался всего метрах в двухстах от КНП, да к тому же находился на одном с ним уровне. Но путь их все равно казался длиннее, чем был на самом деле. Спешным шагом они двинулись по широким и низким, порой извилистым тоннелям, пронизавшим весь скальный массив, словно дырки в швейцарском сыре. Боголюбов, знавший здесь каждый закуток, уверенно двигался вперед, а вот Иванов с охранниками, если бы не Алексей Сергеевич, непременно бы заплутали в этих переходах. На пути им часто встречались растерянные и перепуганные сотрудники «объекта», которые не могли не то, чтобы прояснить ситуацию, но напротив, сами нуждались в этом. Все они находились в перевозбужденном состоянии, так как у подавляющего большинства из них на поверхности оставались близкие и родные. И только дисциплина, выработанная годами, не давала им сейчас удариться в откровенную панику. Наконец по пути им встретился спешащий и озабоченный майор Гусаров. Генерал первым заметил

рысившего куда-то с автоматом наперевес майора:

– Виктор Петрович! – окликнул он его.

Гусаров повернул голову в их сторону и замер, как вкопанный:

– Слушаю вас, товарищ генерал, – озабоченным голосом произнес майор.

– Вы ведь наверняка знаете больше нашего, – не то спрашивал, не то утверждал генерал. – Что там, наверху?

– Наверху идет бой. Диверсантам удалось захватить аэродром и уничтожить «летающую лабораторию». Это пока все, что мне достоверно известно, – лапидарно ответил майор.

– Виктор Петрович, вы понимаете, что мы ни в коем случае не можем допустить того, чтобы опытный образец и та установка, что сейчас находится на стапеле, ни в коем случае не должны попасть к врагу? – спросил генерал, ухватив Гусарова за пуговицу на комбезе.

– Не волнуйтесь, Владимир Всеволодович, – аккуратно отстраняя руку генерала от своей пуговицы, начал успокаивать того майор, – оба входа к «объекту» находятся под нашим контролем, а подходы к ним, как вы должны были помнить из нашей вчерашней беседы, заминированы.

– И все-таки, если они, каким либо образом, сумеют проникнуть внутрь... – продолжал настаивать на своих опасениях Иванов.

– Если такое и случится, во что я не совсем верю, то на этот случай ангар с опытным образцом и цех, где установ-

ка находится на стадии сборки, нами тоже заминированы, – терпеливо пояснил он собеседнику, хотя было видно, что он явно куда-то торопится.

– Вы сейчас, наверное, торопитесь организовать круговую оборону входов на «объект»? – не унимался настырный генерал, опять хватаясь за майорскую пуговицу.

– Нет, – нервно дернул головой Гусаров, вновь отстраняя от себя нервические пальцы Иванова, – я готовлюсь к инфильтрации мирного населения, которое сейчас массово движется сюда, ища спасения. Но не волнуйтесь, врагу сюда не проникнуть. У нас тут надежные заслоны предусмотрены на такой случай.

– А не может так случиться... – генерал озабоченно сдвинул брови, но майор не дал ему закончить мысль, перебив на ходу.

– Вот поэтому я и спешу туда, – предотвратил он дальнейшие расспросы Иванова.

– Не смею задерживать, – буркнул Иванов, недовольный стилем общения майора.

Провожая взглядом Гусарова, генерал тяжело вздохнул и покачал укоризненно головой. Ему почему-то казалось, что он один из всех окружавших его лиц по настоящему озабочен случившимся, и только он один радеет за сохранность государственной тайны.

– Ну, ведите дальше, товарищ Боголюбов, – повернулся он к Алексею и двум охранникам топтавшимся рядом с ним.

– Собственно говоря, мы уже на месте, кивнул он на массивную двустворчатую дверь, ведущую в кабинет директора.

Войдя в кабинет, генерал первым делом велел его хозяйину открыть сейф и забрать оттуда все, что могло представлять хоть малейшую информационную ценность для любителей чужих секретов. Сам же с деловым видом оглядев моноблок, стоящий на директорском столе, принялся один за другим отсоединять провода, ведущие от него к периферии. На недоуменный взгляд Боголюбова, он только коротко пояснил:

– Заберем с собой, на всякий случай.

Отсоединив все провода, он сунул моноблок в руки одному из сопровождающих, а сам стал искать натренированным глазом, что бы еще такого забрать с собой. Заметив на столе среди всякой канцелярской мелочи, скромно лежащий ежедневник, он молча ухватил исписанные уже страницы и безжалостно выдрал их, а затем сунул к себе в брючный карман. Боголюбов тоже не стал мешкать, в свою очередь. Первым делом он забрал флэшку, после чего сгреб в охапку все имеющиеся там папки тетради.

– Вроде все, – сказал Алексей Сергеевич, одной рукой поправляя очки, а другой, придерживая объемистый ворох документов.

Генерал, еще раз хищным оком обвел небольшое пространство кабинета и, увидев стоявший между сейфом и шкафом ШАК-12 с примкнутым магазином, плотоядно улы-

баясь, протянул к нему свои руки:

– Что ж вы, голубчик, пренебрегли вчера советом полковника забрать отсюда автомат?

Боголюбов не нашелся, что ответить, поэтому просто пожал плечами.

– Вот теперь, действительно, все, – сказал Иванов, бережно беря автомат. – Запасных патронов нет?

– В сейфе лежат, – указал глазами Боголюбов на его распахнутую дверцу.

Иванов загребушими руками ухватил коробку с насыпанными как попало патронами, и стал горстями запихивать все это добро в свой, казалось бездонный карман брюк.

Уже на выходе, Иванов с сожалением заметил:

– Тут бы не худо растяжку оставить, ну да ладно, как-нибудь, может и пронесет.

До места своего нового обиталища они в этот раз добрались гораздо быстрее, потому что останавливаться и беседовать было не с кем. Работники «объекта» стараниями майора были срочно эвакуированы на самые нижние этажи, и затерялись там для всех в бесчисленных лабиринтах шахтных выработок. Сами же подчиненные Гусарова заняли оборонительные позиции возле западного и южного входа, заодно исполняя роль гостеприимных хозяев для беженцев из числа гражданских и членов семей работников «объекта». Но всех новоприбывших сразу отправляли глубоко вниз, минуя уровень, где располагался КНП. Таким образом, на этаже оста-

лись только спецназовцы, прибывшие из Москвы, да еще два гражданских человека, из-за охоты на которых, собственно говоря, и разыгралась эта драма. Дойдя до нужной двери, генерал постучал условленным образом, и дверь тут же отворилась, будто академик стоял возле нее и только ждал момента их возвращения.

– Ну, что, как там?! – набросился он с вопросами на Иванова, с воинственным видом державшего штурмовой автомат и Боголюбова, державшего перед собой охапку документов.

Бойцов охраны отпустили, а генерал, невольно переняв манеру общения Гусарова, кратко изложил складывающуюся ситуацию:

– Диверсанты захватили аэродром и уничтожили вашу «летающую лабораторию». Сейчас идет бой в поселке и на его подступах. Гражданское население начало прибывать к «объекту» в надежде на спасение. Майор организует оборону возле южного и западного входа. Связи с Большой Землей по-прежнему нет. Вот все, что известно на данный момент.

– А полковник где?! – вырвалось у академика.

– Ничего не могу сказать, – развел руками генерал. – Очевидно он среди тех, кто сдерживает натиск врага.

– Но неужели же нет никаких способов сообщить на материк, что у нас здесь творится?! – воскликнул ученый.

– Тут, я, пожалуй, могу вас успокоить, – ухмыльнулся Иванов. – Если мы не можем связаться с материком, то это

вовсе не значит, что там пребывают в святом неведении. Как военный человек, дослужившийся до немалых чинов, со всей ответственностью могу вам сказать следующее, – генерал слегка откашлялся. – Система связи устроена так, что в случае, когда ее нет на протяжении определенного времени, то автоматически вступают в действие механизмы проверки ее нарушения. Наверняка, там, наверху, уже подняли тревогу и как минимум, перенацелили спутники на наши Палестины, с целью уточнить обстановку. Наверняка уже выслали и воздушную разведку, учитывая важность данного «объекта» для безопасности страны. Так, что помощь придет в обязательном порядке. Нам надо только продержаться какое-то время. Может час, может и два часа. Майор заверил меня, что южный и западный входы надежно перекрыты, а иных способов проникнуть сюда, нет.

– А нам что же делать все это время?! Мы же не можем отсиживаться здесь, как крысы?! – не унимался Вострецов.

– Я что, по-вашему, похож на крысу?! – вдруг огрызнулся не на шутку разобидевшийся Иванов.

– Извините, Владимир Всеволодович, – поник сразу Вострецов, – я, поверьте, не хотел вас обидеть. Но и вы войдите в наше положение. Мы не можем просто так сидеть, сложа руки в ожидании своей участи. Мы просто не имеем на это право. Ведь, по сути, наверху гибнут люди именно потому, что выполняли работу, которую им поручили именно мы!

Генерал озабоченным взглядом оглядел просторное поме-

щение командно-наблюдательного пункта. Одна из его стен была сплошь уставлена пультами и экранами. Сейчас вся эта техническая составляющая испытательной базы была выключена за ненадобностью, так как следующие испытания планировались только к середине октября.

– Игорь Николаевич, а нельзя ли как-нибудь привести в рабочее состояние всю эту технику, хотя бы в режиме наблюдения? – с живейшим интересом поинтересовался он у академика.

– Это к Алексею Сергеевичу – он тут царь и Бог, – кивнул Вострецов в сторону Боголюбова.

– Давайте, Алексей Сергеевич, взглянем на окрестности? – предложил генерал. – Наверняка следящая аппаратура способна осветить для нас окружающую обстановку.

– Да-да, конечно! – сразу засуетился Боголюбов, кинувшийся к центральному пульту. – И как это я сам об этом не догадался?!

Он, быстро переходя от одного операторского места к другому, шустро защелкал какими-то тумблерами, защелкал переключателями и кнопками. Разом вспыхнули несколько экранов, показывая общую панораму испытательного стенда, части базы, пирса, с пришвартованным к нему базовым тральщиком и акватория залива, на берегу которого расположился поселок. Топовые огни тральщика были погашены, поэтому складывалось впечатление, будто команды на его борту попросту не было. Картинка для Боголюбова и Вост-

рецова была, в общем-то, привычной, а вот Иванов не сразу смог разобраться, где и что находится, поэтому Алексей Сергеевич стал ему пояснять, что изображено на том или ином экране. Сейчас генерала интересовала обстановка, складывающаяся вокруг «объекта» и какую угрозу могли нести диверсанты, судя по всему, находящиеся в самой Белушьей.

– Алексей Сергеевич, можно вас как-то попросить сфокусировать изображение на поселке и показать, что же там, в самом деле, творится? – обратился он с просьбой к Боголюбову.

– Да, конечно, можно, – согласился он и опять принялся двигать рычаги и переключать тумблеры.

Изображение, ранее показывавшее лишь часть поселка, поплыло в сторону, и поселок на нем занял центральное положение. Ясности, разумеется, это не добавило, так как поселок все равно был хоть и виден весь, но детали творящегося на его территории безобразия ускользали.

– А можно как-нибудь укрупнить изображение?

– И это можно, – опять согласился ученый.

На этот раз изображение укрупнилось, и можно было на нем разглядеть кое-какие подробности. Первым делом в глаза бросилась картина того, как по улицам поселка в состоянии паники бегают люди у многих из которых на руках были маленькие дети. Среди мирного населения мелькали и военные, размахивающие автоматами и руками. Было очевидно, что они, тем самым, указывали гражданским на направ-

ление к «объекту». Иногда они вскидывали свои автоматы и посылали короткие очереди куда-то вглубь поселка. Это было особенно заметно по трассирующим следам от пуль, вылетающим из стволов на фоне предрассветной хмари. Но куда и в кого именно летели эти пули, было еще не ясно. Иванов морщился от увиденного, как от зубной боли, и стискивал кулаки в бессилии что-нибудь сделать. Боголюбов на этот раз понял генерала без слов и сам передвинул картинку вглубь поселка. И тут они, наконец, увидели своего врага. Белые фигурки, точно подсчитать количество которых не представлялось возможным из-за их окраски, порой сливающейся со снегом, перемещались от дома к дому, изредка стреляя в направлении убегающих людей и прикрывавших их бегство немногочисленных военных. Стреляли они действительно не очень часто, но зато весьма результативно. То один, то другой военнослужащий, вскидывая руки, падал ничком в подтаявший к утру снег, обильно орошая его своей кровью. Сами же «белые фигурки» никакого видимого урона не несли и шли в полный рост, даже не пригибаясь.

– Экипировка «центурион», – процедил со знанием дела генерал, комментируя увиденное. – Нашими пукалками такое не пробьешь. По крайней мере, с такой дистанции, – добавил он, поясняя свою мысль ученым.

Вострецов сидел в углу на стуле и не принимал участия в беседе, низко наклонив свою голову. Руки его дрожали. Сейчас, на его глазах гуманистические идеи по развитию мира

в эпоху всеобщего разоружения, которые он проповедовал и лелеял всю жизнь, терпели крах.

– Как вы думаете, гражданские успеют в убежище, до того, как их всех расстреляют? – с нескрываемой тревогой в голосе спросил Боголюбов.

– Думаю, что да, – склонил голову в согласии Иванов. – Тем более, как мне кажется, не они являются главной целью диверсантов, иначе бы их давно уже всех перебили.

– А что же тогда является их главной целью?

– Как и прежде: вы с Игорем Николаевичем и сама установка. Они просто хотят ворваться на объект, что называется, на «плечах отступающих».

– Но как же..., – хотел еще что-то сказать Боголюбов, но осекся.

– Я полагаю, что у майора Гусарова хватит сноровки успеть запустить людей внутрь, прежде чем враг появится у входа.

– А если не хватит? – задал глупый вопрос Алексей Сергеевич.

– Тогда придется пожертвовать частью гражданского населения, – жестко парировал слова ученого генерал. – Но меня сейчас не это интересует больше всего.

– А что интересует?

– Как они попали на базу?! Да еще в таком количестве! Ясно, как божий день, что это не парашютный десант. Тогда, как?! По морю? Но тогда, где были наши охранные си-

стемы, следящие за морской поверхностью. Ведь я, когда год назад принимал в эксплуатацию «Подсолнух», разработчики в один голос уверяли меня, что подстилающая поверхность моря просматривается чуть ли не на 250 километров. Пропали или среди персонала базы завелись предатели?!

– Вряд ли предатели, – не согласился, на сей раз Боголюбов с генералом. – Скорее всего, они мощными помехами забили работу РЛС. Я считаю, что отсутствие связи и молчание «Подсолнуха» – явления одного порядка.

– Вполне возможно, – пожал плечами генерал. – А знаете, что, Алексей Сергеич, покажите-ка мне залив.

– Вон он, – ткнул пальцем в один из экранов Боголюбов. Иванов, щурясь, стал всматриваться в свинцовые и холодные воды залива.

– А покрупнее? – попросил он.

Боголюбов опять что-то там покрутил и изображение существенно укрупнилось.

Где-то приблизительно в полумиле от берега из воды торчало характерное для атомной подводной лодки внешнее ограждение ходовой рубки.

– Ага! – хлопнул себя руками по бедрам Иванов. – Я так и предполагал! Подводная лодка типа «Сивулф», – точно определил он тип атомарины по хорошо знакомому силуэту. – И скорее всего, это «Джимми Картер», так как только он оборудован специальной шлюзовой камерой для выброски десанта.

Вострецов поднял голову, тоже всматриваясь в хищные обводы американской подлодки. Его и без того тонкие и бескровные старческие губы превратились в узкую полоску.

И тут вдруг, как гром с ясного неба послышались звуки выстрелов. Нет. Не с экрана. Звуки доносились откуда-то из глубины бункера. И звук этих выстрелов был особенно раскатистым из-за того, что эхо долго блуждало по извилистым тоннелям, прежде чем достигнуть ушей троих человек, жадно всматривавшихся до этого момента в обзорные экраны. От неожиданности генерал, словно мячик подскочил на месте:

– Пробрались! Мать их...! – выкрикнул он, выхватывая пистолет из наплечной кобуры.

– Но как?! Майор же сказал, что через входы они не пройдут?! – в один голос изумились ученые, не успев при этом, как следует испугаться.

– Не знаю! – прорычал Иванов. – Оставайтесь здесь, закройтесь и никого не пускайте! Попробуйте забаррикадироваться.

Совет был, конечно, не из самых умных, ибо если у противника есть средства по вскрытию бронированных дверей, то, что ему стоит разметать хлипкую конструкцию баррикады?

– А вы?! – опять дружно воскликнули ученые.

– А я побежал удерживать последний оборонительный рубеж, – кинул он им через плечо, скрываясь в тускло освещен-

ценном коридоре подземного лабиринта.

Вострецов подошел к двери и осторожно заглянул в коридор, по которому бежал на звуки выстрелов пожилой генерал. Отдельные их звуки уже стали сливаться в непрерывающиеся очереди перемежающиеся с громкими хлопками взрывов. Затем осторожно прикрыл дверь, однако запирать ее почему-то не стал. Боголюбов стоял посреди помещения, бессильно опустив руки. Он абсолютно не представлял, что тут можно предпринять. Зато в глазах академика начинали загораться огоньки, что было очень нехорошим признаком. Игорь Николаевич положил свою руку на плечо Боголюбова и тихим ласковым голосом, в котором слышалась печаль начал говорить:

– Знаешь, Алеша, мы с тобой знакомы уже двадцать пять лет. Я помню, как ты, еще, будучи аспирантом на кафедре у Боброва пришел ко мне и попросил стать куратором твоей диссертации.

– Помню, – тихо произнес Боголюбов, медленно кивая, как сомнамбула.

– У меня тогда были тяжелые времена. Меня подвергали остракизму и высмеивали все идеи, высказываемые мной. А тебя ждало блестящее будущее. Самый молодой кандидат в институте. Перспектива получить под свое начало целую лабораторию. Хоть и скудное, но все же государственное финансирование.

– Да, было, – вновь кивнул Боголюбов, искренне не пони-

мая, куда клонит учитель и многолетний соратник.

– А ты был единственный, кто поверил мне сразу и безоголядно. И был со мной рядом все эти годы. Я знаю, как тебе порой тяжело приходилось в общении со мной, учитывая мой характер и темперамент. Но ты ни словом, ни жестом никогда не выдавал своего несогласия, даже тогда, когда я забирался в дебри пацифистских рассуждений. Я видел, как тебе было неприятно меня слушать, но ты всегда отдавал должное моим старческим причудам. А я бессовестно пользовался этим твоим молчаливым несогласием. И теперь ты вынужден прятаться в бункере от врагов, вместо того, чтобы пожинать лавры великого ученого.

– Ну, что вы такое говорите, учитель?! – запротестовал Алексей Сергеевич и его очки тут же запотели, хотя в бункере всегда поддерживалась одна и та же температура. – Именно под вашим руководством я стал тем, кем есть. Кем бы я был без вас? Ну, защитил бы кандидатскую. Ну, дали бы мне лабораторию. А что дальше? Всю жизнь сталкивать тяжелые ядра с легкими, фотографируя процесс, а затем по их осколкам анализировать: получен ли новый элемент или нет? Скучно. А с вами мы открыли новые горизонты. Может быть, страшные горизонты и непредсказуемые, но все-таки новые. Мы смогли вырваться из привычного понимания материи. И за все за это я вам искренне благодарен.

– Спасибо, сынок, – хриплым от подступившего комка к горлу произнес старик, ласково касаясь кончиками пальцев

щеки друга, соратника и в какой-то степени даже сына.

– Это вам спасибо. За все.

И тут академик резко сменил тему задушевного и может быть последнего разговора в своей жизни:

– Мы с Ивановым, однажды как-то сильно подвыпили в одном из московских ресторанов. И он в порыве пьяного откровения проболтался, что у него имеется сверхсекретное предписание, в случае безвыходной ситуации ликвидировать меня на месте.

– Боже, мой! – только и смог произнести на выдохе Боголюбов. – Неужели?!

– Слышишь? – Вострецов повел рукой в сторону незапертой двери. – Выстрелы приближаются. Значит, скоро они будут здесь. И Иванов будет.

– Вы думаете..., – не успел договорить мысль Алексей.

– Да, – грустно кивнул головой старик. – Он скоро вернется, поэтому я и не стал закрывать дверь.

Боголюбов сунул кулак в рот, чтобы подавить крик отчаяния. Капельки крови выступили у него на костяшках пальцев.

– Учитель, скажите, что сделать?! Я все сделаю!

– Точно? – переспросил Вострецов, как бы сомневаясь в решительности своего ученика.

– Да!

– Тогда включай установку, – равным и лишенным эмоций тоном приказал академик.

– Но...

– Включай! – уже добавил повелительные нотки в голос Игорь Николаевич.

– Есть! – по-военному четко ответил Боголюбов.

III.

А в это время в лабиринте тоннелей разыгрывалась очередная трагедия нынешнего утра. Незаметно проникнув через вентиляционную шахту в бункер, диверсанты, наученные многолетним опытом подобных операций, первым делом кинулись на поиски «языка», чтобы тот, знакомый с внутренним устройством бункера вывел их к месту, где мог бы находиться искомый ими человек. Такая возможность им вскоре представилась. Они тихонько, почти на цыпочках пробирались по одному из узких и не всегда освещенных коридоров, когда столкнулись нос к носу с каким-то техником, в панической суете искавшим укромный уголок, чтобы спрятаться, как он полагал от неминуемой гибели. При виде «пришельцев», а они выглядели именно так, как их принято изображать в космических блокбастерах, он настолько растерялся, что даже не в силах был дать стрекача от этих истуканов, будто ноги по колено вросли в бетонированный пол. А вот «пришельцы», в отличие от него, не растерялись, тут же взяв его в оборот и затаскивая в один из боковых тоннелей. «Старший» из «пришельцев» на ломаном, но все

же понятном русском языке, используя изуверские методы экспресс-допроса, сумел быстро выведать у бедолаги, место, где мог бы находиться человек, фото которого он дал тому для опознания. Мешая слезы, сопли и кровь, тот поведал, что искомое ими лицо может находиться только в одном месте, а именно, на командно-наблюдательном пункте, что находится на втором уровне. Наивный и слабый человечек всеми силами старался купить для себя лишние минуты жизни, торопливо рассказывая о маршруте, который должен будет привести диверсантов к цели. Когда Роумэн понял, что «язык» выжат досуха, то отдал одному из своих людей незаметный приказ. Тот подошел сзади к технику и, наложив одну руку ему на затылок, а другой, схватив за подбородок, резко крутанул голову теперь уже бесполезному говоруну, смещая шейные позвонки. Не задерживаясь на месте, так как время неумолимо работало против них, они быстро переместились с первого уровня на второй, и никого не встречая на своем пути, уверенно зашагали в сторону КНП. И тут их поджидала первая неприятность. А неприятность заключалась в том, что их появление не застало врасплох бойцов генерала Иванова. Едва заметив их в конце одного из тоннелей, они немедленно открыли по ним огонь. Нельзя описать словами досаду командера от утраты его группой фактора скрытности и неожиданности. Правда, вскорости, его настроение несколько улучшилось, так как он убедился в немногочисленности обороняющихся (их было гораздо меньше, чем на-

падавших) и в крайне малой эффективности применяемого ими огнестрельного оружия. Шестым чувством опытного диверсанта он понял, что добыча, ради которой и затевалась вся эта операция, находится от него на расстоянии вытянутой руки, а перед ним сейчас просто находился последний рубеж обороны русских, уничтожить который не представлялось делом чересчур сложным. Он здраво рассудил, что, если уж все равно они раскрыты, то и осторожничать далее им не следует, а потому он, включив интерком, передал всем своим людям, чтобы они во избежание возможных потерь, просто забросали последних защитников «русской тайны» гранатами с безопасного расстояния. Применение гранат из подствольных гранатометов в условиях ограниченного пространства, представлялось ему крайне продуктивным, с точки зрения уничтожения живой силы противника. Только одного фактора он не учел, а вернее двух. Это наличия огромного количества тоннельных ответвлений, закутков, поворотов и колонн, поддерживавших своды, которые никак не способствовали разлету осколков и ударному воздействию воздушных взрывных волн. Таким образом, взрывы гранат из подствольников не причинили обороняющимся никакого существенного вреда. И, конечно же, он не учел стойкости и профессионализма русских спецназовцев. Они тоже были не дураками, а потому быстро поняли, что их укороченные автоматы никак не годятся для огневого противостояния с закованным в броню противником. Поняв это, они примени-

ли, возможно, даже не специально, а по наитию, тактику отличную от той, которую им сейчас навязывали. Дождавшись, когда враги подойдут поближе, они выскакивали из боковых проходов, и по двое, по трое набрасывались на них, стреляя в упор, схватываясь с ним в рукопашную, рубя острозаточенными саперными лопатками сочленения в доспехах. Обученные методам рукопашного боя диверсанты никак не ожидали от русских такой наглости и прыти, да и тяжелые панцири доспехов не давали возможности применить в полной мере свои навыки в тесных катакомбах. Некоторым из русских удалось даже отнять в схватке у диверсантов несколько автоматов. Спецназовцев было чуть больше тридцати человек, против почти пяти десятков врагов, но они с такой дикой яростью и отчаянием бросались на них, Роумэну одно время казалось, будто бы их несколько не меньше, чем находилось под его руководством. Надо отдать должное «морским котикам», они довольно быстро пришли в себя, и русские бойцы опять стали падать под выстрелами из крупнокалиберных штурмовых винтовок, но теперь были уже потери и среди диверсантов. И потери были немалыми. И все-таки они сумели в какой-то момент переломить ход сражения в подземелье. Русские под напором превосходящих сил стали отступать вглубь тоннеля, по-прежнему, зло, огрызаясь из своего и теперь уже трофейного оружия. Вместе с оставшимися спецназовцами пришлось отступать и генералу Иванову.

IV.

Беспрекословно выполняя наказ своего наставника, Боголюбов опять ринулся к центральному пульта управления. Так как, никого кроме них в помещении не было, то ему самому пришлось суетливо перебегать от одного операторского места к другому, опять нажимая на кнопки и двигая рычагами. Почти целая минута прошла прежде чем, где-то далеко под полом загудел генератор, приводящий в движение сервомоторы, поднимающие наверх самое грозное оружие во Вселенной. Выстрелы были уже совсем близкими, когда Вострецов рискнул вновь выглянуть в коридор. По коридору, пятясь задом и отстреливаясь на ходу из пистолета, брел человек. Правая его рука висела как плеть, а левой он упорно посылал пули в маячившие вдалеке тени. Академик не сразу признал в этом человеке своего куратора, а возможно и будущего палача. Он уже был в двух шагах от двери, за которой находилось «сердце», а верее сказать – мозг, всего секретного объекта.

– Сюда! – выкрикнул Игорь Николаевич, полагая, что генералу будет проще идти на его голос. Иванов на миг обернулся к академику, и тут пуля из вражеской винтовки догнала пожилого генерала. Он дернулся всем телом, будто его сразили кувалдой в грудь, а затем, нелепо взмахнув здоровой рукой, роняя пистолет на пол, прислонился к стене. Ака-

демик выскочил и схватив того лацкан мундира нечеловеческими усилиями втянул внутрь КНП. В груди генерала зияла рана такой величины, что туда можно было просунуть детский кулачок. Кровь упругими толчками била из нее, заливая все вокруг. Вострецов боялся положить его на пол, поэтому припал на одно колено, положив свою ношу на другое.

– Володя, ты что?! – кричал ему академик в лицо, кривя и выворачивая губы плача от ярости и бессилия.

Он еще никогда не называл его по имени, всегда старательно подчеркивая дистанцию между собой – великим гением современной эпохи и бравым, но умственно ограниченным воякой, приставленным к нему с понятными всем целями. И вот теперь, когда припав к его старческому колену на его руках умирал этот так до конца и непонятый им человек в погонах, он понял, что теряет сейчас в его лице не столько охранника и соглядатая, сколько друга и соратника. Генерал, невероятным образом, был все еще жив, но его глаза уже подернулись смертной пеленой. Из последних сил, еле ворочая непослушным языком, он сумел прохрипеть довольно разборчиво:

– Прости, Николаич... Не уберег... Дальше сам...

Он закашлялся, выхаркивая изо рта последние сгустки крови, дернулся и затих. Ошалелыми глазами академик уставился на Иванова, лицо которого стало быстро-быстро бледнеть, а скулы резче выделяться. Он машинально прикрыл ладонью глаза усопшему, которые тот не смог сомкнуть сам.

Медленно, боясь причинить своими резкими движениями, лишнее неудобство покойному другу, академик положил его на пол, а затем обернулся к Алексею:

– Автомат.

– Что?! – не понял того Боголюбов, продолжая скакать от одного пульта к другому.

– Дай мне автомат, – спокойным голосом, будто ничего особенного не происходило вокруг, вновь потребовал он.

– Держи?! – сунул Алексей ему в руки автомат вперед стволом. – Разберешься?!

Вострецов ничего не ответил своему ученику. Сейчас он был не Вострецов и не известный всему научному миру академик. Сейчас он был ПОСЛЕДНИМ воином Великой Страны. Тому, кто учился в советской школе, а затем служил в армии, не надо было объяснять, как обращаться с автоматом Калашникова, даже если он и не очень-то на него походил в современной версии. Привычным движением, как будто со времени последних сборов прошло не тридцать лет, а какие-нибудь три месяца, он дернул затвор на себя, приготовляясь к стрельбе и попутно с удовлетворением отмечая, что рожков в автомате два, а не один. Кто-то накануне заботливо примотал их друг к другу синей изолентой. Рывком распахнул дверь на себя и выглянул в коридор. Вовремя. В шагах пятнадцати от него, уже маячили фигуры, выкрашенные в белый маскировочный цвет. Он, подняв автомат и почти не целясь, плавно нажал на спусковой крючок. Даже не

целясь толком, он не промахнулся. В плечо весомо толкнула отдача от выстрела. Его короткая очередь, выпущенная с убийственно близкого расстояния, швырнула двоих нападавших на стены и они стали тут же медленно сползать на пол, выронив свои винтовки из рук.

– Ага! – обрадованно воскликнул академик. – Привет от тети Моти!

В его глазах горели уже не огоньки. В них полыхал огонь, впавшего в боевой транс берсерка. Видя, как легко пали от мощных выстрелов те, кто шли впереди, шедшие за ними резко притормозили свое продвижение. Одни тут же прикинули к стенам, вжимаясь в холод цемента изо всех сил, другие – более благоразумные попадали на пол и даже начали понемногу отползать прочь от беспощадного града крупнокалиберных пуль, прошивавших до, сей поры непробиваемые бронепластины, как картонку. Нет. Они, конечно, тоже продолжали стрелять, но уже не так слаженно. Пули, посылаемые ими, попадали в стены, пол и потолок, высекая искры от рикошетов. Невероятно. Но пребывая в почтенном возрасте и презирая оружие в любых его формах, академик обладал сверхъестественными качествами великолепного стрелка. Почти ни одна пуля, выпущенная им, не пропала втуне, так или иначе, находя свою очередную жертву. Видимо, кто-то там НАВЕРХУ, кто недавно тайно позаботился о двойном боекомплекте для его автомата, водил сейчас рукой старика. В этом с горечью смогли убедиться и оставши-

еся в живых нападавшие. Они быстро сообразили, что Фортуна окончательно отвернулась от них, натолкнув на какого-то матерого вояку, которому не годились в подметки ни ван Дамм, ни Рэмбо.

– Леша, что там у тебя?! – крикнул сквозь неумолкаемый треск выстрелов Вострецов, не оборачиваясь назад.

– Все готово! – доложил он.

На одном из экранов было видно, как продолговатая и блестящая никелированными боками «гусеница» ускорителя царственно возлежала на платформе, поднявшей ее кверху из недр пещеры. А на экране, что располагался рядом, было видно, как скоростной моторный «Зодиак», зарываясь носом в волны, на всех парах улепетывал, к торчащей из воды рубке иностранной подводной лодки. Не борту надувной моторки сгрудились фигурки в белых бронекостюмах. А еще, краем глаза он заметил, как с кормы до сих пор молчавшего «Германа Угрюмова» заработал ДШК и его злые и короткие трассеры были направлены в нырявшую в волнах рубку вражеской подлодки.

– Так чего ждешь?! – опять крикнул академик, выцеливая очередного противника, смевшего поднять голову от пола.

– Чего?! – опять не понял Боголюбов своего учителя.

– Врубай установку! Не дай уйти, гадам! – уже орал Вострецов, выпуская очередную короткую очередь.

– Какую шкалу выставлять?! – испуганно крикнул Алексей, уже понимая, чего от него добивается «неисправимый

пацифист» Вострецов.

– Мочи их, Леша! Ебошь со всей дури!

– Есть! – отозвался Боголюбов, перенимая эстафетную палочку боевого азарта от академика.

Он выставил шкалу мощности на 8%, затем пощелкав тумблерами, установил прицельную градуированную сетку на один из экранов. Повернул микрометрический винт, собирая пучок протонов нужной концентрации. Тщательно прицеливаясь в надстройку вражеской подлодки, поймал в фокус. словно перед прыжком в воду, не обращая внимания на продолжающиеся раздаваться за спиной выстрелы и ненормативную лексику академика, он сделал глубокий вдох и нажал на неприметную с виду кнопку на пульте. Потом взялся за эбонитовую рукоять и слегка поводил ей: сначала справа налево, а потом вперед и немного назад. Воздух на экране чуть вздрогнул, а по воде побежала быстрая легкая, как от майского дождика рябь. Клубы пара, неожиданно возникшие над поверхностью моря, мгновенно заволокли обзор, но быстро рассеялись. Море оставалось таким же, как и минуту назад. Вот только на нем уже не было ни рубки подводной лодки, ни моторки, спешащей укрыться в ее чреве. За долю секунды все это превратилось в атомы, словно никогда и не существовало. Боголюбов повернул ключ и выключил установку, тихо прошептав про себя:

– Хорошего – понемножку.

Вострецов уже сменил магазин, приготовившись к отра-

жению последней атаки в своей жизни, когда чутким ухом уловил топот множества ног, несущихся в их направлении откуда-то издалека. Топот ног сопровождался характерным звуком идущих в смертельный бой русских. Это был отборный мат. Противник тоже, видимо, осознал бесперспективность дальнейшего сопротивления, тем более, что боеприпасы подходили к концу, поэтому, не сговариваясь и не ожидая, когда толпа русских просто затопчет из тут всех на месте, они стали осторожно вставать, складывать на пол оружие и поднимать руки кверху.

– Наши, – произнес тихо академик, бессильно опуская автомат стволом вниз. Его лицо озаряла вымученная улыбка.

V.

Луис и Стив, оставшиеся на поверхности вместе с русским, отошли от вентиляционной шахты немного в сторону и удобно расположились среди валунов. Зорко наблюдая за тем, чтобы русский не сбежал, они тихо радовались про себя тому, что им не пришлось лезть вслед за командиров в узкий и душный лаз, где их могли подстергать различные неприятности, до которых «комми» всегда были горазды. Арнольд, тоже зябко озираясь вокруг, присел рядом с ними, кожей ощущая на себе их неприязненные взгляды. Минут сорок они так просидели, молча и периодически выглядывая из-за камней. Однако последние двадцать минут из установленно-

го Роумэном срока ожидания прошли в нервной атмосфере. Никаких признаков того, что операция по пленению или уничтожению русского конструктора проходит успешно, не проявлялось. Что творилось там, в подземельях тоже было неизвестно, так как никаких звуков на поверхности не было слышно. Это могло быть, как свидетельством успеха (но тогда почему никто из команды Роумэна так до сих пор и не вылез на поверхность), так и свидетельством полного провала операции. Оба охранника, как-то стали более суетливыми и все чаще поглядывали в сторону залива, где их ожидали эвакуационные плавсредства. Наконец, когда наступило отпущенное командиром время они, переговорив друг с другом по внутренней связи, пришли к единому мнению о том, что выполнение приказа – дело священное, а значит, его необходимо выполнить. Что же касается невыполнения задания по ликвидации яйцеголового русского, то они за это не в ответе, пусть с этим разбираются в больших кабинетах. Все, что от них зависело, они уже сделали. А зримым доказательством того, что они делали все правильно, пускай будет этот дрожащий от холода и страха предатель, что сейчас кидает на них свои просительные и жалкие взгляды. Они не скрывали своего презрения к нему, ибо предателей своего народа не любят нигде, как бы они не старались выслужиться перед своими новыми хозяевами. Придя к такому консенсусу, оба конвоира заметно повеселели. Они сделали приглашающе-повелительный жест дрожащему от страха за свое печальное, как

уже всерьез представлялось Арнольду, будущее, и, взяв его в «коробочку» ускоренным шагом двинулись в сторону залива. Шептицкий же, напротив, от этого только прибодрился. Он по своей впечатлительной натуре рисовал в голове картины того, как они его бросят тут одного или же просто пристрелят, как уже использованный и ненужный материал. Но все оказалось совсем не так плохо. Его взяли с собой. И хоть он по-прежнему чувствует к себе их нескрываемую неприязнь, это его уже не столь сильно заботит, как пару минут назад. Шептицкий, несмотря на свою внутреннюю «гнилость», все-таки обладал некоторыми аналитическими способностями, а потому моментально понял мотивацию действий его конвоиров. Он был им необходим в качестве вещественного доказательства их добросовестной работы. А если там что и пошло не так, как планировалось ранее, то извините, все вопросы к тем, кто разрабатывал план этой операции. Хотя, если вдуматься, то операция была не такая уж и провальная. Уничтожена «летающая лаборатория», а значит, как минимум, в ближайшие месяцы Штатам не угрожает нападение с воздуха. И потом, еще неизвестно, удалось или нет уничтожить главного фигуранта этого дела. Возможно, то и удалось. А то, что на поверхность никто из участников операции к назначенному сроку не выбрался, то на это Господня воля. Штаты – страна большая и американские матери нарожают взамен погибших «котиков» других. Ну и что, что на Арлингтонском кладбище появится еще несколько десят-

ков скромных надгробий над пустыми могилами? В любом случае – игра стоит свеч. А несколько десятков, хоть и элитных бойцов, потерянных в ходе боестолкновения, не такая уж большая плата за несколько лет спокойного существования «великого града на холме». Через некоторое время сюда налетят бомбардировщики с белыми звездами на фюзеляжах и доделают все, что не успели или не смогли сделать парни из «отдела специальных операций». А ему, Арнольду Шептицкому, нужно будет всего лишь подтвердить под присягой, что и он и все те, кто находился все это время рядом с ним четко и неукоснительно следовали разработанным планам. После всех утренних треволнений и отчаяния, охватившего его в последний час, Арнольд вновь уверовал в свою счастливую путеводную звезду.

До берега залива они добрались довольно быстро. Их тут уже с нетерпением ждали еще двое «котиков» оставленных охранять почти две дюжины «Зодиаков». Шептицкий облегчено вздохнул. Его спасение уже не вызывало никаких сомнений. Однако облегчение было непродолжительным. Четверо «котиков», собравшись в тесный кружок, начали о чем-то яростно спорить, то и дело, указывая руками в сторону одиноко стоявшего Арнольда. И это вызывало нешуточные опасения. Сердце предателя опять судорожно заколотилось под ребрами, ожидая неминуемого подвоха со стороны американцев. Так и случилось. Как оказалось, «Зодиак» был рассчитан всего лишь на четырех человек, облаченных

в специальное снаряжение. Место для пятого «пассажира» отсутствовало, как таковое. Почему «котикам» не пришла в голову здравая мысль об использовании двух лодок вместо одной, никому неизвестно. Но после недолгих споров, сопровождавшихся бурной жестикуляцией, все четверо дружно кинулись к одной из лодок, вытасненных на берег, и, ухватившись за ее борта, стали тащить ее в море. Общими усилиями столкнув «Зодиак» на воду, они дружно вскарабкались в него, не обращая никакого внимания на Шептицкого, пребывающего в оцепенении. Наконец, ступор спал с Арнольда, и он закричал по-русски, забыв от волнения все иностранные слова:

– Эй! Вы куда?! Пойдите! А как же я?! Вы меня забыли! Я же свой! Я с вами! – орал он благим матом, бросившись к нагруженной людьми лодке.

Но они по-прежнему не обращали на него никакого внимания, взясь с мотором. Лодка уже успела отойти от берега на несколько метров, когда он догнал ее и уцепился за борт, продолжая орать и умолять, чтобы его взяли с собой. Наконец, один из «котиков» не выдержав визга, пнул его прямо в лицо толстой рифленой подошвой, в надежде, что тот упадет. Арнольд не упал, но руки его невольно разжались, отпуская борт лодки. Этим секундным замешательством беглецы и воспользовались. Глухо зарокотал мотор и «Зодиак» с места рванул в ту сторону, где в полумиле торчала рубка подлодки. Арнольд машинально сделал еще пару шагов за

ней, не чувствуя обжигающего холода Баренцева моря. Полы его шинели тут же намокли и потяжелели. Ужас и отчаяние овладели старшим лейтенантом. Но даже и в таком, почти безвыходном положении, его мозг лихорадочно искал спасения. «Не все еще потеряно. Можно ведь и вернуться. Забиться поглубже, где-нибудь в расщелину между скал и там попытаться переждать предстоящую бомбардировку» – судорожно выдавал рецепт будущего спасения воспаленный мозг. О том, что планировалась атомная бомбардировка базы, он так и не догадывался. Стоя по колено в стылой воде он обернулся к берегу, намереваясь срочно найти для себя укромное место. Он даже успел сделать один шаг, прежде чем заметил это...

На берег не спеша выходила, чуть прихрамывающая белая медведица. Но это была не простая белая медведица. Это был поистине монстр. Ростом она было с трехэтажный дом. Ее шкура, на фоне серых и унылых скал, была ослепительно, до рези в глазах, белой. И вся она, как будто подсвеченная изнутри, сияла в окружении ореола.

– Нет! Нет! Этого не может быть! – кричал Шептицкий.

А медведица, словно реагируя на крики, повернула голову в его сторону. Принюхалась. Заметив маленького человека, стоящего по колено в воде посмотрела на него взглядом, вроде бы равнодушным, но в котором читался окончательный приговор убийце и предателю. Арнольд хлопнул себя по карманам шинели, где у него лежали пистолеты. Он выхва-

тил сразу оба.

– На! На! На! – кричал он, нажимая на спусковые крючки.

Пули вылетали из обоих стволов, но не причиняли той никакого вреда. Она вообще, казалось не чувствовала, что стреляют именно в нее. Но звуки выстрелов, явно разозлили зверя, привыкшего к белому безмолвию Заполярного круга. В ее маленьких глазках вспыхнули и начали разгораться злые огоньки. Арнольд продолжал стрелять в нее до тех пор, пока у него не закончились патроны, и он не отбросил в сторону уже ненужные пистолеты. Призрак медведицы, а это был именно призрак, сделал один шаг по направлению к человечку. Тот, в свою очередь сделал шаг назад. Он сделала еще один, и Арнольд повторил за ним. Так они и шли, пока вода не добралась человечку до самой шеи. Он уже не чувял своим одеревеневшим телом, как смертельный холод сковал все его внутренности и уже добрался до самого сердца. Его охватило абсолютное безразличие ко всему, что происходило вокруг и внутри него самого. Но перед тем, как сделать свой последний шаг назад перед наступавшим на него призраком и окончательно скрыться под водой, он еще успел заметить, как медведица оскалилась на него своей громадной пастью из которой капала кроваво-красная слюна. И этот ее оскал был похож на УЛЫБКУ. Уже скрывшись под водой, он угасающим сознанием понял, что это была никакая не медведица и даже не ее призрак. Это была сама Земля, отторгавшая его из своего лона – обновленная и очищенная от всего

наносного и противного ее сущности.

VI.

Сама же медведица даже не подозревала, что ее призрачный образ стал финальным аккордом сегодняшней драмы, разыгравшейся где-то на краю необъятной страны. Она спала в одном из закутков бункера, свернувшись калачиком на куске брезента, брошенного для нее на бетонный пол чьей-то заботливой рукой. Рядом с ней спал ее малыш, изрядно потрепанный и уставший от свалившихся на него тягот. Странно, но им снился один и тот же сон. В этом сне они охотились вдвоем на глупую и жирную нерпу, которую им удалось поймать в студеном море. И теперь они тащили ее к себе то место, которое вот уже два месяца, как считали свои домом. А на крылечке их встречал Двуногий – живой и здоровый. Он улыбался и приветливо махал им рукой.

Продолжение следует

г. Новокуйбышевск

17.12.2022г.

Notes

[

←1

]